

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

ЧЕКМАРЁВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

**ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
РУССКОГО САДОВО-ПАРКОВОГО
ИСКУССТВА
(до середины XIX в.)**

17.00.04

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИС-
КУССТВО И АРХИТЕКТУРА (ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)**

**ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ
УЧ.СТ.ДОКТОРА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ**

Научный консультант д.иск.проф. И.И. Тучков

Т О М 2

Москва, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I	
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ, НАХОДКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ	
1. Русская фауна и флора в Англии. Джон Традесконт - первый английский садовник на севере России.....	17
2. Царские посланники в королевских заповедных рощах, парках и садах....	34
3. Частные и корпоративные сады англичан в России	54
4. Аптекарские и Потешные государевы сады. Христофор Галовой и Петр Энглес - первые английские садовые мастера на царской службе.....	59
5. Петр I в Англии и заведение регулярного садоводства в Петербургском регионе	78
Глава II	
ОБРАЗЫ И ОБРАЗЦЫ РОССИЙСКОГО «АНГЛИЙСКОГО САДА»	
1. Природа и сельская жизнь в английской и русской поэзии.....	111
2. Роль специализированных изданий по заведению и обустройству парков: английская основа и ее русская интерпретация	138
Глава III	
АНГЛИЙСКОЕ САДОВОДСТВО И РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР	
1. Екатерина II	202
2. Павел I, Мария Федоровна, Александр I, Елизавета Алексеевна, Николай I, Александра Федоровна, Михаил Павлович, Константин Павлович, Александр Николаевич.....	237
Глава IV	
АНГЛИЙСКАЯ ПЛАНТОМАНИЯ РОССИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ	
1. «Здесь барин Руской должен жить»!	269
2. Б.И. Куракин, И.И. Черкасов, И.Л. Талызин, И.А. Щербатов, Чернышевы, Голицыны, Демидовы	281
3. Воронцовы, Е.Р. Дашкова, А.А. Самборский, Разумовские, И.И. Шувалов	309
4. И.П. Тюфякин, А.Б. Куракин, Н.П. Шереметев, С.С. Гагарин, Орловы, В.П. Орлов-Давыдов,	

Нарышкины, Н.В. Репнин	343
5. Н.С. Мордвинов, В.Н. Зиновьев, Н.Б. Юсупов, Г.И. Бибиков, Г.А. Потемкин	388
6. Румянцевы, Вяземские, А.Г. Головкин, Ф.В. Ростопчин, А.П. Ермолов, А.Г. Бобринский	408
7. Строгановы, Николай, И.И. Баратинский, В.П. Кочубей	447

ТОМ 2

Глава V

ТВОРЧЕСТВО АНГЛИЙСКИХ САДОВЫХ МАСТЕРОВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ РЕГИОНЕ

1. Гатчина. Чарлз Спарроу, Джон Спарроу, Джеймс Хаккет, Ипар (1769-1801гг.).....	7
2. К биографии мастера. Ораниенбаум. Пулковое. Джон Буш (1771-1772 гг.)	35
3. Царскосельский Екатерининский парк. Джон Буш, Джозеф Буш, Василий Торн, Джон Мак-Ларен, Дункан Мензис, Чарлз Мэннерс, Джозеф Тиксон, Томас Грей, Джон Сноу, Чарлз Камерон, Архип Бляк (1773-1853 гг.)	45
4. Павловск. Чарлз Камерон (1779-1796, 1800-1801 гг.).....	64
5. Пелла Джон Манро, Джозеф Буш (1785-1789 гг.)	85
6. Баболовский дворец, Шампетр, Рябово, Каменный остров, Императорский повивальный институт, Знаменка, Пулковская обсерватория. Джозеф Буш (1783-1830-е гг.)	92
7. Верхний и Нижний парки Ораниенбаума. Иоганн Итон, Джозеф Буш (сер. 1810-х, 1830-е гг.)	102
8. К биографии мастера. Осиновая роща, Сиверсова дача, Островки, Горбылевская дача, Петербургское Адмиралтейство. Уильям Гульд (1777-1805 гг.)	105
9. Таврический дворец. Уильям Гульд, Джон Мак-Ларен, Чарлз Мэннерс, Мартин Колл, Уильям Грей (1783-1851 гг.)	124
10. Остров Котлин, Этляндская усадьба герцогини Кингстон. Генри Моуэт (1778-1784 гг.)	144
11. Петергофский Английский парк. Джеймс Медер, Томас Вилкенсон, Лонсдейл, Джон Мак-Ларен, Уильям Гульд (1779-1805 гг.)	153
12. Стрельна. Адам Холл, Джозеф Тиксон-старший, Джозеф Тиксон-младший (1798-1829 гг.)	165
13. Ропша. Томас Грей, Джозеф Буш, Роберт Робинсон, Джеймс Медер, Джон Мак-Ларен, Бонквест, Исаак Ольдекер,	

Уильям Грей (1785-1840 гг.).....	176
14. К биографии мастера. Сад на кронверке Петропавловской крепости, столичный Михайловский дворец, Царскосельские Лицейский сад, Отдельный парк, Петергофская Александрия. Адам Менелас (1817-1829 гг.)	189
15. Аничков дворец. Людвиг Таперс, Уильям Гульд, Адам Менелас (1743-1754, 1777-1779, 1817-1820 гг.).....	213
16. Царскосельский Александровский парк. Джозеф Буш, Чарлз Мэннерс, Адам Менелас (1790-е-1825 гг.).....	221
17. Елагин остров. Уильям Гульд, Джозеф Буш, Питер Бук (1778-1780-е, 1816-1827 гг.).....	240
18. Дудергофские горы, Красное Село. Томас Грей, Уильям Грей (1826-1840 гг.).....	250

Глава VI

ТВОРЧЕСТВО АНГЛИЙСКИХ САДОВЫХ МАСТЕРОВ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

1. Хорошево-Троекурово. Уильям Гульд (1777-1778 гг.).....	263
2. Дубровицы. Уильям Гульд (1780-е гг.).....	274
3. Царицыно. Фрэнсис Рид (1784-1799 гг.).....	288
4. Семеновское-Отрада. Фрэнсис Рид (1787-1799 гг.).....	310
5. Останкино. Фрэнсис Рид, Роберт Мэннерс (1791-1831 гг.).....	322
6. Странноприимный дом Шереметева. Роберт Мэннерс (2-я пол. 1810-х , 1820-е гг.).....	358
7. Горенки, Гороховое поле, Петровский подъездной дворец. Адам Менелас (1800-е, 1820-е гг.).....	366
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	386

ТОМ 3

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие	6
Глава I	25
Глава II	83
Глава III	123
Глава IV	176
Глава V	293

Глава VI	408
СПИСОК АРХИВНЫХ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	457
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	531

**ТВОРЧЕСТВО АНГЛИЙСКИХ САДОВЫХ МАСТЕРОВ
В ПЕТЕРБУРГСКОМ РЕГИОНЕ**

1. Гатчина. Чарлз Спарроу, Джон Спарроу, Джеймс Хаккет, Ипар (1769-1801 гг.)
2. К биографии мастера. Ораниенбаум. Пулково. Джон Буш (1771-1772 гг.) 3. Царскосельский Екатерининский парк. Джон Буш, Джозеф Буш, Василий Торн, Джон Мак-Ларен, Дункан Мензис, Чарлз Мэннерс, Джозеф Тиксон, Томас Грей, Джон Сноу, Чарлз Камерон, Архип Бляк (1773-1853 гг.) 4. Павловск. Чарльз Камерон (1779-1796, 1800-1801 гг.) 5. Пелла. Джон Манро, Джозеф Буш (1785-1789 гг.) 6. Баболовский дворец, Шампетр, Рябово, Каменный остров, Императорский повивальный институт, Знаменка, Пулковская обсерватория. Джозеф Буш (1783-1830-е гг.) 7. Верхний и Нижний парки Ораниенбаума. Иоганн Итон, Джозеф Буш (сер. 1810-х, 1830-е гг.) 8. К биографии мастера. Осиновая роща, Сиверсова дача, Островки, Горбылевская дача, Петербургское Адмиралтейство. Уильям Гульд (1777-1805 гг.) 9. Таврический дворец. Уильям Гульд, Джон Мак-Ларен, Чарлз Мэннерс, Мартин Колл, Уильям Грей (1783-1851 гг.) 10. Остров Котлин, Эстляндская усадьба герцогини Кингстон. Генри Моуэт (1778-1784 гг.) 11. Петергофский Английский парк. Джеймс Медер, Томас Вилкенсон, Лонсдейл, Джон Мак-Ларен, Уильям Гульд (1779-1805 гг.) 12. Стрельна. Адам Холл, Джозеф Тиксон-старший, Джозеф Тиксон-младший (1798-1829 гг.) 13. Ропша. Томас Грей, Джозеф Буш, Роберт Робинсон, Джеймс Медер, Джон Мак-Ларен, Бонквест, Исаак Ольдекер, Уильям Грей (1785-1840 гг.) 14. К биографии мастера. Сад на кронверке Петропавловской крепости, столичный Михайловский дворец, царскосельские Лицейский сад, Отдельный парк, петергофская Александрия. Адам Менелас (1817-1829 гг.) 15. Аничков дворец. Людвиг Таперс, Уильям Гульд, Адам Менелас (1743-1754, 1777-1779, 1817-1820 гг.) 16. Царскосельский Александровский парк. Джозеф Буш, Чарлз Мэннерс, Адам Менелас (1790-е-1825 гг.) 17. Елагин остров. Уильям Гульд,

Джозеф Буш, Питер Бук (1778-1780-е, 1816-1827 гг.) 18. Дудергофские горы, Красное Село. Томас Грей, Уильям Грей (1826-1840 гг.)

1. ГАТЧИНА

*Чарлз Спарроу, Джон Спарроу, Джеймс Хаккет, Инар
(1769-1801гг.)*

Пришедшееся на последнюю треть XVIII в. сложение садово-парковой среды Гатчины происходило при деятельном участии английских садовников в два основных этапа. Если на первом, «орловском», дело ограничится созданием одного только Английского парка, то на втором - «павловском» последует радикальное структурное его расширение и формирование еще целого ряда самостоятельных регулярных композиций.

В 1712 г. Гатчинскую мызу с более чем двумя десятками окрестных селений Петр I подарит своей сестре, Наталье.¹ А спустя четыре года в распорядительной записке в Сенат от 7 октября 1716 г. он сообщал о своем намерении причислить это обширное владение к императорскому госпиталю: «Мызу Гатчинскую с деревнями, которою владела сестра наша блаженныя памяти царевна Наталия Алексеевна отдайте до указа в шпиталь. Петр».² В действительности оно отойдет в распоряжение царского лейб-медика Р. Арескина, а после его смерти к также состоявшему на императорской службе доктору И. Блюментросту: «В прошлом 1719-м году по писму князя Меншикова в Санктпетербургскую губернскую канцелярию велено... Ивану Блументросту отдать мызу Гатчинскую з деревнями... оная мыза отдана ему во владение».³ Из челобитной, отправленной на высочайшее имя в 1739 г., становится известно, что сама мыза была пожалована ему «всевозможными образы» совершенно разоренной шведским воинством, и он, «не жалея никакого иждивения», в должное состояние ее приводил: «заводи и пашни и сенные покосы расчищал и размножал и всякое строение наемными работниками строил».⁴ Следовательно, когда в 1734 г. императрица Анна Иоанновна пожалует это имение обер-шталмейстеру князю

А.Б. Куракину, то тот найдет его вполне обустроенным.⁵

В последующее тридцатилетие эта находившаяся северо-восточнее Белого озера старая мыза в очередной раз была перестроена. Здесь заново выстроят господский дом, служебные постройки и заведут поблизости фруктовый сад. Прилегающие же обширные угодья теперь заключали в себя «пашни, пашенного лесу и перелесков 4309, сенного покосу 1183, лесов 1909, моховых болот 5410, выгону 114 десятин...»⁶ В 1764 г., вслед за кончиной сына и наследника А.Б. Куракина, Бориса, гатчинское имение в счет погашения долгов выставят на торги, и в результате оно в очередной раз станет собственностью императорского двора. Весной же следующего года Гатчина в качестве достойного дара достанется графу Г.Г. Орлову совместно с Кипенью, Лигово и Ропшей.

Увлеченная идеей создания образцовой аристократической усадьбы в самом новейшем вкусе, императрица примет самое деятельное участие в формировании гатчинского дворцового комплекса.⁷ Она же подберет и наиболее подходящее для этого место, по достоинству оценив первозданные ландшафтные и природные особенности местности. В таком выборе будет учтена и относительная близость к царскосельской ее резиденции, касательно чего И.Г. Георги прояснял: «Замок находится у подножия Дудергофских гор, на берегах Ижоры, в 43 верстах от Петербурга, на Ю.Ю.Восток, в 45 верстах от Ораниенбаума, в 20 верстах от Царского Села и т.д».⁸

Гатчинские охотничьи угодья долгое еще время оставались одними из самых излюбленных мест отдохновения императрицы. Всякий раз сюда приезжая, она по обыкновению успевала поучаствовать в соколиной охоте, прогуляться вдоль берега и покататься на ботике в окружении удивительных по своей красоте прибрежных ландшафтов.⁹ В сопровождении малой свиты в очередной раз верхом она отправится в Гатчину 15 мая 1766 г. Видимо уже тогда, руководствуясь прекрасным знанием местности и весомыми доводами А. Ринальди, она окончательно определит местоположение главного дома, закладка которого также состоится при ней - 30 мая. Да и строительные работы будут поначалу находиться целиком в ее ведении, о чем наглядно свидетельствует отправленный 14

июня 1767 г. к ней, как заказчице, уведомительный отчет зодчего: «Лишь третьего дня я возвратился из Гатчино, где был вторично, и где провел шесть дней. Уже начаты возведение дома из прочного камня на растворе и установка решеток погребов. Работы продвинулись гораздо, если бы были кирпичи, и мне обещано, что через две недели они будут».¹⁰

Заведение парка с привлечением исключительно опытных специалистов сопровождалось не менее энергичными действиями Екатерины II. Неоднократные обращения к полномочному российскому посланнику в Лондоне графу И.Г. Чернышеву наглядно это подтверждают. Так, 14 декабря 1768 г. она напишет: «Гатчинский помещик поехал к себе в деревни; вы очень сделаете хорошо, когда выбрав по вашему вкусу, пришлете к нему вещь и вексель; сия идея очень ему понравилась. Аглинскому садовнику рублей тысячи до полуторы, чаю, дать можно; я думаю, что у меня есть садовники, кои до тысячи рублей получают кроме акциденции. Прощайте».¹¹ Из двух других корреспонденций выясняется, что Чернышев довольно скоро отыскал подходящего специалиста, решившегося, правда, ехать непременно с братом. Соответственно сразу же были оговорены и подходящие для обеих сторон условия найма. И уже в следующем письме от 16 марта 1769 г. императрица, окончательно прояснив для себя главную цель предстоящих работ, отметит: «Гатчинского помещика я нынче пожаловала подлекарем, для того, что кроме его никто не умеет ни ходить, не перевязать шпанские мухи, коими я была облеплена, а в награждение ему хочу Аглинским садовником убрать края озера, в котором вы с Филозофовым было утонули тогда, когда оба еще не были записаны в политическом цехе. Прощайте...»¹² Со своей стороны некий Ф. Робертс (Frederick Roberts) из Чизвика самозачисление садового мастера на русскую императорскую службу связывал исключительно с собственной инициативой: «По просьбе графа Черничева (*И.Г. Чернышева*) я представил ему человека, чрезвычайно искусного во всех тонкостях садоводства; он сведущ также в ботанике, сельском хозяйстве, межевании, проектировании и разбивке увеселительных садов в современном английском вкусе, знаком с сельской архитектурой и т.п.»¹³

О своем согласии со всеми выдвинутыми мастерами условиями императрица проинформирует Чернышева 12 августа: «Садовнику можете дать под именем искусного того лекаря, который шпанских мух умеет переменить без боли, те триста пятьдесят фунтов, кои он требует; ибо брата с собою везет. И так прошу его скорее отправить, а на нас в надежде ли прислать векселя? Впрочем остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина».¹⁴ Следовательно, выписанные из Англии специалисты смогут приступить к исполнению прямых своих обязанностей уже осенью 1769 г.

Этими фактически первыми прибывшими в екатерининскую эпоху из Англии садовыми мастерами были ирландцы Ч. Спарроу (Charles Sparrow, ? - 1789) и Д. Спарроу (John Sparrow, ?-1770-е).¹⁵ Есть основания полагать, что оба брата находились в родстве с йоркширским садовым мастером А. Спарроу (Anthony Sparrow), который с 1764 г. занимался устройством пейзажного парка в Хэрвуде (Harewood, Yorkshire). В то время тот состоял в команде небезызвестного садовника Р. Вуда (Richard Wood, 1716-1793), работавшего под непосредственным руководством Л. Брауна (Lancelot Brown). Из «Журнала выплат» выясняется, что этот Спарроу в течение ряда месяцев вполне самостоятельно курировал садовые работы и соответственно сам производил все финансовые расчеты с наемными рабочими. В письме же к Вуду другой его помощник - Поппвилл (Popplewell) сообщал, что в феврале 1765 г. тот со своими подручными приступил к насыпке горки, а до этого занимался рытьем рва и обширными посадками с целью маскировки ограничивающего парковое пространство протяженного рва («ha-ha»). Причем Спарроу производил все эти работы не получая на этот счет дополнительных указаний. А потому Поппвилл убеждал заказчика, что «несмотря на несносный характер», его непременно следует оставить на службе, ибо ему вполне по силам не только разработать, но и реализовать проектный замысел практически любой сложности. Известно, наконец, что все последующие годы этот Спарроу находился в Хэрвуде, где в 1774 г. ему и было доверено общее руководство садовых работ.¹⁶

Очень скоро императрица сможет лично убедиться в правильности сделан-

ного выбора. Действительно, вновь прибывшие британцы с самого начала демонстрировали высокую профессиональную выучку. Это следует из письма И.П. Елагина, отправленного 17 июля 1770 г. в Лондон к А.С. Мусину-Пушкину с очередной ее просьбой: «Его старанием (*И.Г. Чернышева*) выписан уже сюда один садовый мастер, которым всемилостивейшая государыня настолько довольна, но и желает естли лучшего получить не можно, то равного ему человека».¹⁷ Неизменно проявляя повышенный интерес к ведущимся садовым работам, она и сама, время от времени, вносила в исходный замысел собственные предложения, о чем не преминула сообщить в отправленной из Царского Села 28 апреля 1772 г. очередной своей записке к «госпоже Бьельке»: «Никого моя плантомания так не смешит, как графа Орлова; он за мною следит, он мне подражает, он надо мной смеется, он меня критикует; но уезжая, он таки поручил мне свой сад на это лето, и я сама этот год буду так проказить по-своему; его имение близко отсюда; я очень горжусь, что он признал мое садовническое искусство».¹⁸

Ч. Спарроу, занимаясь разработкой в осенне-зимний период 1769 г. проекта гатчинского парка, руководствовался собственным детальнейшим обследованием местности и соответственно местоположением строящегося дворца. Еще при его найме императрица заявляла о своем намерении «убрать края озера», а потому изначально основной акцент делался на радикальном преобразовании сильно протяженных береговых линий и прибрежных районов.¹⁹

Вслед за высочайшим одобрением проекта брата Спарроу уже весной 1770 г. приступили к разбивочным работам. Возглавлявшему же гатчинскую «домовую контору» генерал-майору Р.В. Польшману одновременно предписывалось размещать в «Санктпетербургских ведомостях» объявления о найме не менее ста «вольных месячных работников для производства земляных работ» и о приглашении подрядчиков, «готовых взять на себя доставку деревьев».²⁰ Впрочем, дело не ограничится одними только этим. Уже в следующем 1771 г. из императорских парков Царского Села и Петергофа «для исправления садовых работ в Гатчине» англичане затребуют в качестве ближайших своих помощников сразу

несколько опытных садовых мастеров: А. Кряжева, Т. Навозова, В. Колузаева, И. Лебедева и «первоклассного ученика» Л. Иванова, состоявшего при петергофских парках с 1745 г.²¹

Основной массив земляных работ предусматривал осушение сильно заболоченных земель и создание разветвленной водной системы. При этом береговые линии обширных водоемов, непосредственно связанных с речками Гатчинкой и Колпанкой, будут радикально трансформированы и приобретут необычайно выразительные очертания. Именно эти пруды и определяют основу всей пейзажной композиции. Значительный объем работ был также связан и с расчисткой от лесных массивов обширных прибрежных районов. Все они предназначались для последующей корректировки рельефа, устройства лугов и создания весьма разветвленной дорожной сети. Безвестный английский садовник, видимо лично знавший братьев Спарроу, даже уверял в этой связи, что русские дотоле совсем «не имели представления о гравиевых дорожках, пока до небес не расхвалили английские гравиевые дорожки, а Буш и Спарроу не приехали в эту страну и не показали пример, проложив их; красивая твердость и чудесный блеск гравия видны любому глазу, и Великая (императрица) стала его страстной поклонницей».²²

Оказавшийся здесь 23 июля 1774 г. английский путешественник Н. Рэксоль (Sir Nathaniel Wrexall, 1751-1831) станет одним из первых свидетелей столь масштабно производившихся садовых работ: «Я совершил поездку за город, в частности, в Гатчину, дворец князя Орлова, приблизительно в сорока милях от столицы. Он расположен в наикрасивейшей местности и будет великолепен, когда его закончат. Сады создаются в английском вкусе человеком, достойным уважения, которого князь направил туда по этому случаю. Качество земли и прекрасный водоем у дома дают ему волю, чтобы развернуть свой гений».²³

В 1777 г. «к строению аглинского сада» было привлечено «пеших 250, конных 10 человек».²⁴ Да и три года спустя эти работы осуществлялись не с меньшим размахом, что подтверждает «Ведомость выплат по Аглинскому саду»: «В прошлом 1780-ом году, генваря принято из Кабинета Вашего Императорского

Величества денег 8275 рублей из коих в расход употреблено: Аглинскому садовому мастеру Шпарре заслуженного за генварскую треть – 279 руб. 33,5 коп. Да при отпуске ево по Высочайшему Вашего императорского величества повелению, объявленному мне чрез его светлость господина генерал фелдцейхмейстера князя Орлова, выдано ему в награждение за посреднюю майскую и сентябрьскую трети – 538 руб. 66,3 коп. и того 838 руб.

Его подмастерию – 250 руб.

Ученикам четверем человекам – 200 руб.

Работникам 200 человекам, каждому на месяц по 9 руб. 15 коп. – 5810 руб.

Плотникам – 2 человекам, каждому на месяц по 5 руб. 50 коп. – 77 руб.

Находящимся при работе 25 лошадям на месяц по 12 руб. – 2100 руб.

Итого 9275 руб.

Потребно на нынешнее 1781 год на содержание вышечисанных чинов и служителей, и новоопределенному мастеру, коему по высочайшему Вашего императорского Величества повелению производить в год жалования по 1500 руб. и при нем переводчика по 250 руб. А всего 10187 руб». ²⁵

Тот же уровень расходов будет сохранен и в следующем 1782 г.: «Аглинскому садовому мастеру и прочим садовым служителям жалования 1782 года генваря с 1-го дня 1783 года – 2200 руб.

Находившимся у производства вновь садовых работ:

Работникам 200 по 4 руб. 15 коп. – 5510 руб.

Плотникам 2 по 5 руб. 50 коп. – 77 руб.

Находящихся при работе 25 лошадям на месяц по 12 руб. – 2100 руб.

Всего 10187 руб.» ²⁶

Ряд важных сведений о садоводческой деятельности Спарроу «орловского» периода содержит и составленный в октябре 1783 г. «Юрнал береговой описи». Как раз в то время в Гатчине обосновалось семейство великого князя Павла Петровича, что и привело к необходимости проведения полной инвентаризации имения. Общий итог проделанных работ был таков: Английский сад был в целом сформирован, во вновь выстроенных теплицах выращивались теплолюбивые

растения, а в Зверинце уже содержалось большое множество разнообразных животных и птиц. Относительно же формирования различных частей парка в Журнале отмечалось следующее: «С длинного острова от места, где позже был построен павильон Орла, виден через лес в прорубленном прощепке столб на расстоянии полуверсты»; «Ручеек, который течет... в белое озеро, и по всей оной магистрали в сажене над плотиной мост...»; «Чухонская рига на одной линии с (се)рединою островка»; «До островка С, который лежит в паралель озера... длиною 9 сажен, где на его сделан насыпной землею переход, а от N-й его оконечности к берегу сделан деревянный загород в 7 сажен». Также уже функционировал и проложенный между дворцом и Серебряным озером тоннель, обозначенный как «подземный проезд в дворцовое озеро». Упоминалось и о заведенных на Белом озере островах: «На 90 саженьях открылись лежащие почти в одну линию... три островка...»; «Влево до воды, а от воды до середины островка соснового 4 сажени, которой шириною и длиною не более 4 сажен»; «В конце магистрали до берега влево 2 сажени и пеленговали острова... оконечность, где перевозной паром на другой остров...» В прилагавшейся к генплану экспликации среди прочих составляющих имения находим и характерные элементы «аглинского сада»:

- «1. Мыс Черного озера.
2. Остров А на Черном озере.
3. Чухонская рига (суконная фабрика).
4. Винокуренный завод.
5. Плотина Черного озера.
6. Остров А на Белом озере.
7. Остров С.
8. Старая мыза.
9. Скотный двор.
10. Подземный проезд между Белым и Дворцовым озерами.
11. Острова Еловый, Сосновый, Березовый.
12. Остров D.

13. Старая плотина.
14. Остров F.
15. Речка к Пильной мельнице.
16. Остров G.
17. Остров H.
18. Мост «на козлах».
19. «Пирамида» (Чесменский обелиск).
20. Пристань у подземного хода.
21. «Столб» (Колонна орла)».

Хранящийся в одном из графических «Атласов Гатчины» проектный ген-план имения, разработанный и утвержденный в конце 1769 - начале 1770-х гг., в целом позволяет высветить исходный планировочный замысел Английского парка.²⁷ Целиком принадлежащий творчеству Ч. Спарроу, он наглядно демонстрирует мастерское владение пейзажным планированием и полностью отвечает изначально сформулированной императрицей проектной задаче.

Это линейное в своей основе размещение озер (по оси запад-восток) способствовало появлению удивительных по многообразию панорамных раскрытий, лучше всего обозреваемых из дворца и в непосредственной от него близости. Именно отсюда единым взором можно было охватить впечатляющее разнообразие парка с разновеликими его озерами, островами, бухтами, мысами и луговыми пространствами с искусно обыгранным разнообразием посадок, контрастно отличавшимися и плотностью, и величиной. Столь же значимым станет и восприятие окрестных пространств, по поводу чего Франческо де Миранда в своем Дневнике 23 июня 1786 г. оставит следующую запись: «Отсюда действительно открывается прекрасный вид на Царское Село и т.д».²⁸ Большое множество самых активных видовых точек формировалось в непосредственной близости от Белого озера, назначавшегося важнейшим композиционным элементом парка. Соответственно и парадный вход во дворец изначально был спланирован со стороны раскрытого к водоемам северного фасада, куда и подводила плавно

изгибавшаяся подъездная дорога. Как раз здесь был устроен совмещенный с ним единой осью и доходивший до Серебряного озера лучкового очертания луг, находивший отклик на противоположном берегу Белого озера, где луг был спланирован еще большей величины. Впрочем, самые обширные луговые пространства формировались в материковых частях – несколько южнее самого дворца. Самое значительное из них показано в юго-восточном районе, своей северной оконечностью оно упиралось в Карпин пруд. Еще южнее, строго по поперечной оси с дворцом, показана сильно протяженная просека, образованная состоящими из совсем мелких древесных групп линейными посадками. Пространство юго-западной дворца обладало наиболее уплотненными посадками, что позволяло изолировать помещенный здесь оранжерейный комплекс и огородное хозяйство от представительных частей комплекса. Соответственно и проложенная здесь дорога, подводившая непосредственно к дворцу, была в этом месте не менее плотно обсажена. Дорожная сеть, хотя и не была плотной, но более-менее равномерно связывала все части парка, предоставляя по ходу движения частую смену пейзажных картин. Соответственно и вдоль островной гряды, разделяющей Белое озеро на две неравные части, прокладывалась прогулочная дорожка, что и позволит создать один из наиболее впечатляющих прогулочных маршрутов. Вдоль ее восточной береговой линии были высажены «могучие ели», а вдоль западной - группы лиственных деревьев. Причем все они группировались таким образом, чтобы обеспечить наилучший обзор и дворца, и озера. На чертеже также показана трассировка самой протяженной проезжей дороги, воедино связывавшей периферийные районы парка.

Образно-художественная трактовка гатчинского парка в целом отвечала формообразующей линии Л. Брауна, соответственно и первоначальный его замысел не предусматривал введение в пейзажную среду парковых павильонов. «Юрнал» подтверждает, что помимо Турецкой палатки здесь размещалось всего лишь три сооружения: Чесменский обелиск, доставленная вместе с пьедесталом еще в 1770 г. Колонна Орла и Восьмигранный колодец.²⁹ Действительно, генплан 1783 г. зафиксировал этот Турецкий шатер, который в самом своем

расположении имел много общего с аналогичным шатром Пейншилла (Painshill, Surrey).³⁰ То, что изначально гладь Белого озера украшалась скульптурными изваяниями, сообщит брату посетивший Гатчину 12 августа 1780 г. французский посланник барон М.-Д. Корберон (1748-1810): «Сад, устроенный на английский манер, велик и отлично планирован, устраивал его англичанин. В нем имеются прекрасные водоемы со столь чистой водой, что на глубине восьми или десяти сажен видна каждая песчинка. Посреди прудов видны статуи, как бы из них выходящие и издали кажущиеся прекрасными мраморными статуями, но я узнал, что это медные фигуры, которые некий Демидов, человек, очень обогатившийся за счет рудников, подарил князю, выкрасившему их белым и поставившему их на водоемах. Сад, который еще не закончен, и парк занимают пространство в сорок верст, из которых двенадцать благоустроено для прогулок».³¹

Впрочем, упомянутая скульптура в проекте не значилась и для отделки Английского парка не предназначалась, а была подарена Г.Г. Орлову еще за год до приезда братьев Спарроу. В деловой переписке от 6 марта 1768 г. находим на этот счет следующее разъяснение: «В Коломенском дворце есть две медные выкрашенные белой краскою статуи поднесенные Ея императорскому величеству дворянином Прокофием Демидовым. Оныя статуи, по Высочайшему Ея величества повелению... приказано весть через Сарское Село прямо в Гатчино: село его сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова, которое от Сарского Села в двадцати верстах...»³²

Проектный замысел рубежа 1769-1770 гг. предусматривал и массовую высадку преимущественно высокорослых деревьев: дубов, кленов, лиственницы, серебристых ясеней, вязов, лип и плакучих ив. Их доставляли в огромных количествах в основном из Новгородской губернии, для чего, собственно, и потребовалось много подрядчиков.³³ Вместе с тем широко привлекали и местные, главным образом хвойные породы, активно вводившиеся в контрастные группы преимущественно в береговых частях парка. Благодаря искусной компоновке деревьев Спарроу смог, например, подчеркнуть образную значимость Чесмен-

ского обелиска, для установки которого на западном берегу Белого озера и был насыпан целый холм. Именно зеленое убранство, как одно из важнейших образно-художественных средств гатчинского парка, и привлечет внимание шотландского доктора М. Гуртри (Matthew Guthrie), который прибыл в Россию вместе с братьями Спарроу: «Красивый парк, спланированный одним, а разбитый другим англичанином; обоих зовут Спарроу. С уверенностью можно сказать, что из всего прекрасного в этой изумительной летней резиденции самыми выдающимися и привлекающими наибольшее внимание являются ее насаждения».³⁴

Вероятно, еще в орловский период британцы займутся формированием дополнительных пейзажных частей, предполагая еще большее расширение территории Английского парка. Среди них следует назвать район Круглой риги («Готической» башни) и Орловскую рошу, располагавшуюся северо-восточнее Белого озера. Она то и будет упомянута 24 августа 1779 г. в «Петербургских ведомостях» в связи с очередным приездом в Гатчину императрицы. Любопытной публике подробно сообщалось, что она «благоволила после прогуливаться в устроенном в Аглинском вкусе Хозяйском саду, откуда с хозяином и Хозяйкою изволила переехать через озеро, к Китайским баням, а потом ехать в лежащую от Дома в двух верстах с половиною рошу. Там в дали, перед некоторым сельским строением, по сторонам представились две хлебные и одна сенная скирды, которые по приближении Высочайшей Посетительницы вдруг раздвинулись и внутри каждая представила приятную полевою залу. Сии залы убраны были столами, из снопов сделанными лавками, и по стенам фестонами. Позади же оных видны были в перспективном расположении сельские жилища, и мост, проведенный через долину с одной горы на другую, по которому пастухи гнали стада».³⁵

Все последующее развитие садово-парковой среды Гатчины определит высочайший указ от 6 августа 1783 г., где говорилось о приобретении Гатчины у братьев покойного графа Г.Г. Орлова в казну и о пожаловании ее великому князю Павлу Петровичу.³⁶ Впрочем, новый владелец сюда неоднократно наведы-

вался еще в 1770-е гг., поначалу с матерью и первой своей супругой, а в один из последних своих визитов - уже с Марией Федоровной.³⁷ Тогда-то наследники и смогли по достоинству оценить неоспоримые преимущества Гатчины. Уже в качестве полноправного хозяина Павел прибудет сюда 24 августа 1783 г., затем последует еще несколько таких поездок. Наконец, 27 сентября вместе с Малым двором в только что выстроенный «гатчинский замок» он перевезет и все свое семейство.

Однако в следующем десятилетии значительных садовых работ в Гатчине не производилось ввиду отсутствия для этого необходимых средств. То, что выделялось императрицей Малому двору, едва хватало на обустройство одного только Павловска. Поэтому и деятельность Ч. Спарроу тех лет ограничивалась сугубо локальными мероприятиями, связанными в основном с поддержанием Английского парка в должном состоянии.³⁸ После внезапной кончины брата служба Ч. Спарроу в Гатчине продолжится, что подтвердит Мария Федоровна в апрельском своем распоряжении 1787 г. Кюхельбекеру, где упомянет и павловского своего садовника Визлера: «Я только что вернулась из Гатчины, где с большим вниманием следила за посадкой деревьев, в особенности лип и кустов роз. Признаюсь, что была поражена тем, с какой заботой относится к посадке Спаро по сравнению с Визлером. Посадив липы в землю, он оставляет часть корней на поверхности и каждые два дня поливает и покрывает их корнями грудой еловых веток. То же самое он делает с кустами роз. Они все зеленые, даже если посажены только неделю назад. Перескажите это Визлеру. Цветы в Гатчине поливают женщины (...) Расскажите и Henry о методе Спаро и о его успешном воздействии...»³⁹ И годом ранее, также имея ввиду садоводческое искусство Спарроу, она со знанием дела предписывала павловскому своему управляющему: «Когда Вы будете засаживать мои клумбы и куртины, то не забудьте о прекрасных клумбах и куртинах Гатчины».⁴⁰

Вместо брата ближайшим помощником Спарроу одно время являлся швейцарец А.-Ф.-Г. Виолье, прослуживший рисовальщиком, живописцем-миниатюристом и архитектором Малого двора с 1783 по 1791 гг. В адресован-

ной Александру I собственной Заметке, перечисляя гатчинские свои работы от третьего лица, он отмечал: «Он построил Поленницу, Большую палатку, Площадку для игр, составил план и руководил рубкой большого леса в подражание Булонскому лесу в Париже, сделал многия насаждения...»⁴¹

Действительно, именно в этот период весьма энергично осуществлялась прокладка многочисленных просек, приведшая к появлению достаточно плотной регулярной сети охотничьих дорог в непосредственной близости от Английского парка. Ее основу определит центрическая структура многократно возросшего Зверинца. Все эти возникшие на периферийных землях широкие сильно протяженные просеки обладали к тому же необычайно активными перспективными раскрытиями на дворец, «аглинский сад» и на не менее живописные окрестные пространства. Между этими просеками также в геометрическом порядке была образована уплотненная сеть из вспомогательных охотничьих дорог. Иначе говоря, асимметричная структура Английского парка фланкировалась геометрически выверенным планировочным каркасом, обозначившим появление качественно новых возможностей перспективного восприятия.⁴²

Проработав в Гатчине в общей сложности более двадцати лет, Спарроу в 1790-1791 гг., очевидно, выйдет в отставку.⁴³ Впрочем, и в начале 1799 г. он все еще находился в столичном регионе, о чем свидетельствует сделанная 5 марта запись в метрической книге петербургской Английской церкви о смерти Мэри - его супруги.⁴⁴

О том, как выглядел парк вслед за отъездом Спарроу, можно судить по описанию Георги, не правого лишь касательно р. Ижоры, в действительности протекавшей за его пределами: «На задней стороне дворца находится Аглинский сад, помощью которого, как естественною красотою местоположения, так и искусственными украшениями, все комнаты, на сей стороне находящиеся, наипрекраснейший вид имеют. Чрез некоторое пространство сего большого сада протекает Ижора, которая многочисленными рукавами, заливами, искусственными водоемами и прекрасною светлою и чистою водою разныя весьма

приятныя местоположения образует и многия, по величине и виду весьма различные, лесистые острова составляет. Некоторые острова соединены мостами, из коих ни один с другим не сходствует, а к другим пристают с гондолами, плотами и пр., ...коими пользуется двор для увеселительных прогулок по сим водам.

Естественной красоте островов вспомоществовало также искусство и тем приятности и перемене споспешествовалось. На некоторых островах вырублен лес так, что высокие часто стоящие деревья окружают залу подобное место, покрытое частию наподобие свода вверху загнутыми деревьями, частию же имеющее наподобие купола отверстие. В таковых естественных залах бывает иногда стол. На других островах сделаны прямые, извивающиеся или запутанные дорожки, беседки и т.п».⁴⁵

В последующее десятилетие (1792-1801), вобравшее в себя и годы правления Павла I, главным садовым мастером Гатчины значился еще один представитель английской пейзажной школы - ирландец Д. Хаккет (James Hackett, 1738?-1833).⁴⁶ Он занял эту должность вслед за последовавшим увольнением Спарроу. До сих пор остается неизвестным, где прежде он служил, и что послужило поводом к его отъезду в Россию. Вполне возможно, что еще до Гатчины Хаккет успел поучаствовать в создании царскосельского Английского парка.⁴⁷ Не исключено, что незадолго перед собственной отставкой сам Спарроу подыскал достойную для себя замену.

Этот Хаккет и возглавит корректировку вполне сложившихся районов Английского парка, с ним же следует связывать разработку и реализацию вновь сформированных садово-парковых композиций, включая регулярные, большинство из которых будут следствием посещения наследниками французского имения Шантийи.⁴⁸ Впрочем, само заведение всякого рода регулярных композиций в непосредственной близости от господского дома в целом отвечало новейшим тенденциям пейзажного садоводства, в частности, идеям Х. Рептона.

Неотъемлемой составной частью всех этих широкомасштабных начинаний станет существенное увеличение дорожной сети, вобравшей в себя проезжие и

прогулочные дороги.⁴⁹ Претерпит ряд структурных изменений и островная гряда Белого озера, где близ Террасы был устроен совсем небольшой регулярный сад, искусно украшавшийся цветниками и статуями «античных богов». С Хаккетом следует связывать и устройство на том же озере нескольких островков вблизи северной его береговой оконечности, тем более, что в проектом замысле рубежа 1760-х-1770-х гг. они полностью отсутствовали. Показательно, что каждый из них, отвечая общей идее контрастности, был отмечен однородными посадками, что и закрепилось в их названии: Пихтовый, Березовый, Еловый, Сосновый. Самый же малый среди них (Плавучий) украшался совсем бесплотными саженцами. Георги, побывавший в Гатчине вслед за отъездом Спарроу, отмечал: «Сад аглинский, но в нем надлежит насадить необходимые деревья; он, таким образом, еще не достиг значительной высоты».⁵⁰ И действительно, занявшись вплотную корректировкой различных районов парка, Хаккет привлечет в 1794 г. в качестве главного подрядчика крестьянина Лаврентьева, в результате чего в «аглинском саду» высадят свыше 16500 лип.⁵¹

К концу столетия радикально обновленный, он будет оставаться важнейшим структурным элементом дворцового комплекса. Да и сам владелец весьма отчетливо осознавал исключительную его художественную ценность, вполне сопоставимую с выдающимися английскими пейзажными композициями. Со своим «аглинским садом» 31 августа 1797 г. Павел познакомит польского короля С.А. Понятовского (1732-1798), избирая для этого самые примечательные маршруты: «Пополудни Король в сопровождении императора и все его семейство в большой прогулке, во время которой они обошли большой сад, что составило более двух часов хотьбы. Английский садовник развернул тут весь свой талант. (...) Сам замок напоминает дворец в Ричмонде и Хемптонкорт в Англии».⁵²

В 1792 г., вслед за зачислением в штат Малого двора, Хаккету поручат разработку проекта и создание Сильвии – этой достаточно крупной садово-парковой композиции, разместившейся за оранжерейным комплексом на площади 18 га к северо-западу от дворца.⁵³ При Орлове здесь находился Парк для фазанов, вероятно, созданный Спарроу с использованием частью сохраняе-

мого леса, небольшой рощи, луговых пространств и деревянного строения Фазанника, вынесенного к береговой линии р. Колпанки. К первоочередным работам, связанным с окончательной расчисткой территории, приступят осенью того же года. В ноябре к вырубке деревьев ежедневно привлекалось от 13 до 20 солдат. Одновременно крестьянин Кирьян Пластинин начнет здесь возведение каменной стены и Сильвийских ворот, в результате чего к 1796 г. регулярная Сильвия окажется полностью изолированной от пейзажных частей Английского парка.⁵⁴ Русский дипломат шведского происхождения Б.Б. Кампенгаузен (1772-1823), побывавший в Гатчине около 1796 г., подтвердит, что, несмотря на общую незавершенность работ, этот сад уже тогда был открыт для посещений: «Парк Сильвия, который от английского сада отделяет каменная ограда и решетка, содержит в себе множество приятных мест для прогулок и каменный фазанник, еще не до конца заверченный».⁵⁵

Весной 1793 г. в той же Сильвии продолжится устройство дорожной сети. В одном из отчетов «здешнего деревни Химас крестьянина Гаврилы Буиконе садовому мастеру Гекету» находим и подсчет стоимости прежде исполненных работ: «Большой дороги - 227 пог. сажен по 4 ру. Малых дорожек - 988 пог. саж. по 2 ру. В кругах и фигурах - 752 квд. саж по 50 ру. В кругах и полукругах дерном выслано - 710 кв.саж. по 1 ру. У каскада дерном выслано - 338 квадратных сажен по 1 ру».⁵⁶ Согласно договора тот же мастер обязался все «дорожки услать фашинником, песком усыпать и укатать как следует, по сторонам же оных в полсажени услать дерном».

Однако окончательно эти работы удастся завершить только в 1797 г. Именно тогда Хаккет был вынужден уже вторично заключить с Буиконе договор, где тот с полусотней своих людей «обязался в Сильвии все недоконченныя работы исправить». Из очередного доклада, отправленного Хаккетом городовому правлению Гатчины, можно сделать вывод и о начале масштабных посадочных работ: «Крестьянином Яргеем Федосеевым по силе заключенного договора прошлого 1796 года апреля 2 дня посажено в Сильвии того же года в мае месяце мелких от корня сучковатых лип 15300 дерев, да в нынешнем 1797 году 35097

дерев. А всего 50397 дерев». Столь же активно устройство «зеленых стен» продолжалось и далее. Так, в 1799 г. за посадку «липовых шпалерных деревьев» крестьянам Тарасу Сергееву и Тимофею Емельянову было выплачено 1572 руб. 20,5 коп. А всего за сезон 1799 и 1800 гг. было высажено 17875 деревьев. Впрочем, согласно договору подрядчик поначалу мог рассчитывать на получение только половины суммы, окончательный же расчет откладывался «до совершенного оных прижива».⁵⁷ Несмотря на последовавшее вслед за смертью императора сокращение финансирования, последнюю не менее крупную партию саженцев Хаккет все же успел высадить незадолго до собственной отставки, о чем свидетельствует докладная его записка, помеченная 23 августа 1801 г.: «Принято мною в Сильвии посаженных живых липовых кустов от подрядчика Нудина на целых - 1487 еще пней живых - 1630». Видимо уже на завершающей стадии отделки этого сада Хаккет сможет начать высадку и цветов - различных сортов роз, тюльпанов, нарциссов, анемонов, лесных фиалок, маргариток и незабудок. К тому времени завершится формирование пейзажного участка при Ферме у речки Пильной (Колпанки), который мыслился важным структурным элементом Сильвии. Именно о нем 23 августа 1799 г. Мария Федоровна упоминает в письме к Е.И. Нелидовой: «Гатчина стала много красивее, часть около каскада сделалась очаровательной. Она составляет теперь часть Сильвии и очень ее красит».⁵⁸

Задумывая создание Сильвии, владельцы руководствовались общим намерением воспроизвести в Гатчине с более-менее явной степенью достоверности столь полюбившийся им Малый парк Шантийи. Поэтому и Хаккету изначально ставилась задача руководствоваться этим образцом. В действительности же предстояло на основе имеющегося чертежа французского сада спроектировать именно такую композицию, которая отвечала бы вполне конкретным особенностям места. При этом планировку подлинника требовалось воспроизвести с наибольшей полнотой (трехлучевая схема с поперечными дорогами, боскеты или «зеленые кабинеты», лабиринты, цветочные партеры, миниатюрные пруды, гроты, каскады, кружевная сеть маленьких дорожек и фигурных площадок, до-

полненных скульптурой и т.п).⁵⁹

Однако в целом характерная для стилистики рококо ретроспективная планировочная структура Сильвии имела целый ряд существенных отличий от исходного своего образца. Не соответствовал ему и посадочный материал, предельно тщательно подбирившийся Хаккетом с учетом особенностей северного климата. Да и саму пейзажную часть вблизи Пильной, которой так восторгалась императрица, он сформирует, руководствуясь исключительно собственным проектным решением.

Около середины 1790-х гг. Хаккет займется устройством целого ряда совсем небольших регулярных садов в Ингербурге, представлявшего собой совершенно изолированное от дворцового комплекса совсем непривычное компактное элитное поселение, размещенное вдоль ведущей в Петербург Порховской дороги.

В данном случае в качестве образца послужит сформированный еще в XV-XVII вв. комплекс парижской Королевской мануфактуры мебели и тканей, который на наследников произвел не менее сильное впечатление.⁶⁰ Соответственно и в самом размещении, и планировке вновь устраиваемых садов Хаккету предписывалось придерживаться именно этой старинной постройки. Поэтому и все миниатюрные садики помещались в изолированных друг от друга совсем небольших дворах при жилых домах, изначально предназначенных для особо приближенных Малого двора (Е.И. Нелидовой, Н.Н. Демидова, А.Б. Куракина, А.Л. Нарышкина, С.И. Плещеева и С.М. Голицына). О том, как в действительности выглядели эти аристократические садики, можно судить по переписке Е.И. Нелидовой. Ее миниатюрная ингербургская усадьба целиком создавалась на средства великого князя вслед за последовавшим весной 1794 г. его же собственным рассмотрением и утверждением проекта.⁶¹ Вдохновленная столь необычным замыслом, она напишет А.Б. Куракину: «Кто знает, мой дорогой князь, может быть, когда-нибудь я смогу пометить письмо Ингербургом, я сделаю это только для того, чтобы дать Вам знать, что во владениях нашего друга у меня появится собственное владение! Вы будете пить чай в маленьком хоро-

шем домике, обойдете мой хорошенький сад, будете мечтать на прелестной террасе, куда можно попасть через стеклянную дверь прямо из моего кабинета и, сделав несколько шагов, окажитесь в дивном цветнике. Слева от него находится куртина, и прекрасная аллея – справа. Все это завершается маленькой трельяжной беседкой, из которой видна клумба со статуей в центре». ⁶² О завершении садовых работ Нелидова сообщит Куракину 25 сентября 1794 г.: «Мой дом уже под крышей и сад засажен. Он расположен таким образом, что я кажусь отделенной от всего мира, хотя рядом вокруг меня соседи». ⁶³ Из ее же письма от 13 октября Куракин кое-что узнает и о собственном садике: «Размеры дома и сада должны абсолютно соответствовать плану, которому строго следуют при строительстве Ингербурга. (...) У вашего сада не может быть формы моего – место не позволяет этого, и мы вдвоем могли бы с большой легкостью поместить наши сады в какой-нибудь павильон, чем павильон в сады! (...) Помните ли вы, что вначале я сказала вам, что у меня самый хорошенький садик, какие бывают... (...) Стало быть, вы думаете, что мой сад полностью закончен, полностью засажен...» ⁶⁴

Как фиксирует генплан, в близком в плане к Г-образной форме этом сильно вытянутом ингербургском владении Нелидовой помещались служебная постройка, одноэтажный жилой дом, а напротив - протяженная остекленная оранжерея. Основное же пространство Хаккет распланирует под сад: высадит липы, установит декоративный портал с фонтаном и скульптуру, выкопает пруд, разобьет цветники и расставит скамейки. ⁶⁵ Впрочем, в действительности, такая компоновка не имела ничего общего с французским образцом.

Одна из самых значительных работ Хаккета будет связана с устройством в южной части дворцового комплекса Приоратского парка. Он мыслился в качестве естественного продолжения Английского парка и потому изначально предполагал создание пейзажной планировки. Вероятно, первые мероприятия по обустройству этой местности были проведены еще Спарроу. Так, согласно проектному генплану рубежа 1769-1770-х гг. здесь уже тогда намечалась комплексная корректировка береговых линий Черного озера и, соответственно,

предполагались обширные вырубki во всех без исключения прибрежных районах для появления впечатляющих панорамных раскрытий и на Черное озеро. Просматривается на плане и проложенная вблизи береговой линии периметральная прогулочная дорожка, в целом повторявшая его очертание.

Проектным же замыслом начала 1790-х гг. предусматривалось практически полное раскрытие восточной береговой линии, что обеспечивало многократное усиление перспективного восприятия Черного озера главным образом со стороны Английского парка. А в южной оконечности Черного озера предполагалось устроить каскад в окружении уплотненных посадок. Не менее плотно обсаживалась и вся западная береговая линия озера, где намечалось проложить протяженную пейзажную дорожку, непосредственно подводившую к каскаду. Впрочем, на завершающем этапе проектирования вместо этого каскада было решено выстроить в соответствии с проектом Н.А. Львова миниатюрный комплекс Приоратского дворца. Следовательно, вновь формирующийся парк должен был стать ландшафтным его обрамлением.

Закладка Приората состоится в 1797 г., а в конце зимы 1798 г., вслед за утверждением проектного замысла Приоратского парка, Хаккет немедленно приступит к его реализации, завершившейся в 1801 г. Осуществляя общее руководство, он сразу же приступит к осушению обширных заболоченных пространств. В непосредственной близости от Черного и Глухого озер очень скоро появится разветвленная сеть водоотводных каналов, что позволит поддерживать должный уровень воды во всех без исключения водоемах Дворцового парка.

17 февраля 1798 г. Хаккет заключит договор с подрядчиком М. Воробьевым на обширные земляные работы, связанные с углублением Черного озера, устройством его откосов и созданием «к повеленному строению Приората» дорожной сети. Причем все это, как особо подчеркивалось, следовало осуществлять «по показанию мастерскому».⁶⁶ В растянувшихся на несколько лет этих обширных работах, видимо, удастся поучаствовать и английскому садовнику Ипару вместе с «садовыми учениками» Никитой Самоделовым, Иваном Павло-

вым, Дмитрием Савельевым и Егором Ивановым.⁶⁷ Не исключено, что на некоторое время сюда привлекался П.В. Неелов, который именно из Гатчины весной 1797 г. отправит императору личное свое прошение.⁶⁸

Поистине гигантский объем вынимаемой со дна земли позволит радикально изменить очертание береговых линий, создать дополнительный остров, сформировать практически заново прибрежный рельеф, а восточнее Приоратского дворца насыпать еще и высокий холм. Дочь архитектора, Е.Н. Львова, являвшаяся непосредственным свидетелем устраиваемого здесь парка, вспоминала: «Землю, что вырывали из болота, все возили на одно место, и от этого сделался пригорок среди прекрасного озера на котором Приорат с башнею своею, вышиною двух сажен слишком, сделанною из земляного кирпича, красовался всем на удивление».⁶⁹ Уже потом, в рамках комплексно производившихся посадок во всех районах парка, откосы этого искусственного холма украсят взрослые ели и сосны, сразу придавшие этой части парка особое очарование.

С общим массивом садовых работ Хаккету удастся справиться, скорее всего, к концу летнего сезона 1799 г. Так, письменно обращаясь 23 августа к Е.И. Нелидовой, императрица, в частности, подчеркнет: «Затем действительно прекрасным стало Черное озеро, в конце которого Император приказал построить нечто вроде Приората во вкусе старых замков, встречающихся в Швейцарии. Он служит фоном картины».⁷⁰

Фиксационный генплан рубежа 1790-х-1800-х гг. подтверждает произошедшее существенное изменение очертаний Черного озера в юго-восточной его части. Именно здесь была образована плавно очерченная бухта и существенно удлинена вписанный в нее остров. Остров поменьше устроят в северо-западной части озера, по единой оси с узкой его горловиной. Трактованный в качестве обширного лугового пространства восточный район парка теперь ограничивался садово-огородными наделами вблизи устроенного крестьянского поселения, а потому был прикрыт рас-средоточенными группами деревьев. Разреженные посадки показаны и к западу от озера, что позволяло хорошо его обозревать с площади Коннетабль. Вся южная часть парка, непосредственно связанная с

Приоратским комплексом, трактовалась в качестве обширного открытого пространства, устроенного на сложно пересеченном рельефе, что многократно усиливало восприятие и самого Приоратского дворца, и расположенного вблизи насыпного холма, эффектно украшенного хвоей.

Последовавшее в 1796 г. завершение строительства в северо-западной части Английского парка Лесной оранжереи, располагавшейся несколько восточнее оранжерейного комплекса (на некотором удалении от Белого озера), повлекло за собой перепланировку всей прилегающей местности.⁷¹ Вплотную Хаккет сможет приступить к реализации своего замысла уже в следующем 1797 г. Основной объем садовых работ здесь будет связан с устройством пруда, местоположение которого соответствовало центральной оси сильно протяженного западного фасада здания. Окончательная же доводка этого крупного водоема, дополнявшегося специально устроенными лестницами-сходами, состоится уже в следующем году. Именно по этому поводу 31 августа 1798 г. Хаккет отправит в гатчинское городское правление служебную записку, где, в частности, говорилось: «У новой оранжереи в Аглинском саду у овального пруда выпланировано и дерном выстлано. По показанию моему, совсем в очистку».⁷² К тому времени здесь завершится устройство дорожной сети, закончатся вырубki и будут осуществлены новые посадки. Все это и приведет к появлению на довольно значительной территории еще одного пейзажного района.

На протяжении десяти лет, бессменно сохраняя за собой должность главного садового мастера Гатчины, Хаккет спланирует и создаст в 1790-х гг. еще целый ряд садово-парковых композиций. И хотя документальные свидетельства на этот счет все еще не выявлены, следует полагать, что все они одновременно, либо последовательно реализовывались им в рамках дальнейшего совершенствования всей садово-парковой среды Гатчины. Именно к этому времени восходит основной массив еще неизученных проектно-фиксационных планов, хранящихся в фондах музея либо в виде отдельных листов, либо подшитых в так называемые «Кушелевские альбомы», предназначавшиеся для поднесения Павлу I в 1798 г. Большая часть из них прямо или косвенно связана с деятельно-

стью Хаккета.

Еще до освоения Приората южнее дворца были начаты обширные работы, нацеленные на выпрямление и удлинение Карпина пруда.⁷³ В марте 1793 г. подрядчик сообщал, что «место около пруда, где ковш назначен, часть выкопана ковша и канала». Спустя три-четыре года этот пруд в виде протяженного канала с округлой северной частью был создан и сюда в 1797 г. снова запустили карпов.⁷⁴

Практически одновременно с обустройством Карпина пруда в непосредственной близости от дворца шло формирование сразу трех сравнительно небольших регулярных композиций: Собственного садика, Нижнего и Верхнего Голландских садов. Вынутый при копке пруда грунт и был использован для подсыпки и выравнивания верхней террасы, на которой все они группировались уступами, эффектно обработанными с прибрежной стороны. Так, Верхний Голландский сад членился аллеями на четыре равные части, которые в свою очередь прорезались диагональными дорожками. Места пересечения этих аллей были отмечены круглыми в плане площадками. Основная же поперечная аллея, совмещенная с широким каменным сходом, непосредственно подводила к Гавани. Главной же особенностью Нижнего голландского сада было наличие геометрически выверенных партеров, обрамленных низко стриженным кустарником. Сами эти партеры украшались подчеркнуто яркими цветочными композициями.⁷⁵ Схожей композицией обладал и примкнувший к Часовой башне Собственный сад, еще более щедро украшавшийся статуарной скульптурой.⁷⁶ Благодаря устройству высокой подпорной стены именно отсюда стал возможным панорамный охват значительной части Английского парка. Этот Собственный сад, отделанный с наибольшим изяществом, неизменно привлекал к себе повышенное внимание. Ознакомится с ним около 1797 г. и Кампенгаузен: «Под самыми окнами дворца государем был недавно устроен прелестный сад с цветочными клумбами, террасами, статуями, увитыми растительностью аллеями и изящным обрамлением. Когда лучи солнца припекают слишком жарко, а до ближайшей тени Английского сада далеко (ибо сразу же за дворцом и этой но-

вой затеей простирается большой, лишь с кое-где отдельно посаженными деревьями, луг), аллеи в нем предлагают освежающую прохладу. Все они сбегаются к круглой клумбе, которую украшает кольцо прекраснейших статуй». ⁷⁷ Окончательно отделка всех этих садов была осуществлена в 1797 г., когда вдоль общей продольной оси в них стали монтировать каменные сходы. ⁷⁸

То же подтвердит и С.А. Понятовский, сделавший 31 августа следующую дневниковую запись: «Выйдя из дворца, который имеет три этажа, Король в сопровождении м-ра Плещеева пошел в маленький собственный садик Императора, расположенный непосредственно под его окнами, который, хотя и недавно насажен, его берсо, однако, уже дает тень». ⁷⁹

С творчеством Хаккета следует связывать и создание совсем небольших, локальных по своей значимости, композиций. Так, навеянная впечатлениями от знакомства наследников с Шантийи одна из них (треугольная в плане) была создана в начале 1790-х гг. на белозерском острове Любви, устроенном за счет отделения естественного мыса от материка двумя прямыми каналами. ⁸⁰ Несмотря на сравнительно небольшие свои размеры регулярная структура этой части вполне допускала устройство разновеликих, обильно украшенных скульптурой симметричных зеленых кабинетов и нескольких прямых дорог, сходящихся у вынесенного на стрелку павильона Венеры. Со стороны материка этот остров прикрывался асимметрично разбросанными купами деревьев и, следовательно, не был визуально связан с подступавшими к нему пейзажными частями. На противоположной стороне Белого озера примерно тогда же возникнет специальная площадка (Графин), западную оконечность которой закрепляла неизменно возобновлявшаяся Турецкая палатка. ⁸¹

Еще одна локальная садовая композиция была создана вблизи юго-восточной береговой линии Белого озера. Именно здесь, во вновь устраиваемой роще, предполагалось разместить объем Адмиралтейства и связанный с ним единой осью овальный пруд (Гавань). ⁸²

Вызванный из Германии в 1793 г. «ботанический садовник» Ф. Гемгольц изначально руководствовался проектным замыслом Хаккета, а потому сразу же

приступил к устройству на месте старой гатчинской мызы (несколько восточнее Адмиралтейства) регулярной части Ботанического сада.⁸³ С двух сторон от центральной аллеи, посреди многочисленных гряд, устроят для полива растений сразу два больших пруда. Один из них (Круглый) закрепит нижнюю террасу сада, другой (Восьмиугольный) - верхнюю. Планировка этой в целом статичной и маловыразительной композиции, ограниченной со всех сторон уплотненными посадками, во многом была predeterminedена утилитарной ее составляющей. Совершенно иначе трактовалась значительно большая по своей величине северная часть Ботанического сада, композиционно связанная с Белым озером и со смежными его пейзажными фрагментами. Здесь и будет сформирован один из самых выразительных районов Английского парка. Его композицию определяют искусно проложенная протока, связанные с нею острова и занимавшие основную площадь обширные луговые пространства. Доставлявшиеся в основном с юга деревья (тис, вяз, бук и пр.) высаживались с минимальной плотностью, что и позволяет здесь создать весьма впечатляющие ближние и дальние панорамные раскрытия.⁸⁴ Тому же отвечало и устройство неплотной дорожной сети. Своеобразной доминантой всего этого района служила обработанная уступами Цветочная горка, в теплое время года украшавшаяся подчеркнуто яркими южными экзотами, выставившимися прямо в кадках. Размещенная в центре композиции на фоне обширного луга и вблизи островов, она эффектно воспринималась с самых различных сторон Ботанического сада, придавая ему особое очарование.

Главный итог тридцатилетней садоводческой деятельности английских мастеров в Гатчине подведет тот же Кампенгаузен: «Гатчинские сады очень обширны и разнообразны. Английский декоративный сад за дворцом, возможно, единственный в своем роде в России, занимает значительное пространство и устроен совершенно во вкусе английских садов. Здесь искусство лишь помогло прекрасной природе, не насилуя ее. И эта продуманная помощь – большей частью дело теперешнего владельца. До Него сад лишь зачинался. Ему он обязан большинством своих построек, украшающих его, и вообще всей своей почти совершенной красотой. Английский сад в Павловске также исполнен вкуса и

прелести, но в другом стиле. Отдельные части сада разработаны там необыкновенно хорошо, но ансамбль в Гатчине имеет почти недостижимое выражение благородности и величия. ...несколько кристально чистых источников содержат в себе такое сокровище прекраснейшей воды, что ею могли бы заполниться многие водоемы, каналы, большие и малые искусственные озера, некоторые из которых имеют до девяти саженей глубины и при этом прозрачны до самого дна. Благодаря этой искусственной и естественной водной системе большая часть сада превратилась в море с многочисленными островами. Водные пространства чрезвычайно приятно чередуются с островами, холмами, возвышенностями, кустарниками, лужайками, цветочными клумбами и создают прелестные и разнообразные виды. Самый прекрасный, едва ли имеющий себе нечто подобное вид открывается, если встать за самым большим озером. Отсюда взор охватывает всю зеркальную поверхность этого озера; на переднем плане – несколько покрытых зеленью островов; по обоим берегам озера – рощи и архитектурные украшения сада; на заднем плане – большая каменная пристань, над которой как бы возвышается дворец. Как ни старались создать подобный вид при искусственном большом озере в Царском Селе, но на тамошней ровной местности он и не мог получиться. Разные части сада, где преобладает вода, почти везде соединяют самые разнообразные мосты. На месте деревянных, рядом с дворцом, недавно пришли каменные, которые благодаря своей прекрасной архитектуре являются немалым украшением сада. Там, где мостов нет, направляются на другой берег на гондолах, яхтах, шлюпках, лодках. Один из крупнейших островов – так называемый Остров Любви (Isle d'Amour), который украшает недавно разбитый прелестный сад со множеством прямых дорожек, обсаженных кустарником, статуй, цветочных клумб и т.д. На самой оконечности острова красуется павильон цвета прекрасной природы с надписью «Остров Любви – Храм Венеры». (...) Другую часть сада украшает полупокрытый храм в древнегреческом вкусе с мраморными колоннами. Новая каменная пристань, которую я бы назвал каменной береговой террасой, если бы это название не содержало в себе некоторого противоречия, - есть одно из великолепнейших и

красивейших украшений берегов озера. (...) Кто желает вполне насладиться удовольствиями сада и разнообразием его видов, должен сесть с этой пристани на лодку и, проезжая по всем разнообразным водным протокам, будет без усталости обзирать все его части. Лишь только началась эта большая, влево от дворца, прогулка, на возвышении, в конце широкой аллеи открывается вид на турецкую палатку. По мере приближения к ней иллюзия постепенно рассеивается, и вместо разбитой палатки с удивлением обнаруживаем неподвижное здание, имеющее лишь таковую форму. Площадка вокруг оживляется простыми развлечениями и играми... И отсюда вновь открывается прекрасный вид! За большим лугом виден на соседнем озере покрытый зеленью остров, за которым возвышается на заднем плане павильон на острове Любви. (...) Где самой природой, с некоторой помощью, можно было достичь великолепия, там искусству не нужно вмешиваться в ее права и преимущества».⁸⁵

В должности главного садового мастера деятельность Хаккета завершится во второй половине 1801 г., что напрямую было связано с личным распоряжением Александра I о резком сокращении финансирования решительно всех гатчинских работ. С 1800-х гг. уже в качестве преподавателя он будет служить в Училище практического садоводства, заведенного Марией Федоровной «при гатчинских садах» для воспитанников Сиротского Николаевского института.⁸⁶ Известно также, что в 1824 г. Хаккета ненадолго привлекут к благоустройству Ботанического сада, где он лично курировал все работы по возобновлению «виноградных» оранжерей. В 1826 г. он обзавелся на Большом проспекте Гатчины собственным домом, а в 1833 г., разменяв девяносто шесть лет жизни, скончается, завещав билет Государственного банка стоимостью 3000 руб. «на вспомоществование бедных и сиротам, преимущественно в Гатчине находящимся».⁸⁷

Сложившийся к началу 1800-х гг. облик гатчинских парков в дальнейшем существенным образом уже не менялся, что подтверждают фиксационные генпланы, датированные началом, серединой и концом XIX столетия.⁸⁸ И при Марии Федоровне, и много позже осуществлявшиеся в них садовые работы своди-

лись в основном к их образцовому содержанию.

2. К БИОГРАФИИ МАСТЕРА. ОРАНИЕНБАУМ, ПУЛКОВО

Джон Буш

(1771-1772 гг.)

Приглашение садового мастера Д. Буша (John Buch, 1730-1795) на российскую императорскую службу последует вслед за тем, как Екатерина II распорядилась «приискать наиболее подходящего английского садовника». В отправленном из Петербурга в Лондон письменном уведомлении от 17 июля 1770 г. состоящий при Кабинете в Главной дворцовой канцелярии И.П. Елагин, обращаясь непосредственно к А.С. Мусину-Пушкину, отметит: «...государь Алексей Семенович! Ее императорское величество высочайше указать соизволила, чтоб я посредством вашего высокородия выписал сюда англинского садового мастера, человека, совершенного в его знании, и знающего притом архитектуру садовую и рисование, который бы сам положение мест снимать и оным чертежи делать мог. Вследствие онаго, Ее величества соизволения покорно прошу Вас, приискать такого человека, употребля к тому в случае затруднения живущего в местечке Чижжет обывателя, содержащего пансион, у которого и бывшие с его сиятельством графом Иваном Григорьевичем Чернышевым дворяне находились. Его старанием выписан уже сюда один садовый мастер, которым всемилостивейшая государыня настолько довольна, но и желает естли лучшего получить не можно, то равного ему человека. У сего пансионного содержателя можете вы наведаться, или хотя его самого употребить к приисканию садового мастера, и когда хороший сыскан будет, тогда уверив его, что он ни у кого, кроме одного меня в повелениях не будет и взяв от него обстоятельно все его требования, притом узнать и то, на сколько времени он пожелает сюда в службу, прислать ко мне донесения Ея величеству. Сие чем скорее сделается, тем угоднее Ея величеству будет; а я ответа вашего ожидая, имею честь быть...»⁸⁹

Со своей стороны Мусин-Пушкин решил остановиться на двух кандидатах. Первым и самым подходящим, к тому же способным обсудить с императрицей

любой композиционный замысел в мельчайших подробностях на родном немецком, станет Буш из Лондона. Именно с ним посланник и заключил 11 октября договор, заверенный соответственно подписью: «John Buch».⁹⁰ Другим реальным кандидатом считался садовый мастер Т. Клоус (Thomas Cloase) из Хэмптон-Корта, тот самый, который двумя годами ранее курировал Андреева, Кондратьева и Эклебена, отправленных императрицей в Англию для усвоения теории и практики новейшего садоводства. Сам Л. Браун, под началом которого Клоус в то время служил, счел нужным отправить 20 октября 1770 г. из Хэмптон-Корта к Мусину-Пушкину в Лондон следующее уведомление: «Господин Браун имеет сообщить русскому послу, что помощник его, мистер Т. Клоус (Thomas Cloase) известил его, что тот был рекомендован его превосходительству милордом Хэтфордом (Hertford) на службу садовником к Ее императорскому величеству российской императрице. Он был бы весьма признателен его превосходительству, если б сообщил, что этот человек весьма подходящий для той должности, которую собирается занять, будучи мастером, в совершенстве владеющим искусством огородничества, изготовления теплиц и оранжерей. Если его превосходительство пожелает с ним встретиться, мистер Браун также будет рад оказать ему любую помощь в выборе растений, как и в других вещах, о чем можно уведомить Ее императорское величество или господина посла. Когда мистер Браун поправится, то воспользуется первой возможностью, дабы лично засвидетельствовать свое почтение его превосходительству».⁹¹

Однако в дальнейшем имя Клоуса в деловой переписке уже не встречается, остается только догадываться о причинах так и несостоявшегося его найма.⁹²

В очередном своем письме, отправленном Мусину-Пушкину 12 января 1771 г., Елагин уже оговаривал отдельные пункты договора относительно вступления в российскую императорскую службу одного только Буша. При этом подчеркивалось, что предварительная оплата «дерев и растений», которые тот намеревался непременно взять с собой, сразу исключалась ввиду экономии средств: «Милостивый Государь мой Алексей Семенович! По письму вашего высокородия, полученному мною прошлого года в декабре месяце, о аглинском

садовнике Буше, всеподданейше от меня Ея императорскому величеству доложено было, на что следующее высочайшее получено повеление: чтобы онаго, если он ничего из своих денежных требований не исключит, принять на тех, какие в письме вашем означены: что Ея Величество весьма благодарна на благоумие ваше, по которому вы не упустите ничего к выгоде для казенной стороны способствующего; но чтобы то ему объявить, что дерев его и растений, ибо как он и сам не для того выписывается, для казны не потребно, и что оной принять не обязывается; а если он их на свой щет взять заблагорассудит, и ежели они Ее величеству понравятся, все ли или некоторая часть, то оные купятся у него по вольною ценою; а достальные он охотникам распродать может. При том и то ему объявить, что все, что он с собою привезет из вещей с употреблений бывших, платья и прочего, то от платежа пошлин исключается, а что будет нового, за то возмущаются указные пошлины. А как скоро он таковой договор подпишет, так скоро изволите его сюда отправить назнача у меня явиться, и выслав на мое имя к уплате же деньги, которые вами при отъезде его, как ему на проезд, так и в зачет жалования, выданы будут. Я же пользуясь сам случаем поздравляю вас с наступающим новым годом, и желая вам всякого благополучия остаюсь с должным и истинным почитанием».⁹³

Дело, впрочем, продвигалось медленно и 6 апреля 1771 г. Буш все еще оставался в Лондоне, о чем можно судить на основании тогда же отправленного Бецким очередного уведомления: «Милостивый государь мой Алексей Семенович! Последнее вашего высокородия от 1 марта письмо и список с договора с садовником Бушем постановленного мною получил, и все в нем находящее Ея императорским величеством всемилостивейше... мне поручено по его приезде определить его в назначенное ему место. Посему я покорнейше Вас прошу о незамедлительном его отправлении, и о присылке ко мне подлинного договора им подписанного, и при том о уведомлении, с подписанием договора или со дня его выезду положено... ему жалование, ...также и о проездных ему денег, что в противном случае могут при самом его приезде от него родиться излишние требования, что я по нещастию по опытам знаю».⁹⁴

И только в следующей корреспонденции от 28 мая было объявлено о месте предстоящей его службы: «...садовник Буш сами по воле Ея Императорского величества в службу принятой, будет содержать сады близ Москвы в селе Коломенском, а не в Санктпетербурге, почему я не могу знать можно ли будет его Плантации в Москву перевезти и развести...»⁹⁵ Следовательно, императрица изначально предполагала заведение в своей старинной царской усадьбе (на выразительных прибрежных склонах Москвы-реки) Английского парка в рамках проведения комплексной ее реконструкции. Собственно и вопрос о «плантациях» был поднят отнюдь не случайно. Как раз в Коломенском располагался в то время императорский питомник.

Оказавший заметное влияние на становление и развитие отечественного пейзажного стиля садовый мастер Буш родился в Германии (Lüneberg, Hanover). В возрасте 13-14 лет, завершив курс начального образования, он поступает на службу «подмастерьем садового мастера» в имении барона Гроте близ деревушки Шнеге. Скорее всего, как особо подчеркивается, начинающий садовник состоял в родстве с брандербургским семейством садоводов Бушей, находившихся с конца XVIII в. на службе прусских королей. Видимо это обстоятельство и станет решающим для всей последующей его деятельности.

Вслед за окончанием трехлетнего курса обучения при великокняжеском ганноверском дворе, Буш проработает в 1743-1744 гг. сначала в Голландии, а затем обоснуется в Англии.⁹⁶ Собственно тогда и возникнет возможность прямо на месте изучить особенности пейзажного садоводства. Продолжая проявлять интерес к коллекционированию растений, Буш там же в Англии сблизится с известным ботаником и куратором Столичного опытного сада в Челси шотландцем Ф. Миллером (Philip Miller, 1691-1771). Тот и поможет Бушу сначала перебраться в 1754 г. в Лондон, а спустя два года еще и взять в аренду участок на Мэри-стрит в Хэрни (Mary Street, Hackney) для заведения своего собственного питомника. Активно занимаясь расширением ставшего столь прибыльным садового дела, Буш обзавелся многочисленной клиентурой, отправляя семена и саженцы главным образом в Германию. При посредничестве все того же Мил-

лера новые партии семян Буш получал в основном от заграничных своих корреспондентов практически со всех концов земли. Вслед за авторитетным своим наставником Буш вскоре составит и свою собственную достаточно крупную и весьма редкую по тем временам коллекцию, целиком состоявшую из деревьев и кустарников северо-американского континента.⁹⁷ Наконец, немецкий исследователь М. Кёлер полагает, что в английский период жизни садовник мог некоторое время проработать и в Кенсингтонских садах.⁹⁸

Сохранив за собой лишь аренду земли, Буш продаст собственное дело и в начале лета 1771 г. с многочисленным своим семейством отправится в Россию. В соответствии с договором найма ему полагалось жалование 1500 руб. в год. В общей сложности он проработает в России пятнадцать лет, а в 1789 г. выйдет в отставку и оставшуюся часть жизни проведет в центральной части Англии (Isleworth, Middlesex) в имении Сайон-Хауз (Syon-House), где для него, благодаря связям с герцогом Нортумберлендским, будет даже выделено небольшое собственное владение.⁹⁹

Особый интерес представляют и обстоятельства повседневной жизни садовника в Царском Селе, проливающие свет на общехудожественную атмосферу екатерининской эпохи.

С многочисленной своей семьей Буш проживал в одном из симметричных флигелей, пристроенных к оранжерее Старого сада. Неоднократно приходившая к нему в гости в августе-сентябре 1781 г. леди Димсдейл в Дневнике своем отмечала, что «в теплице, самой большой, какую я когда либо видела, произрастают апельсиновые и лимонные деревья... В его дом можно попасть через теплицу и я всегда пользовалась этим путем - так приятно идти среди апельсиновых деревьев. (...) Подали настоящий английский обед. Миссис Буш и четыре ее дочери приятные люди».¹⁰⁰ Упомянет она и об огромном жалованье садовника, и о гастрономическом искусстве его супруги-англичанки Э. Планта (Ann Plant). Да и сама императрица неизменно поддерживала с ним дружеские отношения. Так, например, торжественно принимая в царскосельской своей резиденции императора Иосифа II в 1780 г., она в одной из помещений собственной

Мыльни устроит «шуточный трактир».¹⁰¹ В письме к наследникам из Могилева от 25 мая 1780 г., проясняя главный смысл этой забавной своей затеи, императрица замечала: «Я вздумала на царскосельскую турецкую баню, что на террасе, повесить вывеску: «Трактир» и определить трактирщиком садовника Буш, чтобы потешить графа Фалькенштейна к его приезду; он будет там к Иванову дню; мне помнится красный лев, который служил вывескою, когда у меня там же завтракали, он пригодится и теперь и другого расхода не будет».¹⁰²

Переезд в Россию способствовал еще более успешной коммерческой деятельности Буша. Как выясняется, совместно со своим компаньоном, петергофским садовником Д. Медером, он состоял в Товариществе по торговле английскими товарами. Вероятно, основной их доход как раз составляла продажа семян и растений, доставлявшихся из Лондона через посредничество Сьюберта (Subert), нового владельца бушевского питомника в Хэгни.¹⁰³ Здесь же в Царском Селе Буш сможет успешно продолжить свои эксперименты и по акклиматизации теплолюбивых растений, время от времени сооружая по собственным же чертежам просторные теплицы и оранжереи, добиваясь плодоношения самых экзотических культур. Однажды, когда садовник знакомил императрицу с этим обширным тепличным своим хозяйством, она поручила ему присматривать за придворными, которые были бы не прочь втихомолку полакомиться отборными фруктами.¹⁰⁴ Это и без того весьма значительное садоводческое хозяйство год от года все более возрастало. Так, согласно данным 1779 г. «у аглицкого садового мастера Буша в теплицах на карауле и в ранжерее» состояло семь человек.¹⁰⁵

По приезде в Петербург Буш сразу же отбыл в Ораниенбаум, где вплоть до 1774 г. находилась главная загородная резиденция Екатерины II, отошедшая впоследствии к Царскому Селу.¹⁰⁶

Буш неоднократно привлекался к обустройству Собственной дачи, так как ко времени его приезда садовые работы здесь не были завершены и продолжались. Л. Невоструева в этой связи отметит: «Несмотря на то, что на территории «собственной дачи» намечались два парка, совершенно разные по своей компо-

зиционной идее и стилистической выразительности – регулярный и пейзажный, - они не имели, однако, резкой границы, а сливались, образуя совершенно оригинальный парковый ансамбль. План и альбом Ораниенбаума, составленные Сент-Илером, свидетельствует о том, что замысел Ринальди был выполнен почти без отступления от проекта. Восточная, регулярная, часть парка и комплекс Китайского дворца были осуществлены полностью. Между северным углом Китайского дворца и колоннадой Каталальной горки был устроен «лабиринт». В западной половине усадьбы осуществлены части «пейзажного» парка у колоннады Каталальной горки и прудковый лабиринт. Пруд и озеро не были устроены. На их месте оставлена в естественном виде растительность».¹⁰⁷

Буш, вероятнее всего, принимал участие и в формировании обширной пейзажной части к югу от Большого дворца, в промежутке между Собственной дачей и Нижним дворцовым прудом. Ставя такую задачу, императрица могла руководствоваться общей идеей многократного расширения сложившейся еще в середине XVIII в. пейзажной части Петерштадта. Действительно, на генплане Сент-Илера, датированном 1775 г., на всей этой вошедшей впоследствии в состав Верхнего парка территории показаны разновеликие рощи, пересекаемые выводящими к Большому дворцу протяженными просеками и непосредственно подступающий к нему обширный стриженный луг с двумя прудами, обладавшими подчеркнуто выразительным асимметричным очертанием береговых своих линий.¹⁰⁸

То, что именно Буш на протяжении ряда лет курировал в Ораниенбауме садовые работы, подтверждается его же служебной запиской от 12 мая 1777 г.: «Объявитель сего Яган Сиберт садовником был в Англии тринадцать лет, где я его довольно знал в ремесле своем он весьма знающ того ради надежно могу его рекомендовать и в том своеручно подпишусь».¹⁰⁹ В ней речь шла о зачислении в штат еще одного квалифицированного специалиста, которого Буш, судя по всему, выписал себе в ближайшие помощники.

Обстоятельства этого найма проясняет сделанное 3 июня 1777 г. распоряжение того же Елагина: «...Ея императорское Величество высочайше мне ука-

зять соизволило, находящегося при собственной Ея Оранненбаумской даче садовника Гринберха, за пьянство и непорядочные поступки, уволить, по сему ваше высокоблагородие извольте взять у него все растения и все деревья в ранжереях находящиеся, тако же и прочу наличность служащу к садовому делу, по описи, без продолжения, и отдать принятому на место его садовнику Иогану Сиберту, с которым заключить на один год контракт, с такими условиями, чтобы получать ему жалования по триста по шестидесяти рублей, то есь поскольку Гринберг получал, квартиру, дрова и на две лошади фуража; и объявить, что сей на один год контракт заключается с ним для испытания искусства его и прилежности. Гринбергу же по день сдачи выдать жалование по расчету».¹¹⁰

Впрочем, проработает здесь вновь прибывший мастер совсем недолго, о чем свидетельствует отправленный ассессором Снетковым Елагину уже 4 ноября отдельный рапорт: «Находящийся в собственном Ея имперского Величества Оранниенбаумском саду, садовник Яган Сиберт во исполнения от Вашего высокопревосходительства приказания, от должности отрешен которому и жалование по расчету выдано, а на место онаго определен садовник Яган Гетте с таковым же жалованием с которым и контракт на один год заключен, а имеющаяся в ранжереях разных сортов деревья, и все произрастений ему Гетте даны по описи».¹¹¹

С начальным этапом российской деятельности Буша следует связывать и формирование «прогулочного парка в английском стиле» при все еще сохранявшемся от петровского времени деревянном императорском дворце в Пулковке.¹¹²

Наряду с выразительностью рельефа, само место для его размещения обладало одним неоспоримым достоинством. Как раз с вершины самого высокого пулковского холма в ясный день на глубину до 40 км просматривалась вся Пиринеевская низменность, отсюда же открывалась и величественная панорама Петербурга, по поводу чего В.Я. Курбатов замечал: «Мало кто из петербуржцев знает о красоте вида с откоса на зеленую или снежную равнину, рябь домов и золотые шапки церквей. Но в начале XIX века этот вид славился на весь мир.

Мало кто знает, что от Пулкова открывается прямая как стрела перспектива на крепостной шпиль...»¹¹³

В 1710 г. находившаяся здесь шведская мыза станет собственностью Екатерины I, что повлечет за собой образование дворцовой слободы и соответственно строительство на месте «ветхого мызного строения» летнего деревянного дворца. Здесь 11 мая 1719 г. она уже принимала «великого своего супруга, с сердечным умилением взиравшего на любезный его сердцу Петербург возрастающий». ¹¹⁴ Составными частями этого совсем небольшого усадебного комплекса назначались: скотный и птичий дворы, жилые постройки слуг и совсем мелкие строения, предназначенные для псовой, соколиной и кречетной охоты. Украшалась усадьба специально разбитым на самой вершине горы регулярным садом, к которому и подводила обсаженная одними только березами аллеями вновь проложенная дорога, окончательно связавшая пулковский дворец с «селом Сарским»: «Посмотрите на ведущую к самой вершине горы прямую березовую с елями аллею! Начало ее со времен Екатерины I, равно как и сада». ¹¹⁵ Тот же И. Яковкин подчеркивал, что «плодовый сад устроен при Елизавете, которая велела перевести сюда яблони царскосельского Старого сада». ¹¹⁶ Соответственно и генплан 1754 г. зафиксировал его местоположение, квадратную в плане форму и непосредственно к нему приводившую прямую дорогу, расходящуюся у подножия горы в двух направлениях. ¹¹⁷ Под самый же конец правления, задумав устроить представительный дворцовый комплекс именно здесь, Елизавета Петровна «повелела было в 1761 году начать строить на Пулковской горе каменный дом, точно такой же величины и фасада, каков был построен первый в мызе Сарской с 1718 г., послуживший началом нынешнему огромному дворцу Царскосельскому, но по ее кончине Екатерина II отменила сие строение». ¹¹⁸

Буш приступит к разработке проекта парка в Пулкове или, как особо подчеркивалось, «обрабатывания леса по садовому образцу», вскоре по приезде. В том же 1771 г. начнутся и садовые работы. ¹¹⁹ Основной их массив сводился к незначительной корректировке рельефа и довольно значительным вырубкам,

позволявшим одновременно сформировать видовые точки и подчеркнуть необычайно выразительную пластику рельефа. Принципиальное значение имело и создание водной системы, формировавшейся в основном на основе стекавших с гор многочисленных ручьев и еще двух речушек, Пулковки и Кузьминки. А при высадке деревьев и кустарников учитывалось уникальное для этого места плодородие почв на хорошо прогреваемых склонах. Выводившая же на вершину прямая дорога, воспринимавшаяся в качестве протяженной аллеи, сохранялась. Лишь у подошвы холма ее трассировка приобретет овальное очертание. Впрочем, главной особенностью устраиваемого здесь парка были его визуальные возможности, позволявшие панорамно охватывать уходящую за горизонт обширную, преимущественно равнинную местность.

Проектный генплан 1834 г. зафиксировал постановку на вершине холма сооружаемого здания Обсерватории в окружении сохраняемых от прежнего времени парковых частей, на чем настаивали и сами астрономы. Этот чертеж позволяет высветить основные направления садоводческой деятельности Буша.¹²⁰ Несомненно, именно при нем приобрел свой пейзажный характер подступавший к дворцу регулярный сад петровского времени, занимавший всю южную часть возвышенного плато. Садовник считал также важным сохранить без существенных изменений елизаветинский фруктовый сад и две пересекавшиеся под прямым углом его прямые аллеи. Одновременно несколько севернее дворца он устроит обширный стриженный луг, эффектно понижавшийся по склону горы в северном направлении. Наибольшая же плотность посадок будет достигнута в северной и северо-восточной частях парка, также целиком созданных на склонах горы. Причем верхним их кромкам исключительно за счет новых посадок будет придан асимметричный абрис.

Вероятно, этот парк был сформирован очень быстро, всего за два-три сезона. Как фиксирует Камер-фурьерский журнал, императрица в сопровождении свиты посетила Пулково в майские дни 1774 г. Все вместе, как уточняется, «гуляли в английском саду и после его осмотра сидели на траве на холме и ели холодные закуски».¹²¹ В том же «аглинском саду», в честь племянника и наслед-

ника престола австрийского императора принца Генриха, 28 октября 1776 г. был даже устроен общенародный праздник. Именно тогда «Соколиная дорога от Зверинца до Пулкова была иллюминирована разноцветными гирляндами фонарей, на вершине горы устроено «извержение Везувия».¹²²

И в последующие годы поддержание пулковского парка будет целиком находиться в ведении Буша, о чем свидетельствует составленная в январе 1782 г. «Роспись расхода». Согласно записи, именно ему незамедлительно следовало возратить из казны 30 руб., потраченные им прежде «на пулковской горе за дрова».¹²³

Уже под самый конец екатерининского правления на месте все еще сохранившегося старого деревянного дворца и в окружении пейзажного парка было решено разместить обсерваторию «с присоединением апартаментов ее императорского величества и свиты» в четком соответствии с проектом, разработанным Дж. Кваренги.¹²⁴ Однако замысел этот так и не был реализован. И только в 1817 г. Александр I, обеспокоенный тем, что «состоящий на Пулковской горе сад приведен в крайнее безобразие», был вынужден отдать его в аренду местным крестьянам.¹²⁵ В конечном счете это и позволит избежать полного исчезновения пейзажных районов парка до начала строительства обсерваторского комплекса. Тот же Яковкин, отображая реально сложившуюся к концу 1820-х гг. ситуацию, замечал на этот счет: «На горе расположены два сада. Английский и плодovitый».¹²⁶

3. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ПАРК

Джон Буш, Джозеф Буш, Василий Торн, Джон Мак-Ларен, Дункан Мензис, Чарлз Мэннерс, Джозеф Тиксон, Томас Грей, Джон Сноу, Чарлз Камерон, Архип Бляк

(1773- 1853 гг.)

В соответствии с предписанием императрицы переезд Буша из Ораниенбаума в Царское Село, на место своего постоянного жительства, состоялся в конце 1772 г., о чем и было доложено Елагину 16 января следующего года: «По указу

Ея императорского величества по определению оной канцелярии а потребовав вашего превосходительства велено издержанные при перевозке аглинского садовника Буша из Оранинбоума в село Царское триста пятьдесят семь рублей тридцать восемь копеек, выдать коллежскому асессору господину Снеткову а о казначейских дел записать в расход с распискою, о чем к тем назначенным делам указ дан».¹²⁷ В немалой степени такое решение было вызвано тем обстоятельством, что в начале 1770-х гг. интерес Екатерины II к Ораниенбауму заметно ослабел. И 24 апреля 1792 г. она подпишет указ о передаче ораниенбаумского Большого дворца со всеми службами и крепостью Петерштадт Морскому кадетскому корпусу.¹²⁸

Архивные и библиографические источники в целом позволяют прояснить основные направления царскосельской деятельности Буша, этой, несомненно, ключевой фигуры в сложении облика Екатерининского (Английского) парка.

В отличие от Гатчины создание сравнительно небольшого царскосельского пейзажного парка во многом было определено начинаниями предшествующего времени. В действительности речь шла о комплексном преобразовании довольно значительной территории в рамках уже сложившихся внешних ее планировочных границ, определившейся трассировки внешних дорог и вполне обозначившихся пространственных габаритов всех прибрежных районов.

Так, Большой пруд, ставший важнейшим структурным элементом пейзажной композиции, появится здесь еще в 1722 г., когда на р. Кузьминке устроят запруды.¹²⁹

В 1740-х гг. последует существенное увеличение водной поверхности благодаря расширению этого пруда и созданию к западу от него, на основе протекавшего в овраге ручья, еще пяти разновеликих Нижних каскадных прудов.¹³⁰ Тогда же начнется и парковое освоение Большого пруда: на его берегу возведут Грот, а на острове - «каменный зал». Генплан 2-й половины 1760-х гг. как раз зафиксирует исходное намерение Екатерины II сформировать у этого пруда пейзажные районы.¹³¹

Начиная фактически с мая 1770 г. все мероприятия по созданию царско-

сельского пейзажного парка находились в ведении В.И. Неелова. Предполагалось, что и по завершении полугодовой командировки в Англию он сможет их возглавить в летний период 1771 г. И только два года спустя, в конце разочарованная реальными результатами этой деятельности, императрица сделает окончательный выбор в пользу профессионала. Именно поэтому, приступая в начале 1773 г. к исполнению непосредственных своих обязанностей, Буш должен был, прежде всего, вникнуть в суть нееловского замысла, прямо на месте ознакомиться с уже исполненными работами и прояснить для себя истинные причины неудовольствия заказчицы. В этой связи весьма примечателен «Проект планировки района Верхних прудов», разработанный В.И. Нееловым в 1770-1771 гг.¹³² Даже при беглом взгляде на чертеж становится очевидным, что показанные здесь пруд и острова не обладают должной выразительностью, они не пластичны и соответственно выходят за рамки художественно значимой композиции.

И то, что выбор, сделанный в пользу английского садовника оказался единственно верным, впоследствии подтвердит в путевых своих записках Де Совиньи: «Екатерина Великая была, вероятно, инициатором концепции Царско-сельского сада, в то время как Буш стал виртуозным исполнителем ее планов».¹³³

Занимаясь решением достаточно сложной художественной задачи, императрица сочла нужным воспользоваться вполне конкретными образцами, которые были хорошо ей известны. Первым и, несомненно, главным источником станет парк в Стоу, относительно чего П. Хейден заметит: «Современного посетителя Царского Села и Стоу едва ли потрясет сходство двух ансамблей, однако сопоставление Стоу, который Неелов видел в 1771 году, с парком Екатерины конца ее царствования обнаруживает несомненную зависимость последнего от английского источника. Это привело меня к выводу, что Екатерина держала в руках книгу Сили, когда распорядилась усовершенствованием своего парка».¹³⁴ Действительно, взаимодействие разнородных парковых сооружений в рамках единого композиционного замысла наиболее последовательно было реализовано

именно в Стоу. А потому и целый ряд парковых его сооружений, вызывая сочувственный отклик императрицы, был органично введен в пейзажную среду царскосельского Английского парка.¹³⁵

Впрочем, одним только этим дело не ограничилось, что очень верно подметит Б.М. Соколов: «Невозможно предполагать прямое сходство в сценах Стоу и пейзажах Царского Села. Однако можно искать аналогии между принципами устройства этих двух парков. Общий вид имения в описании Вейтли напоминает схожие по рельефу части Царскосельского парка, например, долину, разворачивающуюся от Зубовского корпуса к Розовому полю».¹³⁶

Признавая несомненную верность всех этих суждений, следует вместе с тем подчеркнуть, что другим не менее достойным образцом послужит императрице королевский парк в Кью. Не случайно, только еще прикидывая в общих своих чертах замысел устройства царскосельского пейзажного парка, она распорядится в 1769 г. незамедлительно доставить ей богато иллюстрированное издание У. Чемберса («План, возвышенности, сечения и перспективные виды парков и строений в Кью»)¹³⁷.

Именно в этом сочинении, изданном вслед за вторым своим возвращением из Китая, зодчему удастся наиболее полно продемонстрировать особенности собственного художественного метода, основанного на органичном взаимодействии рукотворного ландшафта с разностильными сооружениями.

На всех стадиях разработки проекта и самой его реализации Буш неизменно консультировался с братьями Спарроу, а потому неоднократно наведывался в Гатчину. Так, в письме из Царского Села, помеченного 15 августа 1773 г., ландграфиня Каролина Гессен-Дармштадская сообщала, что именно там в Гатчине ей и был представлен ее соотечественник, садовый мастер Буш.¹³⁸ Подтверждает это и императрица. Обращаясь к Г.А. Потемкину в октябре 1774 г., она замечает: «Буш и агличан просят, на чем съездить сегодня в Гатчину. Бушу сие нужно для спознания одного-другого вкуса, знания количества и качества. Прикажете им дать лошадей или нанять Льву Катанскому».¹³⁹

Вслед за утверждением проекта Буш в самом начале 1773 г. приступит к са-

довым работам. Показательно, что ближайшими его помощниками станут прежде сотрудничавшие с В.И. Нееловым Трифон Ильин и Данила Гаврилов.¹⁴⁰ Большой пруд будет спущен, прикомандированные же сюда солдаты приступят к обширным землекопным работам, завершившимся только в 1776 г. В результате пруд приобретет новые пространственные габариты. Возникнет и изысканный абрис береговых его линий, акцентированных насыпными холмами, бухтами, мысами и полуостровами. Соответственно и Грот за счет подсыпки земли «переместится» подальше от воды. Дно и берега укрепят булыжным камнем, будет существенно увеличен сохраняемый остров и к нему добавят еще три (Дикий или Пустой, Каменный и Малый). В частности, круглый в плане Каменный остров, почти буквально воспроизводивший один из островов Пейншилла (Painshill), выложат по спирали в три ряда туфом и гранитом, а между ними насадят ели. В том же 1773 г. начнется и формирование весьма развитой дорожной сети, когда «на делание против пробы тому саду дорог» было отдельно выделено 3000 руб.¹⁴¹ Одновременно в рамках реализации нового планировочного замысла происходила, полностью или частично, ликвидация регулярных аллей.

С 1774 по 1778 гг. под руководством инженера И.К. Герарда и В.И. Неелова производились работы по реконструкции Нижних прудов, берега которых, также в четком соответствии с проектом Буша, приобретали естественные очертания. Тогда же из больших валунов были сделаны разделявшие их живописные плотины. В 1774-1775 гг. в районе Малых прудков углублялись протоки, делались из булыжного камня отмостки и создавались семь островков (Еловый, Сосновый, Кедровый, Пихтовый, Каштановый, Дубовый, а также еще один, выделявшийся смешанными породами деревьев).¹⁴² Как свидетельствует ведомость выплат, охватывавшая период от начала 1775 г. вплоть до 1 марта 1776 г., работы в самых различных частях парка в это время активно осуществлялись по всем основным направлениям: «Садовнику мастеру Бушу на платеж наемным у него работным людям за исправление по аглицкому саду разных земляных и протчих происходящих работ – 9586 руб».¹⁴³ Одновременно, причем в огром-

ных количествах, производилась высадка деревьев и кустарников. Так, лишь «на выписанные из Англии сыринговых (*сиреневых*) деревьев и розовых кустов» было отпущено 612 руб. 46 коп.¹⁴⁴ Соответственно 155 руб. употребили «на покупку для розсадки в том аглицком саду штамбовых лип, и к поливанию дерев 3-х заливных труб».¹⁴⁵

Очевидно, при посредничестве Буша на императорскую службу прибыл в 1778 г. английский садовый мастер В. Торн (Василий Thorne), проработавший в Царском Селе вплоть до 1803 г.¹⁴⁶ Его приезд был напрямую связан с все более увеличившимся объемом садовых работ.

О спланированных на этот год мероприятиях, в том числе и по новому саду, узнаем из датированного 23 января 1778 г. и адресованного А.П. Кашину письменного распоряжения императрицы о выделении дополнительных средств: «Аристарх Петрович. На повеленное от НАС в нынешнем году в Царском Селе по представленным НАМ сметам приказали МЫ отпустить из Кабинета:

- 1). На постройку вновь покоев, 2735 руб. 48 коп.
- 2). На назначенное озеро с островом в новом саду, четырнадцать тысяч сто семдесят два рубли семьдесят копеек.
- 3). На строение в старом саду каменной мыльни, шесть тысяч девять сот тридцать семь рублей сорок копеек.
- 4). На строение между конюшнею и манежью каменных ворот, тысячу сто два рубли.
- 5). На строение между каприсами Китайского дома, семь тысяч сто тридцать рублей шестьдесят копеек.
- 6). На переправку от двора до прудов дороги и на дело канальцы, тысячу сто рублей.
- 7). На отделку двух прудов, пять тысяч четыреста рублей.
- 8). На починку зверинской стены, две тысячи рублей.
- 9). На фундамент под мраморные ворота к Гатчинской дороге, три тысячи шестьсот девять рублей двадцать пять копеек».¹⁴⁷

В следующем сезоне парковые работы производились еще более интенсив-

но. Так, 4 октября 1779 г. императрица в письме к наследникам замечала: «Кланяюсь принцу и очень рада, что Царское Село ему понравилось. Никогда там ни одна постройка не подвигалась с большой быстротой, чем постройка нынешнего года».¹⁴⁸

Весьма показательна в этой связи общая динамика садовых работ. Так, в январе 1781 г. у Буша числилось 23 «садовых работников», в феврале – 31, в марте – 42, в апреле – 228, в мае – 260, в июне – 261, в июле – 256, в августе – 229, в сентябре – 262, в октябре – 170, в ноябре – 68 и, наконец, в декабре – 45.¹⁴⁹ С июня по сентябрь им выплачивалось в месяц по пять рублей, в другие же месяцы их зарплата понижалась, не превышая трех или четырех рублей.

Подписанная Бушем 25 января 1782 г. «ропись расходов» подтверждает, что в течение полугода под его началом значилось в общей сложности 263 работника, которым полагалось выплатить 7950 руб. Еще 2000 руб. было истрачено «за исправленную в новом саду работу»; около 400 руб. пошло на «цветные луковицы и семена» и «за травяные и клеверные семена», 500 руб. на жалование десяти ученикам и одежду для них, а 17 руб. – «за солнечные часы».¹⁵⁰ В этом списке работников находим и двух прикомандированных в 1780-1781 гг. к команде Буша шотландских садовников – Д. Мак-Ларена (John McLaren) и Д. Мензиса (Duncan Menzies). Причем последний в 1760-х гг. трудился в команде Л. Брауна во время формирования пейзажного парка в Сайон-Хилле (Syon Hill). Именно касательно него петергофский садовник Д. Медер в письме на родину с сожалением отметит: «Я знаю молодого человека, которого вы отправили к Бушу; это далеко не чародей в садоводстве; он обрезал всю молодую поросль с фиговых деревьев в парке д-ра Джонсона в Сайон-Хилле».¹⁵¹ Из Журнала выплат также следует, что за первое полугодие 1782 г. шотландцам было выплачено по 400 руб. в месяц.¹⁵²

То, что основной массив садовых работ был реализован уже в 1779 г., подтверждает в своем дневнике 29 апреля 1779 г. французский посланник Корберон: «С 9-ти часов утра я был уже готов и гулял в садах Царского Села, которые прекрасны и разбиты на Английский лад, отправился к Потемкину».¹⁵³ Со своей

стороны и баронесса Димсдейл, знавшая Буша еще до отъезда его в Россию, достаточно часто совершала с ним прогулки в уже сложившихся районах парка. Обыкновенно «главный садовый мастер» развлекал баронессу забавными историями о пребывании в Царском Селе германского императора и его экстравагантном способе путешествовать инкогнито под именем графа Фалькенштейна. Баронесса также отмечала, что «парк создан в английском вкусе. Здесь очень мило перемежаются лес, поляны, гравиевые дорожки, а ближе к центру расположен чудесный большой водоем с островом, на котором построено здание».¹⁵⁴ Осмотрев совместно с Бушем и Катальную гору, гостя заметит, что «здание на острове («Зал на острове») часто посещали, когда катальные горы были в моде, но сейчас они сломаны, кроме одной». Упомянет она и о ежедневных прогулках в парке самой государыни: «Перед семью часами утра императрица гуляет в парке. Она встает рано и очень часто в саду уже после шести, она гуляет почти до 9-ти, в кожаных туфлях, с ней несколько собак, затем одевается, в ее комнате читают молитвы».¹⁵⁵

То, что парк совершенно удался, и что садоводческое искусство Буша сама заказчица оценила весьма высоко, следует из ее же письма к М. Гримму, где, с нескрываемой гордостью, она отметит: «Этот сад, между нами будет сказано, по словам англичан, других иностранцев и тех наших, которые путешествовали, - становится чем-то невиданным».¹⁵⁶

Около 1783 г. практически все работы по «аглинскому саду» были завершены. Теперь предстояло перейти к поддержанию его в должном порядке, а потому в служебной записке на этот счет говорилось: «...садовому мастеру Бушу на летние 6 месяцев для содержания обоих садов, притом аранжерей и теплиц» полагалось 250 человек, «опричь новых работ того числа положить ему неможно какие могут быть работы, ибо оной все новые работы исправляет подрядом».¹⁵⁷ Соответственно и жалованье его было понижено и в 1783 г. оно составляло 1015 руб.¹⁵⁸

Буш оставался главным царскосельским садовником вплоть до конца 1785 г., когда в начале следующего года был вынужден возвратиться в Англию по

семейным обстоятельствам. Общую картину всего им сделанного Георги проясняет следующим образом: «Сад замка весьма велик и имеет попеременно лесок, аллеи, покрытая дорожки в Голландском и кустарник с извивающимися дорожками, рощицами и пр. в Аглинском вкусе; с прудами, нерегулярными озерами, островками, каналами, мостами, водопадами, павильонами, храмами, памятниками и другими увеселительными предметами. Я хочу... упомянуть о преимущественнейших достопамятностях сада без наблюдения какогонибудь порядка».¹⁵⁹

Однако главный итог его деятельности подведет в 1786 г. князь И.М. Долгоруков (1764-1823): «Кто бывал несколько раз в Сарском Селе, для того уже Гатчина не диковинка».¹⁶⁰

О первоначальной планировке Английского парка позволяет судить два фиксационных генплана. Один из них – промежуточный, с обозначением всех реализованных к тому времени ландшафтных объектов и сооружений (с подробной их аннотацией), был создан в 1777 г. и зафиксировал, таким образом, результат четырехлетней деятельности Буша.¹⁶¹ Другой, составленный им самим около 1787 г., дойдет до нас в гравированных оттисках, сделанных работавшим в 1765-1790-х гг. английским гравером Т. Муллером (Tobias Muller) в его же собственной лондонской мастерской. Изданием этого плана Буш займется вскоре по возвращении в Англию, подводя тем самым общий итог российской своей деятельности. Отдаст он должное и именитой своей заказчице, разместив на полях лаконичную надпись: «В знак глубочайшего уважения и признательности». Был ли весь тираж заказан императрицей или целиком печатался на средства Буша - неизвестно. Во всяком случае, в докладной записке придворного библиотекаря А. Лужкова сообщалось о доставке 2 апреля 1787 г. в дворцовую библиотеку «свертку в коем 20 экземпляров царскосельского плана гравированного г. Бушем».¹⁶² Спустя два года последует его допечатка. Один такой гравированный лист, датированный 1789 г., имеется в библиотечном собрании Британского музея.¹⁶³ Другой одновременно был включен в коллекцию карт и планов российской Академии, что подтверждает Георги: «В Академии

наук имеются старые и новые планы замка (царскосельского дворца), окружностей онаго и садов, новейший снят придворным садовником Бушом, и вырезан на меди в 1789 году Миллером. Онный имеет величину большого Александрийского листа и изображает главный фасад дворца, план сада и преимущественнейшие храмы, мосты, развалины и пр. в сделанных с великим тщанием украшениях».¹⁶⁴

Этот крупноформатный генплан зафиксировал сложившуюся к началу 1780-х гг. планировочную структуру практически всех пейзажных районов, здесь хорошо просматривается дорожная сеть, детальное распределение зелени и размещение парковых сооружений.

Под устройство Английского парка отойдет расположенная к западу от дворца и регулярного сада сравнительно небольшая (около 70 га) территория, прежде содержавшая преимущественно пустыри и огороды. Именно поэтому изначально решалась весьма непростая задача. Бушу предстояло всеми возможными способами максимально увеличить пространство парка исходя из уже сложившихся пространственных рубежей и трассировок дорог петровского времени. Поэтому в предложенной Бушем общей концепции парка была взята за основу идея композиционной дробности, позволявшей добиться впечатляющего разнообразия. Тому же способствовало широчайшее использование разновеликих водных и луговых пространств исключительно «природных» очертаний, устройство весьма разветвленной сети прогулочных дорог, введение в композицию практически каждого района художественно значимых сооружений. При этом важнейшим структурным элементом парка назначалось водное пространство, определившее исходную образную значимость большинства пейзажных районов. Создававшаяся практически заново вся эта необычайно разветвленная гидросистема основывалась на взаимодействии водных протоков, живописных каскадов, прудов и каналов, так или иначе связанных с Большим прудом. Именно с их устройством и было связано проведение основных земляных работ, предполагавших также существенную корректировку окружающего рельефа. Помимо углубления дна и формирования новых береговых очертаний,

практически повсеместно производилось устройство разновеликих насыпей и углублений, призванных акцентировать ландшафтные особенности решительно каждого пейзажного района и одновременно подчеркнуть образную выразительность их сооружений. Всего же за десятилетний срок (1773-1783) было сформировано пять активно взаимодействующих пейзажных районов, каждый из которых изначально наделялся самоценной художественной значимостью.

Подобно Гатчине самый значительный район формировался на базе Большого пруда, избравшегося основополагающим элементом парка. Пространственные его рубежи частично закреплялись уплотненными посадками, однако, это не ослабляло его визуальную связь с другими ландшафтными частями. Весь этот район трактовался в виде обширной открытой местности с широкими панорамными раскрытиями. Тому отвечали и достигавшая 16 га водная гладь самого пруда, и подступавший к нему с северной стороны огромный луг, также приобретший выразительное пейзажное очертание. Контрастности общего и частного восприятия отвечала тонко продуманная система распределения зелени. Так, размещавшийся на Большом острове павильон плотно фланкировался деревьями и потому просматривался только лишь с отдельных точек. На Каменном острове были высажены одни только ели, а остров у Большой плотины выделялся посадками серебристой ивы. Соответственно сильно вдававшийся в водное пространство пруда полуостров, создававший самые оптимальные условия для восприятия панорамы всей северной береговой линии, обсаживался группами лиственниц. А вновь сформированная береговая линия озера закреплялась эффектно изгибавшейся протяженной липовой аллеей. Все еще сохранявшимся здесь регулярным посадкам придавалось намеренно пейзажное очертание. Соответственно для усиления пространственной глубины практически во всех прибрежных частях активно высаживались солитеры, преимущественно серебристые ивы и хвойные. Причем, как подчеркивается, «серебристые ивы своей формой и цветом акцентируют... сооружения и одновременно, будучи расположенные по длинной оси озера, углубляют перспективы. Хвойные солитеры значительно обогащают прибрежные пейзажи».¹⁶⁵ Довольно грузный объ-

ем барочного Грота был фланкирован уплотненными посадками, что приводило к его пульсирующему восприятию. Подобно Гроту целый ряд новых парковых сооружений размещался в непосредственной близости от воды в расчете на отражающие ее свойства. Тонко рассчитанные визуальные связи дополнялись восприятием наиболее значимых элементов решительно каждого пейзажного района. Благодаря широкому использованию эффекта кулис, удавалось сфокусировать взгляд зрителя на ту или иную живописную картину, нивелировать или, напротив, активизировать восприятие различных парковых сооружений. Так, например, за счет устройства локальных раскрытий сравнительно небольшая Чесменская колонна стала восприниматься с Большого острова как вполне монументальное сооружение.¹⁶⁶ Отмеченный сильным уклоном с южной стороны район Кагульского обелиска, утраченный в 1850-х гг., решался одним из первых, обладая достаточно простым композиционным замыслом. Ликвидировав все прежние начинания Неелова, Буш трактует его как обширное вытянутой формы (ок. 200 м) луговое пространство, обрамленное прогулочной дорожкой и плотными посадками. Поставленный в центре этого луга Кагульский обелиск он акцентировал группой сосен. В «Воспоминаниях о Царском Селе» (1814) А.С. Пушкин в этой связи подчеркнет:

«(...) В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой (...)»¹⁶⁷

Задуманный в качестве камерного ландшафта район Малых прудков включил в себя три основополагающих элемента: Верхние малые прудки, Канал с «красной плотинкой» и Нижние Лебязьи прудки. Осуществляемые вначале В.И. Нееловым ландшафтные работы учитывали формирование на этом низком участке сложно пересеченной водной композиции с эффектно журчащими протоками. Вероятно, этот замысел созрел еще до его отъезда в Англию, однако и после возвращения комплексное освоение этого района так и не было осуществлено. Зато полностью сложившаяся объемно-пространственная его структура

показана на генплане Буша. Развивая нееловский замысел, садовник произвел радикальную трансформацию береговых линий прежде находившихся здесь достаточно узких прудков, протоков и канальцев. Созданная здесь сеть прогулочных дорог в целом обладала подчеркнuto замкнутым характером. В частности, один такой кольцевой маршрут начинался от Мраморного (Палладианского) мостика и огибал весь пруд. Объемы же Концертного зала и Китайской беседки, судя по плану Буша, размещались прямо на зеленых лужайках. Отвечая английской практике садоводства, прогулочные дорожки здесь полностью отсутствовали. Отмеченные булыжной вымосткой прудки и островки приобрели выразительные скругленные откосы. Особую индивидуальную выразительность этому району придавали массовые посадки дубов, лиственниц, кленов, тополей и ив, при этом кустарники здесь не использовались. Рядом с отражавшейся в воде Китайской беседкой, закрепившей узкий перешеек между Верхним и Продолговатым прудками, Буш высадит причудливый кедр с искривленной формой, а несколько восточнее – лиственницу и сосну. Вблизи плотины размещались преимущественно сосны, визуальнo углублявшие перспективу и оттенявшие светлые тона Мраморного мостика. Буш сформирует в этом районе целую сеть разновеликих островков. Помимо общих габаритов и конфигурации, все они контрастно отличались разнообразием своих посадок. Вместе с тем вся южная береговая линия Лебяжьих прудов насаждений не имела и воспринималась целиком.

Занимавший южную часть парка район Нижних Каскадных прудов Буш существенно увеличит в южном направлении за счет прирезки дополнительной территории, граница которой теперь закреплялась дубовой аллеей. В центре этой так и оставшейся незавершенной композиции оказались связанные друг с другом три пруда, которым вместе с прогулочными дорожками будет придано живописное очертание. Как раз вблизи одного из них и появится насыпная Трифонова горка с Беседкой-скамейкой и Голубятней, небольшие объемы которых фланкировались исключительно хвойными деревьями. У Морейской же колонны одновременно создадут высокий каскад с широким бурлящим пото-

ком. Важной особенностью этого района станет наличие аллеиных посадок, фланкировавших разновеликие луговые пространства. Основной массив насаждений района составят лиственные породы с отдельным вкраплением хвойных.

Начало формирования района Розового поля совпадет с завершившимися в 1773 г. гидрологическими работами по расширению Виттоловского канала. Главным его элементом избирался близкий в плане к треугольной форме обширный уплощенный луг, членившийся лишь небольшими группами деревьев и солитерами. С одной стороны он ограничивался свободным размещением зелени с характерными глубокими западами и выступами, с другой - плотно поставленными в ряд лиственницами. Не менее широко использовались и дубы для рощ, аллей и единичных посадок. Темные же хвойные породы высаживались по всей периферии, что позволяло создать контрастный фон как раз для лиственных. Главным элементом всего этого района назначалась Башня-руина («Древнее строение с развалинами»). Выносившаяся на уровень двадцати одного метра ее верхняя площадка предоставляла зрителю необычайно активные перспективные раскрытия. Буш мастерски вписывает эту яркую архитектурную композицию в свой искусственный пейзаж. Следуя исходной монументальности сооружения, он насыпает здесь целую горку, склоны которой закреплялись крупными елями. Живописную атмосферу всего этого района усиливала и расположенная у Красного моста Виттоловская протока. Показательно, что именно Башня-руина и будет признана в профессиональной среде как самая удачная. Об этом свидетельствует датированная 31 августа 1787 г. заметка Ф. Мирандо: «Поехали с Палласом обедать за город. С ним был Камерон, архитектор императрицы, и Буш, садовник. Они сетовали, что ни в архитектуре, ни в садоводстве невозможно создать ничего примечательного, ибо господа все время вмешиваются, разве что газон может быть не хуже английского, если за ним умело ухаживать; единственное, что заслуживает внимания среди всех садовых творений, - это Руина».¹⁶⁸

Среди ближайших помощников Буша было и трое его сыновей. Старший, Джекоб, умер еще в 1774 г., второй, Джон, в 1784 г.¹⁶⁹ Однако переживет отца

только приемный сын - Д. Буш (Joseph Vuch, 1760-1838), высокопрофессиональной своей подготовкой обязанный прежде всего отцу. Помимо освоения теоретических и практических основ пейзажного стиля, он, будучи еще подростком, привлекался к самым различным садовым работам. В частности, в конце 1770-х - начале 1780-х гг. Буш-младший числился при царскосельских теплицах и именно ему в помощь отец нанял Д. Мак-Ларена. Один из друзей Буша-старшего в этой связи подчеркивал, что «тот теперь может заняться парками, оставив на Джона заботу о печах, которые он не очень-то мог доверить кому-нибудь из русских».¹⁷⁰ Осенью 1783 г. Буша-младшего почти на целый год командировали в Англию. Поездка предполагала ознакомление его со всеми тонкостями пейзажного садоводства. До сих пор, однако, неизвестно, какие парки он посетил и с кем из видных садовников удалось ему встретиться. Но контакты в профессиональной среде, несомненно, состоялись, что позволит и в дальнейшем доставлять без задержки из Англии постоянно востребованный в больших объемах практически любой посадочный материал.

Буш-младший вернется в Россию в июле 1784 г. так и «не выполнив приказаний отца осмотреть каждый стоящий парк и привести большую коллекцию деревьев и растений».¹⁷¹ Однако когда после смерти супруги Буш-старший все же вынужден был возвратиться в Англию, именно Бушу-младшему императрица доверит весьма ответственную должность главного царскосельского садовника. И соответственно уже в мае того же года ему выделяют средства и на содержание садов, и «за выписанные из чужих краев садовые деревья и луковички».¹⁷² Помимо собственно садоводства, он проявлял большой интерес и ко всякого рода «натуральным редкостям», о чем сообщалось в историческом очерке царскосельского лицея: «Кабинет обогатился (в 1819) большим собранием минералов, раковин и камней, всемилостивейше подаренных лицеею. Собрание это, принадлежавшее дворцовому садовому мастеру Бушу, заключало в себе образцы различных каменных пород и минералов, числом 2500 нумеров и 500 раковин и стоило 500 рублей».¹⁷³

Под общим руководством Буша-младшего начиная фактически с весны 1786

г. работы в Английском парке будут возобновлены. Соответственно продолжится сложившаяся еще при отце практика приглашения английских специалистов. Так, в 1787 г. был нанят «землепашец» Я. Багс (Яков Бегс), распахавший территорию под устройство дубовой рощи. Аналогичной работой он занимался и в последующие три года.¹⁷⁴ Также под началом Буша с 1 января 1789 г. начнется пятнадцатилетняя служба «садового подмастерья» Т. Грея (Thomas Willheim Grey 1754-1840).¹⁷⁵ В 1803 г. для работы в теплицах был нанят Д. Сноу (John Snow), перебравшийся впоследствии в Петербург и ставший «торгующим садовником».¹⁷⁶ А в 1806 г., когда Грей возвратится на лечение в Англию, ему оттуда на смену прибудет «садовый подмастерье» А. Бляк (Архип Бляк).¹⁷⁷

Разборка Каталной горки позволит Бушу-младшему приступить к ландшафтной обработке северного берега Большого пруда, непосредственно связанного с Рамповой аллеей.¹⁷⁸ Соответственно им же постоянно вносились изменения в уже сложившуюся водную систему парка. Так, в 1787 г. инженер-майор Турчанинов в этой связи докладывал: «Те каскады, по которым зделаны аглинские дорожки, как то: против Турецкой Киоски два, против мраморного моста два и недоходя Египетской пирамиды один, надлежит необходимо устья их уширить и углубить...»¹⁷⁹

Впрочем, столь успешно начавшаяся служба главного царскосельского садовника могла внезапно оборваться самым печальным образом. Об этом весьма красноречиво свидетельствует дневниковая запись полковника М.А. Гарновского, сделанная в Царском Селе 28 июля 1787 г.: «Слышно, что государыня, прохаживаясь в саду, изволила спрашивать г. садовника Буша, где посажены присланные из Херсона за несколько времени пред сим вишневые деревья? На оный вопрос донесено Ея Императорскому Величеству «они персохли». – «Я хочу их видеть пересохших», соизволила сказать государыня, - «покажите то место, где они посеяны были?» Но как сказали, что они, яко пересохшие, уже выброшены, то Ея Императорское Величество так сильно разгневалась, что грозила Бушу отдать его в уголовную палату под суд».¹⁸⁰

Сооружение на месте Дома для игры в мяч Камероновой галереи повлекло

за собой корректировку сразу нескольких районов парка, хорошо обозревавшихся с верхнего ее яруса.¹⁸¹ В начале 1790-х гг., касаясь этой только что выстроенной весьма элегантной постройки, графиня В.Н. Головина отметит, что она «возвышалась над двумя садиками: старый парк, многолетние липы которого бросали тень на маленькие комнаты рядом с террасой, и английский сад с красивым островом посреди».¹⁸²

Окончательно ликвидировав находившиеся здесь регулярные аллеи, Буш создаст перед сильно вытянутым западным фасадом этого, по сути, садового сооружения, обширный луг, простиравшийся до Большого пруда. Также в начале 1790-х гг., руководствуясь проектным замыслом Ч. Камерона, он приступит к устройству при Агатовых комнатах Висячего сада с миниатюрными лужками, разделявшимися криволинейными дорожками.¹⁸³ Работы по его устройству пришлось целиком на 1793 г. В апрельском предписании на этот счет разъяснялось: «Верх схода должен быть покрыт хрящем и дерном, что сделать поручено уже садовому мастеру Бушу».¹⁸⁴ В очередной служебной записке от 3 мая указывалось, что именно «садовому мастеру Бушу велено насыпать землю между колоннадою и площадкою на аркаде».¹⁸⁵ Выясняется также, что материал для устройства Висячего сада был заготовлен и доставлен сюда заранее: «...по согласию с садовником Бушем, земля, песок и все нужное для поклажи весною на спуск также приготовлены были зимою на место, дабы после не портить саду возкою земли и песку».¹⁸⁶ Касаясь первоначальной отделки этого садика, Головина заметит: «На террасе перед колоннадой находился диван, обитый зеленым сафьяном и стол. Ея Высочество занималось там делами рано утром. Перед этой очень простой пристройкой находилась маленькая стена. Если обогнуть ее, то налево открывался прелестный газон, окаймленный прекрасными и душистыми цветами».¹⁸⁷

Со стороны восточного фасада Камероновой галереи и южного фасада Агатовых комнат, также руководствуясь проектным замыслом Камерона, Буш сформирует сравнительно небольшой Цветной (Фрейлинский) садик, предназначавшийся для уединенных прогулок императрицы. Как раз в августовские

дни 1793 г. из Петербурга поступит и соответствующее ее распоряжение: «Касательно засадки деревьями и убору двух малых садов, да благоволение было, дать послание садовому мастеру Бушу, чтоб он сносился со мною оное исполнение».¹⁸⁸

Судя по всему, основные мероприятия по его устройству были завершены в том же году. Ведомость выплат от января 1794 г., фиксирующая завершающую стадию производства работ, подтверждает, что «на заплату работным людям за зделание в Цветном садике что подле Каменной галереи под бронзовых фигуры фундамента и другия исправленные работы» полагалось 243 руб. 23 коп.¹⁸⁹

Планировка Цветного сада была изначально определена сильно вытянутым и сравнительно небольшим по площади прямоугольным участком. Основу его композиции составляли благоухающие кустарники (сирень, жасмин, барбарис, спирея), их дополняли не менее душистые многолетние и однолетние цветы с подчеркнута яркой своей окраской.¹⁹⁰

По прошествии шести лет профессиональный статус главного царско-сельского садовника заметно укрепился. В служебной записке «от минувшего 1793 года» особо подчеркивалось, что «над садами полное смотрение имеет и за всю исправность по оным отчет отдает садовнику Бушу самому, а конторе, кроме починок по строениям, в то не вступаться».¹⁹¹ Когда же в августовские дни 1795 г. императрица предложила «ему иметь хозяйственное надзирание и по части содержания садов», то он «в контору царскосельскую отозвался, что с ним дело иметь ему Бушу время не позволяет, да и не желает, почему и просит в сем случае высочайшей резолюции».¹⁹²

Уже на завершающем этапе царскосельской своей деятельности Буш приступит к реконструкции района Нижних Каскадных прудов. Речь пойдет о существенном его увеличении за счет присоединения находившегося за Трифоновой горкой дополнительного участка с разобранными Кавалерским и Крестьянским строениями. И соответственно в 1810 г. он составит очередную смету, в действительности предполагавшую дальнейшее структурное развитие Английского парка.¹⁹³ Одновременно в том же районе ликвидировались аллеиные по-

садки, что и позволило объединить обширные открытые пространства лужаек и прудов и тем самым активизировать восприятие крупного массива находившейся здесь регулярной Эрмитажной рощи. В районе же Розового поля была заново сформирована протяженная аллея из одних только высокорослых лиственниц. Соответственно и в районе Малых прудков на одном из островков в 1810 г. Буш насадит множество деревьев и создаст, таким образом, весьма выразительное живописное окружение Кухне-руине.¹⁹⁴ В ряде же случаев решительно корректировалась и дорожная сеть, например, близ Концертного зала, где дорожки прежде полностью отсутствовали. Являясь достойным приемником отца, Джозеф не только заботился о сохранении в образцовом порядке всех прежде сформированных районов парка, но и осуществлял их структурное развитие с предельной осмотрительностью.

В должности главного садового мастера Буш в общей сложности проработает почти четверть века. Его отставка будет связана с последовавшим в 1810 г. общим сокращением финансирования и дворцов, и садов Царского Села.¹⁹⁵ В служебной записке находим на этот счет следующие разъяснения: «Поелику садовник Буш на содержание садов, оранжерей и теплиц требует 40982 руб., а на сии последния, т.е. оранжереи и теплицы 19710 руб, что и вторично подтвердил письменным рапортом, объясняя, что меньше сей цены содержать оных не может, и не только, чтобы за назначаемую комитетом сумму: то комитет не находит инаго способа, как онаго Буша, по несогласию его содержать те оранжереи и теплицы за предлагаемую сумму, уволить от должности, определяя другого на его место».¹⁹⁶ Впрочем, оставит Буш Английский парк в отличном своем состоянии, что подтверждает княжна М.Н. Волконская, воочию познакомившаяся с ним 3 августа 1810 г.: «После обеда поехали мы в Сарское село. Здесь мы везде гуляли: красота сада несравненна: со всех сторон виды безподобные; пространные пруды чрезвычайно украшают его; мосты везде железные и трава содержится в большой чистоте».¹⁹⁷

Видимо, по рекомендации самого Буша на должность главного царскосельского садовника в 1811 г. зачислят англичанина Ч. Мэннерса (Charles Manners),

служившего до этого при Таврическом дворце. Очевидно, в Россию он прибыл вместе с братом Робертом, уже служившим главным садовником у графа Н.П. Шереметева.¹⁹⁸ Преимущественно с образцовым поддержанием и парков, и оранжерей будет связана деятельность и прибывшего из Стрельны английского садового мастера Д. Тиксона-младшего (Joseph Theakson, 1802-?). Он проработает в Царском Селе два срока (1834-1839, 1851-1853). Уволят же его в связи с начавшейся Крымской войной.¹⁹⁹

4. ПАВЛОВСК

Чарлз Камерон

(1779-1796, 1800-1801 гг.)

Начальный этап формирования пейзажного парка в Павловске связан с творчеством шотландца Ч. Камерона (Charles Cameron, 1746-1812), прибывшим из Лондона в Петербург на императорскую службу летом 1779 г. уже вполне сложившимся мастером английского неоклассицизма круга братьев Адам.²⁰⁰ Первый заказ поступил к нему 28 августа того же года. Речь шла о разработке проекта Концертного зала, предназначенного для царскосельского Английского парка. Одному из своих приближенных императрица на этот счет указывала: «Покажи английскому архитектору картину, которая висит за дверью моего кабинета в Царском Селе, чтобы он приготовил чертеж и план беседки на большом острове посредине Большого пруда».²⁰¹ Собственно парковые сооружения, созданные Камероном в духе У. Кента и У. Чемберса, и составят основу российской деятельности этого выдающегося мастера русского классицизма.²⁰² Само же создание Павловского парка сразу выдвинет Камерона в ряд ведущих отечественных мастеров и садово-паркового искусства.

Приобретший первые профессиональные навыки в среде лондонских строителей, Камерон уже тогда весьма отчетливо себе представлял специфику пейзажного садоводства.²⁰³ В дошедших до нас от 1760-х гг. самых ранних его рисунках многочисленных ваз и медальонов, в целом созвучных живописной концепции изящно изогнутой «змеевидной» линии У. Хогарта, Камерон пред-

стает как незаурядный рисовальщик, тонко чувствующий столь важную для пейзажного садоводства красоту и изысканность плавно очерченной формы.²⁰⁴ Видимо с тех самых пор он начал приобретать специализированные издания по архитектуре и садоводству и соответственно во множестве видовые гравюры, ставшие составной частью весьма обширного его библиотечного собрания. Так, в изданном им же самим в 1812 г. Каталоге находим монографию по ландшафтной архитектуре Б. Лангли (Langley B. *New Principles of Gardening, or the laying out and planting of parterres*. L., 1728), «Красоты Великобритании» У. Берча (Birch W. *Delicesde la Grande Bretagne*. L., 1791), «Виды Великобритании» П. Сэндби (Sandby P. *Views of Great Britain*. L., 1773), «Заметки о лесных пейзажах Гемпшира» У. Гильпина (Gilpin W. *Remarks on Forest Scenery of Hampshire*, L., 1791), а также несколько портфелей с обширным собранием видовой гравюры в технике меццо-тинто ведущих английских мастеров.²⁰⁵ Большим подспорьем Камерону служили профессиональные издания по ботанике и садоводству, принадлежавшие Бушу-старшему - ближайшему его коллеге по Царскому Селу. На протяжении шести с лишним лет, вплоть до своего возвращения в Англию, садовник постоянно оказывал помощь зодчему и теоретическими, и чисто практическими рекомендациями. Тем более, что женившись в 1784 г. на дочери садовника - Кэтрин Буш, Камерон становится его родственником, проживавшим прямо по соседству в одном из царскосельских оранжерейных корпусов.²⁰⁶ Здесь же вплоть до 1810 г. размещались жилые покои и Буша-младшего, с которым зодчий неизменно сотрудничал еще более длительное время.²⁰⁷ По роду службы Камерон был связан и с другими английскими садовыми мастерами, состоявшими при императорском дворе.²⁰⁸ Из рекомендательного письма А.А. Безбородко к С.Р. Воронцову в Лондон становится также известно, что в августе 1791 г. Камерон выезжал в Англию и, следовательно, имел возможность познакомиться с новейшими тенденциями в английском садоводстве непосредственно на месте.²⁰⁹ Все выше сказанное убеждает в том, что в вопросах пейзажного планирования Камерон разбирался не менее профессионально, чем в архитектуре.

В декабре 1777 г., откликаясь на рождение долгожданного внука, дворцовые земли по обеим сторонам речки Славянки общей площадью около 400 га императрица передаст в собственность великого князя Павла Петровича.²¹⁰ До этого вся эта лесистая и сильно заболоченная местность служила охотничьим угодьем, и обыкновенно она предпочитала сюда наведываться в сезон утиной охоты.²¹¹ Общее представление об этой в значительной мере сохранявшей свой первоначальный характер местности, включавшей в себя лишь только две совсем небольшие деревни и остатки шведских укреплений времен Северной войны, дает генплан, датированный 1742 годом.²¹²

Пришедшийся уже на 1778-1779 гг. начальный этап формирования великокняжеского Павловска был отмечен созданием садовником Визлером, в четком соответствии с указаниями Марии Федоровны, сравнительно небольших садово-парковых композиций вблизи двух деревянных дворцов (Мариенталь и Паульлюст), выстроенных для летнего пребывания наследников.²¹³ Касаясь этих начинаний великой княгини, В.Я. Курбатов отметит: «Первоначально в парке были построены все павильоны, которые были необходимою принадлежностью английских садов: келья монаха, хижина угольщика, трельяж, китайская беседка, руина, мельница и т.д.»²¹⁴ Его дополнит Д.О. Швидковский: «Запруженная река Славянка образовывала несколько островков. Деревянные мостики и китайская беседка были построены, насколько можно судить по многим сохранившимся рисункам, по образцам из упоминавшихся увражей У. и Д. Халфпенни, содержащих проекты «сельских зданий в китайском вкусе. (...) Эрмитаж представлял собой маленький квадратный домик с решетчатым окном и был сделан по рисунку Ч. Овера».²¹⁵

Однако главной целью начального периода станет заведение пейзажного парка: «Уже в то время зародилась мысль о том, что ее стержнем станет долина Славянки. (...) Два его центра – Паульлюст и Мариенталь - благодаря установившимся между ними пространственным связям, содействовали выявлению живописной «оси», на которой будет основана композиция Павловска».²¹⁶

Поздней осенью 1779 г. сюда командировали Камерона, который и сформу-

лирует идею создания крупного дворцово-паркового комплекса, в полной мере отвечающую представительному статусу великокняжеской резиденции. С самого начала все отведенное обширное пространство Камерон трактовал в рамках единого планировочного и объемно-пространственного замысла, закрепляя за ней принципиально иные пространственные рубежи. Именно поэтому и двухцентровая в своей основе структура первоначальной планировки подлежала полному упразднению, соответственно ликвидировался и только что выстроенный объем Паульлюста (Павлова радость) для строительства на его месте крупного дворцового объема, призванного стать активной доминантой всего усадебного комплекса.

Основная идея парка, к детальной проработке которого Камерон приступит еще в конце 1779 г., довольно подробно отображена на проектном генплане комплекса, датированном 1780 г.²¹⁷ Зафиксированная здесь планировка и станет исходной базой для всего последующего развития парковой композиции, да и самого города. В конечном счете, этот замысел и предопределил на ближайшее будущее совершенно «колоссальные размеры ансамбля».²¹⁸

Детально и всесторонне проанализировав особенности местности, Камерон предложил создание линейной в своей основе трехчастной структуры парка, которая, несмотря на принципиально иные издержки, все же была безоговорочно одобрена наследниками. В качестве центрального его района избиралась пониженная и сильно заболоченная долина р. Славянки, простиравшаяся по оси север-юг на значительное расстояние. С западной и восточной сторон ее фланкировали две не менее протяженные повышенные материковые части, представлявшие собой покрытую лесом маловыразительную местность. Несмотря на это, Камерону удалось сформировать всего за шесть лет (1780-1786) обширную парковую среду, вобравшую в себя целый ряд уникальных по своей художественной значимости пейзажных районов. Принципиальное значение в данной связи имело и создание достаточно развитой водной структуры за счет слияния маловодной Славянки с полноводной Ижорой, а также благодаря устройству на Таицких ключах сразу нескольких прудов.²¹⁹ Именно на их основе и

последует формирование художественно значимых частей, постепенно становившимися неотъемлемыми составными элементами уже крупных пейзажных районов. Весьма показательны на этот счет вполне конкретные указания Марии Федоровны. В одном из них, датированном 14 апреля 1784 г., она, упоминая отсутствовавшего на тот момент Камерона, отметит, что тот «приедет, чтобы произвести расчистку вокруг озера. Я очень довольна, потому что озеро станет красивее и потеряет свой дикий вид...»²²⁰ В другом, от 14 июля 1785 г., также адресованном Кюхельбекеру, уже была сформулирована новая проектная задача: «Предложите Камерону заняться устройством... лесного участка в долине, которая виднеется с Александровского озера...»²²¹

В общем замысле Английского парка совершенно особой композиционной ролью наделялись парковые сооружения, призванные подчеркивать отдельные части ландшафта и одновременно служить активными «видовыми точками». В данном случае на смену концепции исключительно «чистых пейзажей» Л. Брауна приходит идея органичного синтеза архитектурных и природных форм, относительно чего В.Н. Талепоровский подчеркивал: «В планировке парка у Камерона доминирует идея естественности, учет природных красот местности. Дорожки не подводят зрителя прямо к архитектурной точке, а выются вокруг нее и при подходе к точке позволяют издали видеть ее со всех сторон. Планировка всюду отвечает топографии местности и выгодно подчеркивает характерные красоты пейзажа. Основные архитектурные точки вкраплены в ансамбль природы. (...) Когда Камерон komponует парковый павильон, он не архитектуру украшает пейзажем, а архитектурой украшает пейзаж, парк. Это приводит к длительной, прочной связанности пейзажа с архитектурой. Как бы не разрастался и ни изменялся окружающий пейзаж, архитектура остается в одной с ним гамме».²²²

К реализации обширного своего замысла Камерон незамедлительно приступит уже весной 1780 г. Основной массив земляных работ будет связан с формированием крупного пейзажного района в долине Славянки, где с помощью подсыпки грунта, рытья прудов и расширения речного русла удастся ликвидиро-

вать ее сильную заболоченность и сформировать самую выразительную часть Английского парка. Практически одновременно начнется растянувшаяся на несколько лет вырубка леса в двух материковых его частях. Так, в Придворцовом она осуществлялась выборочно, главным образом при прокладке центральной тройной аллеи и устройстве непосредственно с ней связанных подъездных площадок. А в западном окажется полностью вырубленным вплотную подступавший к долине Славянке достаточно крупный лесной массив, что позволяло перейти к устройству не менее значимых заречных районов. Выражая благодарность Камерону через своего управляющего, Мария Федоровна 10 мая 1782 г. в письме из-за границы отмечала: «Вы ему передайте, что я крайне довольна его вырубками, которые производят прекраснейший эффект, и что я льщу себя надеждой, что он устроит что-нибудь очень красивое».²²³ Осуществлявшиеся под непосредственным руководством Камерона все эти обширные работы в целом будут завершены к 1786 г., что подтверждается деловой перепиской наследников с управляющим имением - К.И. Кюхельбекером, прослужившим в Павловске около девяти лет, с 10 января 1780 г. до 1789 г.

К 30 апреля 1782 г., когда Павловск посетит императрица, работы по формированию ряда районов парка шли полным ходом. И в своем письме от 2 мая о произошедших здесь разительных переменах она уже лично проинформирует наследников: «Третьего дня я прокатилась в Павловск... Подъехавши к калитке сада, я вышла из кареты и взошла на гору по тропинке. (...) На дворе выкапывают фундаменты нового дома и флигеля с левой стороны. Из дома мы отправились к Руине по дороге, идущей вдоль горы, а отсюда по дороге, только что проведенной и сделанной нами удобною, сошли с горы очень близко Храма, строящего Камероном. Эта постройка почти окончена и внешний вид ее очень красив; (...) Вода в реке очень низка, потому что опасения по случаю таяния снегов мешали закрыть шлюзы. Оттуда мы, через мост, проходя мимо водопада, не шумящего, отправились в Шале, которое нашли чистым... Там я села и нашла вид отсюда очень приятным, заметьте, что лужайки еще не зелены и что нет еще ни листочка. От Шале мы пошли по дороге, проходящей по опушке ле-

са, и осматривали Колоннаду, которую уже начали работать. Оттуда пошла к колонне, на которую поставят Флору. Это последняя единственная вещь, которую я изволила себе критиковать, потому что нашла у нее подозрительное сходство с Мадонной на большой дороге. У новых ворот, которые ставят при выходе с лужайки на большую дорогу, мы прошли меж материалов и сели в кареты, побродив порядочных два часа, полазивши по всем покатосям, крутым и не крутым, и уставши до смерти...»²²⁴

О том, что на тот момент уже было сделано и что находилось только в процессе производства, позволяет судить, дополняя сведения императрицы, отправленная из Петербурга 4 мая корреспонденция Кюхельбекера, адресованная Марии Федоровне: «Сударыня, 30 апреля Ее Величество Императрица посетила Павловск около 6 часов вечера в сопровождении свиты... камергера графа Строганова, Нелединского, генерала Ланского, г-на Турчанинова, нескольких дам и др. кавалеров. (...) Императрица побывала у Храма, оттуда она пошла по дороге к Каскаду. Перед тем, как она туда пришла, она что-то спрашивала о воде, о которой пришлось ответить мне, так как никто ничего не мог сказать. Она остановилась ненадолго у Каскада и отправилась к Шале, задавая мне время от времени кое-какие вопросы. Ее Имп. Величество остановилась у Шале, задала несколько вопросов о Колоннаде, где она побывала, и вышла на дорогу со стороны границы сада. Переправившись у Колонны, справа у входа, Е.И.В. последовала на дорогу и к тому месту, откуда она приехала. Я буду счастлив, если Е.И.В. будет удовлетворена тем, что она видела в Павловске. (...) В саду имеется на конец месяца 32 человека, работающих под руководством садовника. 30 у Микулина для тяжелых работ, всего 83 человека. С первого мая это количество значительно увеличится. (...) Эта часть реки от моста до первого Каскада под мостом г-на Камерона очень засорена песком, ее начали чистить, и садовник начал обрабатывать эту часть, где находится Поле Роз».²²⁵

Спустя месяц, 3 июня, Кюхельбекер отправит великой княгине очередное сообщение, где подтверждал интенсивно ведущиеся садовые работы: «Вчера, т.е. 2 июня князь и княгиня Мнишек прибыли сюда в час дня и до конца дня

знакомились с Павловском. Зная, что Вы были их гостями в Вишневец, я постарался принять их как можно лучше у себя в саду и в доме Ваших Императорских Высочеств. Они были уже хорошо знакомы с Павловском по нескольким рисункам и назвали мне несколько объектов, которые они хотели бы увидеть, среди них Храм, Колоннада, Шале, Каскад, Поле Роз, Руину и т.д. Все было подготовлено: дороги расчищены, вода из реки в Каскаде, Шале полностью благоустроена». ²²⁶

В очередном своем уведомлении от 19 июля Кюхельбекер уже сообщал Марии Федоровне о близких к окончанию садовых работах и в материковых районах, и в долине Славянки: «Вся верхняя часть сада закончена, за исключением места вокруг колоннады. Закончена также нижняя часть за Храмом, исключая дорогу вокруг Храма и летучий мост». ²²⁷ А письмом, отправленным на ее же имя 29 сентября, он фактически подтверждал практически полное завершение формирования Английского парка: «Если бы Ваше Императорское Высочество могли бы сегодня осчастливить нас своим посещением, Вы могли бы прогуляться по новым дорожкам по всем частям сада и увидеть всю его красоту. Не доделана только небольшая часть, куда еще ходят телеги с грузом. Проход около Храма почти закончен». ²²⁸

Из переписки наследников с Кюхельбекером следует, что в самой реализации камероновского замысла принимали деятельное участие садовые мастера Визлер, А. Асмус и Микулин. Хранившаяся в дворцовой библиотеке одна из книг шведского естествоиспытателя Карла Линнея (1707-1778) «Systemes des botanique», содержащая информацию примерно о 1500 видов растений, вероятнее всего, была приобретена Кюхельбекером для Асмуса. Поэтому наряду с местными образцами, в обустройстве различных частей парка садовники активно использовали доставляемые отовсюду крупные партии семян и рассады. Вероятно, одна из первых была доставлена в Павловск уже в самом начале года, о чем 16 января Кюхельбекер счел непременно проинформировать Марию Федоровну: «Милостивейшая Государыня. Две посылки с семенами прибыли сюда. Вторая еще на таможне, но я надеюсь завтра ее получить. Я подписал распоряжения В.И.В. для садовника и собираюсь купить ему книгу Линнея, кото-

рая даст ему возможность профессионально обращаться с этими культурами. Я вышлю список растений и кустарников, которые имеются в Павловске, а также то, что г-н Сваарт (Swaart) должен прислать следующим летом, а также список растений, семена которых в посылке г-на Лаксмана, присланной Вашему Императорскому Высочеству из Сибири. Вместе с посылкой было письмо на имя Вашего Императорского Высочества, и так как я думал, что там находятся инструкции относительно семян, я решился вскрыть письмо в присутствии г-на Экка. Я посылаю письмо Вам, сделав предварительно выписку, необходимую для садовника». ²²⁹ 27 марта «привезли ящики с рододендрами, которые г-н Рилас привез с землею, которая покрывала корни». ²³⁰

Относительно доставки еще одной партии великая княгиня узнает из письма Кюхельбекера от 22 июля: «Только что я получил письмо от г-на Plesohtsches, который передал мне два ящика с рассадой, я сразу их отдал садовнику и перевел инструкцию, чтобы он не имел сомнений относительно растений, которые получил впервые». ²³¹ Еще две коллекции растений прибыли в Павловск из королевского питомника в Кью при посредничестве англичанина Д. Ноя (George Noe). ²³² Начиная с 1783 г. ближайшим помощником Камерона станет А.-Ф.-Г. Виолье, работавший в Гатчине под руководством главного тамошнего садовника Ч. Спарроу. Это обстоятельство позволяет предположить, что подобно Бушу-старшему зодчий мог неоднократно с ним консультироваться по самым различным садовым вопросам.

Как фиксирует проектный генплан 1780 г., весь заречный западный район, окаймлявший речную долину с восточной стороны, обладал ярко выраженной линейной направленностью. Лишь по оси с дворцом он заглублялся за счет треугольного в плане выступа, что и позволит существенно расширить границы его пространственного восприятия как от самого дворца, так и непосредственной близости от него. Весь внешний абрис этой заречной пейзажной части фиксировался геометрически ломаной проездной дорогой и сохранявшимися от порубки хвойными деревьями, преобразованными в плотные куртины. Именно вблизи них была устроена довольно неплотная, периметральная в своей основе,

дорожная сеть. Основное же пространство этого района, претерпевшее практически полную вырубку лесного массива, трактовалась в качестве обширного стриженного луга с изредка разбросанными в живописном порядке купами деревьев и кустарников. Именно здесь летом 1780 г., на существенном удалении от береговой линии Славянки и почти по одной оси от намеченного к строительству дворца, Камерон и приступит к строительству Храма Аполлона, закрепившего своим объемом обширное открытое пространство верхнего плато.²³³ О завершении его отделки становится известно из письма Кюхельбекера от 29 сентября, адресованного великой княгине: «Сударыня, Вчера вечером Гордеев привез сюда статую Аполлона для Колоннады. Он вернется, когда все будет закончено, чтобы установить ее в последнюю очередь. Весь фриз окончен и поставлен, остается карниз, около половины которого сделано, оставшиеся детали его доделываются по мере того, как доставляются сюда оставшиеся его части. Если работы так будут идти и дальше и рабочие не будут ждать камня, он будет вскоре закончен. Работа по установке карниза идет так же быстро, как медленно в комнатах».²³⁴

Следуя античному канону, допускавшему размещение такого рода храмов исключительно в священных рощах, Камерон поместит Колоннаду по границе вновь сформированного небольшого зеленого массива, образованного преимущественно за счет высадки саженцев лиственных деревьев (дубов, кленов, елей, плакучих ив и берез). Впрочем, все эти посадки велись с предельной тактичностью и изначально учитывали оптимальное восприятие этого насыщенного воздухом и глубокой светотенью паркового сооружения как со стороны дворца, так и из различных уголков заречного района.²³⁵ В восточной его части не менее активно происходило устройство садика при Шале, образная основа которого была задана фруктовыми деревьями. В уведомлении Кюхельбекера великой княгине от 4 апреля 1782 г. на этот счет сообщалось: «20 марта были привезены 200 фруктовых деревьев от Румянцева - все в очень хорошем состоянии».²³⁶ Речь шла о партии яблонь, которую граф Н.П. Румянцев отправил из Франкфурта на Майне, где проходил в то время службу в качестве «уполномоченного

Императорского Двора». Со своей стороны Мария Федоровна предписывала: «Если они хороши, я желаю, чтобы были посажены вокруг Шале, там - где другая; если плохи - то у нового Молочного домика»,²³⁷ Устройство этой части парка продолжалось и летом того же года, по поводу чего Кюхельбекер 22 июня докладывал: «19 июня в пять часов пополудни Великие князья гуляли здесь. Большую часть времени они провели около Шале и работали вместе своими лопатками и граблями. Они пили молоко, ели вишни и взяли с собою букеты цветов».²³⁸

Самым значимым элементом парка назначался район речной долины, эффектно обрамлявшийся сильно изрезанной кромкой двух материковых частей. Не случайно наибольшего разнообразия эффектно прорисованных ландшафтных форм Камерон добивался именно здесь. По той же причине весь этот сильно протяженный ландшафт открытого типа, создававшийся на площади около 85 га, был предельно насыщен постоянно сменявшимися перспективными видами и панорамными раскрытиями, что и отметит в своей Элегии «Славянка» В.А. Жуковский:

«(...) Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг сквозь чашу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина; (...)
Но вокруг меня опять светлеет чистый лес;
Опять река вдали мелькает средь долины,
То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,
То обращенных древ вершины.
И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна. (...)
Спускаюсь в дол к реке: брег темн надо мной,

И на воды легли дерев кудрявых тени;
Противный брег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени; (...)»²³⁹

Впоследствии основательно заросший, весь этот пониженный район изначально предполагал исключительно сквозную основу глубокого перспективного восприятия вдоль главной своей протяженной оси, чему всячески способствовала заданная Камероном сравнительно невысокая плотность посадок. Тому же отвечало и устройство в данном районе самой плотной дорожной сети, совмещавшей в себе сильно протяженные верхний и нижний маршруты.²⁴⁰ Именно поэтому работы по прокладке здесь прогулочных дорог растянутся на несколько лет. Так, в письме от 14 апреля 1785 г. Кюхельбекер, информируя великую княгиню, подчеркивал: «...начата дорога от... ворот. Она проходит над шлюзом ниже Храма и поднимается по рву, бывшему раньше границей верхней части...»²⁴¹

Пешие дороги дополнялись водными маршрутами, что существенно расширяло общий спектр визуального восприятия живописных картин парка. Так, на генплане 1784 г. вблизи Храма Дружбы (с двух сторон Славянки) показаны соединенные канатами пристани, между которыми неспешно со многими остановками перемещались пущенные на воду деревянные плоты.²⁴² Аналогичная переправа одновременно существовала и у Висконтьева моста непосредственно под Криком.²⁴³

Решение здесь достаточно сложных композиционных задач несколько облегчалось первозданной заболоченностью места, свободной от лесных массивов. Отдавая должное зодчему, следует подчеркнуть, что пейзажное освоение долины рек неизменно оставалось одной из наиболее трудных в английском садоводстве художественных проблем.²⁴⁴

В полной мере отвечавшая проектному генплану 1780 г. осуществлявшаяся радикальная трансформация русла Славянки, этого ключевого пейзажного элемента всей центральной части, позволила достичь впечатляющего многообра-

зия и созданной водной системы парка. Так, максимально удаленная от дворца ее северная часть в целом сохранявшая узкую змеевидную трассировку, по мере же приближения к нему речное русло многократно расширялось и теперь трактовалось в качестве большого пруда, приобретшего изысканное асимметричное очертание. Генплан 1779 г. подтверждает, что еще до приезда Камерона, поблизости от закреплявшего возвышенность Паульлюста, были прорыты водные протоки, что позволило создать три острова, один из которых украшался установленной на круглом холме Китайской беседкой.²⁴⁵ При устройстве же нового водоема зодчий столкнулся с необходимостью ликвидировать все эти протоки и вместо находившихся в южной его оконечности трех, сформировать два укрупненных разновеликих острова.

В самой удаленной от дворца северной части этого центрального паркового района в качестве основного ландшафтного объекта назначалось Круглое озеро, отделенное от русла Славянки узким перешейком. Генплан 1780 г. подтверждает, что изначально его береговое пространство трактовалось в качестве обширного луга с минимальным использованием групповых посадок. На фоне спокойной глади озера контрастно воспринимался устроенный на западном его берегу большой Каскад, живописно сложенный из крупных рваных камней. Эффект достигался сочетанием водных стихий. Каскад производил впечатление естественного водопада, сильно оживлявшего своей бурлящей водой окружающее парковое пространство. К его устройству Камерон приступит в начале 1782 г., направляя для этого воду из расположенного поблизости Старошалеинского пруда. Великая княгиня намеревалась завершить начавшиеся здесь работы непременно в том же году и информировала на этот счет Кюхельбекера 21 апреля прямо из Турина: «Я сразу отвечаю, сударь, на ваше письмо от 16 марта, которое я получила вчера вечером, с тем чтобы выяснить все с Каскадом и водостоком. Я просила вас отложить это дело до моего приезда в связи с тем, что у вас было довольно мало денег на это дело и много более важных дел. Я думаю, впрочем, что устройство Каскада и водостока взаимосвязано, если сделать сток без каскада, погубит сад. Я вас прошу узнать у г-на Бауера, сколько это все бу-

дет стоять - каскад и сток. Если сочтете возможным строить сразу вместе с другими постройками, - приступайте сразу же. В конце концов я отдаю это дело полностью в ваши руки».²⁴⁶ Спустя три недели Мария Федоровна вновь вернется к этому вопросу: «Пожалуйста, попросите Камерона кончить мой каскад. Скажите ему, что я чрезвычайно довольна его расселинами, которые производят чудесное впечатление, и я надеюсь, что он сделает нечто прелестное и из моего каскада».²⁴⁷ Близ Каскада на небольшом искусственном холме в 1785 г. будет установлена статуя Цереры. Среди архивных свидетельств за 1786 г. имеется на этот счет запись об уплате двух рублей и сорока копеек «за английскую дорожку у статуи Церере».²⁴⁸

К проектированию храма Дружбы Камерон приступит уже в конце 1779 г., широко привлекая для этого английские аналоги.²⁴⁹ Также в четком соответствии с проектным генпланом летом 1780 г., в присутствии австрийского императора Иосифа II, состоится его закладка на специально созданном западнее Круглого озера скругленном в плане полуострове. Для наилучшего обзора этого объема Камерон ограничится сравнительно малым числом высаживаемых деревьев. На генплане 1780 г. этот совсем небольшой зеленый массив показан только со стороны западной береговой линии. Датированная 1799 г. акварель Г.С. Сергеева с видом на храм и Старое Шале наглядно это подтверждает.²⁵⁰ Однако использовать в этой новой ландшафтной композиции высокорослые деревья так и не придется, о чем Кюхельбекер проинформирует великую княгиню 22 июня 1782 г.: «Участок у Храма, и тот, который мы заняли, сейчас самые большие в саду. С большой грустью сообщаю В.И.В., что пришлось срезать большие липы и дубы около Храма, т.к. они совсем засохли. Спасти эти замечательные деревья было невозможно».²⁵¹ Преимущественно открытый характер восприятия Храма Дружбы сохранялся и далее, хотя вскоре поблизости разместят трактованное в виде романтической хижины деревянное строение Кухни. Исследователь в данной связи отметит: «В архиве Павловского дворца имеется три чертежа с автографом Ч. Камерона и датой 1783, на которых изображены план и все четыре боковых фасада небольшой постройки, декоративно оформ-

ленной стволами деревьев. На плане по-английски написано: «План кухни около храма» (Plan of the Kitchen behind the Temple). Так как «Храмом» в рукописном архиве и на исторических планах парка называется павильон «Храма Дружбы», надо сделать вывод, что «кухня» была сооружена где-то поблизости от него. Действительно, согласно историческим планам, 1784 и 1786 гг. на левом берегу Славянки, к востоку от Храма Дружбы, сооружена деревянная, почти четырехугольной формы постройка, против которой через реку к павильону переброшен мост».²⁵²

Сравнительно небольшое число высаженных в долине Славянки деревьев и кустарников позволяло хорошо воспринимать этот «храм» на существенном удалении, в том числе и из повышенных районов парка.²⁵³ Тому всячески способствовали широко используемые, преимущественно на склонах, рассредоточенные посадки, свободно высаженные дубы или составленные из лип «букеты», эффектно подчеркивавших глубину парковых пространств. Ближе к самой Славянке деревья и кустарники обычно подбирали по высоте, и те, что были пониже, высаживались у воды, что и позволяло «искусственно усиливать рельеф».²⁵⁴

С творчеством Камерона следует связывать и создание к западу от храма Дружбы Семейной рощи, также помещавшейся на небольшом полуострове по другую сторону реки. Существенно приближенная к дворцу, она наиболее выгодно просматривалась со стороны северного фасада. Задуманная в качестве одного из важнейших структурных элементов речной долины, роща изначально отвечала ее исходному ритмичному построению. Образована она была собственноручно высаживаемыми наследниками и их детьми деревьями и кустарниками. Сюда же пересаживают и специально доставленный из Петергофа сибирский кедр, посаженный в честь рождения Павла Петровича. Вблизи него, в качестве парного, Мария Федоровна поместит серебристый тополь, свое «любимое дерево». Как выясняется, изначально композиционный центр Семейной рощи был подчеркнут декоративной вазой в виде урны, установленной на круглом в плане высоком пьедестале. Этот исполненный из красного мрамора пьедестал в

1780-х гг. украшался по периметру цветами.²⁵⁵

Создание в западной части долины Славянки еще одного крупного пейзажного района на базе Мариентальского пруда изначально не предусматривалось. Впервые этот пруд был зафиксирован на генплане 1799 г. в качестве эффектно изгибавшегося широкого водоема, простиравшегося в западном направлении вплоть до Мариенталья. Был ли причастен к его устройству Камерон – неизвестно. Однако именно здесь, на понижающемся рельефе и в окружении живописно разбросанных каменных глыб, в четком соответствии с проектным замыслом и разместят в 1782 г. обелиск в честь основания Павловска. Он-то и станет одним из главных украшений Мариентальского пруда.²⁵⁶

Весь повышенный восточный район парка был спланирован на покрытом лесом сильно вытянутом по оси восток-запад широком мысу, фланкированном с двух сторон долиной Славянки. Его западная оконечность в самой высокой точке естественного рельефа закреплялась тремя соподчиненными дворцовыми объемами, полностью соответствуя палладианской схеме. Западный, северный и южный фасады дворца Камерон целиком ориентирует к району речной долины. Основную же ось дворцового комплекса он закрепит проложенной сквозь лесной массив протяженной Тройной липовой аллеей, трактуя ее в качестве представительного парадного подъезда. Следует подчеркнуть, что пространственные элементы подобного рода достаточно часто встречаются в крупных английских поместьях и, стало быть, были хорошо ему известны.²⁵⁷ С восточной стороны аллея ограничивалась полукруглой площадкой, а с запада – овальным в плане стриженным лужком, вплотную подступающим к придворцовой площади.²⁵⁸

На том же проектном генплане 1780 г. планировка находившегося поблизости Собственного садика показана во всех подробностях. Фиксационные планы 1790-х гг. подтверждают, что она была реализована в полном соответствии с исходным замыслом Камерона, вероятно, при участии Виолье. Задуманный в качестве уютного камерного (интимного) уголка этот примыкавший к скругленному южному крылу и южному фасаду дворцового объема регулярный сад

был огорожен и состоял из четырех разновеликих композиционно связанных друг с другом элементов, в полной мере отвечавших общей и частной линейной разбивке. Его центральная протяженная аллея, проложенная строго по оси север-юг, с одной стороны подступала к будуару великой княгини, а с другой – к ступенькам укрытого тентом балкона, устроенного на высоком цоколе и целиком сориентированного в сторону долины Славянки.²⁵⁹ Близ самого дворца, в скругленном пространстве, разместят цветочные партеры. Далее с двух сторон к центральной аллее примыкали две небольшие плотно засаженные рощи. Одна из них была отмечена перекрестной в своей основе геометрически выверенной дорожной сетью. Другая, непосредственно подступавшая к речной долине, содержала высаженные в шахматном порядке липовые деревья. Наряду с доставлявшимися преимущественно из-за границы редкими цветами, растениями и кустарниками, в отделке Собственного садика щедро использовалась и скульптура. В конце XVIII в. у цветочного партера по обеим сторонам основной дорожки установят еще и две крупные мраморные вазы.²⁶⁰ Сюда же поместят и насквозь пронизанную лирическим началом статую «Амур, снимающий с крыла бабочку» известного английского скульптора-неоклассициста Т. Бенкса (Thomas Banks, 1735-1805), прибывшего на русскую императорскую службу в 1781 г..²⁶¹ О доставке ее из Царского Села в Павловск Кюхельбекер сообщит в письме к Марии Федоровне 18 октября 1781 г.²⁶²

В 1801 г. на месте балкона также по проекту Камерона будет выстроена Новая каменная колоннада, получившая в середине XIX в. свое нынешнее название Павильона трех граций. Его постановка на повышенном рельефе позволит сформировать еще несколько впечатляющих по своей пространственной глубине панорамных раскрытий, сориентированных, прежде всего, к только что устроенному Мариентальскому пруду. Несомненно, Камерон и впоследствии не раз привлекался к корректировке вполне сложившегося облика Собственного садика. Это тем более вероятно, ибо имя его в связи с производившимися садовыми работами в Павловске последний раз будет упомянуто в 1811 г.²⁶³

Примерно равные по площади две обширные территории, ограниченные с

одной стороны кромкой естественного рельефа долины Славянки, а с другой - трехчастной аллеей, в проектном замысле 1780 г. все еще сохраняли основной массив леса. Прокладываемые здесь прогулочные дорожки в основном повторяли живописное очертание этих кромок. На плане также показано несколько прямолинейных транспортных дорог, обеспечивавших связь представительных частей комплекса с внешними трассами. Причем одна из них, шедшая к охотничьему домику Крик, в северной своей оконечности приобретала извилистое очертание. Прямоугольный в плане участок соорудившегося по проекту Камерона Вольера или Птичника на том же генплане показан южнее тройной аллеи в окружении сплошного лесного массива. Желая как можно скорее завершить формирование этой ближней к дворцу садовой части, Мария Федоровна 25 октября 1782 г. спрашивала у Кюхельбекера: «Готов ли цветник пред Птичником? Очищен ли мой лес?»²⁶⁴ Уже позднее, существенно развивая первоначальный замысел, Виолье предложит создать восточнее Вольера регулярные парковые части с размещением всякого рода малых увеселительных сооружений (шара с кеглями, качелей, кольца) что, собственно, и было реализовано. Западнее Вольерного участка Камерону удастся создать на основе просторного луга еще одну пейзажную часть, непосредственно подступавшую к южному дворцовому флигелю. Все это придворцовое пространство, находившееся севернее аллеи (нынешний район Больших кругов) также приобрело пейзажный облик, неизменно сохранявшийся вплоть до начала XIX в. Именно в восточной ее части, на границе с опушкой леса, и будет размещена устроенная в виде романтической хижины Молочня. Мария Федоровна придавала ее окружению принципиальное значение. Не случайно сопровождавший «графов Северных» барон А.Л. Николаи в письме к Кюхельбекеру подчеркнет: «Ее Императорское Высочество полагает, что самое удобное место для этой постройки - в верхней части сада, в самом отдаленном углу на окраине, дабы прямо из стойла коровы могли ходить в лес. Необходимо также, чтобы эта хижина была хорошо скрыта, настолько, чтобы о ней не догадывались до той минуты, покуда не подойдут к ней».²⁶⁵ В письме же к Кюхельбекеру от 14 апреля 1782 г. она уже собственноручно на-

пишет: «Если сливовые деревья очень красивы, как вы пишете, можно посадить их вокруг Шале, или с одной его стороны, если это не так, можно посадить около... Молочни... Не говорил ли вам Камерон о новой Молочне, о которой я писала в письме из Рима. Сообщите мне о его планах как можно скорее».²⁶⁶ В очередной раз она вернется к этой теме 21 апреля находясь уже в Турине: «Я хочу, мой дорогой Кюхельбекер, чтобы Молочня, которую мне строит Камерон, находилась на опушке леса, из камня, и ее нельзя было бы увидеть издали». ²⁶⁷ Показательно, что оказавшееся на месте постройки Молочни дерево «не срубили, а использовали как одну из опор свешивавшейся соломенной крыши». ²⁶⁸ В удаленной части парка Камерон разместит на одной из вершин берегового склона долины Славянки и мемориальный Памятник родителям Марии Федоровны, фланкировав его сплошной куртиной из хвойных деревьев. ²⁶⁹

Также в начале 1780-х гг. Камерон определит все дальнейшее развитие Павловского парка, взяв за основу крупные лесные массивы, находившиеся на периферии имения. Благодаря всем эти трем вновь формирующимся районам Зверинца, отмеченными круглыми в плане центральными площадками с отходящими от них просеками, был образован своего рода пространственный треугольник, заключивший в себе всю центральную часть дворцового комплекса. Как раз по настоянию Павла Петровича среди первоочередных работ значилось устройство Зверинца юго-восточнее дворца, в удаленной лесной чаще. ²⁷⁰ Этот отделявшийся сплошной оградой обширный прямоугольный в плане участок, отошедший впоследствии к городу, периметрально закрепляли четыре дороги. Планировочную основу Зверинца составили восемь симметрично расходящихся в разные стороны протяженных лесных просек и устроенный в центральной части Круглый пруд, одновременно служивший водопоем для животных и главным ориентиром этого весьма обширного периферийного пейзажного района.

В 1782-1784 гг. Камерон приступит и к разбивке сильно удаленного от дворца заречного района Большой звезды, изначально трактуя его в качестве еще более крупного охотничьего угодья, создававшегося на площади 130 га. И здесь, активно осушая заболоченные земли и сохраняя основной массив леса, он пред-

ложил создание звездообразной планировки с радиальными просеками.²⁷¹ Центральную его площадку Камерон закрепит Красной беседкой, откуда все эти просеки, причем в тесной зависимости от постоянно меняющейся освещенности, будут эффектно восприниматься в сильном перспективном сокращении. В деловой переписке 1787 г. по поводу устройства этого района отмечалось следующее: «Круг под Красную беседку сделан... Вокруг Красной беседки через каналы 12 мостов отделаны... От оной Красной беседки 5 просеков вновь прорублено, по которым от беседки на 130 сажен пять кругов сделаны...»²⁷² Несколько позднее Игнатий Данилов и Федора Семенов доложат, что ими уже пробито семь просек и завершено устройство центральной площадки или Круга. Относительно же назначаемых его размеров и самой отделки сообщалось, что «низ 7 саженей, верх в 2,5 сажени с 10 ступенями и дерном весь обложен».²⁷³

Еще более значительным назначался удаленный от дворца в северо-восточном направлении район Белой березы, площадь которого достигала 250 га. Планировка этого очередного Зверинца была разработана Камероном еще в 1782 г.²⁷⁴ Занимаясь впоследствии формированием здесь самого обширного паркового района, Гонзаго решит воспользоваться предложенной Камероном сходящейся в одной точке сетью просек и связывающей их сильно протяженной периметральной «английской дорожкой».²⁷⁵

К формированию очередного своего пейзажного района в долине Славянки, известного как Красная долина, Камерон сможет приступить в конце июля 1800 г., уже после совпавшей с павловским правлением четырехлетней своей отставки, относительно чего в докладной записке отдельно разъяснялось: «Архитектор Камерон служил сначала по Контракту и по Указу 1783 года июля 3-го числа производилось ему из Кабинета по 2500 рублей в год. По истечении Контракта Указом 1786 года июля 13-го числа повелено производить ему жалования по 3000 рублей на год покуда в службе останется. 1796 года декабря 31-го числа высочайше повелено по ненадобности его отпустить. (...) 1800 года июля 22-го числа Высочайшим указом повелено причислить его в ведомство Кабинета и

производить жалование по 3000 рублей на год, которое ему и производится».²⁷⁶ Эта максимально удаленная от дворца в северо-восточном направлении необычайно выразительная часть парка создавалась на живописно очерченном полуострове, образованном за счет устройства связанных с р. Славянкой сравнительно небольших разновеликих прудов. Именно на его стрелке и будет размещен Елизаветин (Краснодолинный) павильон, изначально называвшийся «Point de vue». Действительно, это спроектированное Камероном парковое сооружение, поставленное на возвышении и покоящееся на высоком цоколе, представляло собой двухъярусную террасу, откуда открывалось сразу поражающее воображение восприимчивого зрителя большое множество живописных картин. В начале 1840-х гг. современник по этому поводу отметит: «Вид с террасы очаровательный: с одной стороны представляется взору шумящий каскад, с другой обширная долина с чрезвычайно разнообразными группами деревьев, и искусственными развалинами... вдали сельские виды, большая дорога...»²⁷⁷ Саму же Руину, отмеченную широкими циркульными арками и частично скрытую за уплотненными посадками, Камерон поместит все на том же полуострове несколько южнее Елизаветина павильона, совместив ее со зрительной осью Новосильвийского моста.

Общий итог весьма многогранной садоводческой деятельности Камерона в Павловске подведут уже его современники. Так, в начале 1790-х гг. Георги отметит: «Сад велик и разведен по Аглинскому вкусу, с кустарником, извивающимися дорожками, рекою Славянкою, с водопадами, прудами, пустыньками, беседками, домиками и некоторыми памятниками. (...) В лесу вне сада есть также дорожки для прогулки, малые заведения домостроительства, места для отдохновения и пр».²⁷⁸ Предельно кратко, но исключительно в восторженных тонах выскажется в конце XVIII в. небезызвестный французский писатель Сен-Мор: «Павловск обладает своеобразным очарованием, которое создает его характер, и должен удовлетворять всем вкусам и, даже смело могу сказать, он отвечает всем настроениям души».²⁷⁹ Заслуживает упоминания и непосредственное восприятие побывавшей впервые в Павловске княжны М.Н. Волконской, сделавшей 2 авгу-

ста 1810 г. в своем дневнике следующую запись: «...мы осмотрели сад и гуляли в нем сперва пешком, потом в линейке. Я была восхищена красотой сего сада; он чрезвычайно обширен; со всех сторон прекрасные виды; и хотя он в простом вкусе, в нем видно прелестное разнообразие и множество прекрасных цветов. (...) Здесь много беседок, расположенных со вкусом и отличающихся простотой своею. ...во всем виден большой порядок и простота».²⁸⁰

Впрочем, самой авторитетной станет оценка известного в Англии ботаника и садовода Д. Лаудона. Воочию ознакомившись с Павловским парком во время кратковременного своего пребывания в России в 1813 г., он сочтет его «лучшим образцом английского стиля в окрестностях российской столицы или даже во всей империи».²⁸¹ Это обстоятельство позволит ему всерьез утверждать, что Камерон всего лишь воспользовался проектными материалами Л. Брауна, якобы доставленными в Россию У. Гульдом, английским садовником князя Г.А. Потемкина.²⁸²

5. ПЕЛЛА

Джон Манро, Джозеф Буш

(1785-1789 гг.)

Императорскую резиденцию в Пелле заложат на левом берегу Невы вблизи Невских (Пелльских) порогов, прямо напротив усадьбы Г.А. Потемкина в Островках и в непосредственной близости от Ивановской мызы, приобретенной Екатериной II в 1784 г. совместно с обширными окрестными землями.²⁸³ Стремясь наиболее полно передать ландшафтную уникальность этого возвышенного левого берега Невы и подчеркнуть многообразие открывающихся отсюда видов, она 18 июля 1785 г. обращаясь к М. Гримму, напишет: «Вот я приехала сюда, в такое место, о котором вы не имеете понятия; я нахожусь в 26-ти верстах от Шлиссельбурга, в 32-х от Петербурга, в 35-ти от Царского Села, на изгибе Невы, ниже здешних порогов. В настоящую минуту эти пороги от меня вправо, и на таком же расстоянии влево я вижу из окна впадение в Неву реки

Тосны. От порогов до устья Тосны материк образует большой полумесяц, в середине которого находится Пелла.

Река Нева, пройдя пороги и образовав губу, при которой я нахожусь, изволит продолжать свое течение против самых наших окон, к Петербургу. Таким образом, фасад Пеллы вовсе не на север, а как раз в сторону реки на запад, надворный же фасад на восток.

По ту сторону против Пеллы находится мысок, над которым виднеются деревни, леса и дома, расположенные по обоим берегам Невы. Через четыре года у меня будет прекрасный дом на этой земле; основание его уже заложено... Нева на этом месте имеет вид большого озера: множество судов, короче весь торговый груз и строительный материал Петербурга проходит мимо моих окон, и все в эту минуту в движении на воде и на берегу. (...) Местоположение прелестное, виды чрезвычайно разнообразные и будет очень удобно украсить все английским парком».²⁸⁴

Торжественная закладка дворца по проекту И.Е. Старова состоится в присутствии самой императрицы днем ранее, 17 июля 1785 г. К этому же времени проектный замысел устройства обширной садово-парковой среды был, вероятно, разработан и согласован. Скорее всего, саму разработку пеллинского «аглинского сада» следует связывать с творчеством английского садового мастера Д. Манро (John Munro, Munroe), который с самого начала руководствовался достаточно четкими указаниями самой заказчицы. Еще в 1782 г. совместно с Ф. Ридом (Francis Reid) ему удалось подписать контракт и поступить на четырехгодичную императорскую службу, по поводу чего находившийся в Лондоне российский консул А. Бакстер замечал: «Манро и Рид еще не готовы для собственных проектов, но могут, изучив конкретную местность, на которой предполагается создать английский парк, начертить планы».²⁸⁵

В указе императрицы, адресованном Кабинету и датированном 19 сентября 1782 г., подчеркивалось: «Выписанным по велению НАШЕМУ из Англии Садовникам Иону Мунро и Франциску Риду повелеваем производить из Кабинета жалование первому в первый год пять сот, во второй год шесть сот, в третий и

последующие по том годы, покуда он в службе нашей останется по семи сот рублей; второму первый год четыреста, во второй пять сот, в третий и последующие по том годы покуда он в службе нашей останется по шести сот рублей. Сверх того на содержание стола, переводчика и на все прочие расходы по девяти сот рублей на год каждому».²⁸⁶ Чем занимались эти садовые мастера вскоре по приезде, установить не удалось. Однако в марте 1784 г. Рида командируют в подмосковное Царицыно, а Манро вероятнее всего осенью отправится в Пеллу. Судя по размеру установленного жалования, он в сравнении с Ридом являлся более опытным садовником. Наконец, известно, что в 1785 г. Манро было выплачено 200 руб., видимо, за истекшую треть года.²⁸⁷ То, что именно Манро с самого начала возглавлял в Пелле садовые работы, подтверждается служебной запиской С. Стрекалова от 12 мая 1785 г.: «Государь мой Прокофий Яковлевич!

При сем отправлен к вам садовник Михайло Скибски (Michail Skibski), которому принадлежит быть в мызе Пелле при тамошних садовых работах в помощь садовнику Мурно, жалования производить ему впредь до повеления по двадцати по пяти рублей на месяц».²⁸⁸ Видимо Манро проработает в Пелле вплоть до последовавшей в 1789 г. приостановки садовых работ. Тогда-то он и возвратится на родину, ибо в последующей служебной корреспонденции имя его более не встречается.²⁸⁹ О том, что неоднократно привлекался к устройству парка также главный царскосельский садовник, свидетельствует сделанная 4 августа 1787 г. запись А.В. Храповицкого: «Приказано ехать в Пеллу, где был ночлег. Здание прекрасное, и сад не терпит колифише (мелочей), все надобно en grand; сама изволила работать с молодым Бушем».²⁹⁰

В связи с начавшейся Русско-турецкой войной императрица 3 ноября 1789 г. распорядится существенно сократить финансирование решительно всех ведущихся в Пелле строительных и садовых работ. Однако и в 1791 г. вслед за заключением Ясского мира оно так и не достигнет довоенного уровня, а позднее и вовсе было прекращено.²⁹¹ Впрочем, реализовать к тому времени удастся все же многое. Георги, посетивший Пеллу незадолго до коронации Павла I, отметит: «Пелла был прежде загородный дом тайного советника и сенатора Не-

плюева. Ее Императорское Величество купила оный в 1784 году и повелела под смотрением Старова и Козелова начать строение Императорского увеселительного замка, богато и великолепно заложенного; оное уже довольно успело, прерывалось однако же войнами и в декабре месяце 1793 года еще не было совершено.

Пелла состоит из некоторого числа отдельно стоящих строений или павильонов различного виду, положения и величины, между коими отличаются пять, ради архитектурных своих украшений. Два из оных стоят у берегу, из коих одно определено для пребывания Ее Императорского Величества, а другое - для Императорского дому. Между оными стоит самое большое, или главное строение. Оно имеет чрезвычайно великий зал, украшенный наподобие залов в римских банях и снабженный всеми потребностями для больших торжеств. Кухни, оранжереи, сараи, конюшни суть на весьма большом открытом, еще не разделенном месте. Разные из сих строений соединены аркадами, галереями или колоннадами таким образом, что они со стороны земли, с которой к оным приезжают, составляют нечто целое, содержащее в себе разные дворы и сады. Последние еще не заложены, должны однако же быть расположены по аглинскому вкусу со многими картинными переменами».²⁹²

Уже в декабре 1796 г. Павел I распорядится разобрать все шесть (из девяти спланированных) дворцовых объемов, что повлечет за собой и ликвидацию уже сложившихся садово-парковых частей, и достроенного оранжерейного комплекса. Упомянувшийся же «оранжерейный садовник» Скибски в докладной своей записке относительно дальнейшего прохождения службы прояснял сложившееся к 1800 г. положение следующим образом: «...по окончании строительства дворца быть мне ж и при разведении вновь при том дворце садов и оранжерей по опробованным Ея величеством на то плана, а как в прошлом в 1799 году из тех оранжерей все фруктовые деревья повелено перевезти в здешний итальянский сад, которые под надзором моим были высажены, перевезены, и посажены в те оранжереи без наималейшего повреждения и так по

уничтожении их пелинских оранжерей я без всякой по званию моему в той мызе должности».²⁹³

Имеющиеся графические материалы позволяют высветить общие направления садоводческой деятельности английских мастеров в рамках формирования в Пелле крупного императорского дворцово-паркового комплекса.

Датированный 1784 г. генплан Ивановской мызы подтверждает, что вся представительная часть усадьбы отвечала общей протяженной оси, сориентированной к самому широкому в этом месте речному руслу, которое более всего напоминало эффектно очерченный обширный пруд.²⁹⁴ Эта ось отвечала симметричной разбивке сильно вытянутого в плане регулярного сада, постановке главного усадебного дома и обзорного павильона, закреплявшего оконечность сильно вдававшегося в воду мыса. Показательно, что и зафиксированное на генплане 1787 г. симметричное размещение всех дворцовых объемов полностью соответствовало все той же оси.²⁹⁵ Само заведение обширной садово-парковой среды изначально сводилось к решению трех главных задач:

- формирование основной материковой пейзажной части;
- создание впечатляющих береговых склонов на Неве;
- устройство камерных садовых композиций во внутренних дворах самого дворца.

Под пейзажный парк отходили в основном пахотные земли, граничившие с протяженной береговой линией Невы, долина впадающей в нее речки Святки и крупные лесные массивы, находившиеся от дворца на существенном удалении. Радикальная трансформация всей этой равнинной местности изначально предполагала проведение обширных земляных работ. Именно здесь планировалось выкопать пруды и соединить их с р. Святкой, а вынутую землю использовать для насыпки холмов с целью создания выразительного рельефа с последующей высадкой многих тысяч деревьев и кустарников.²⁹⁶

Показательно, что один из пейзажных районов должен был украшаться

«классическими древностями». Так, в очередном своем письме к Гримму, касаясь этого своего замысла, императрица заметит: «По выходе из Эрмитажа я имела длительное совещание с синьором Кваренги, которому сегодня в четыре часа пополудни я поручила заказать для помещения в парк Пеллы три колонны белого мрамора, единственный и замечательный остаток храма Юпитера Громовержца. Вот прихоть, которая овладела мною вдруг в последние три дня; у меня явилось какое-то лихорадочное желание иметь эти три колонны, выполненные в натуральную величину и во всей их красе».²⁹⁷

Подобно Павловску и Гатчине, в окружавших пеллинский парк лесных массивах также предполагалась прокладка протяженных просек. Об этом становится известно из письма П.Б. Шереметева, отправленного из Москвы 30 октября 1785 г. к своему управляющему: «Пишешь о прожекте, что к мызе Пелле назначена прямая дорога, которая проходит чрез дачи мои сельца Вознесенского, и ежели она подтверждена будет, то в тех моих дачах большая часть лесу будет вырублена, и хотя казенный экспедиции директор тебе о том и объяснил, что то еще не вышло, однако оно не оставлять и наведываться».²⁹⁸

Некоторую ясность относительно того, что в действительности было осуществлено в Пелле, вносит Пыляев: «За казармами, вправо от большой дороги, есть признаки некогда огромного сада. Он начинается круглым прудом; в середине которого круглый островок, заросший лесом; в старину со всех сторон были к нему мостики; в пятидесятых годах оставалось ещё от них несколько догнивавших свай, а прудок был настолько глубок, что перейти в брод было невозможно; летом островок составлял красивую купу зелени. За прудком тянулась прямая, длинная аллея, деревья которой крестьяне помаленьку истребляли».²⁹⁹

Исполненный с натуры рисунок Дж. Кваренги, происходящий из собрания Королевского института британских архитекторов и известный как «Вид дворца в Пелле с противоположной стороны Невы», следует отнести к рубежу 1780-х–1790-х гг.³⁰⁰ Изображение не вызывает сомнений в том, что отделка береговой линии Невы к тому времени была в целом завершена. Здесь также отчетли-

во просматриваются эффектно очерченные разновеликие пригорки, придававшим дворцовым объемам подчеркнуто выразительное естественное обрамление. Минимальная плотность устроенных здесь посадок всячески способствовала появлению впечатляющих панорамных раскрытий на Неву и прибрежные пространства, причем как из самого дворца, так и со стороны невских берегов. Не случайно Георги подчеркнет, что парк создавался «со многими картинными переменами». Собственно по той же причине императрица просила с предельной тактичностью проинформировать П.Б. Шереметева, что принадлежащие ему строения очень сильно портят окрестные виды. А потому в отправленной 31 июля 1785 г. из подмосковного Кускова служебной записке на имя своего управляющего он предписывал принять к тому незамедлительные меры: «В полученном от тебя на сей почте письме от княгини Алены Никитичны пишет она ко мне, что ее величество, возвратясь из Пеллы, изволила говорить князю Александру Алексеевичу, хваля свою мызу, не худо бы было коли я построил что-нибудь для виду Пеллы, не застраивая только самого мыса; то княгиня Алена Никитична и думает, что оным мои строения из той мызы и видны, и того ради разобрав, ежели те конюшни делают какой дурной вид, поговорить с архитектором Старовым, который при строении того дворца; ежели они мешают какому-нибудь виду, то их тотчас сломать и место расчистить».³⁰¹

Единственные в своем роде Пеллинские или Ивановские пороги, образовавшиеся на Неве с незапамятных времен эффектным нагромождением известковых глыб, признавались уникальным творением природы и потому органично включались в композицию всего прибрежного пейзажного района. Находившийся же от них поблизости сильно выступающий мыс Святка прорезался каналом, позволявшим существенно продлить столичное судоходство до Шлиссельбурга, а затем и до Ладоги. Датированный 1893 г. «Генеральный план Воинских зданий на Мызе Пелла» указывает на то, что восточная часть этого мыса была преобразована в протяженный остров еще в екатерининское правление. Здесь же показано и очертание береговых линий, все еще сохраняющих чисто живописную свою обработку.³⁰² В частности, для удобного причаливания судов

вблизи главного дворцового корпуса была сделана мягко очерченная бухта.

О том, что просторные внутренние дворы пеллинского дворца содержали (или должны были содержать) регулярные садики, свидетельствуют украшавшие веер изображения, сделанные неизвестным художником в самом конце XVIII в.³⁰³ На одной его стороне они запечатлены со стороны Шлиссельбургской дороги. Несмотря на присущую картинке условность, здесь вполне различимы аллеи посадки и прямоугольные в плане партеры, местоположение которых полностью отвечает осевой разбивке дворцовых корпусов.

*6. БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ, ШАМПЕТР, РЯБОВО,
КАМЕННЫЙ ОСТРОВ, ИМПЕРАТОРСКИЙ ПОВИВАЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ, ЗНАМЕНКА, ПУЛКОВСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ*

Джозеф Буш

(1783 - 1830-е гг.)

К формированию на площади около 5 га совсем небольшой пейзажной композиции при Баболовском дворце, органично впоследствии растворившейся в обширном Баболовском парке, Буш приступит вскоре по вступлении в должность главного садового мастера Царского Села. Обстоятельства ее устройства проясняет И.Ф. Яковкин: «Государыня Императрица Екатерина II, на проездах своих по прогульным дорогам, усмотрев весьма приятное возвышенное местоположение не доезжая до чухонской деревни Баболова на правой стороне ручья Кузминского, в полутора верстах от Царскосельского сада к югу, повелела в 1780 г. построить там за 3984 руб. 17 коп. деревянный небольшой дом со службами по правую сторону ручья. Но 13 января 1783 г. повелела, сломав прежнее деревянное строение, вместо него построить по смете 15595 руб. 4 коп. каменный небольшой дворец... около дворца сего развести Английский сад, окружив его со стороны поля и дикаго лесу валом и каналом для обсушения места и не пропускания в сад снежной и дождевой воды».³⁰⁴

В соответствии с высочайшим указом сама разбивка парка начнется в том же году. Так, 12 мая 1783 г. «через Бригадира Г. Безбородко Высочайше Кабине-

ту повелено на исправление при Баболовском дворце земляных и дерновых работ за дорожки на Английский образец, выкопание двух прудочков и прочия работы отпустить 4955 руб». ³⁰⁵ Вероятно, к концу года основной массив садовых работ был завершён и в последующие годы производились уже их доводка. В деловой переписке от 1787 г., например, читаем: «Канал, вырытой кругом аглинского сада князя Григорья Александровича Потемкина впущен в Бауэрский канал, от чего во время дождей... вода прибывает. ...для отвращения сего надлежит вырыть вновь отводной канал для спуску из него воды...» ³⁰⁶ То, что проложенные в парке на основе таицких источников каналы были облицованы камнем, выясняется из очередной служебной записки: «То же самое обстоятельство с оною водою при саде который подле дома его сиятельства Г.А. Потемкина, канал с одной стороны не одет камнем, и следовательно мутит также оную воду». ³⁰⁷

Отшедший после смерти Г.А. Потемкина вместе с дворцом и службами снова в собственность императорского двора парк и далее содержался Бушем в образцовом порядке. Об этом становится известно из датированной 17 июля 1801 г. «записки к докладу», составленной в связи с недавним письменным его обращением к Александру I: «Царскосельский садовник Буш в поданной просьбе изъяснял, что по высочайшей воле покойной Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны пользовался он кошением травы в саду при Баболовском доме по 1799 год, а в том саду Царскосельский камер-фурьер Шахматов употребя просьбу о дозволении ему права кошения помянутой травы, коего никто будто не пользуется, исходатайствовал повеление к управляющему Царскосельскою конторою, по которому она и отдана ему Шахматову. Буш имея тот сад в осмотрении и содержании его в чистоте, просил о возвращении ему по прежнему кошения в оном травы. Ваше императорское Величество повелеть соизволили истребовать отправляющего царскосельскою конторою Действительного статского советника Леонтьева мнение, кому ближе из них принадлежит кошение сей травы! На что Леонтьев отвечает, что садовник Буш имел прописанный сад в смотрении содержанием чистоты на своем счете, и

пользуясь по воле покойной Государыни императрицы собиранием травы, по всей справедливости и ныне иметь ее должен. Травы сей собирается в годне более 12 возов, которая и употребляется содержащимися у него Буша для садовых работ лошадьми в корм, и что Камер-фурьеру кошение оной не принадлежит ни по какому отношению».³⁰⁸

Этот близкий в плане к трапециевидной форме «аглинский сад» вплотную подступал к возведенному по проекту И.В. Неелова асимметричному в плане «готическому» дворцу, закрепившему вершину холма. Его закладке предшествовало осушение сильно заболоченных участков и вырубка значительного массива елового леса.³⁰⁹ Главными элементами парка назначались непосредственно подступавшие к небольшому дворцовому объему с северной стороны два разновеликих живописно очерченных пруда, связанных с извилистым руслом р. Кузьминки. Причем береговая линия одного из них была дополнена Гротом. Еще один подковообразный (Серебряный) пруд, выкопанный близ перестроенной Купальни, размещался с противоположной от дворца стороны. С разными частями парка он был связан сетью прогулочных дорог.³¹⁰ Трассировку же самой протяженной «аглинской» дорожки определит устроенный по всему периметру парка вал со рвом, заведенный по аналогии с английским «ha-ha». Благодаря высадке преимущественно лиственных деревьев и устройству просторных лугов здесь было сформировано несколько разновеликих пейзажных частей (включая открытые), образованных благодаря использованию и береговых пространств. Уже позднее, в 1820-х гг., парк присоединят к вновь создававшейся «7-й части Царскосельского сада», впоследствии названной Баболовской. Тогда работы будут доверены садовому мастеру Ф.Ф. Лямину, который эту исходную пейзажную часть и примет за основу при формировании обширной ландшафтной среды, простиравшейся вплоть до Английского (Екатерининского) парка. При этом сложившийся облик Баболовского парка будет полностью сохранен, что подтверждает И.Ф. Яковкин в своем путеводителе по Царскому Селу: «Здесь на лево небольшой вал, сделанный вокруг сада из земли выротого канала, для непропускания излишней наружной воды и для обсушения места. Взой-

дем на эту горку и тут отдыхая, полюбуемся красивыми видами окрестности. (...) Как приятно, здесь сидя, погружаться в размышления, смотря или на изпещренные цветами луга, или на желтеющие колосья, волнуемые ветром. (...) Здесь у мостика вы видите шлюзы... (...) красота местоположения и уединенность убедили Государыню Екатерину II повелеть, в 1782 г. построить это каменное здание и устроить при нем... садик с прудочками и Английскими дорожками. (...) Здесь на лево, по каменному каскаду, бьет с таким стремлением вода, пускаемая одним из шлюзов виданных вами у мостика. (...) Какое и здесь живописное местоположение!»³¹¹

С именем Буша следует связывать и формирование пейзажной композиции на мызе Шампетр, располагавшейся на Ижорской возвышенности у Петергофской дороги близ Нарвской заставы, наискосок от усадьбы Е.Р. Дашковой Кирьяново. В середине XVIII в. в этой летней резиденции графа П.Б. Шереметева вместе со строительством главного дома заведут и регулярный сад. В 1770 г. к нему добавится совсем небольшая пейзажная композиция, созданная по проекту придворного садовника Эклебена вскоре по возвращении его из Англии. 22 апреля того же года сам владелец сделает по этому поводу следующее распоряжение: «Что касается до посадок в саду Фонтанного моего дома и в Шампетре, оных не упустить и стараться во всех местах посадить такими деревьями, какие где надобны, по прожеку Эклебанову, как я прежде писал... (...) Сказать садовнику, чтоб он достал семян цветочков миньонетов (таких, что в прошлом году были присланы мне от Карла Ефимовича Сиверса), которые бы в пристойных местах посеял в саду Фонтанного моего дома и в Шампетре».³¹²

Генплан 1775 г. зафиксировал в целом сложившуюся к этому времени усадебную композицию, замыкавшуюся вновь прорытым кольцевым каналом. Несколько восточнее, специально для осушки местности, будет создана асимметричная сеть каналов, которые и составят основу пейзажной части парка. Показательно в этой связи относящееся к 1776 г. распоряжение графа: «Шампетр ни с какой стороны не огораживать, а оставить его так, как он есть; ежели его кругом огородить, всю ту красоту отымешь, и будет гораздо хуже».³¹³ Со второй

половины 1770-х гг. Шампетр уже представлял собой хорошо обустроенный усадебный комплекс, обладавший, ввиду близости к столице, явными своими преимуществами. В уведомлении, отправленном из Москвы 29 декабря 1780 г. на имя управляющего, Шереметев отмечал: «Шампетр хочет нанять Иван Иванович Шувалов, к которому адресоваться и сказать ему цену и об отдаче договориться. Ежели он ту цену даст, что другие дадут, в том ему дать преимущество, т.е. лучше отдать за ту цену ему, и что учинено будет, писать ко мне. Я хочу по дружбе Ивана Иваныча сделать ему в том преимущество без потери и показать ему что я могу для него, всегда сделаю».³¹⁴

Очередной этап реконструкции Шампетра придется уже на начало 1790-х гг., вслед за тем, как Н.П. Шереметев унаследует в 1788 г. огромное фамильное состояние. В январе 1794 г. по настоятельной просьбе нового владельца сюда заедет И.Е. Старов, в результате чего и будет разработан проект нового господского дома - «Шампетра корпусу хоромному».³¹⁵ Видимо, в конце зимы в Шампетр приедет Буш. Шереметев просил его как можно скорее «довершить труды по садовой работе» прежде всего потому, что «время уже приближается к весне, а к тому же на случай прибытия моего в Петербург за невозможностию поместиться мне в своем Фонтанном доме, который требует весьма многих переделок, чего в скорости сделать неможно, почему и расположен по приезду моем поместиться жительством в той моей мызе Шампетр».³¹⁶

Таким образом, Бушу предстояло в кратчайшие сроки на месте регулярного «французского» завести «аглинский сад» и тем самым создать исключительно пейзажное обрамление нового главного дома. А потому ликвидировав регулярный сад и сравнив с землей близлежащий канал, он заново распланирует всю усадебную территорию и тогда же приступит к устройству сети пейзажных дорог. Принимая во внимание сильную занятость Старова, не позволявшую уложиться к назначенному сроку, Буш решает обратиться к графу с просьбой доверить ему руководство и всеми строительными работами. Остается, впрочем, до сих пор неясным, удалось ли в том же 1794 г. реализовать этот замысел полностью. Во всяком случае, к 1797 г. реконструкция Шампетра была завершена и

усадьба уже сдавалась в наем, по поводу чего Шереметев отмечал: «...отдал я для житья на летнее время сего года графу Петру Васильевичу Завадовскому».³¹⁷

Также с проведением весьма значительных реконструктивных работ была связана садоводческая деятельность Буша в располагавшейся восточнее Петербурга (вблизи имения Мурино графов Воронцовых) усадьбе Рябово, перешедшей в 1818 г. в собственность камергера В.А. Всеволожского (1769-1836).³¹⁸

Садовника пригласят сюда в том же году, о чем становится известно из опубликованной заметки П.П. Свиньина, где описывался устроенный в Рябово в октябрьские дни 1822 г. грандиозный праздник: «Вы бы увидели, что ни есть живописного в окрестностях северной столицы нашей, увидели бы посреди болот петербургских прелести Швейцарии. Главное улучшение нового хозяйства состоит в превращении обширных болот в гладкие поля и бархатные луга. Лес вокруг ближних озер расчищен в виде парка и сделано в нем дорог более чем на 25 верст. Сад раскинут также по косоугору широкою рукою, когда у подошвы его возвышенной выростут пруды, кои наполнятся чистою водою, то выкажутся все прелестные неровности и образуются тенистые островки. Я помню, как знаменитый Буш осматривал Рябово при покупке сего владения г. Всевожским и сказал: «Здесь с малыми издержками можно сделать многое, между тем как в других местах – с большими – малое». Поистине здесь как красавице все пристало, все к лицу, весьма мало нужно для украшения себя. Хотя место для нового дома избрано самое возвышенное, хотя с террасы оно представляется бесконечные виды на С.-Петербург и Шлиссельбург, но я бы перенес его на полверсты далее, ближе к озеру, ибо что может сравниться с бесконечной массой чистейшей воды, всегда перед глазами находящуюся».³¹⁹

Сравнительно небольшой пейзажный парк был разбит в Рябово еще в конце XVIII в. Его формирование связывают с творчеством Е.И. Шретера.³²⁰ Он располагался в непосредственной близости от главного усадебного дома на Румбовской горке и с запада замыкался естественной кромкой понижающегося рельефа. Для представительной части усадьбы этот участок был выбран зара-

нее, прежде всего потому, что именно отсюда хорошо обозревались величественные панорамы окрестной местности, а в хорошую погоду просматривался и сам Петербург.

В рамках комплексного обновления усадьбы Бушу доверят формирование принципиально новой пейзажной композиции. Замысел предусматривал существенное расширение старого парка за счет обширного участка, располагавшегося на пониженном рельефе к западу и северо-западу от главного дома. Видимо, к началу 1820-х гг. садовые работы по его реконструкции были завершены, что подтверждает датированный 1822 г. рисунок А. Дезарно «Вид мызы Рябовой».³²¹ Устройство же пейзажных районов в пониженной западной части парка растянется еще на одно десятилетие. В письменном отчете, отправленном владельцу старшим его сыном Александром 21 июля 1833 г., на этот счет сообщалось: «Паровую машину, что на мельнице, завтра начнем разбирать, делают плотину. Пруд почти доделан и на сей неделе, прибавя еще 30 работников, приступим к отделке канала, что идет от большого озера».³²² Само же заведение в пониженной части парка весьма развитой водной системы на базе вырытых прудов должно было компенсировать полное отсутствие в имении естественных водоемов. Верхние же склоны повышенной части парка были выровнены и обработаны уступами-террасами, что способствовало усилению его образной выразительности. Плотность посадок здесь была незначительной, что позволяло со стороны главного дома хорошо обозревать и различные районы парка, и окрестные пространства. Вся пониженная часть парка трактовалась в качестве обширного открытого плато, где важнейшими элементами композиции избирались хорошо просматривавшиеся из различных районов парка разновеликие пруды, обладавшие подчеркнуто выразительным очертанием береговых своих линий. Вероятнее всего вырубки здесь производились предельно выборочно, а основа новых насаждений была определена массовыми посадками дубов, лип, лиственниц, сосны, елей, берез и кленов и самыми различными декоративными кустарниками.

На столичном Каменном острове в 1810-х гг. Буш поддерживал в должном

порядке заведенный здесь прежде парк императорского дворца. Его закладка, как известно, произошла в присутствии великого князя Павла Петровича еще 26 мая 1776 г. В Записках Д.Н. Свербеева на этот счет читаем: «...садовник англичанин Буш, который в это время заведовал каменно-островским дворцом, где уединенно жил Александр I, и в то же время разводился императорский парк на Елагином острове, возле Крестовского».³²³

С Бушем связано и создание сравнительно небольшой пейзажной части у Малой Невки в непосредственной близости от Каменноостровского деревянного театра, возведенного по проекту С.Л. Шустова в 1827 г.³²⁴ Это, в конечном счете, и приведет к появлению целостной парковой среды по обоим берегам реки. Несомненно, такое пейзажное взаимодействие с соседним Елагиным островом осуществлялось в рамках единого композиционного замысла и изначально предполагало наличие необычайно активных визуально-пространственных связей. Весьма примечательно, что в соответствии с первоначальным замыслом Шустова, предполагавшим сооружение театра непременно на Елагином острове, задняя стена сцены была запроектирована раздвижной, чтобы прямо по ходу театрального действия показывать «виды самой природы, настоящий фейерверк, сражения на воде, иллюминацию и прочее».³²⁵

Для отдохновения столичной знати Каменный остров в те годы был необычайно популярен и Буша всякий раз привлекали к устройству миниатюрных садиков на стремительно заводившихся здесь дачных участках.³²⁶ Одна из таких дач с образцово-показательным своим садом принадлежала статс-секретарю П.А. Кикину (1772-1834). Вот что замечал по этому поводу тот же Свербеев: «Она содержалась в отличном порядке; все было в ней безукоризненно, чисто и опрятно, за каждым деревцом ходили как бы за редким тропическим растением, и педантство хозяев в том отношении доходило до того, что все экипажи должны были останавливаться у въезда с общей дороги на дачу... За порядком дачи наблюдал добросовестно великий по этой части приятель Кикина, садовник англичанин Буш... Г. Буш был не просто садовник, а художник по части садоводства; у Кикиных его любили и уважали, и он бывал у них постоянным лет-

ним собеседником. ...в этой семье почему-то особенно уважали англичан; их видно, любила Екатерина II, а у нее переняла и Мария Савишна, другом коей особенно был лейб-медик Екатерины Рожерсон. Англичанин, доктор императора Александра, часто у них бывал...»³²⁷

В 1827-1830 гг. Буш займется благоустройством и озеленением территории Императорского клинического Повивального института, расположенного на стрелке столичного Васильевского острова, сразу за монументальным объемом Биржи Т. Томона.³²⁸ Здесь и будут им разбиты Биржевой сквер, четыре палисадика, сад во внутреннем дворе и угловой сад. Все эти композиции создавались регулярными, в полной мере отвечая уже сложившейся структуре городской застройки. В те годы институт находился под покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны что, собственно, проясняет привлечение к этим работам Буша, занимавшегося устройством обширной пейзажной среды на принадлежавшем ей соседнем Елагином острове.

На мызе Знаменская (Знаменка) Буш приступит к комплексной реконструкции находившихся здесь парков уже после того, как в 1835 г. ее приобретет Николай I для своей супруги, императрицы Александры Федоровны. В действительности речь шла о формировании целостной пейзажной среды, включавшей в себя и размещавшийся по соседству Английский парк петергофской Александрии. Радикальным структурным изменениям подвергнутся связанные с главным знаменским домом Верхний и еще более обширный Нижний приморский парки, заведенные прежним владельцем П.В. Мятлевым еще в 1790-е гг. Под общим руководством Буша здесь будут осуществлены широкомасштабные мелиоративные работы, произведена корректировка рельефа, осуществлены необходимые вырубki с последующей посадкой массовым порядком исключительно высокорослых деревьев. Появление же новой сети пейзажных дорог приведет к появлению новых пространственных раскрытий, органично связанных, в том числе, и с парковыми районами самой Александрии.³²⁹

В правление Павла I пейзажный парк, созданный Бушем-старшим на северном и западном склонах центральной Пулковской горы, находился в сильно за-

пущенном состоянии. Желая, наконец, выправить сложившееся положение, Александр I в 1817 г. распорядится отдать все еще сохранявшийся комплекс «царской мызы» в аренду местным крестьянам. Со своей стороны окончательно упраздняя императорское имение, Николай I для заведения обсерваторского комплекса выделит в конце 1833 г. на Пулковской горе обширную территорию.³³⁰ С восточной стороны она подступала к шоссе к дороге, ведущей в Царское Село. Весь северный и западный ее участки вместе с екатерининским пейзажным парком также отойдут в собственность обсерватории.³³¹ В соответствии с утвержденным в апреле 1834 г. проектным решением А.П. Брюллова главный ее корпус будет размещен на самой возвышенной точке Пулковских гор, строго по сторонам света. Такая его постановка приведет к окончательной ликвидации находившихся здесь императорских строений и близлежащего елизаветинского плодового сада.

Бушу же поручалось сформировать парковую часть, органично связанную с монументальными объемами обсерватории. Впрочем, одним только этим задача не ограничится. В рамках комплексного освоения территории вновь формирующегося ансамбля садовнику предписывалось реконструировать и сильно запущенный пейзажный парк, созданный отцом более полувека назад. Признавая особую его значимость в художественном облике нового комплекса, астрономы предписывали Строительной комиссии проявить предельно бережное к нему отношение. Вместе с этим парком органично вводились в единую композицию сравнительно недавно созданный Сад на песчаных ямах, сложенная из валунов Петровская горка и Меридианная дорожка, отвечавшая центральной оси главного обсерваторского корпуса.³³² Торжественная его закладка состоялась 21 июля 1835 г.³³³ Тогда же были начаты и садовые работы, завершение которых, видимо, было приурочено к 1839 г., ко времени окончания всех строительных работ.

7. ВЕРХНИЙ И НИЖНИЙ ПАРКИ ОРАНИЕНБАУМА

Иоганн Итон, Джозеф Буш

(сер. 1810-х, 1830-е гг.)

В соответствии с указом Павла I все находившиеся здесь императорские резиденции с 11 декабря 1796 г. становились собственностью великого князя Александра Павловича.³³⁴ Во второй половине своего правления Александр I станет часто сюда наведываться. Тогда-то и было задумано устройство здесь обширной пейзажной среды.

Саму прокладку Английской дороги (Английской аллеи) - этого первого структурного элемента Верхнего парка, следует связывать с творчеством английского садового мастера И. Итона (Jonathan? Eton). Тот работал в Ораниенбауме еще с конца 1790-х гг. Начинаясь от Нижнего сада и закрепляя по периметру обширный луг, эта дорога от Катальной горки прошла несколько западнее Собственной дачи и через обширный лесной массив подходила к Фигурным прудкам. Украшалась она кустарником и березами, а у павильона Катальной горки была обсажена дубами. Эта, как подчеркивается, «плавно изгибающаяся дорога до сих пор представляет собой идеальный маршрут для уединенных прогулок».³³⁵ Видимо, тогда же Итон сформирует и пейзажную часть на склоне террасы у Катальной горки что, наконец, позволит композиционно связать Нижний (дворцовый) парк с ансамблем Собственной дачи.

В 1825 г. Ораниенбаум отойдет к великому князю Михаилу Павловичу и его супруге, великой княгине Елене Павловне, которая с присущим ей энтузиазмом продолжит начатые мероприятия по формированию целостной пейзажной среды.³³⁶ В качестве главного садового мастера она привлечет уже Буша, который и сформулирует основную идею этого обширного замысла. Проект предусматривал объединение сразу нескольких разновеликих и разновременных садово-парковых композиций, все еще остававшихся изолированными друг от друга. При этом главную связующую роль брал на себя вновь заводившийся Верхний парк, общая площадь которого составила 160 га. Проектные работы по его устройству начнутся в 1833 г. И действительно, в одном из первых своих уведом-

лений на этот счет Буш сообщал Елене Павловне, что уже завершил разработку части парка «против церковного флигеля».³³⁷

Планировка Верхнего парка изначально предусматривала формирование сразу нескольких связующих ландшафтных районов между Собственной дачей, Петерштадтом и Нижним парком. Соответственно и сами эти одновременные части подлежали корректировке, так как связывались теперь единым композиционным замыслом.

Разместившийся на обширном несколько повышенном плато Верхний парк распространялся по ширине с востока на запад вдоль береговой террасы Финского залива. Самая же значительная его часть, расположенная между Петерштадтом и Собственной дачей, вобрала в себя и пейзажный фрагмент, созданный Бушем-старшим в самом начале 1770-х гг. Всю же западную часть Верхнего парка разобьют на участке, помещавшемся между Собственной дачей и упомянутой Английской дорогой.

Удивительное разнообразие Верхнего парка достигалось искусным сочетанием водоемов, присущей контрастностью рельефа и мастерской компоновкой крупномеров, доставлявшихся сюда в невероятно больших количествах, обусловило появление самых различных по своей образной выразительности пейзажных районов. При этом создание каких-либо новых парковых сооружений, за исключением одних только мостов, не планировалось.

Всю восточную часть Верхнего (Петровского) парка пришлось создавать практически заново. Относящаяся к 1750-м гг. первоначальная ее планировка, сложившаяся в результате садоводческой деятельности будущей императрицы, была полностью утрачена еще в самом начале XIX в. Основу этого пейзажного района, заведенного на площади всего в 15 га, составят Нижний и Верхний (Красный) пруды, а также протянувшаяся с юга на север к Финскому заливу долина р. Карость с покатыми своими берегами. Особую выразительность району придавали сложенный из гранитных глыб водопад и сделанные в виде руин мосты. Не случайно именно его и сочтут самой живописной частью Верхнего парка.³³⁸

О том, с какой в действительности очередностью производились здесь садовые работы, известно совсем немного. Так, в 1833-1834 гг. последовало «исправление» дороги вокруг Верхнего (Красного) пруда, до Чертова моста и колодца, впоследствии получившей название Еленинского студенца. Именно она и станет самым излюбленным маршрутом Елены Павловны.³³⁹ В 1837-1838 гг. здесь же проложили одну из главных пейзажных дорог Ораниенбаума, «от города ко дворцу мимо цитадели». При этом все еще сохранявшуюся северную часть укреплений Петерштадта полностью сносят.³⁴⁰ Датированный 1843-1844 гг. фиксационный генплан Ораниенбаума подтверждает, что с восточной и южной сторон эта дорога охватывала Нижний пруд, а далее, пройдя по вновь устроенному Петровскому мосту, она подступала к восточному флигелю Большого дворца.³⁴¹

Пейзажная планировка центральной и западной частей Верхнего парка в целом отвечала равнинному характеру местности. Среди новых посадок здесь преобладали дубы, липы, пихты, кедры и березы. При этом плотность посадок в западной части была сравнительно невелика ввиду находившихся здесь луговых пространств, обладавших впечатляющими панорамными раскрытиями на Финский залив.

В 1833-1834 гг. претерпит существенные изменения и Нижний (дворцовый) сад. Полностью отвечая живописному облику Верхнего парка, теперь он был с ним связан развитой сетью прогулочных дорог. Как раз для этого была произведена частичная разборка каменных оград Собственной дачи и Большого дворца, высажены на его террасах каштаны и тополя, а в пространстве парадного двора устроен луг, фланкированный пейзажными дорожками и живописно разбросанными кучами деревьев.³⁴²

8. К БИОГРАФИИ МАСТЕРА. ОСИНОВАЯ РОЩА,
СИВЕРСОВА ДАЧА, ОСТРОВКИ, ГОРБЫЛЕВСКАЯ ДАЧА,
ПЕТЕРБУРГСКОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО

Уильям Гульд

(1777-1805 гг.)

Среди крупнейших мастеров отечественного пейзажного садоводства следует назвать уроженца северо-западной части Англии (Ormskirk, Lancashire) У. Гульда (William Gould, 1735-1812). Все то немногое, что известно о нем в английский период жизни, сообщает в известной своей «Энциклопедии садоводства» уже упоминавшийся Д. Лаудон.³⁴³ Был ли он лично знаком с Гульдом, остается до сих пор невыясненным. Однако именно Лаудон отметит, что прежде тот служил садовником в родном графстве Ланкашир (Lancashire) у Р. Вилбрэм-Бутла (Richard Wilbraham-Bootle) в его имении Латом-Хаус (Lathom-House), где и приобрел первые навыки пейзажного планирования. В разделе «О русских садах» Лаудон даже подчеркнет, что Гульд являлся одним из талантливейших учеников Л. Брауна и также как его учитель обладал редким «талантом всестороннего анализа местности», за что, собственно, и был прозван «русским Капабилити».³⁴⁴ Следовательно, еще до своего отъезда в Россию Гульд хорошо овладел художественным методом Брауна и мог широко его применять при формировании самых различных ландшафтных композиций.

Из датированного 1794 г. Прошения английского садовника о пособии становится известно, что на службу к Г.А. Потемкину он прибыл в 1776 г.³⁴⁵ В соответствии с условиями найма князь обязался платить ему 160 фунтов в год, весьма значительную по тем временам сумму. Кроме того, Гульду выделялся в бессрочное пользование экипаж и также бесплатно предоставлялся фураж.³⁴⁶

Впрочем, Гульд мог оказаться в России и много раньше. Может быть, именно он упоминался императрицей в датированной октябрём 1774 г. собственной записке, адресованной Г.А. Потемкину: «Буш мне сказал, что Ваш Англинской садовник застрелитца, заподлинно, буде ему не дадите наискорее работу».³⁴⁷

Вероятно, действенную помощь в зачислении Гульда на русскую службу

оказал настоятель православной церкви в Лондоне А.А. Самборский. Не случайно тот постоянно находился в курсе российской его деятельности. К тому же садовник часто гостил в петербургском его доме. Именно Самборскому Гульд доверительно сообщит, что за безупречную службу пожалован князем земельным наделом с деревенькой.³⁴⁸ И это при том, что в Таврическом саду он уже располагал своим собственным домом, выстроенным в «палладианском вкусе» по проекту Ф.И. Волкова специально для него. Впрочем, хозяином этой деревушки Гульд оставался совсем недолго. В датированном 1793 г. обращении к императрице, рассчитывая на явное ее заступничество, он заявит о злоупотреблениях наследников князя, отобравших и эту деревушку, и не желавших возместить издержки, потраченные на лечение в Англии.³⁴⁹ А потому устраняя эту явную несправедливость, она 17 марта 1793 г отправит С.Ф. Попову записку следующего содержания: «Милостивый государь Степан Федорович! Ея императорское Величество всемилостивейше пожаловать соизволила Таврического дворца садовнику Гульду 5000 руб. высочайше повелела отпустить оные из Кабинета».³⁵⁰

С начала 1780-х гг. круг общей деятельности Гульда многократно расширится. Теперь к уже ведущимся работам в Петербургском и Московском регионах прибавятся Новороссия, Малороссия и Белоруссия, где не менее активно происходило формирование потемкинских усадебных комплексов. С этого времени он постоянно находится в пути, всякий раз возвращаясь в столицу и снова ее покидая.³⁵¹ По сути своей эта деятельность являлась составной частью начавшегося широкомасштабного освоения вошедших в состав империи новых земель. Парки Потемкина будут созданы Гульдом в Кременчуге,³⁵² Херсоне,³⁵³ Николаеве,³⁵⁴ Богоявленске,³⁵⁵ столице Новороссии Екатеринославе.³⁵⁶ Познакомившись же с Крымом и оценив его природную красоту и колоссальный экономический потенциал, Гульд отправит Потемкину целый ряд писем, где содержались вполне конкретные предложения относительно освоения степных и предгорных его районов.³⁵⁷ Именно Гульду князь поручит заняться устройством «моментальных садов» в местах остановок путешествующей по крымской земле в 1787

г. императрицы.³⁵⁸ Являясь, по сути, самым крупным владельцем крымских имений, Потемкин распорядится завести «аглинские сады» в Симферополе,³⁵⁹ Каче,³⁶⁰ Алупке,³⁶¹ Карасу-Базаре,³⁶² Бурунче,³⁶³ в находившемся в Байдарской долине Бидаре.³⁶⁴ Для него же Гульд создаст парки в бывшем центре Запорожской Сечи малороссийской Хортице,³⁶⁵ а также в доставшейся князю от воеводы А. Сапеги белорусской Дубровне, где в очередной раз садовник поработает совместно со И.Е. Старовым.³⁶⁶

Зимой 1793-1794 гг. Гульд был отпущен в отпуск; он снова отправляется на родину, где нанесет визит сыну прежнего своего заказчика.³⁶⁷ Вероятно, тогда же он обзавелся и новыми знакомствами в профессиональной среде. Во всяком случае, известно, что и в России Гульд постоянно занимался пополнением собственной коллекции растений, активно используя их при формировании самых различных садово-парковых композиций. В частности, 25 августа 1798 г. следует расчет с английским профессором ботаники А. Хове (A.P. Howe) за приобретенные им «различные травы и растения», общая сумма которого равнялась 283 руб. 93 коп.³⁶⁸ Судя по всему, Гульд поддерживал с ним регулярную переписку. Об этом свидетельствует и адресованное садовнику письмо профессора, отправленное в Петербург на полгода раньше, 5 декабря 1797 г. с указанием обратного адреса: «№ 16 Percy Street. Bedfordsquare. London». Из самого же текста следовало, что на этот раз речь шла о доставке лилий, вывезенных им из «Татарии»: «Милостивый государь! Я вам весьма обязан за известие, которое дали вы мне относительно до денег, мне причитающихся; весьма приятно было мне ежели бы вы потрудились принять оные для меня, в сохранение ваше. В случае же, что время вам того не позволит, то прошу уполномочить г. Бергина в получении оных на мое имя. Ежели имеете вы какие либо комиссии в нашей стороне, то конечно за удовольствие себе почту исполнить для вас оных, потому что думаю оказаться здесь еще до будущего марта, а потом возвратиться чрез Данцыг в Одессу. Ежели известите меня письмом, которое по приложенному адресу мне будет доставлено, то прошу также уведомить меня получили ли вы лилии, называемые ирис, которых послал вам около 15 штук с курь-

ером графа Потоцкого, найденных мною в Татарии (Tartary), прошу также уведомить меня имеется ли между собранием ваших растений, азалия (Azalia) на которой цветы желтой, превосходного запаха; виденной мною, подобно Гирдении (Gardenia), растет в окрестностях Варшавы, если у вас их нет, то дайте мне о том знать, я не примину достать вам несколько сих растений чрез Данциг, как скоро я возвращусь. Я уверен, что оное будет вам приятно, в случае, что не разведено в ваших садах. Г. Иосиф Бенков (Sir Joseph Banks) думает о сей специи, Азалия названа в издании русской флоры Палласа как Понтика (is not do you flowers in England), где Pontica will bear out climate. Имею честь пребыть милостивый государь ваш покорный А.П. Гове прошу засвидетельствовать мое почтение Г-же Гульдовой, мистеру Иглишу и друзьям».³⁶⁹

Из поданного Гульдом 4 февраля 1793 г. на высочайшее имя прошения становится известно и о самых первых реализованных им в России заказах: «При приезде моем из Англии упражнялся в Аничковом саду, Осиновой Роще и на Елагинском острове...»³⁷⁰ Впрочем, общий итог многолетней российской своей деятельности садовник подведет уже в обращении к Александру I, помеченном 24 мая 1804 г. Предчувствуя скорую свою отставку по состоянию здоровья и хлопоча об обустройстве собственного столичного владения, он отметит в этой связи следующее: «Всемиловейший государь! Продолжая служение мое в России более двадцати лет, при изнеможении и семидесятилетней старости моей ожидая спокойного пристанища, приемлю дерзновение повергнуть перед освященным престолом Вашего императорского Величества следующие обстоятельства и мое прошение. В высочайшее путешествие блаженной памяти великия Екатерины в полуденные губернии, я имел счастье по особенному повелению готовить во многих местах и городах, как то в Кременчуге, Херсоне, Симферополе, Бахчисарае и других, сады и гульбища для временного пребывания Ея Величества. И сверх того проезжие разные казенные и помещичьи селения делал по просьбам многих начертания, и в натуре распоряжения для заведения Аглинских садов во всем их разнообразии. Усердие мое по введению в России сего приятного, и полезного украшения доказывают многие места, и в

округе сей столицы, где по Высочайшим повелениям я делал особые по улучшению садов распоряжения, как то в Оранинбауме, в Петергофе, на прежде бывшей Горбылевской мызе и в других без всякого особенного за то воздаяния, или награждения. Излишне было бы представлять здесь мои неутомимые труды при устройении и содержании Таврического сада, коим если бы я и тщеславиться восхотел, то уповаю, что Ваше Величество покроете великодушным снисхождением невольное самолюбие ревностного к своему делу старца. Осмелюсь однако ж присовокупить, что огород Таврический может легко служить примером, и почитаться первым в Северной России. С глубочайшим благоговением признаю и со вседушною благодарностию исповедую, что я преодолжен Высокомонаршими благодеяниями Российских самодержцев, коим я служил и теперь нахожу все мое честолюбие и все счастье в служении Вашему Императорскому Величеству. Быв толикое время и почти до гроба в России, я не имею ни малейшего участка собственного для приклонения главы моей. Дерзаю просив Величайшего пожалования мне в собственность небольшого праздного казенного места, находящегося против Таврического дворца, близ дома, который был пред сим занимаем Екатерининским институтом. Великодушное Вашего Величества к просьбе моей снисхождение осчастливит последние дни моей жизни, которая вся службе Вашей посвящена».³⁷¹

Однако желаемого результата Гульд так и не добьется. Это следует из помеченной 4 июня 1804 г. докладной записки графа Тизенгаузена «его превосходительству Трошинскому»: «Милостивейший государь мой Дмитрий Порфирьевич! Приложенное при сем на высочайшее его императорского величества прошение, находящегося при Таврическом саде садового мастера Виллиама Гульда; о всемилостивейшем пожаловании ему в собственность праздного казенного места, лежащего против Таврического дворца близ дома, занимаемого прежде Екатерининским институтом. Я долгом поставляю препроводить к вашему превосходительству для доклада его императорскому величеству, отдавая при том с своей стороны ему Гульду, сколько мне известно, по зависимости его от ведомства гоф-интендантской конторы, как в совершенном знании саковод-

ческого искусства, так и отличном в том усердии и трудах, надлежащую справедливость. С таким объяснением, что просимое им место содержащее в себе земли, по улице, идущей к Смольному монастырю 17 сажень, а в длину 20 берегу Невы реки, по мало пространству и неровности положения онаго для заведения какого-либо казенного строения неудобно; да и требовало бы на устранение немалых издержек, а без сего и не быв застроено, делает одно безобразие». ³⁷²

Этот вежливый отказ и станет главной причиной возвращения Гульда на родину. Впрочем, «для приклонения главы» этот главный императорский садовник мог приобрести испрашиваемый участок и за свой собственный счет. Так, гостивший у него в том же 1804 г. соотечественник Д. Карр (Sir John Carr) в путевых своих заметках отметит: «Этот respectable английский англичанин, приобретший благодаря императорским щедротам определенный достаток за долгую службу, держит изысканный и хлебосольный стол, и его посещают особы первостепенной важности». ³⁷³

По прошествии двух лет, вслед за императорским указом от 31 июля 1806 г., Гульд по собственной же просьбе был уволен с ежегодным пансионом в 1700 руб. И в конце августа вместе с дочерью и садовым подмастерьем Т. Греем он возвратится на родину. ³⁷⁴ Скончается Гульд в родном своем Ормскирке, успев завещать 1 февраля 1812 г. все нажитое состояние своей единственной дочери. ³⁷⁵

Расположенную по дороге из Петербурга в Шлиссельбург мызу Осиновая Роща с обширной своей вотчиной, простиравшейся от Финского залива до Ладожского озера, Петр I пожалует одному из ближайших своих сподвижников, графу и генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину (1671-1729), незадолго до этого бывшего неприятеля из Выборга. Принадлежавшая впоследствии его брату и внуку, Осиновая роща затем отойдет в собственность императорского двора и будет подарена Екатериной II графу А.Г. Орлову. ³⁷⁶ Впрочем, тот владел имением всего четыре месяца и продал его в 1771 г. казне. ³⁷⁷ В то время здесь все еще сохранялся совсем небольшой деревянный объем, служивший императрице Путевым дворцом. ³⁷⁸ Выясняется, что «именно от него к озеру спускалась аллея

из вековых лип», устроенная, скорее всего, еще при Апраксиных и показанная вместе с главным домом на межевом плане 1786 г.³⁷⁹

В 1777 г. Екатерина II подарит мызу Г.А. Потемкину. Он и поручит И.Е. Старову разработать проект каменного двухэтажного дворца, а У. Гульду сформировать для него подобающее пейзажное окружение.³⁸⁰

Следовательно, с самого начала речь шла о создании достаточно крупного усадебного комплекса в одном из самых живописных уголков пригородов столицы. И хотя вместо намеченного к постройке дворца в действительности был реконструирован сравнительно небольшой старый деревянный дом, однако созданный Гульдом парк по своей величине в полной мере отвечал исходному композиционному замыслу.

То, что к садовым работам приступили незамедлительно, подтверждает в 1778 г. сама императрица в письме к М. Гримму: «Осиновая Роща – место восхитительное, Петербург и море у ваших ног, пред глазами все дачи по петергофской дороге, и потом озера, холмы, леса, поля, скалы и хижины. Английский садовник и архитектор в нашей свите и мы весь вчерашний день блуждали, и бог знает, сколько насажали, настроили. Царское Село, Гатчина и даже Царицыно по местоположению дрянь в сравнении с Осиновой Рощей. Но покамест весь двор помещается в доме о каких-нибудь двенадцати комнатах; но что за виды из всякого окна? Черт побери, это прекрасно! Из моего окна видны два озера, три пригорка, поле и лес».³⁸¹ Собственно и Потемкин был непосредственным свидетелем устройства этого парка и, вероятно, с большим интересом наблюдал за деятельностью своего английского садовника. Так, в сентябре 1779 г., желая, наконец, выманить его оттуда, императрица напишет: «Кажется год целый тебя, барин, не видать. Пора тебе покидать чухонские леса и болоты и возвратиться к нам. Право, батинька, медведи и лоси Осиновой Рощи цены твоей не знают, а мы любим и чтим тебя. Хорошо ли покидать своих друзей и от них бегать в пустыни? Я радовалась третьеводнишним тучам, когда увидала, что идут на тот берег реки, надежде той, авось - либо тебя выгонят паки к нам. Adieu mon cher Ami, portes - Vous bien et revenes au plustot trouver Vos Amis qui

Vous aimez».³⁸² *(Прощайте, друг мой дорогой, будьте здоровы и возвращайтесь скорее, чтобы найти ваших друзей, которые вас любят).*

Вложив сравнительно немного собственных средств, Потемкин уже в 1782 г. сможет довольно выгодно продать Осиновую рощу в казну.³⁸³ К тому времени основной массив производившихся здесь садовых работ был завершен и императрице всякий раз доставляло немалое удовольствие сюда наведываться. Об одном из таких приездов становится известно из ее же письма к внуку, написанного там же в Осиновой Роще 16 июня 1783 г.: «Я здорово доехала до сего места, только пыльно было ехать; комаров здесь немало же; (...) Я теперь еду в Выборг».³⁸⁴ В очередной раз она окажется здесь проездом в июльские дни 1785 г., направляясь осматривать Сестрорецкие заводы.³⁸⁵

Вероятно, в начале 1790-х гг. Осиновая Роща отойдет в аренду английскому купцу Шарпу и уже позднее, в соответствии с указом Павла I от 28 января 1797 г., перейдет в потомственное наследие инспектрисе Смольного института генерал-майорше А.Ф. Монахтиной.³⁸⁶ Следовательно, сформированная Гульдом в течение трех-четырех лет (1777-1782) первоначальная композиция парка будет сохраняться без существенных изменений вплоть до конца XVIII в. Да и в первой половине XIX в. все они в основном будут носить сугубо локальный характер, не затрагивая базовых его начал.

С западной и северной сторон парк упирался в обширный лесной массив. Южная и восточная его планировочные границы были изначально определены транзитной дорогой на Кексгольм, делавшей здесь поворот. К размещавшемуся со значительным от нее отступом главному усадебному дому с южной стороны подступало обширное открытое пространство с все еще сохранявшимся от прежних времен редутом. Как фиксирует генплан 1848 г., парк создавался на сложно пересеченном рельефе, отличавшемся подчеркнуто живописным многообразием природных своих форм.³⁸⁷ Восточная, южная и западная его повышенные части включали в себя самые различные по величине, высоте и форме пригорки. Пониженная равнинная северная часть, фланкированная с трех сторон эффектно изгибающейся кромкой повышенного рельефа, находилась на

значительном удалении от дома. Заново созданная водная система основывалась на живописной компоновке четырех контрастно очерченных разновеликих водоемов. С северной стороны к дому подступало два озера: Малое и Среднее. Одно из них соответствовало оси запад-восток, другое было сориентировано по оси север-юг. Как раз отсюда оба этих озера воспринимались наиболее эффективно, причем под самыми разными углами, на фоне самого крупного водоема, Осинорощинского озера, занимавшего всю северо-западную часть парка. Самое малое Глухое озеро акцентировало находившуюся на периферии всю его равнинную северо-восточную часть. На генплане хорошо просматривается и устроенная в повышенных районах парка достаточно развитая дорожная сеть. Самым, пожалуй, выигрышным также и для окрестного восприятия оставался прогулочный маршрут, проложенный вдоль кромки рельефа.

Основной объем работ был напрямую связан с формированием береговых линий Осинорощинского озера. Тем более, что в самом их очертании несложно усмотреть тесную композиционную связь с природным контекстом, будь то подступавшие вплотную пригорки, лесной массив или отличавшееся минимальной плотностью посадок открытое равнинное пространство. Соответственно на всей отведенной для парка территории интенсивно вырубались заросли осины, а во всех вновь формирующихся районах активно высаживались на контрасте дубы, пихты, ели, сосны, кедры и рябины. С Гульдом следует связывать и фрагментарные вырубки вдоль всей северной границы парка, приведшие к появлению эффектно очерченной протяженной куртины, целиком составленной из высокорослых елей. Информацией о существовавших в те годы парковых сооружениях мы не располагаем, и скорее всего, они попросту отсутствовали. Подобно Гатчине вся хозяйственная часть комплекса была вынесена за пределы парка, к проезжей дороге и к западу от дома. Исследователь подчеркнет, что «этот парк раскинулся на холмах у трех озер и сохранился в измененном виде до наших дней, считаясь «одним из самых красивых на Карельском перешейке».³⁸⁸

Сиверсову дачу, расположенную юго-западнее столицы при Петергофской дороге, Г.А. Потемкин приобрел 19 июля 1779 г. у генерал-поручицы Е.К. Сиверс.³⁸⁹ Впрочем, номинально он являлся ее владельцем много раньше, о чем свидетельствует устроенный им 9 февраля бал «на Петергофской дороге, на даче графа Сиверса». Формирование здесь усадебного комплекса началось еще в 1710-е гг. при адмирале Ф.М. Головине. После его смерти территория была разделена между его сыновьями на две равные части (по пятидесяти саженам вдоль дороги). В начале 1740-х гг. западная ее половина отоидет двоюродному брату императрицы А.Л. Нарышкину, затем его вдове, а во второй половине 1750-х гг. к графу К.Е. Сиверсу, незадолго до этого возвратившемуся из Лондона, где он служил в российском посольстве. Позднее им будет выкуплена и восточная половина, что и приведет к восстановлению первоначальных границ владения петровского времени. В рамках создания нового усадебного комплекса именно здесь будет выстроен по проекту Ф.-Б. Растрелли каменный дом с флигелями, а южнее, строго по единой оси, разбит регулярный сад с прямоугольными боскетами, «зелеными кабинетами» и круглым в плане прудом. Сад этот, как уже существующий, упомянут в Камер-фурьерском журнале от 8 июня 1766 г. в связи с праздником, устроенным в честь Екатерины II: «Ее императорское Величество... шествовать изволила в приморский дом обер-гофмаршала и кавалера Его Светлости графа Карла Ефимовича Сиверса. По прибытии туда у крыльца Ее Величество встречена Его Светлейшеством и фамилиею и изволила проходить в покои. По вступлении в залу, в то время на хорах играла музыка на органах. Побывав несколько в покоях, изволила проходить в сад...»³⁹⁰ Генплан 1777 г. зафиксировал и сложившуюся к этому времени планировочную структуру комплекса. Так, западная его часть была занята фруктовым садом, огородами и оранжерейными строениями, а восточная включала вновь сформированную усадьбу самого Сиверса.

К проектным работам Гульд приступит в конце 1778 - начале 1779 гг. по возвращении из подмосковного Хорошева, о чем упомянет со всей определенностью: «Возвратясь оттуда, занимался я бывшею Сиверсовою дачею...»³⁹¹ Вполне

вероятно, что именно он и посоветовал Потемкину существенно увеличить площадь владения за счет приобретения сильно вытянутого северного участка по другую сторону Петергофской дороги. Это позволяло сохранить без существенных изменений полностью сформированную в стиле барокко представительную часть усадьбы с регулярным ее садом и соответственно устроить на вновь приобретенном участке теперь уже целиком сориентированный к заливу сравнительно небольшой Английский парк.

Как фиксирует датированная 1817 г. «Карта южного берега Финского залива», эта пейзажная композиция отвечала все той же основной оси (север-юг), закреплявшейся центральной прогулочной дорогой.³⁹² Все асимметричные ее части группировались по двум от нее сторонам и были связаны с открытой по периметру участка фривольно изгибавшейся водной протокой и прудами. К северной оконечности этого парка подступали сильно разреженный лесной массив и протяженный канал с ковшем. Он обрывался у слияния двух естественных водных путей (Черная Лахта и Красная Лахта), чем, собственно, и обеспечивалась связь районов парка с Финским заливом. Исследователь на этот счет подчеркнет, что именно у «дороги располагался пруд в форме вогнутого овала, с большим островом посередине. И остров и парк имели асимметричную дорожную сеть».³⁹³

Вполне возможно, что Гульд корректировал и композицию регулярного сада, так как Потемкин сохранял за собой Сиверсову дачу более десяти лет, вплоть до собственной кончины.³⁹⁴ О деятельности главного садовника князя позволяет судить и заметка Георги, побывавшего здесь в начале 1790-х гг.: «Дача Вице-адмирала Графа Ивана Андреевича Остермана, на 7 версте, принадлежала сперва Графу Сиверсу, а потом Князю Потемкину. Она имеет по левой стороне дороги на скате возвышенной плоскости, у берега залива находящийся, каменный дворец... Позади дворца есть большой плодоносный и увеселительный сад с теплицами, оранжереей, каналами, увеселительными домиками, беседками и пр. Напротив по другой стороне дороги есть Большой Аглинский сад, с каналами, прудом, дотами, водопадом, беседками и пр».³⁹⁵

В 1828-1832 г. с подачи известного английского филантропа Д. Веннинга

(John Wenning?) и по инициативе вдовствующей императрицы Марии Федоровны Сиверсову дачу приспособят под психиатрическую лечебницу Всех скорбящих. И в конце XIX в. этот «аглинский сад», все еще являясь принадлежностью этого заведения, сохранял отдельные элементы первоначальной композиции, о чем наглядно свидетельствует датированный 1884 г. «План района выезда» пожарной дружины.³⁹⁶

Переименованная в Островки мыза Сусловская, расположенная северо-восточнее Пеллы на противоположном от нее берегу Невы, в 1774 г. за долги отошла в казну и была подарена императрицей Г.А. Потемкину, который в конце 1770-х гг. приступит к формированию здесь очередного своего усадебного комплекса. Соответственно И.Е. Старову поручалось проектирование «готического замка» и всех прочих строений, а Гульду – разработка проекта пейзажного парка с последующей его реализацией.³⁹⁷ В докладной своей записке садовник замечал на этот счет: «Учредив нужные работы в Островках и в Конногвардейском саду, следовал я, по велению, за Его Светлостью в Могилев...»³⁹⁸

Около середины 1780-х гг. комплекс был в целом сформирован, и хозяин уже мог вполне принимать здесь высочайших гостей. Так, 18 июня 1785 г. императрица посетила Островки и на следующий день вернулась в Царское Село: «В первом часу дня Екатерина II «соизволила воспринять шествие» из Пеллы на мызу его светлости князя Потемкина. Катер и три шлюпки перевезли государыню со свитой через Неву, затем путники подошли к мызе, перед которой была встречена императрица пушечной пальбой. Г.А. Потемкин проводил Екатерину в «покои тамошнего дома», где состоялся обед. После обеда императрица от мызы его светлости отъехала - в шлюпке ведомства Военной коллегии».³⁹⁹ Другой раз она побывает здесь в сопровождении Павла Петровича и Марии Федоровны в полдень 18 июня 1786 г. У дома их встретил сам хозяин, затем состоялось «обеденное кушанье», а «во время стола, при питии за Высочайшие здравия... происходила пушечная пальба из поставленных близ дома пушек. В продолжение стола играла в покоях духовая, а пред покоями роговая музыка...»⁴⁰⁰

Следовательно, и с самим устройством, и с последующим поддержанием парка в должном своем состоянии Гульд был связан в общей сложности около десяти лет. Он же заведет здесь и оранжерейное хозяйство, о чем свидетельствует отправленное им из Петербурга уведомление Г.А. Потемкину, датированное 18 августа 1787 г.: «Ананасы на родине (*в Англии*) были не столь хороши, как я бы хотел. Но по приезде в Островки я обнаружил там большие посадки ананасов в прекрасном состоянии. В течение месяца все оранжереи Островков будут укомплектованы так, что Вы, я надеюсь, будете удовлетворены».⁴⁰¹

В основу композиции Английского парка садовник положит двухчастную схему. Помещавшаяся на высоком берегу основная материковая его часть была устроена на изогнутом (серповидном) в плане участке, который с юга ограничивался изгибающейся береговой линией Невы, а с севера – проезжей дорогой, имевшей в этом месте скругленную трассировку, повторявшую абрис береговой линии. Наиболее впечатляющая часть парка была представлена целой сетью разновеликих островков, живописно разбросанных в специально устроенной просторной бухте. Ориентированный же к этой бухте «готический замок», местоположение которого было изначально определено планировочным замыслом Гульда, был выстроен на специально устроенном насыпном холме в непосредственной близости от берега Невы, что обеспечивало хороший обзор из парадных его покоев различных частей парка и окружающих пространств, включая близлежащую императорскую Пеллу. Соответственно с самой высокой башни на огромную глубину просматривалась и вся окрестная местность с живописно изгибающимся руслом Невы. Был отсюда виден и сильно удаленный Петербург.

Вся повышенная придворцовая часть парка совмещала в себе холмы, рощи, аллеи и созданные выше уровня Невы разновеликие и эффектно очерченные пруды, являвшиеся составной частью весьма развитой гидросистемы. Однако основной массив садовых работ, по-видимому, был связан с устройством островной части парка. Плотность посадок здесь была невелика, что способствовало самому оптимальному восприятию и противоположного берега Невы. Несомненно, в рамках столь масштабно осуществлявшихся земляных работ приобрела выразитель-

ные очертания и сама бухта.

А.П. Милюков, посетивший Островки в 1844 г., подчеркнет: «Живописное местоположение, высокий берег, красивые башни, прикрытые прекрасной зеленью, и все это, отраженное в зеркале небольшого залива, замкнутого зелеными островками - невольно привлечет ваше внимание. Это самое красивое место».⁴⁰² Все еще сохранявшиеся первоначальные элементы парка застанет и Н.Н. Врангель: «Дивное бывшее потемкинское имение торжественно высится среди ряда прихотливых зеленых островков, образуемых рукавом Невы. На холмах, заросшим густым парком, белый гигант – дом с высокими башнями напоминает дворец Чесменский. (...) Аллеи парка, то прямые с высокими деревьями, то извилисто капризные, разбегаются по холмам и островкам».⁴⁰³ А путешествуя Н.К. Рерих, специально проследовавший от столицы до Шлиссельбурга вдоль невых берегов, назовет Островки «лишь одним характерным местом».⁴⁰⁴

В начале 1780-х гг. Гульд примет деятельное участие в совершенствовании прежде сложившейся пейзажной структуры как минимум еще двух столичных парков, совсем ненадолго отошедших в собственность Г.А. Потемкина. Так, купленным у Н.А. Демидова одним из них на той же Мойке (наб. р. Мойки, 104) князь будет владеть всего полтора года (1783-1784). Упомянувшийся в объявлении в связи с продажей усадьбы этот «аглинский сад» затем перейдет к А.И. Мусину-Пушкину. Правда, без нескольких особо полюбившихся прежним хозяином деревьев, предварительно пересаженных на новое место.⁴⁰⁵ Другой усадебный сад, разбитый также вблизи р. Мойки и простиравшийся до Офицерской улицы (наб. р. Мойки, 108), Потемкин приобретет в феврале 1783 г. у отозванного на родину английского посланника Д. Гарриса (Sir James Harris). О том, что пейзажный парк в то время здесь уже существовал, упомянет Корберон в дневниковой своей записи от 29 августа 1780 г.: «...гуляя, я увидел сад Гарриса. Я зашел, думая, что он за городом, но он был у себя, и я бы его наверно увидал, если бы Рожерсон не задержал его в кабинете. Этот Рожесон, придворный медик и шпион Гарриса. Сад очень хорош, на Английский лад, с прекрасным лугом и множеством цветов. На зеленом ковре травы поставлена палатка человек на десять с освещением. Ее

подарил ему князь Потемкин».⁴⁰⁶ Князь владел этой усадьбой всего четыре года, и Гульд, должно быть, все это время обеспечивал образцовое содержание парка. Именно тогда в нем «стоял окруженный цветным дерном дуб, привезенный из Крыма, где под ним сидела Императрица».⁴⁰⁷ На базе этого же парка в 1793 г. заведут и первый в столице общедоступный Увеселительный сад, который вслед за известным лондонским Воксхоллом назовут Нарышкинским воксалом.⁴⁰⁸

В 1780-х гг. Гульд был причастен к обустройству принадлежавшей Г.А. Потемкину с 1789 г. Горбылевской дачи, находившейся в относительной близости от столичного Таврического дворца, на противоположном берегу Невы. В реестре имений покойного князя находим следующую запись: «Дом состоящий на Выборгской стороне супротив Конногвардейскаго – 21.147 руб. 60 коп».⁴⁰⁹

Уже как императорскому садовнику Екатерина II в самом начале 1795 г. поручит Гульду сформировать на этой также отошедшей ко двору даче заложенный еще при Потемкине пейзажный парк всего за один сезон. Объяснялось это тем, что возведение по проекту Ф.И. Волкова (1755-1803) «дачных строений» для великого князя Константина Павловича завершилось еще в прошлом 1794 году.⁴¹⁰ К тому же Горбылевская дача неизменно являлась составной частью увеселительного зимнего маршрута, объединявшего сильно удаленные друг от друга Чесменский и Таврический дворцы. П.И. Сумароков на этот счет замечает: «На масленице, или в хорошую погоду зимою, составлялись необыкновенныя катанья в санях. Закладывали за заставой трое саней десятью, двенадцатью лошадьми, и к каждым из них прицепляли канатами по 12 салазок. Екатерина садилась в большия посреди, одна; дамы, мущины помещались по одиночке; тянулся длинный ряд страннаго экипажа; задния салазки опрокидывались, слышимы были смехи, шутки, резвости, и таким образом приезжали в Чесменской дворец. Там отобедав, пускались опять проселочною дорогою за Неву, на казенную дачу, называвшуюся Горбылевскою. Великие Князья, Великия Княжны, придворные, спускались с ледяных гор, и Екатерина смотрела на то из павильона. Наконец приезжали в Таврический дворец, ужинали и разъезжались с

приятным воспоминанием».⁴¹¹

В адресованной В.С. Попову записке от 20 марта 1795 г. императрица лично распорядится выделить из Кабинета все необходимые средства для незамедлительного производства садовых работ: «Василий Степанович! По поданным от садовника Гульда сметам потребно для разведения сада в Горбылевском доме сумму пять тысяч восемьсот пятьдесят два рубли пятьдесят копеек, да на ограждение онаго семь тысяч восемьсот рублей отпустить... в течении наступающего лета».⁴¹²

Ценные сведения о формировании этой парковой композиции находим в уже более поздней деловой переписке. Так, в помеченном 30 сентября 1799 г. обращении петербургского мещанина Сорокина к Павлу I отмечалось следующее: «Всемиловейший монарх Всемиловейший государь. Блаженной и вечной славы достойные памяти Вашего императорского величества всеавгустейшей матери по высочайшему повелению на выкорченной стороне на даче называемой Горбылевская для Его Императорского высочества вселюбезного вашего сына Константина Павловича произвел я разныя в 1795-м году своими работниками и из своих материалов работы под смотрением и наблюдением бывшего канторы домов и садов начальника Турчанинова. При оной работе был у показания Садовый мастер Гульд. За сию работу, как из подносимого при сем щета явствует, следовало мне получить всего шесть тысяч четыреста семдесят четыре рубл. в то число получено мною от Гульда всего только четыре тысячи триста семдесят пять рублей. А затем не выданными мне осталось и по сие время 2099 рубл. Такой счет подавал я господину Турчанинову и Гульду».⁴¹³ Еще больший интерес представляет приложенная Сорокиным ведомость выплат, подтверждающая проведение следующих работ:

«...за сделание двух каменных мостов на 32 квадратных саженьях, каждая по 40 – 1280 руб.

За каменную спилку по какову 960 сажень квадратных, каждая сажень по 1 руб. 90 коп.- 504 руб.

За дерновую спилку 460 погонных сажень, каждая сажень по 60 коп. – 276 руб.

За спалировку земли садовой с круговой дорогою – 1100 руб.

Еще за нарезную работу за дорожки, которые не показаны были – 300 руб.

За копку из канавы земли 460 саж. – 1380 руб.

За дерновую выпилку по всему саду 45 саж.- 156 руб.

За садку 5560 дерев, каждое дерево по 5 коп. – 278 руб.

Всего: 6474 руб».⁴¹⁴

Существенно дополняет эти сведения предоставленный Гульдом осенью того же года собственный «щет иждивению потребному для разведения нового сада в Горбенеvском доме»:

«За 7000 дерев и кустарников, как то, дуба, березы, калины, осины и проч. и проч. по 10 коп. - 7000.

За 125 кубических сажений щебню, чтобы сделать 750 сажений дорожек в саду, по 10 сажень - 1250.

За 5000 квадратных сажений дерну по 40 аршин - 2440.

На 50 человек работников за три месяца делать дорожки, садить деревья, ровнять землю и проч. по 9 рубл. в месяц на каждого - 1350.

За 20 тележек - 40.

За 6 топоров - 6.

За 50 лопат - 50.

За железки для вострения - 4.

За 9 кирок - 9.

За шнуры - 3.50.

Итого: 5852 руб. 50 коп. Подлинный подписал Вилиам Гульд».⁴¹⁵

Отдельно Гульд перечислил все необходимые работы «для делания рва или рогаток вокруг нового сада в Горбылевском доме»:

«За 410 сажений рва по 24 руб. - 9840. Ежели сию работу производить в мае месяце, то я считаю, что можно будет все сделать по 18 рубл. сажень.

За 2 свода для спуску воды из рва в реку на 14 аршин, по 32 м.

Итого 10289 руб. Подлинный подписал В. Гульд».⁴¹⁶

К устройству у столичного Адмиралтейства общедоступной прогулочной

аллеи Гульд приступит перед самым отъездом на родину. Это будет последний его реализованный российский заказ.

Еще в 1715-1717 гг. вдоль валов Адмиралтейства был прорыт канал, позволявший в теплое время года заготовливать на его стапелях основной массив корабельного леса. Чтобы как-то облагородить это довольно крупное производство со стороны в то время бурно развивающегося столичного города, в начале 1720-х гг. было принято решение высадить на Адмиралтейском лугу березовую аллею, от которой, в частности, брала свое начало главная городская артерия, Невский проспект. Уже позднее, в 1738 г., последовал указ «Адмиралтейский луг обсадить из мелких деревьев бруствером или живым плетнем». Около середины столетия на этом месте началось создание общегородской площади, сопровождавшееся сильно растянувшимися во времени обширными работами по замощению ее булыжным камнем.⁴¹⁷ Под самый конец XVIII в., в соответствии с указом Павла I, И. Герарду было предписано устроить при Адмиралтействе, по срытию существующих, еще более высокие валы и бастионы с последующим обновлением и всего палисада.⁴¹⁸ Показательно, что по завершении всех этих работ на валу установят целую сотню орудий, из которых по обыкновению производились торжественные залпы в честь знаменательных событий.⁴¹⁹ Соответственно тогда же и «покрытый дерном» гласис был приспособлен под плац, где проводили воинские построения.⁴²⁰

Благоустройство всей рассматриваемой территории было напрямую связано с инициативами Александра I, распорядившегося приспособить Адмиралтейство для размещения Морского министерства. Осуществленная по проекту А.Д. Захарова комплексная реконструкция позволила придать этому крупному и монументально трактованному сооружению репрезентативный характер. Принципиально новый масштаб и архитектурный облик Адмиралтейства потребует и зеленого своего обрамления в рамках создания в центральной части города величественного градостроительного ансамбля, приведшего к окончательному структурному объединению Дворцовой и Исаакиевской площадей.

К проектным работам Гульда привлекут в 1804 г. В соответствии с поданной

им в начале сезона сметой на 102348 руб., высочайше утвержденной 18 апреля 1805 г., предстояло сделать с «трех сторон Адмиралтейства аллею, с разделением оной на 3 проспекта длиною 500 сажень, шириною оные – 12 сажень (...) с посадкой в четыре ряда липок, в каждом по 250 (...) и тоlikое число березок».⁴²¹ При этом Л.И. Руска (1762-1822) поручалось создание Адмиралтейской площади в планировочных границах, четко соответствовавших этому единому проектному замыслу.⁴²² Незамедлительно, вслед за разборкой «адмиралтейских ворот и караульни» и ликвидации вала у Дворцовой площади, рабочие приступят к устройству четырехрядной аллеи. Соответственно извозчики начнут свозить сюда «черную землю для посадки деревьев», а для устройства дорожек доставят еще и «пулковский и ямской песок». Из Пеллы же на судах подвозили все еще сохранявшиеся от дворцового строительства «кирпич цельный, плита, половик, и известковый мусор». Дерном выстилался «луг кругом всей Адмиралтейской аллеи», а для окончательной отделки широко применялись цветы, доставлявшиеся целыми партиями из Царского Села. Известно также, что крестьянин Евсеев вымостил откосы «на канаве у Адмиралтейства булыжным камнем на мху». Наконец, многочисленные партии саженцев лип поступали из питомника 1-го Кадетского корпуса.⁴²³ Как отмечает исследователь, «к зиме работы закончились: на бульваре появились скамейки, сделанные по рисунку Руска и выкрашенные в зеленый цвет и 50 масляных фонарей на деревянных столбах. Газоны огородили низким из брусков забором. Здесь же были открыты две деревянные палатки – кофейный и чайный домики. За работу император наградил Руска и Гульда брильянтовыми перстнями».⁴²⁴ Причем с самого начала и вплоть до завершения реализации этого крупного общегородского замысла всеми этими работами неизменно заведовал Гульд.

Посетивший столицу англичанин Г. Грин (George Green), вероятно, лично знавший садовника и потому посвященный в проектный замысел, отметит: «Бульвар был намечен на месте упраздняемого гласиса, вдоль и около Адмиралтейства, и выходил к Неве, занимая часть нынешнего Дворцового проезда, заканчиваясь у Медного всадника широким спуском, который предполагалось

украсить двумя статуями. Наряду с устройством аллеи планировалось площадь вдоль нее вымостить булыжником, а через Адмиралтейский канал перекинуть каменный мост». ⁴²⁵ О первоначальном облике этой вновь созданной композиции позволяет судить и высказывание еще одного современника: «Аллея из трех рядов лип образует вокруг Адмиралтейства тройное кольцо. Средняя аллея имеет в ширину более 40, боковые - более 10 шагов. У красивых газонов - бордюры; деревья окружены решеткой, предохраняющих их от возможных повреждений. Грунт, как в Англии, хорошо уложен, утрамбован и за ним особо ухаживают... Каждое дерево имеет табличку с годом посадки, подпорки и ежедневно поливается». ⁴²⁶ Наконец, внимание англичанина А. Гранвилла (A.V. Granville) этот только что появившийся в самом центре столицы крупный зеленый массив привлечет прежде всего своей общедоступностью: «С материковой стороны Адмиралтейства находится обсаженная деревьями променада, которая напоминает парижский бульвар и на которой зимой и летом бывают люди из всех сословий». ⁴²⁷

9. ТАВРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ

Уильям Гульд, Джон Мак-Ларен,

Чарлз Мэннерс, Мартин Колл, Уильям Грей

(1783-1851гг.)

Для заведения в столице своего дворцового комплекса Г.А. Потемкин избрал тогда еще периферийный и малоосвоенный восточный район, находившийся на левом берегу Невы. Генплан Петербурга 1744 г. зафиксировал на этом месте невыразительную прибрежную местность. В частности, здесь располагался большой несколько вытянутой формы пруд, все еще сохранявший первоначальное свое очертание. ⁴²⁸ Единственной узкой протокой он сообщался с Невой и Лиговским каналом, прорытым еще в петровское время для снабжения водой фонтанов Летнего сада.

Сравнительно небольшая площадь созданного здесь «аглинского сада», в действительности не превышавшая 21 га, была predetermined типологией

крупных аристократических городских усадеб, отвечавших особенностям классицизма.⁴²⁹ Сразу ставший общепризнанным эталоном пейзажного стиля и образцом для многочисленных подражаний, этот парк был сформирован Гульдом в два основных этапа, «потемкинский» (1783-1784) и «екатерининский» (1792-1793). В первые годы царствования Александра I он занимался широкомаштабными восстановительными работами, связанными с устранением последствий распоряжений Павла I. А потому на всем протяжении этого сильно растянувшегося во времени устройства и переустройства парка его планировочная структура, рельефные особенности, да и сам характер посадок постоянно уточнялись и детализировались.

Замысел парка окончательно созрел у Гульда на рубеже 1782-1783 гг. Первоначально под его территорию отводился изначально приобретенный Потемкиным восточный участок, представлявший собой сильно вытянутый по оси север-юг прямоугольник. Южная и восточная планировочные его границы полностью соответствовали двум намеченным к прокладке общегородским трассам. Часть северной – южному абрису возводившегося И.Е. Старовым крупного дворцового объема. Наконец, вдоль западной все еще сохранялись небольшие частные домовладения, собственно для связи дворцового комплекса с берегом Невы Потемкин и был вынужден их полностью выкупить.

В майские дни 1783 г., как только окончательно прогрелась земля, были незамедлительно начаты садовые работы, производившиеся одновременно с рытьем фундаментов под центральную часть дворца.⁴³⁰ Предстояло создать водную систему на основе находившегося здесь естественного пруда с его протоками и Лиговским каналом.⁴³¹ Исследователь на этот счет отметит: «...по современной Потемкинской улице протекала р. Саморойка. Соединив ее с Лиговским каналом к 1725 году, осушили ближайшее болото. Как видно на плане 1738 года, первоначально она впадала в небольшой естественный водоем, соединенный с Невой. Возможно, таким образом, в бассейне поддерживался постоянный уровень воды. В качестве источника водоснабжения пруда и канала решено было использовать Лиговский канал. Прорытый еще в первой четверти

XVIII века для питания фонтанов Летнего сада от реки Лиги, канал исправно выполнял свои функции. Однако наводнение 1777 года разрушило фонтанную систему сада, а сами фонтаны были уничтожены по указу Екатерины II в 1781 году. Отпала необходимость в Лиговском канале, и всеми забытый и заброшенный канал сильно обмелел. В связи с устройством пруда в саду Конногвардейского дома возникла потребность в капитальном ремонте Лиговского канала, который был проведен за счет личных средств князя Потемкина, и уже осенью 1783 года вода наполнила пруд и канал дворцового сада. Пришлось проложить сеть деревянных труб непосредственно от бассейна на Песках, по которым и осуществлялась подача воды в сад». ⁴³² Устройство же двух каскадов со шлюзами теперь позволяло регулировать общий уровень проточной воды, поступавшей к Неве по проложенным подземным «водотечным трубам». ⁴³³

Низменный и плоский участок требовал самого радикального преобразования. Полной трансформации подлежал и находившийся здесь пруд. Именно благодаря проведению широкомасштабных земляных работ удалось существенно его углубить, кардинально изменить форму береговых его линий, проложить кольцевые русла протоков. Вынутый же грунт активно использовался при отсыпке островов и пригорков, а для «чистой» отделки береговых откосов Гульд широко применял булыжный камень и мох.

Столь интенсивно осуществлявшиеся с самого начала земляные работы в целом были завершены к концу летнего сезона. Восхищенный кипучей деятельностью Гульда, один из современников замечал: «Однообразный рельеф участка быстро преображался. Ровную местность бороздили каналы; земля, вынутая из образовавшихся прудов, располагалась по берегам вокруг живописными холмами. Пруды и каналы оформлялись камнем, а холмы покрывались дерном». Другой восторгался «его удивительной практичностью, проявленной при рытье пруда: с выемкой грунта он получал достаточно материала для создания приятного разнообразия подъемов и спусков». ⁴³⁴

Вслед за завершением отделки рельефа последует высадка массовым порядком деревьев и кустарников, сопровождавшаяся одновременной заклад-

кой лугов. Следует полагать, что комплексное озеленение было начато еще осенью того же года, впрочем, основной массив посадок производился уже весной и летом следующего 1784 г. Потемкину в этой связи докладывали: «Садовые работы также окончены; двадцать три тысячи деревьев посажены, и уже в каналы и пруд вода пущена; каскад сделан, и теперь осталось окончить в саду дорожки».⁴³⁵

Весенне-летние мероприятия 1784 г. включили в себя проведение предварительных работ на сильно вытянутом прямоугольном в плане западном участке, окончательно выкупленном императрицей у частных владельцев и тогда же отошедшем в собственность князя. При этом, как подчеркивалось, общая площадь владения Конногвардейского дома возросла до 200 квадратных саженей. Именно после сноса мелкомасштабных строений Гульд устроит здесь выпас коров, чем восстановит плодородие почвы. Другая ее часть отойдет под «распашку, а равно и на посев семенами лучших тучных трав, остальную в саду землю с великою пользою обратить в огород».⁴³⁶ К осени 1784 г., когда Потемкин командировал Гульда в Крым, работы по формированию пейзажного парка в восточной части владения Конногвардейского дома были в целом закончены.

Этот завершившийся первый этап формирования парка довольно подробно отображает фиксационный генплан, датированный июлем 1786 г.⁴³⁷ Главную роль в его композиции играла весьма разветвленная водная система, охватывавшая практически всю площадь владения. Вся центральная его часть отойдет под сильно вытянутый по продольной оси север-юг Большой пруд, дополненный эффектно изгибающимися протоками, трактованными в виде речных излучин. Показательно, что по общему своему очертанию он напоминал подступавшее непосредственно к главному дому Среднее озеро в Осиновой роще, созданное Гульдом пятью годами ранее. Искусная же компоновка двух смежных его разновеликих островов была использована при формировании пейзажного парка Аничкового дворца также несколькими годами ранее. Само наличие Большого пруда обусловило появление широких панорамных раскрытий и локальных видов, чем обеспечивалась тесная композиционная связь пейзажной

планировки с сильно распластанным на плоскости дворцовым объемом. Не случайно, поэтому все наиболее значимые панорамные виды раскрывались непосредственно со стороны его протяженного южного фасада. Для еще большего усиления перспективного восприятия Большой пруд плавно сужался в южном направлении. И соответственно поперечная ось дворца, отмеченная объемом Зимнего сада, была совмещена с узкой горловиной Большого пруда и скругленным мысом большого острова. При этом все материковое пространство парка мыслилось соподчиненным элементом всей этой сильно разветвленной водной системы, периметрально окаймляя ее. Все эти устроенные на плавно понижавшемся рельефе периферийные участки были активизированы разновеликими насыпными пригорками, что сильно разнообразило ландшафт. И главным, и второстепенным планировочным элементом парка Гульд придает исключительно плавные выразительные очертания. Это и позволит добиться впечатляющего образного взаимодействия самых различных частей парка. Тому отвечали и эффектные по очертанию береговые линии пруда, его живописных протоков и островов, а также совмещенная с мостками весьма подвижная сеть прогулочных дорог, создававшая впечатление обширности паркового пространства.

Добиваясь наибольшего разнообразия парка, Гульд широко использовал контрастный принцип посадок, активно применяя единичные крупномеры, большие или малые группы деревьев для формирования разновеликих рощ. Наибольшей плотностью отличались периметральные посадки, закреплявшие планировочные границы владения. Именно они обеспечивали изолированность всей этой пейзажной среды от городского контекста. Меньший остров был также плотно засажен деревьями. А большой, связанный с основной территорией двумя мостами, содержал обширный стриженный луг в обрамлении крупномеров. В северной его части был насыпан большой холм, откуда наиболее эффектно воспринимался и сам дворец, и зеркальное его отображение в воде.⁴³⁸ Периферийные части парка в основном представляли собой луговые пространства, на фоне которых контрастно проступали живописно разбросанные купы деревьев

и кустарников. На генплане обозначено лишь три постройки: домик садовника, оранжерейный корпус и находившее в северо-восточной части парка Адмиралтейство, предназначавшееся для хранения шляпок.

Начиная с 1785 г. Гульд занимался совершенствованием и поддержанием парка в образцовом порядке, периодически возвращаясь из различных по своей протяженности командировок. Среди многочисленных его помощников этого периода значился и садовник Алексей Глебов.⁴³⁹ Согласно данным 1785-1786 гг. зарплата Гульда за треть года составляла 366 руб. 66 коп.⁴⁴⁰ Следовательно, его жалованье как главного садового мастера в целом было сопоставимо с жалованьем главного архитектора. Так, с весны 1783 г. и вплоть до конца 1790 г. Гульду было начислено 8600 руб., а Старову за тот же срок несколько больше - 9200 руб.⁴⁴¹

Общие издержки на устройство парка к концу 1790 г. составили 46556 руб. 98,5 коп., колоссальную по тем временам сумму. Обремененный долгами, Потемкин решает продать Конногвардейский дом в казну. Несомненно, это обстоятельство и стало решающим аргументом для прекращения всех садовых работ, связанных с запланированным расширением парка. Выручив за дворцовый комплекс 450000 руб., князь уже в начале следующего года уговорил императрицу вернуть его себе обратно в качестве достойного дара за успешный штурм Измаила.⁴⁴²

В назначенный день торжества, устроенного Потемкиным в честь императрицы в том же 1791 г., Английский сад, как подчеркивал Пыляев, «был отделан великолепно; всюду виднелись киоски, беседки; ручейку, протекавшему в саду по прямой линии, дали извилистое течение и устроили мраморный каскад. Сад горел тоже множеством огней и оглашался роговой музыкой и пением хора песенников».⁴⁴³

Впрочем, более всего заслуживают внимания высказывания очевидцев. Так, приглашенный на праздник Т.П. Кирьяк замечал: «В саду на пруде приуготовлена была китайская шлюбка, и несколько других с тем, чтобы гребцы под начальством какого-то г-на надворного советника Митрофанова, пели гребецкия

песни; но худая погода быть сему не дозволила».⁴⁴⁴ Г.Р. Державин добавляет: «...во внешнем, весьма просторном и прекрасном саду возжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всем утешаться ими, но любопытство приметило оные. Там, на прекрасных прудах, чешуящихся между открытою пологою зеленью, а инде древами осененных, зыблилась флотилия, из нескольких судов состоявшая, украшенная разноцветными флагами и фонарями, со множеством матросов и гребцов, богато одетых. Роши, приятно разбросанные, и алеи, далеко простирающиеся, также испещрены были разными огнями. Всего приятнее казалось помавание дерев над водами стоящих, которых от случившагося тогда нарочитаго ветра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся под ними стеклу пробегать то зеленыя, то красныя струи. Все дороги были покрыты народом, толпящимся подобно рою пчел, привившихся к тому месту, где матка их находится. Шорох дерев, шум вод калящегося водопада, жужуканье говорящих, глас в далеке гребецкаго рога и песен, слышимый с гулом музыки, вырывающимся из дому, погружали мысли в некую забывчивость».⁴⁴⁵

Самое значительное по своим пространственным габаритам дворцовое помещение Зимнего сада изначально в проектных чертежах И.Е. Старова отсутствовало, поэтому саму идею его устройства следует связывать именно с Гульдом.

Строительство Зимнего сада происходило одновременно с дворцом, о чем свидетельствует адресованное князю письмо Н.А. Татищева от 26 мая 1784 г.: «Дом уже покрыт железом, исключая садика, в коем оканчивается храмик, и потом начнут делать кровлю».⁴⁴⁶ В действительности он представлял собой со вмещенную с протяженной осью парка огромную оранжерею с ротондой. Зальная структура Зимнего сада учитывала использование крайне ограниченного числа отдельно стоящих опор. Соответственно обширные застекленные плоскости фасадов сада прерывались лишь узкими простенками, обработанными пилястрами дорического ордера. Именно это и обеспечивало максимальную слитность Зимнего сада с подступающим к нему со всех сторон Английским

парком. Тому отвечали и украшавшие простенки полихромные росписи, изображавшие свободно растущие деревья. Впрочем, несмотря на общую симметрию дворцового объема, планировочная структура Зимнего сада основывалась на асимметричной схеме и обладала пейзажным характером, отображая в миниатюре присущие особенности «аглинского сада». В своем письме из Петербурга от 18 февраля 1786 г. гостившая там англичанка леди Э. Кравен (Elisabeth Craven) отметит: «Во всем пространстве сей залы Англичанин, садовник князя, в прекрасном порядке рассадил разного рода фруктовые деревья, и искусно развел прелестные цветники, на которых было премножество гиацинтов, нарциссов и других ароматических цветов. Из деревьев я видела очень много миртов, померанцев и проч».⁴⁴⁷

Таким образом, проложенные в Зимнем саду прогулочные дорожки окаймляли эти теплолюбивые деревья и кустарники, а периметральная обеспечивала еще и панорамный охват самых различных частей Английского парка.

То, что само устройство Зимнего сада вступило в свою завершающую стадию весной 1785 г., подтверждает отправленное из Крыма и адресованное Потемкину письмо Гульда: «Августейший князь! (...) Если Вашей светлости угодно будет кончить Зимней сад в Конной гвардии, то соблаговолите приказать банкиру Сутерланду выписать из Голландии разных цветов семена и луковицы, по тому реестру, который я ему отправил. Впрочем я буду счастлив, если мои труды Вам будут угодны. Вашей светлости всенижайший слуга Виллиам Гульд. Мая 3, 1785 года. Карасбазар».⁴⁴⁸

Высокопоставленные гости, в том числе и иностранцы, единодушно признавали Зимний сад «европейским чудом». О том, как он выглядел в 1791 г., сообщит тот же Кирьяк, успевший как следует все здесь рассмотреть: «В саду, противу самой середины галлерей, близ колоннады, воздвигнут род жертвенника об 8-ми вокруг стоящих столбах, имеющих в диаметре больше аршина и высоту своею равняющихся колоннам галлерей. Верх онаго сведен куполом, пол выслан серым мрамором. Среди сего олтаря, на подножии из красного мрамора, стоит образ Екатерины, изсеченный из чистейшаго белаго мрамора в рост чело-

веческий, во образе божества, в длинном Римском одеянии. Вид ее обращен к галлерей; в одной руке держит скипетр, а другая, простертая положена на раскрытую книгу, лежащую на усеченном столбе.

Сверх того вокруг всей оранжереи посажены деревья. Все сии куртины отделяются одна от другой искривленными дорожками, начинающимися от жертвенника. Все они к середине сада возвышены, а к окнам и жертвеннику покаты, и вообще весь сад состоит из небольших пригорков, густо усаженных цитронными, померанцовыми и другими подобными деревьями, из коих некоторые и плоды имеют; но на большей части деревьев плоды подделаны были из стекла, как-то: сливы, вишни и разных цветов виноград, коего целыя гроздия представлены сделанными из стекла, на подобие оных, фонарями. Из среди сих куртин возвышаются подделанные кедры, кои многолиственными своими верхами поддерживают потолок; а без того оной, судя по пространству здания, не мог бы, кажется, держаться. Дорожки, устланные по краям дерном, также обращали на себе зрение. Все они усажены ананасами, арбузами и дынями натурального цвета, величины и вида. Листья их и стебли сделаны из жести, а самый плод из стекла; все сии плоды имели в середине огонь. За жертвенником простирается к окнам оранжерейным устланная дерном площадка, имеющая вид трапеции, и разделяющая сад на две половины. Окна противу оныха вовсе заделаны с низу до верха зеркалами, из коих составлен грот. Сие произведение воображения весьма удачно. Представьте себе трон, у стены стоящий и открытый спереди. Вид сея блестящая пещеры имеет великое сходство с оным; вся внутренность его убрана зеленью и пятью зеркалами, из коих три идут снизу вверх около трех сажень, сужаясь кверху (сии наставныя); а двое боковыя возвышаются до половины высоты других зеркал. Сии последния, как сверху так и по краям, густо обложены ельником и другою зеленью, и все соединения зеркал зеленью же заделаны; вместо шнуров и бахрамы, коими обыкновенно украшаются занавесы, здесь висят гирлянды из цветов и плодов многообразных. Внутри сея беседки поставлен сосуд из белаго мрамора; вокруг лавки из зеленого сафьяну, и пол убит зеленым сукном. Противу самага входа в сей грот, в конце прежде

упомянутой площадки, и по одной линии с мраморным образом императрицы, воздвигнута небольшая пирамида из желтого мрамора но мрамор виден токмо по краям, самая же середина, как на подножии, так и на пирамиде, состоит из зеркал, так что мрамор составляет токмо рамы оных. К сей пирамиде восходят тремя ступеньками, от коих подножие возвышается кубом, аршина в полтора; вставленные во все бока зеркала обложены по краям хрустальною гранью; а в верхнем краю повешены разным узором, так как ожерелья, хрустальные различной величины граненые камни. Самая пирамида стоит на четырех по углам шариках, и пространство, отделяющее ее от подножия, также увешано граненым хрусталем. К верху оных, на каждой стороне, сделаны на зеркале продолговатые из разноцветных фольг венцы, а на самой верхушке поставлен из разноцветных же, драгоценных или поддельных, камней, точно не знаю, довольно великой вензель Екатерины. В нескольких шагах по сторонам грота, дивана, беседки, как вам угодно, противу коего находится пирамида, стоят в конце дорожек превеликия зеркала, увитыя цветами, зеленью и бусами отменной величины, кои повышены как шнуры на занавесах. Как сии зеркала, так и зеркала беседки и пирамиды, удвоя и утроя все предметы сада, представляли оной необозримо-пространным».⁴⁴⁹

Впрочем, в действительности с заведением Зимнего сада далеко не все обстояло так благополучно. В одной из записок Старов подчеркивал, что Потемкин «всегда намерен был Зимний садик превратить в залу, тем более, что пары от поливки земли производят иногда в покоях неприятный запах».⁴⁵⁰

Следующий этап структурного развития Конногвардейского парка был уже напрямую связан с инициативами Екатерины II. Долги Потемкина после его смерти составили более двух миллионов руб., что изначально исключало всякую возможность его содержания наследниками князя. Поэтому 20 августа 1791 г. дворцовый комплекс перейдет в казну в счет погашения долга.⁴⁵¹

Императрица, сразу сделавшая его своей столичной резиденцией, в письме к М. Гримму замечала, что для «осени и весны нельзя желать ничего лучшего».⁴⁵² Впрочем, если погодные условия благоприятствовали, то из Зимнего дворца

она перебиралась сюда еще раньше.⁴⁵³

5 мая 1792 г., в самом начале строительного сезона, последовал указ об отпуске 26705 руб. «на исправление и переделки Конногвардейского дома, на содержание дворцового сада и на распланирование пейзажного парка в западной части дворцового участка позади строящихся каменных оранжерей и теплиц».⁴⁵⁴ В соответствии с еще прежде заготовленной запиской Гульд незамедлительно приступит к работам по двум основным направлениям. Помимо мероприятий чисто восстановительного характера, следовало также в кратчайшие сроки практически заново сформировать еще одну пейзажную часть и тем самым радикально увеличить территорию парка. А потому предстояло осуществить «выкопание вновь речек, прудов и канавок, вычищение старых речек, заплывших и заросших травой, выкопание вокруг саду вновь и прочистка старых канавок, сделание вокруг саду новых заборов, углубление старого большого пруда, выстилка в нем и в речках берегов камнем булыжным» и некоторые другие.⁴⁵⁵ Сюда же было причислено и устройство каскадов с плотинами, на что, согласно смете, выделялось 1473 руб. 95 коп.⁴⁵⁶ Однако стоимость одной только запущенной в Большой пруд «царской рыбы» (стерляди) была еще больше, равняясь 1552 руб. 85 коп.

Все эти спланированные работы были завершены к 4 сентября 1792 г. Именно тогда императрица пожелает осмотреть полностью обновленную свою резиденцию, а спустя три дня она переименует ее в Таврический дворец. Удовлетворенная всем здесь увиденным, императрица поспешит переехать сюда 14 сентября. Следовательно, формирование всей западной части парка в целом было завершено к этому времени. Именно на этом «екатериниском» этапе Гульду удастся реализовать не менее обширный замысел, предусматривавший создание еще одной пейзажной композиции. Это и позволит существенно расширить пространственные габариты потемкинского парка. Соответственно находившийся здесь прежде (несколько западнее дворца) сравнительно небольшой пруд был преобразован в протяженную речушку, извилистое русло которой по диагонали эффектно разделило территорию западного участка на две примерно

равные части. Вместе с уплотненной куртиной она теперь фиксировала новую западную границу парка. Близкая в плане к треугольнику вся эта новая сравнительно небольшая территория решалась одним нерасчлененным массивом, чему отвечала и трассировка периметральной прогулочной дорожки. При этом западная ее оконечность полностью соответствовала живописному очертанию этого вновь устроенного речного русла. Характер рельефа данного пейзажного района в целом отвечал прибрежным частям первоначальной (восточной) части парка. Однако плотность посадок здесь была несколько меньшей, а площадь стриженных лугов значительно большей, что приводило к еще большему визуальному укрупнению всего паркового пространства. Совсем небольшая заречная часть, трактованная как хозяйственная, включила в себя оранжерейное хозяйство, фруктовый сад и Дом садовника.

Стремясь завершить работы по плодовому саду непременно к концу осеннего сезона 1793 г., Гульд обратится к императрице с просьбой «повелеть выписать из Англии следующие деревья для Таврического сада»:

«500 больших кустов белой смородины по 30 копеек за куст – 150 руб.

500 больших кустов красной смородины по 30 копеек за куст – 150 руб.

200 больших кустов красной и белой малины по 30 копеек – 60 руб.

400 деревьев вишен разных сортов по 2 руб. – 80 руб.

400 яблонь разных сортов по 2 руб. – 800 руб.

1000 розен (розовых кустов) – 280 руб.

И с фруктами и на другие при сем издержки – 358 руб. 50 коп.

Того: 2598 руб. 50 коп. По указу Ея императорского Величества William Gould. Августа 21 дня 1793 г.»⁴⁵⁷

Уже совместно с Ф.И. Волковым Гульд продолжит проектирование и строительство теплиц и оранжерей, активно внедряя английскую систему парового отопления. Во всяком случае, известно, что еще при нем в теплицах Таврического сада выращивались персики, виноград, ананасы и самые различные овощи.⁴⁵⁸ Императрица в письме к М. Гримму сообщала: «...выращиваем столько ананасов, что не только к столу, но и на продажу хватает».⁴⁵⁹

Видимо также по инициативе Гульда еще осенью 1793 г. было начато устройство дренажной системы, о чем в феврале 1794 г. в дневниковой своей записи упомянет оксфордский профессор Д. Паркинсон (John Parkinson): «В настоящее время ведутся работы над скрытым рвом, а весь сад еще и будет обнесен железною оградой».⁴⁶⁰ Действительно, всю парковую территорию ограничивал в то время ров, через которые и были переброшены мостики.⁴⁶¹

По возвращении из Англии деятельность Гульда начиная с весны 1794 г. будет в основном связана с поддержанием Таврического парка и оранжерейно-тепличного комплекса в надлежащем порядке. Выясняется, что в 1795 и 1796 гг. только на эти нужды ежегодно выделялось более десяти тысяч рублей.⁴⁶² Примечательна в этой связи следующая служебная записка: «Генералу поручику и кавалеру Турчанинову. Милостивый государь мой Петр Иванович! Повеленная по Высочайшему Ея императорского величества указу сумма на содержание в нынешнем году Таврического сада оранжерей теплиц, и на жалование садовым ученикам, и в общем на все расходы по оному саду 10848 руб. 70 коп., из Кабинета Ея имп. Вел. находящимуся при том саду садовнику Гульду вся отпущена, на которую сумму покорнейше прошу ваше превосходительство приказать ему Гульду в кабинет к 1 числу генваря наступающего 1795 года представить отчет, показать при том, что из оных в остаток и что на будущий год на содержание того сада потребно».⁴⁶³ Этой как раз суммой покрывались, например, следующие расходы: «жалование помощнику, подмастерью, переводчику и шести садовым ученикам с мундирами – 1924 руб., на месячных работников – 3750, на двух лошадей – 459. ...за выписанные из Голландии цветы и на садовые семена – 1130. ...на сажение деревьями и кустами старого садовничьего дома: на хрящ, дерн и деревья – 290 руб».⁴⁶⁴

Упомянутым помощником Гульда в то время был его соотечественник - Д. Мак-Ларен (John McLaren), еще до этого служивший садовником в команде Буша-младшего в Царском Селе. В соответствии с подписанным четырехгодовым контрактом он оставался при Таврическом саде вплоть до 1796 г.⁴⁶⁵ К этому времени парк достигнет наибольшей своей художественной выразитель-

ности и станет местом приемов самых высокопоставленных иностранных гостей: «Сад позади дворца обширностию около 200 квадратных сажен и расположен в Аглинском вкусе, с извивающимися дорожками в смешенном кустарнике, с цветниками, каналами, водопадами из Лиговского канала, прудами и проч».⁴⁶⁶ Именно здесь, непосредственно обратившись к Екатерине II, шведский монарх 24 августа 1796 г. попросит руки великой княгини Александры Павловны: «Происходило это под тенистым сводом деревьев прекрасного Таврического сада. В одну из прогулок король сделал свое предложение».⁴⁶⁷ Польский князь А.К. Чарторыйский (1734-1823) о своей состоявшейся в 1796 г. прогулке с Александром Павловичем вспоминал: «Двор по обыкновению переезжал весною в Таврический дворец, где Императрица Екатерина жила менее открыто и допускала к себе по вечерам лишь избранное общество, в которое не включалась толпа придворных чинов, разве по случаю концертов, на которые разсылались особья приглашения. Великий Князь еще не прекращал своих прогулок по набережной. Однажды, встретясь со мной, он выразил сожаление, что мы редко видимся и пригласил меня посетить его в Таврическом дворце и прогуляться с ним по садам, которые он хотел мне показать. Он назначил мне день и час.

Весна уже установилась и, как бывает в этом климате, природа наверстала упущенное время: растительность быстро развилась в несколько дней; все зеленело и цвело. В назначенный день и час, я не преминул явиться в Таврический дворец. Жалею, что не записал числа: этот день имел решительное влияние на значительную часть моей жизни и на судьбы моего отечества. С этого дня и с разговора, который я тотчас изложу, ведется моя преданность Великому Князю, могу сказать, наша дружба и ряд событий, счастливых и несчастных, цепь коих еще длится и еще даст себя чувствовать в течении долгих лет.

Как только я вошел, Великий Князь взял меня за руку и предложил мне пойти в сад, чтобы я посудил, сказал он, об искусстве Английского садовника, сумевшего придать саду много разнообразия и распорядиться так, что ни откуда не было видно пределов весьма ограниченного его пространства. Мы исходили

сад во всех направлениях во время трех часового, неумолкаемого и оживленного разговора. (...)»⁴⁶⁸ «Иногда, - отмечает тот же Чарторыйский, - вблизи Таврического дворца устраивались две ледяные горы. Великая княгиня, княжны и все придворные отправлялись туда кататься с гор на санях, как это делается в России. Искреннее веселье царило на этих катаньях, в которых участвовали молодые, красивые девушки, принятые ко Двору».⁴⁶⁹

На полотне Б. Патерсона (Benjamin Paterssen, 1715-1815), зафиксировавшем облик центральной части парка в последние годы екатерининского правления, изображены белые лебеди, украшенные разноцветными флажками прогулочные лодки, косцы на лугу за работой и прогуливающая по «аглинской дорожке» дама с кавалером, приметивших свободно содержавшегося здесь павлина.⁴⁷⁰ Георги, посетивший Таврический сад около того же времени, заметит: «Сад позади дворца обширностью около 200 квадратных сажень и расположен в Аглинском вкусе с извивающимися дорожками в смешанном кустарнике, с цветниками, каналами, водопадами из Лиговского канала, прудами и проч».⁴⁷¹

11 апреля 1799 г. последовал указ Павла I о приспособлении комплекса «под казармы лейб-гвардии конного полку».⁴⁷² Фактически это означало полное уничтожение оранжерей, теплиц и самого Зимнего сада, деревья и кустарники которых стали беспорядочно развозить по самым различным императорским именям. Очень скоро придет в упадок и сам парк, по поводу чего современник замечал: «Романтический сад поныне еще привлекает всех для прогулки в нем... На беседках и храмиках стены и двери исписаны сквернословными стихами и прозой».⁴⁷³

Удовлетворяя просьбу Гульда император временно уволит его от должности, правда с сохранением жалования.⁴⁷⁴ В августе 1799 г. садовник вместе с дочерью Елизаветой в очередной раз отправляется в Англию.⁴⁷⁵ Парк же с этого времени Гульд оставляет на попечение садовника Шумана.

В 1801 г. Александр I распорядился о приведении Таврического дворца и парка в «первобытное состояние». Соответственно 16 августа Гульд отправит на его имя служебную записку следующего содержания: «Ваше императорское

величество! По двадцати трех летней моей службе в России, получил я позволение съездить в Англию для поправления расстроенного моего здоровья; при отправлении моем Ваше императорское Величество изустно в Петергофе изволили мне сказать, дабы я возвратился и паки в Россию по прежнему для службы вашему императорскому величеству, по каковому местному приглашению и по исправлении моего здоровья, возвратился я ныне из Англии, привезя с собою двух садовников, из коих один искусен в вышнем садовом знании, а другой в низшем. Всемилостивейше прошу Ваше Императорское Величество повелеть определить меня по прежнему к Таврическому саду, над устройением и насаждением коего я имел счастье трудиться, и ныне надеюсь привести оный в лучшее состояние, ежели Ваше Императорское Величество удостоит меня поручением одного мне по прежнему. При отправлении моем в Англию, обещано мне, что не буду лишен и моего жалования и во время отсутствия из России, почему прошу Всемилостивейше повелеть за две прошедшие трети выдать мне получаемое мною из Кабинета жалование, и впредь производить мне таковое ж по прежнему, чрез что сделать изволите счастливым и меня и оставшуюся на моих руках дочь мою. С глубочайшим Высокопочитанием счастье имею быть Вашего императорского величества всенижайший слуга садовник англичанин Виллиам Гульд».⁴⁷⁶

Вслед за этим обращением, для принятия окончательного на этот счет решения, в Придворной канцелярии было подготовлено соответствующее уведомление: «Англичанин садовник Вилиам Гульд в поданном на высочайшее имя прошении изъясняет, что по 23-х летней его службы в России, получил он позволение съездить в Англию для поправления расстроено-го его здоровья; при отправлении его ваше императорское величество поустно в Петергофе изволили ему сказать, дабы он возвратился и паки в Россию для службы; по каковому лестному приглашению и по исправлении здоровья, возвратился он ныне из Англии, привезя с собой двоих садовников, из коих один искусен в вышнем садовом знании, а другой в низшем. Просит Ваше Величество повелеть определить его по прежнему к Таврическому саду, над устройением и насаждением

кого он трудился, и ныне надеется привести оный в лучшее состояние, ежели оный поручится ему по прежнему. При отправлении его в Англию обещано ему, что не будет лишен и жалованья во время отсутствия из России; почему просит повелеть за две прошедшие трети из Кабинета ему выдать и впредь производить ему оное по прежнему. По высочайшему повелению требовано было от графа Тизенгаузена сведения: когда и на каком основании Гульд уволен был в Англию, сколько он до того увольнения получал жалования, кто теперь его место заступает, на каком окладе и откуда он туда помещен. Граф Тизенгаузен отвечает, что Гульд по Высочайшему покойного государя императора повелению объявленному чрез бывшего обер-шталмейстером графа Кутайсова 1799-го года августа 17-го уволен был в Англию на 8 или 12 месяцев с тем, чтобы во все оное время производить полное им получаемое жалование, и чтоб по возвращении его находиться ему при прежней должности и препоручить смотрение над оранжереями Михайловского замка. При таком его увольнении, поручен Таврический сад садовнику Шуману; а по прошествии годичного срока увольнения Гульда, по высочайшему же повелению, последовавшему 1800-го года декабря в 31 день, определен на место его Гульда он Шуман с тем же жалованием по 1700 рублей в год. Причем за нужное находить пояснить и то, что старанием его Шумана все прежние до его времени запущения приведены им в лучший порядок, и с усердием его к службе, соблюдается всегда исправность: а посему он полагает его полезным быть и на будущее время при оном саде». ⁴⁷⁷ Несмотря на последовавший отказ, Гульду все же удастся добиться своего и в самом начале следующего сезона он вместе с прибывшими с ним из Англии двумя садовниками приступит к исполнению прямых своих обязанностей в прежнем качестве главного садового мастера Таврического дворца. ⁴⁷⁸

Уже к началу июля 1802 г. заросшие тиной и заваленные мусором пруды и каналы были прочищены, полностью выправлен один из двух сильно поврежденных каскадов. ⁴⁷⁹ Спустя месяц, 2 августа, Гульд доложит в Гоф-интендантскую контору об исправлении и второго каскада и начавшемся возве-

дении парковых сооружений.⁴⁸⁰ Еще более значительный объем садовых работ был спланирован на осенний период, когда в рамках все еще происходивших широкомасштабных восстановительных мероприятий последовала массовая высадка деревьев и кустарников. Окончательная же чистовая отделка парка пришлась на весенне-летний период следующего 1803 г. Совместно с Л. Руска Гульд одновременно займется и воссозданием Зимнего сада. Здесь предстояло разобрать поздние перегородки, окончательно ликвидировать каретные сараи и устроить новые перекрытия уже без необходимости использования дополнительных опор Старова.⁴⁸¹ Затем сюда же массовым порядком начнут свозить плодородную землю, дерн и песок. При этом все дорожки пришлось устраивать практически заново. Известно, что под началом Гульда в доставке материалов участвовал в то время «слободы Пулковой крестьянин Василий Садовников».⁴⁸² В очередном своем рапорте от 3 ноября 1803 г. садовник докладывал в Гоф-интендантскую контору, что «для опланирования онаго к выstelке дерном с подсыпкою земли и делания прогулочных дорожек в оном саду и вокруг дворца нанято было мною рабочих людей в прошедшем сентябре месяце 46 человек (...) В минувшем октябре месяце рабочих людей было нанято 38 человек».⁴⁸³ В ноябрьские дни, когда все еще проводились работы по высадке доставлявшихся преимущественно с Каменного острова деревьев и кустарников, в Зимнем саду трудилось одновременно 35 человек.⁴⁸⁴ С помощью Гульда тот же Руска смог быстро восстановить оранжереи и теплицы, в которых, как и прежде, круглогодично цвели экзотические растения и выращивались теплолюбивые фрукты и овощи.⁴⁸⁵

Долгое время проработавший в Петербурге известный исторический живописец и портретист шотландец Р. Кер-Портер (Robert Ker Porter, 1777-1842), несомненно, лично знавший Гульда и хорошо представлявший особенности новейшего садоводства, относительно самого Таврического сада и его создателя счел нужным подчеркнуть: «Все выдержано в английском стиле: романтические дорожки, сельские хижинки... Этими красотою императорская фамилия обязана вкусу и усилиям г. Гульда, англичанина, давно живущего в Петербур-

ге, который создает и ухаживает за этими весьма замечательными произведениями. Он - русский Рептон. Его истинно английская честность, прекрасное сердце и радушие вызывают всеобщее уважение». ⁴⁸⁶

Вслед за окончательным отъездом Гульда на родину, начиная фактически с 1806 г. при Таврическом саде уже в качестве главного садовника состоял Ч. Мэннерс (Charles Manners). Уже при нем в должности садового подмастерья продолжится служба и М.М. Колла (Martin Miller Call, 1780-1842), работавшего прежде у графа Нортумберленда (Duke Northumberland) в известных его имениях (Syon-House, Alnwick Castle). Одновременно с Д. Мак-Лареном он был выписан императрицей еще в 1791-1792 гг. и, следовательно, в качестве одного из ближайших помощников Гульда занимался формированием пейзажной среды всей западной части парка. ⁴⁸⁷ В 1809 г. Колл был уволен по собственному желанию, но спустя два года по рекомендации Мэннерса был вновь зачислен уже в качестве главного садового мастера Таврического парка. ⁴⁸⁸ Впрочем, уходя, Колл все оставит в отличном своем состоянии, что подтверждается сделанной 30 июля 1810 г. дневниковой записью княжны М.Н. Волконской: «После обеда поехали мы с Княгиней Катериною, взяв с собою и Вариньку, в Таврический дворец. Мы осмотрели покои, в которых мы видели несколько прекрасных картин, как то: похищение Прозерпины и некоторые виды Петербурга. Парадная зала прекрасна; мы прошли также по комнатам, которые бываю заняты Императорской фамилиею во время ея пребывания здесь. Комнаты вдовствующей Императрицы чрезвычайно великолепны; но комнаты Елисаветы Алексевны отличаются своею простотою; нам показывали горницу скончавшейся ее дочери. Постель ея, стол, на котором ее одевали, все оставлено так, как было; трогательный знак материнской любви. Потом пошли мы погулять в сад, который не очень обширен, но прекрасен и содержан в удивительной чистоте». ⁴⁸⁹

Колл прослужит при Таврическом саде вплоть до 1830 г. В круг многочисленных его обязанностей будет входить обучение русских учеников. Нес он ответственность и за содержание Зимнего сада. Об этом упомянет его соотечественник А. Гранвилл (A.V. Granville), посетивший Петербург уже в первые годы

николаевского правления: «Среди помещений противоположно входу имеется Зимний сад, отделенный от Танцевальной залы двойной колоннадой. Создан этот сад, который выглядит еще более превосходно, чем летние сады и прекрасные окрестности дворца, при тщательнейшем устройстве очень образованного английского садовода мистера Колла...»⁴⁹⁰

Неизменно занимаясь расширением и обновлением ассортимента оранжерейных растений, Колл постоянно закупал «голландские луковицы» гиацинтов, тюльпанов, нарциссов и крокусов, а из Дрездена большими партиями выписывал рододендроны, камелии, азалии, магнолии и другие не менее эффектно цветущие редкие растения.⁴⁹¹ Поэтому в 1817 г. именно Коллу доверяют очередной ремонт оранжереи.⁴⁹² В том же году он поправлял и ту часть сада, где размещалась знаменитая модель деревянного Кулибинского моста.⁴⁹³

Также при Колле в августовские дни 1829 г. Таврический сад был подготовлен для общедоступного своего использования, относительно чего столичный генерал-губернатор П.В. Голенищев-Кутузов делает следующее весьма примечательное распоряжение: «Во время пребывания персидского принца Хорзева Мирзы в Таврическом дворце тамошний сад будет открыт для публики на таком же основании, что и Летний сад, а потому вход туда дозволен будет также без билетов с подтверждением, чтоб деревья не ломали, цветов не рвали и по траве не ходили и чтоб сохраняемо было все должное благочиние».⁴⁹⁴ Был известен Колл и как автор записок о старших своих наставниках - Буше-старшем и Гульде, под началом которого прослужил более десяти лет.⁴⁹⁵

Без малого десятилетие, с 1840 по 1851 гг., главным садовым мастером Таврического сада числился сын английского садовника Томаса Грея - У. Грей (William Grey, 1815-1864), с 1845 г. являвшийся сотрудником Вольного экономического общества. Перевели Грея из Ропши, где с 1836 г. он служил старшим садовым подмастерьем.⁴⁹⁶ Впрочем, деятельность всех этих последователей Гульда уже не выходила за рамки образцового содержания Английского парка, Зимнего сада и оранжерейного хозяйства.⁴⁹⁷

*10. ОСТРОВ КОТЛИН,
ЭСТЛЯНДСКАЯ УСАДЬБА ГЕРЦОГИНИ КИНГСТОН*

Генри Моуэт

(1778-1784 гг.)

В 1711 г. голландский посланник отмечал, что Петр I решил разместить в восточной части острова центр новой столицы с сетью каналов по аналогии с Амстердамом.⁴⁹⁸ Поэтому начиная с 1710-х гг. он стал энергично переселять сюда бояр, дворян, купцов и ремесленников.⁴⁹⁹ Сам же остров в то время был сплошь покрыт лесом, однако комплексное его освоение предусматривало проведение лишь выборочных вырубок. Так, 25 сентября 1723 г. последовал высочайший указ «О прорубке улиц на Котлине», но с сохранением тех деревьев, «которые не на кочках растут» и с оставлением их «у стен всякого строения, у заборов и на огородах, а также какие на канал растут».⁵⁰⁰

Появление упомянутых каналов, создававшихся по проекту нанятого в Англии капитан-командора Э. Лейна (Edward Lane), в полной мере отвечало широкомасштабным начинаниям петровского времени, нацеленным на осушение и благоустройство острова. Проведение этих обширных мелиорационных работ и позволит приступить к закладке в Кронштадте двух парков. Одновременно с императорским Петровским здесь также за казенный счет был создан общедоступный Летний сад для стремительно возраставшего городского населения.⁵⁰¹ К середине столетия радикально преобразится и островная территория. Теперь ее разделял целый ряд проложенных в лесном массиве просек. Самая широкая и протяженная центральная упиралась в городские укрепления. Она пересекала основную часть острова по оси запад-восток. А две вспомогательные по диагонали связывали город с противоположными берегами Финского залива.⁵⁰²

В целом отмеченный мирным временем очередной этап структурного развития острова целиком пришелся на екатерининский период. Важную роль в его развитии сыграл крупный градостроительный замысел С.И. Чевакинского, связанный с устранением последствий случившегося 23 июля 1764 г. в Кронштадте большого пожара.⁵⁰³ Общегородскому благоустройству послепожарного

времени отвечал и специальный рапорт, поданный в октябре 1772 адмиралом С.И. Мордвиновым вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышеву. Фактическое же руководство восстановительными работами поручалось вице-адмиралу, шотландцу на русской службе, С.К. Грейгу (Samuel Greig, 1735-1788), с 1775 г. остававшемуся бессменным командиром Кронштадского порта.⁵⁰⁴ Наконец, с ним по многим кронштадским делам был связан обрусевший шотландец граф Я.А. Брюс (1732-1791), в должности генерал-аншефа возглавлявший в течение девяти лет (1773-1782) расквартированную поблизости Финляндскую дивизию.⁵⁰⁵ В 1776 г. последует уже высочайший указ «по составлению плана Кронштадта и устройству канав на улицах и около казарм».⁵⁰⁶ Неотложное проведение этих мероприятий в жизнь было ускорено сентябрьским наводнением 1777 г. Тогда-то императрица и распорядится незамедлительно выделить все необходимые средства «по производству доковых и штапельных работ, исправлению караульного дома, губернских домов, канала по Кронштадской улице и моста через пруд при адмиралтейском дворе и прочих поврежденных».⁵⁰⁷ Впрочем, одним только этим дело не ограничится. В рамках комплексного подхода предполагалось также распланировать и озеленить островную территорию и тем самым окончательно ликвидировать все неприглядные и заболоченные места. Осознавалось это важным еще и потому, что от некогда крупных лесных массивов теперь сохранялись лишь отдельные крайне разрозненные перелески.⁵⁰⁸ Поэтому надобность в опытном садовнике приобретала особую остроту.

Вплоть до своего отъезда в Россию шотландец Г. Моуэт (Henry Mowat) служил главным садовником в поместье Торсби (Thoresby Hall, Nottinghamshire), принадлежавшем небезызвестной герцогине Э. Кингстон (Elizabeth Kingston, 1720-1788). Отвечавший особенностям голландского классицизма парк здесь был создан еще в 1683 г., когда 4-й граф Кингстон распорядился сократить территорию Шервудского леса. Главным его элементом назначался совмещенный с господским домом «чудесный водный сад», изображенный на картине Леонардо Ниффа (1705). Свой пейзажный характер парк приоб-

рел в 1760-е гг. Именно тогда под руководством Ф. Ричардсона (Francis Richardson) и при непосредственном участии Л. Брауна здесь осуществлялись широкомасштабные ландшафтные и посадочные работы.⁵⁰⁹ Следовательно, главной обязанностью Моуэта вплоть до осени 1778 г. являлось поддержание вверенного ему парка в образцовом порядке. При этом, однако, не исключались и незначительные его корректировки, проводившиеся в рамках реализованного замысла именитых его предшественников.⁵¹⁰

С одобрения Екатерины II Моуэт был зачислен на русскую службу И.Г. Чернышевым при посредничестве той же Э. Кингстон. В соответствии с подписанным контрактом в октябре 1778 г. он прибывает на о. Котлин и приступает к садовым работам, причем как в самом городе, так и за его пределами. Об этом становится известно из деловой переписки, где, в частности, рассматривался вопрос о выплате Моуэту жалования. В собственноручно подписанном императрицей указе от 8 июня 1779 г. на этот счет отмечалось следующее: «Выписанному нашей адмиралтейской коллегии вице-президентом графом Чернышевым из Англии садовому мастеру Генриху Монату, принятому в службу нашу под ведение нашего генерала графа Брюса повелеваем производить жалование по заключенному с ним договору в копии при сем прилагаемому с написанного в нем срока по тысячи по двести по пятьдесят рублей, да на прочее содержание по двести по пятьдесят рублей, отпуская сии деньги к помянутому генералу графу Брюсу».⁵¹¹

Среди дел архива Морского Министерства сохранилось относящееся также к 1779 г. совсем краткое извещение «Об окончании «дела о садовнике, с ходатайством об отсылке того садовника к графу Я.А. Брюсу».⁵¹² Обращаясь 17 июня непосредственно в Дворцовую канцелярию, Брюс со своей стороны докладывал: «Полученный мною Указ за собственным Ея императорского величества подписанием у сего препровождаю, равно и в копии контракт упоминаемого Генриха Моната, во исполнение того высочайшего повеления дворцовая канцелярия и соблаговолит по расчету, что следует жалование майя по первое, сказанному садовнику и отпускать под расписку штата моего генерал-адъютанта

Беклешова, яко впредь то по третям отпускать же под росписки сего адъютанта». ⁵¹³ Вместе с тем бухгалтер Дворцовой канцелярии Егор Баженов 25 июня уточнял, что вслед за высочайшим указом причитающееся жалование будет начисляться «со дня прибытия оного садовника Моната в Кронштадт, прошлого 1778 г. октября с 14 сего 1779 года мая по 1-е число из тысячи пятисот рублей в год». ⁵¹⁴

Вновь прибывший садовник стал очередным английским специалистом, который в соответствии с подписанным контрактом проходил здесь российскую службу. ⁵¹⁵ Помимо самой многочисленной группы офицеров флота, в том числе и высокопоставленных, в городе проживал приглашенный тем же Грейгом доктор Р. Симпсон (Robert Simpson, 1749-1822), а осенью 1774 г. со специально доставленной из Шотландии для откачки воды «огнедействующей машиной» в Кронштадт прибыло сразу двенадцать мастеров, два из которых (Адам Смит и купец Вильям Брюс) решат здесь затем обосноваться и приобретут российское подданство. ⁵¹⁶ Там же в Кронштадте разместится канатная фабрика и собственный двор английского купца Кука, по поводу чего в указе императрицы от 5 ноября 1773 г. говорилось следующее: «...отослать в Адмиралтейскую коллегию на рассмотрение, по выписке из челобитной английского купца Кука, об отводе ему имеющейся за его домом в Кронштадте порожней земли для устройства на его счет канатной фабрики». ⁵¹⁷ В 1771-1774 гг. капелланом заведенной в Кронштадте Английской церкви оставался преподобный У. Тук (William Tooke, 1744-1820), один из виднейших представителей британской общины в России. ⁵¹⁸ Также в Кронштадт начиная с 1803 г. станет все чаще наведываться и Ч. Камерон, исполнявший в те годы обязанности главного архитектора Адмиралтейства. ⁵¹⁹ Не случайно побывавший здесь в 1805 г. К.П. Шаликов счел нужным заметить: «Надобно знать, что жители Кронштадта великие Англома-ны». ⁵²⁰

Кронштадт, занимавший восточную оконечность острова, в 1770-х гг. уже обладал вполне сложившейся регулярной планировкой. Заведенная еще в петровский период поквартальная его разбивка изначально предусматривала за-

крепление застройкой красных линий. Поэтому исходя из уточненного к тому времени градостроительного замысла, Моуэт сможет приступить к благоустройству города, вероятно, уже весной 1779 г. В рамках проведения этих общегородских мероприятий, видимо, именно ему и было доверено формирование общедоступного городского парка на месте полностью выгоревших небольших садов, непосредственно примыкавших к губернским домам.⁵²¹ Вполне возможно, что от прежнего времени был сохранен лишь копаный пруд, который и был введен в основу новой парковой композиции.

Несравненно больший объем садовых работ потребовался при формировании пейзажной среды на основной территории острова. То, что этот замысел был реализован, подтверждает датированный 1790 г. его генплан.⁵²² И на аксонометрическом рисунке о. Котлина, сделанном в 1854 г., она еще вполне различима.⁵²³

Интенсивная хозяйственная деятельность, последствия пожара и недавнего наводнения привели к тому, что к концу 1770-х гг. даже фрагментарно сохранившиеся перелески были практически полностью утрачены. В результате островная территория окончательно утратила прежнюю свою привлекательность и теперь представляла собой обширную оголенную низменную равнину, непосредственно подступавшую к береговым линиям. И если в восточной ее части общая картина несколько сглаживалась дополнявшими друг друга форпостами (Александровский шанец, редут Михаила, Александровская батарея), то далее на запад простиралось совершенно унылое безжизненное пространство. Эта сильно растянутая по оси восток-запад местность постепенно сужалась и в западной своей оконечности уже представляла собой вытянутый мыс, ориентированный к бескрайним просторам Финского залива. Всесторонне проанализировав природные особенности острова и многообразие визуальных связей с материком, Моуэт в последующие три-четыре года сможет добиться радикального ее преобразования. И хотя прямые свидетельства на этот счет все еще отсутствуют, однако косвенным подтверждением тому может послужить совсем краткое высказывание графини В.Н. Головиной. В начале 1790-х гг., совершая про-

гулку в свите великих князей, она подведет общий итог деятельности Моуэта: «После обеда мы проехали по живописной местности Кронштадта...»⁵²⁴

Основной массив земляных работ был связан с формированием выразительного абриса береговых линий. Отвечавшая неукоснительным правилам пейзажного планирования их детальная обработка привела к появлению самых различных по величине, очертанию и художественной значимости ландшафтных элементов: мысов, полуостровов, глубоких бухт и даже острова поблизости от южного берега. Не менее эффектной пластической выразительностью обладала и сильно протяженная (несколько выгнутая в плане) западная стрелка со скругленным своим завершением. Сохраняя в целом свой первоначальный планировочный костяк с прямолинейными просеками петровского времени, садовник создал развитую сеть пейзажных дорог близ береговых линий Финского залива. В основу же новой системы озеленения будет положено довольно свободное размещение на открытой пересеченной местности сравнительно небольших групповых посадок и единичных крупномеров. Это и позволит создать впечатляющие перспективные раскрытия и на островную территорию, и на живописные окрестности Ораниенбаума. Небольшую плотность этих новых посадок фиксирует и Георги: «Остров имеет от востока к западу 8 верст в длину, около 1 версты в ширину, есть плоский, около 8 сажень выше поверхности воды и несколько лесист».⁵²⁵

Столь масштабно производившаяся корректировка рельефа с последующей высадкой деревьев и кустарников позволит, в конечном счете, добиться пейзажного разнообразия различных частей острова. В частности, северный лучковый изгиб самой стрелки закреплялся сильно разреженной (периметральной в своей основе) однорядной высадкой деревьев. Эта пейзажная среда изначально учитывала и самое активное восприятие с бортов причаливающих к острову кораблей, в том числе иностранных. Сильно изменившиеся средовые условия немало способствовали заведению на островной территории и дачных владений. Так, на рубеже XVIII – XIX вв. «дача капитана над портом» помещалась на значительном удалении от крепостных укреплений города, у южнобережного

эффектно очерченного мыса, в непосредственной близости от заведенной там совсем недавно роши.

Вполне допустимо участие Моуэта и в одновременном формировании пейзажного парка в имении Санс-Энуи, размещавшемся в непосредственной близости от острова, в пригородах столицы, у Петергофской дороги. Принадлежало оно непосредственному его начальнику - адмиралу С.К. Грейгу.⁵²⁶ В соответствии с указом императрицы от 2 июля 1780 г. эта земля за особые заслуги закреплялась за ним «в вечное и потомственное владение». И сегодня все еще фрагментарно сохраняющийся «аглинский сад» изначально охватывал всю усадебную застройку и был отмечен прудом с островком.⁵²⁷

В соответствии с условиями найма по истечении договорного срока Моуэт выйдет в отставку, прослужив, таким образом, в ведомстве Адмиралтейства пять с половиной лет. Об этом становится известно уже из рапорта генерал-адъютанта А.А. Беклешова (1745-1808), поданного в «штат Его величества» Я.А. Брюса: «Бывший в российской службе по контракту английский садовник Генрих Монат в нынешнем 784 году в январе месяце уволен от службы, и потому жалования ему более производить не следует, о чем Главной Дворцовой канцелярии доношу во известие февраля дня 1784 года».⁵²⁸ В качестве губернатора Риги Беклешов возглавлял в то время все Рижское наместничество, а потому завершающий период деятельности садовника на государственной службе мог быть напрямую связан именно с этим регионом.⁵²⁹

Наряду с Адмиралтейств-коллегией, другим российским заказчиком Моуэта станет уже упоминавшаяся Э. Кингстон.⁵³⁰

Вслед за последовавшим в 1776 г. высочайшим «дозволением дюшессы Кингстон переселиться в Россию» она на собственной яхте летом 1777 г. прибудет в Петербург и вскоре удостоится аудиенции императрицы в царскосельской ее резиденции.⁵³¹ В ноябре она покинет Россию и снова возвратится сюда (через Кронштадт) в июне 1779 г. теперь уже в сопровождении эскорта российских кораблей под командованием И.Г. Чернышева, давнего своего приятеля еще по Англии.⁵³² В надежде все же закрепиться при дворе и окончательно

обосноваться в России, она помимо петербургской усадьбы захочет обзавестись еще как минимум тремя имениями в ближайшем столичном пригороде. Одно из них находилось непосредственно у Петергофской дороги близ Красного кабачка, другое, пожалованное герцогине самой императрицей, в Шлиссельбургском уезде вблизи Островков, а третье в Овцыно, живописной лесистой местности, находившейся за порогами Невы.⁵³³

Самый крупный российский усадебный комплекс Кингстон находился в Везенбергском уезде Эстляндской губернии поблизости от Нарвы и был известен как Чудлей. Названный так герцогиней в память о девичьей своей фамилии, он был приобретен у барона Фитингофа за 74000 руб.⁵³⁴ Несомненно, этот выбор был обусловлен прежде всего необычайно выгодным местоположением на пересечении оживленных морских трасс, напрямую связывавших российские берега с североевропейскими государствами.

Как минимум до апреля 1780 г. оставаясь в России во второй свой приезд, Кингстон приступит к комплексному обустройству своих владений, изначально предполагая завести в некоторых из них и пейзажные парки. В Чудлее она проживет несколько месяцев перед августовским своим отъездом 1781 г. в Кале. Впрочем, позднее, в 1782 и 1784 гг., герцогиня будет останавливаться здесь только наездами, всякий раз предпочитая возвращаться во Францию. В свой последний раз она покинет Россию 28 января 1785 г., о чем и сообщит столичная газета в списке отъезжающих.⁵³⁵ В последующие два года интерес герцогини к российским своим владениям окончательно угаснет. Не случайно в помеченном 24 октября 1787 г. письме к своему доверенному М.А. Гарновскому (1764-1817) она незадолго до собственной кончины просила его совета, как наилучшим образом распорядиться с «Чудлейскими мызами».⁵³⁶

Вполне вероятно предположить, что герцогиня неоднократно вызывала Моуэта прямо из Кронштадта, намереваясь как можно скорее обустроить российские свои парки. Как раз в это время садовник поддерживал с ней тесные деловые отношения. Так, в датированной апрельскими днями 1781 г. корреспонденции Моуэта к давнему своему приятелю из того же Торсби он красочно

описывает совершенно преобразившийся петербургский дом «дюшессы Кингстон»: «Отделан в... наизящнейшем стиле, шторы из малинового дамаста, пять изумительнейших музыкальных люстр, большой орган, гравюры, картины! Все украшения размещены с величайшим вкусом».⁵³⁷ Не преминул он сообщить и о повседневной столичной жизни своей герцогини. Буквально во всем стараясь следовать императрице она, как подчеркивалось, «ложится спать около десяти часов, встает чаще всего около пяти, редко когда после шести, и усердно трудится весь день...»

Кроме Моуэта в деле обустройства российских владений герцогини немало важную роль играл и сам И.Г. Чернышев. Так, обращаясь под самый конец летней навигации 1781 г. к русскому посланнику в Лондоне И.М. Симолину, он сообщал: «Два письма вашего превосходительства от 14 и 17 сентября получил, и при последнем и коносамент на отправленные музыкальные инструменты на яхте дюшессы Кингстон, которое судно уже пришло. Я покорно благодарю ваше превосходительство приложенные в сем случае труды ваши... но мы еще не имели время снять их с яхты и опробовать... за оные вексель деньги 177 фунтов 7 шиллингов заплачены...»⁵³⁸

Наряду с сельхозинвентарем, породистыми коровами и собаками фактически с весны 1781 г. морским путем из Торсби прямо в Чудлей станут завозить для устройства парка деревья и все прочие растения.⁵³⁹ В качестве главного управляющего заведовал всем этим выписанный из Англии линкольнширский фермер Р. Моз (Richard Maws). В соответствии с проектом и детальными пояснениями к нему он мог во время отсутствия Моуэта возглавлять и садовые работы. Видимо, еще в прошлом сезоне здесь были завершены основные земляные работы, теперь же производилась высадка доставленных саженцев. Этот приморский пейзажный парк, практически полностью утративший свой первоначальный облик уже к началу XIX в., в полной мере отвечал особенностям прибалтийской местности. Располагался он в окружении лесных массивов на высоком морском берегу среди круто ниспадающих к заливу скал, местами живописно поросших кустарником.⁵⁴⁰ Кингстон, вероятно, стремилась воспроизведе-

сти в Чудлее атмосферу английских приморских пейзажных парков.

Э. Кросс отметит, что около 1781 г. Моуэт «по видимому оставил службу у герцогини, переехал в столицу и был назначен «садовником Ее императорского величества».⁵⁴¹ Уже после ее смерти Гарновский сохранял за собой «Чудлейские мызы» вплоть до воцарения Павла I, который немедля распорядился перевести их в «казенный секвестр». Не случайно поэтому в одном из своих обращений на высочайшее имя У. Гульд упомянет и о своих поездках по садовым делам в Эстляндию.⁵⁴²

Помимо этого главного прибалтийского имения герцогини Моуэт в течение 1784-1786 гг. мог заниматься и устройством парков в находившихся в окрестностях столицы других ее владениях. Это тем более вероятно, ибо во второй половине 1780-х гг. он работал преимущественно в Петербурге.⁵⁴³ Одно из них, известное как Красный кабачок, Гарновскому удастся выгодно продать в 1806 г. благодаря посредничеству Г.Р. Державина, занимавшего в то время пост министра юстиции.⁵⁴⁴ Усадьба же в Овцыно после смерти герцогини долгое еще оставалось в собственности самого Гарновского.⁵⁴⁵

11. ПЕТЕРГОФСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ПАРК

Джеймс Медер, Томас Вилкенсон, Лонсдейл,

Джон Мак-Ларен, Уильям Гульд

(1779-1805 гг.)

И разработка проекта петергофского Английского парка, и растянувшееся на целое десятилетие его реализация неразрывно связаны с деятельностью шотландца Д. Медера (James Meader).⁵⁴⁶

У себя на родине в качестве начинающего садовника он поначалу служил у графа Чертерфильда (Chesterfield), а 1770-е гг. вплоть до отъезда в Россию, являлся главным садовником графа Нортумберленского (1st Duke of Northumberland, 1715-1786) в его имении Сайон-Хауз (Syon House, Isleworth).⁵⁴⁷ Еще в 1760-х гг. здесь работал Л. Браун. Он радикально реконструировал регулярный парк елизаветинского времени и одновременно на окрестных землях сформиро-

вал обширную пейзажную композицию.⁵⁴⁸ Осуществляя создание впечатляющих панорамных раскрытий, Браун был вынужден понизить ограду старого сада и насыпать смотровой холм. На отведенной же территории им будет создано два озера, обширная роща и Ботанический сад, объединенные разветвленной сетью прогулочных дорог.⁵⁴⁹ Не случайно поэтому, побывавший здесь летом 1790 г. Н.М. Карамзин отметит прежде всего значительную величину парка и тесную его композиционную связь с эффектно изгибающимся речным руслом: «...Sion-House Герцога Нортумберландского с большими садами, всего более украшенными текущею в них Темзою...»⁵⁵⁰

Несомненно, Медер был лично знаком с Брауном и потому весьма отчетливо представлял особенности его художественного метода. Так, не ограничиваясь одними только чисто практическими рекомендациями, Медер считал крайне важным изложить и теоретические положения Брауна в собственной книжке «Руководство для сажалщика, или Спутник паркового садовника», вышедшей из печати незадолго до отъезда в Россию.⁵⁵¹

Исполняя очередное поручение Екатерины II, деятельное участие в приглашении садовника на русскую императорскую службу примет А.С. Мусин-Пушкин. Уже в начале весны 1779 г. он заручится всеми необходимыми на этот счет договоренностями: «...что как в сделанном с ним Мидерсом в Лондоне договоре минувшего марта 17 дня...»⁵⁵² В соответствии с контрактом он обязался трудиться именно «там, куда Ее императорское величество сочтет нужным отправить меня в качестве садовника, а точнее, заниматься теми видами садоводства, которые подразумевают планирование, проектирование и разбивку прогулочных парков и т.п., и взять на себя руководство посадкой деревьев и т.п., созданием водоемов и т.п., а также проектирование печей, укрепляющих рам и орнаментальную часть цветоводческого искусства».⁵⁵³ Само появление еще одного опытного английского садовника при дворе отвечало задачам реализации очередного крупного замысла самой Екатерины II. Речь шла о находившемся к западу от регулярного комплекса петровской поры петергофском Кабаньем зверинце, где планировалось сформировать усадебный комплекс с обширным

пейзажным парком. Ей всегда импонировало это место, и она подолгу предпочитала прогуливаться здесь, всякий раз восторгаясь его естественной красотой.

Подтверждая твердое свое намерение об отправке садовника непременно в Петергоф, императрица 1 апреля делает соответствующее распоряжение И.И. Бецкому: «Определить Медера в зверинцах по его искусству сад разводить... особенно в том, который над горой».⁵⁵⁴ Относительно же даты зачисления садовника на императорскую службу (для последующего начисления полагающегося ему жалования) в главную дворцовую канцелярию было направлено специальное разъяснение: «По требованию реченной канцелярии, и сведениям оной, когда выписанной из Англии садовник Джемс Мидер из Лондона отправился, представленное от него ко мне ныне подлинное от корабельщика того корабля на котором он в Санкт Петербург приехал, свидетель сего при сем предстал. Василий Скрипицын. Июля 23. 1779 г.»⁵⁵⁵ Со своей стороны упомянутый капитан Д. Странак (John Stranack) свидетельствовал, что действительно, на борту его судна «Резолюция» садовник покинул Лондон 27 апреля 1779 г., а 23 мая благополучно прибыл в Петербург.⁵⁵⁶ В конечном счете, было решено производить расчет с садовником «со дня его отправления из Лондона».⁵⁵⁷ Вместе с семьей Медер поначалу прибыл в Царское Село, где и состоялась его встреча с Бушем-старшим. Вероятно, с этого же времени и завязались между ними тесные деловые отношения. Как выясняется, оба состояли в неизвестном Товариществе, специализировавшемся на торговле в России «английскими товарами». Однако главным предметом их коммерции были как раз семена и растения, поступавшие в основном из лондонского питомника в Хэрни при посредничестве его владельца, господина Сьюберта (Subert).⁵⁵⁸ Наконец, при содействии Медера в помощь Бушу-старшему было выписано из Англии два садовника.

Уже будучи лично представлен императрице в Царском Селе, Медер незамедлительно отправится с семьей к месту постоянной своей службы, насчет чего последовало следующее предписание: «Указ нашей дворцовой канцелярии на содержание при Петергофских садах и зверинцах садовника по сделанному

договору с выписанным из Англии того искусства Джемсом Мидерсом повелеваем отпускать к находящемуся в Петергофе статскому советнику Скрипицыну ежегодно для жалования тысячу рублей серебряною монетою на двух лошадей для него по сту по восьми рублей, на двух работников по девяносто по шести рублей, на свечи по тридцати по три рубли, на дрова по сту по пятьдесяти рублей, да на содержание переводчика по триста рублей, и того по 1687 руб., отсылая оные по третям года, да особливо теперь отпустить сто рублей единовременно на покупку ему же лошадей. Екатерина. В Царском Селе мая 30. 1779 года». ⁵⁵⁹ В деловой переписке этот парк долго еще будет фигурировать как «новозводимый Английский сад». ⁵⁶⁰

Связка писем Медера, охватывающая первые восемь лет российской службы в промежутке между 31 мая 1779 г. и 9 мая 1787 г., позволяет существенно дополнить наши представления об устройстве вверенного ему парка. ⁵⁶¹ Уже в первом из них он отметит: «Отведенный мне участок - это уже своего рода парк, хотя большая его часть и заросла прелестными деревьями. Здесь находятся и чудесные водоемы, которые, если приложить некоторые усилия, можно сделать изящными, а также дол, где я намерен построить великолепный каскад, поскольку источник воды для него находится на возвышении; во всех этих замыслах я не ограничен ни водой, ни территорией, ибо единственным рубежом является Финский залив». ⁵⁶² Впрочем, в действительности все планировочные рубежи этого парка были определены заранее. С севера к отведенной территории подступала Большая Знаменская слобода, с юга – крупный лесной массив, с запада – Заячий зверинец, а с востока – Новая деревня. Замысел учитывал естественное местоположение трех важнейших природных элементов - крупного лесного массива, извилистого пруда и неглубокого оврага с мелкой протокой. Главным же недостатком этой едва понижающейся к Финскому заливу местности был уплощенный ее характер. Вот почему само проведение ландшафтных работ «по великой ровности грунта» приводило к тому, что сметный расчет всякий раз производился по конечному результату. Соответственно и финансирование с самого начала осуществлялось крайне нерегулярно и с большими за-

держками. Уже позднее Дж. Кваренги по этому поводу заметит: «Поразительно, как сумел садовник Медерс создать такой прекрасный парк в местности, представляющей собой плоскую и однообразную равнину».⁵⁶³ Не менее сложной задачей являлась нейтрализация транзитных трасс, бессистемно пересекавших отведенную под парк территорию в самых различных ее частях.

Для разработки проекта «аглинского сада» садовнику потребуется два месяца. 19 августа, вслед за последовавшим согласованием его императрицей, были начаты садовые работы, в которых поначалу было задействовано пятьдесят человек. Впрочем, уже к концу месяца число их возрастет в четыре раза. Такая численность будет устойчиво сохраняться на протяжении последующих трех лет.⁵⁶⁴

В соответствии с проектом Большой пруд был существенно углублен, береговая его линия претерпела при этом радикальную трансформацию, а из вынужтой земли сформирован целый ряд разновеликих островов. Для повышения же уровня воды Английского пруда Медер предложит «выкопать речкою канал» общей протяженностью 1750 м. Береговые его откосы предполагалось «выстлать булыжным камнем и насадить около пруда до 5000 деревьев разного рода одно в другое и проложить два километра дорожек».⁵⁶⁵ Для закладки обширных луговых пространств в прибрежных районах Большого пруда была осуществлена массовая вырубка хвойных, а далее всеми доступными способами «всхолмляли» плоский рельеф, разнообразя его посадками преимущественно лиственных. Надо полагать, что оказавшаяся здесь летом следующего 1780 г. императрица могла внести в этой связи ряд конкретных предложений и даже лично поучаствовать в садовых работах. Тем более, что именно тогда, в августовские дни был спешно выстроен для нее Березовый домик, теперь позволявший заезжать сюда достаточно часто.

В датированной 24 марта 1781 г. докладной записке содержатся сведения и об основных статьях расходов, связанных с устройством парка: «...на содержание для земляных работ на семь летних месяцев 200 человек по 5 руб. в месяц. На зимнее время 30 человек по 3 руб. 50 коп. в месяц. Всего 8000 руб. На раз-

ные потребности по новым оранжереям - 2000 руб. Итого – 10006 руб».⁵⁶⁶

Мероприятия 1781 г. в основном отвечали устройству Новодеревенского пруда. Он был также углублен, приобрел выразительное очертание береговых линий, дополнен разновеликими островами и соединен с Английским прудом. Уже позднее этот Новодеревенский пруд вновь прорытым каналом свяжут и с бассейном Монплезира, в результате чего появится самый протяженный увеселительный лодочный маршрут.

В начале лета 1781 г. по проекту Дж. Кваренги, прибывшего в Петергоф еще в январе 1780 г., приступят к возведению одного из трех запланированных к постройке дворцов.⁵⁶⁷ Первый объем, предназначавшийся собственно для императрицы, строился на насыпном холме большого Парадного луга в «наиболее приятной и наиболее веселой» его части.⁵⁶⁸ В датированном тем же годом письме на родину Медер подчеркнет, что именно он «выбрал место для дворца».⁵⁶⁹ И соответственно лично участвовавшая в его закладке императрица в июльские дни восторженно сообщит М. Гримму: «...мы начинаем в Петергофе дом в Английском саду, который я насаждаю».⁵⁷⁰

К этому времени земляные работы в парке в целом были завершены и началась окончательная его отделка. Уже связанные с сетью каналов и ручьев оба пруда (Английский и Новодеревенский) станут составной частью развитой водной системы. Именно благодаря устройству всевозможных пригорков, лужаек и полян радикально преобразились все прибрежные районы, где началась прокладка гравиевых дорожек и сооружение мостиков.

Медер отмечал, что с «завершением устройства пруда, которым все так восхищаются», он по «собственному проекту построил мост, на который также обращают внимание». Однако «самым замечательным», по его же мнению, должен был стать «мост с окаменевшим мхом и корнями»; не случайно, как подчеркивалось, «множество народу приходит полюбоваться им». Упомянет он «еще четыре моста оригинальной конструкции», замечая при этом, что «презирает копирование».⁵⁷¹ Вероятно осенью 1782 г. все упомянутые мостики («на вид руины», «на террасах», «с аркою рустиком», «на китайский манер») и одна

шестигранная скамейка также в «китайском вкусе» уже существовали.⁵⁷²

Именно на завершающей стадии отделки этот парк едва не выгорел дотла. Об этом становится известно из письма императрицы к воспитаннику Павла Петровича графу Н.И. Панину, где, не скрывая сильного своего волнения, она сообщала: «...я весьма боялась, что ужасный третьеводнишней Ораниенбаумской лесной пожар Вас в Петергофе совсем задушит; я, нивись, как каялась, что Вас в Петергофе оставила. Я теперь ожидаю известия, что сад мой новой весь истреблен; близко огонь подошел, разве только что дорога спасла его».⁵⁷³

В качестве своеобразного отчета о проделанной работе Медер исполнит около 1782 г. акварельные рисунки всех наиболее примечательных районов парка: «Водопад в Английском парке», «Галерея и мост в Оленьем Зверинце», «Березовый домик и Каменный мост у каскада», «Березовый мост через Большой пруд».⁵⁷⁴ Все эти выполненные рукой умелого рисовальщика изображения наглядно свидетельствуют о несомненной художественной удаче мастера. Не случайно ознакомившаяся с парком в 1783 г. сестра английского посланника подчеркнет, что «даже в Англии этот сад удостоился бы звания Jolie», т.е. «самого красивого».⁵⁷⁵

В соответствии с первоначальным замыслом на огороженном участке вблизи Знаменской слободы к тому времени были уже возведены оранжереи, теплицы и дом садового мастера.⁵⁷⁶ Именно из заведенного Медером крупного оранжерейного хозяйства совсем скоро станут поступать ко двору дыни, апельсины, абрикосы, персики, ананасы и теплолюбивые цветы. Только за двухлетний период с 1785 по 1787 гг. им для этой цели было выписано из Англии сто «розовых деревьев», двенадцать вишневых, три абрикосовых, восемь слив и еще две сотни ананасов.⁵⁷⁷

С начала 1780-х гг. в качестве садового подмастерья у Медера служил Т. Вилкенсон (Thomas Wilkinson, 1751-1836).⁵⁷⁸ Деятельное участие в устройстве парка примет и выписанный также из Англии садовник Лонсдейл (Lonsdale).⁵⁷⁹ А в одном своем письме Медер отметит, что вместе с ним работает еще и Д. Мак-Ларен (John McLaren). В то время тот ожидал своего назначения на службу

к графу Орлову «за 200 фунтов в год» сразу по возвращении того из Польши.⁵⁸⁰ Судя по всему, этот садовник прибыл сюда из Царского Села, где в 1780-1781 гг. трудился в команде Буша-старшего. Среди ближайших помощников Медера находим и садового гезеля Данилу Гаврилова. Однако в целом присланными к нему русскими мастерами он не был доволен, с досадой замечая: «Они работали в Петергофском парке один двадцать лет, другой – десять. Оба несведущи в садоводстве, как будто не занимались этим делом и шести месяцев, да и не видно, чтобы хотели узнать побольше».⁵⁸¹

В 1783 г. Медера командировали для создания еще одного пейзажного парка в одном из имений южнее Пскова. Поэтому закладка предназначавшегося уже для Павла Петровича второго дворца, а также корректировка очертаний большого оврага и устройство Большого шлюза на водоразделе Новодеревенского и Английского прудов осуществлялись без прямого его участия. Уже после возвращения Медер приступит к сооружению Большого грота, призванного стать одним из главных парковых сооружений: «Поскольку у меня есть распоряжение выстроить грот с использованием наших окаменелостей, я хочу, чтобы избранный шпат был длинный и тонкий: он должен напоминать сосульки, прикрепленные к стенкам и сводам грота; они будут производить самое прекрасное впечатление, гораздо более сильное, чем грот в Пейнсхилле».⁵⁸² Как раз в 1784 г. он получит заказанные в Англии образцы дербиширского шпата и сможет приступить к реализации замысла. Упомянутый же грот, устроенный в принадлежавшем У. Гамильтону имении (Painshill), был создан еще в 1765 г. по проекту, видимо, Д. Лейна (Joseph Lane, 1717-1784), занимавшегося созданием такого рода парковых сооружений. Размещался он посреди искусственного озера на специально засыпанном осколками известняка острове, искусно имитировавшем облик острова вулканического происхождения. Этот вытянутый на целых двенадцать метров «лабиринтный грот», совмещавший в себе целый ряд неожиданных выходов к воде, в Англии считался «самым знаменитым», неизменно вызывая самые восторженные отклики. Внутри него был устроен водопад, а для отделки стен использовались сталактиты, искусно имитировавшие

«хрустальные» подвески. Впрочем, более всего поражал современников совершенно фантастический по своей зрелищности эффект просачивающейся влаги сквозь темные мерцающие стены.⁵⁸³

В 1785 г. при Большом шлюзе будет сооружен каскад, а в следующем на открытом и возвышенном берегу Новодеревенского пруда состоится закладка третьего дворцового корпуса для великих князей (Александра и Константина). Отмечая необычайно тонкое композиционное чутье садовника при расстановке дворцовых объемов в рукотворной пейзажной среде, Дж. Кваренги подчеркнет: «Все три вместе представляют собой чрезвычайно приятную картину по их местоположению, оригинальности, разным причудливым уголкам и разнообразию окружающего пейзажа, в особенности дорожек, сделанных здесь с необычайным искусством».⁵⁸⁴

Последовавшее в том же 1786 г. существенное сокращение выделяемых средств в действительности означало завершение основных работ по саду. Среди незначительных доделок теперь значились: отделка канала, соединившего Английский и регулярный Верхний парки, устройство над ним моста и расширение оранжерейного хозяйства.⁵⁸⁵

Впрочем, резко обострившаяся в последующие годы проблема финансирования всех работ, как и в Пелле, была напрямую связана с начавшейся в 1787 г. Русско-турецкой войной.

Пытаясь оказать садовнику действенную помощь, князь Я.П. Долгоруков решает в августе 1788 г. обратиться в Кабинет Ее императорского величества: «Потребную сумму на сей 1788 год... отпустить, так как находящийся при Аглинском саде и оранжереях выписанный из Англии садовник Мидерс продолжает следующие в том саду и оранжереях ординарные содержания и исправления и разные материалы, принадлежащие к тому и инструменты требует, ...а за неимением денежной суммы оных купить и расплаты с рабочими учинить, а мастеровым жалованье произвести не из чего».⁵⁸⁶ Вплоть до конца апреля 1789 г. Долгоруков продолжает настаивать, однако ситуация к лучшему не меняется. Созданный же по инициативе императрицы Комитет после предвари-

тельного ознакомления с парком еще больше урезал расходы на его содержание, что в действительности означало скорую отставку Медера.

В подписанном 8 июня Указе Екатерина II, признавая собственную ответственность за принятие такого решения, особо подчеркивала, «чтоб он, Медер, отпущен был по его желанию, учиня с ним ращет и удовольствовав его всем ему принадлежащим».⁵⁸⁷ Чем занимался садовник в течение последующих трех лет - установить не удалось. В списке отъезжающих из России он в последний раз будет упомянут в «Санкт-петербургских ведомостях» 2 июля 1792 г.⁵⁸⁸

Датированные 1779 и 1780 гг. проектные генпланы петергофского Английского парка достаточно полно отображают планировочный замысел, реализованный Медером практически полностью.⁵⁸⁹ Из проектных чертежей, в частности, явствует, что центральная часть парка закреплялась местоположением дворца самой императрицы, связанного с наиболее значительными панорамными раскрытиями. Именно здесь вдоль двух перекрестных осей к югу и востоку от дворца располагались два сильно вытянутых пруда: Большой (Английский) и Новодеревенский. Они и определяют ярко выраженное многообразие практически всех прибрежных районов. Действительно, эти пруды не только обладали необычайно выразительным очертанием береговых своих линий, но и дополнялись разновеликими островами и полуостровами, тупыми и острыми мысами, устремившимся к периферийным частям парка своими эффектно очерченными речными протоками. Самое широкое место Английского пруда закреплял сравнительно небольшой остров, совмещенный с дворцовым объемом главной своей зрительной осью. Тот же пруд обеспечивал структурное деление парка на две примерно равные контрастные части. Так, северная представляла собой обширное нерасчлененное пространство, где устройство дорожной сети предполагалось только вблизи находившегося здесь дворца. Всей этой местности придавался открытый характер с помощью устройства обширных лугов, обеспечивавших глубокие перспективные раскрытия по целому ряду направлений.

Не менее значимую композиционную роль в структуре парка играл и протяженный овраг, подступавший к дворцу с восточной стороны. На дне его был

создан миниатюрный пруд, соединявшийся с обширным Новодеревенским прудом еще одной извилистой протокой. Спланированная на некотором отдалении от дворца с западной стороны однорядная высадка деревьев точно повторяла очертание его береговой линии.

Вся южная часть парка, напротив, обладала весьма разветвленной дорожной сетью и высокой плотностью посадок. Основная ее территория более-менее равномерно членилась прогулочными дорожками, обладавшими исключительно пейзажной трассировкой. С материковыми частями острова они связывались многочисленными мостиками, местоположение которых отвечало единой схеме прогулочных дорог. При этом самыми протяженными и, несомненно, наиболее зрелищными, оставались периметральные маршруты, проложенные вдоль береговых линий Английского и Новодеревенского прудов. Примечательно и то, что на обширном мысу у слияния двух прудов плотность посадок сокращалась до минимума, способствуя оптимальному восприятию этой необычайно эффективной водной излучины и со стороны дворца. Помимо дворца императрицы и расположенного поблизости Кухонного корпуса в числе предназначавшихся к первоочередной постройке фигурировал и Березовый домик, закрепивший мысовую часть вновь созданного полуострова в западной оконечности Английского пруда. Как раз отсюда замышлялось создание самого впечатляющего панорамного раскрытия на всю центральную часть парка. Огражденный двор самого садовника выносился в периферийную часть парка - к северу от императорского дворца. Здесь же помещался и оранжерейный комплекс.

Образная выразительность петергофского Английского парка в целом была созвучна пейзажным композициям Л. Брауна и потому исключала использование многочисленных парковых сооружений.

Английский путешественник А. Свinton (A. Swinton), увидевший парк как раз таким, каким его оставил Медер, замечал: «Около Петергофа посреди леса имеется сад в современном английском вкусе, красивое место; а когда подумаешь, насколько плоским был прежде этот участок, остается только удивляться, сколько искусства и вкуса потребовалось для завершения парка; извилистые

речушки, устремляющиеся вниз по покрытым мхом камням каскады воды, стилизованные под древность мосты, храмы, руины и хижины – поразительны. В одной из них я обнаружил коллекцию гравюр с сюжетами из «Сентиментального путешествия» Стерна». ⁵⁹⁰ Георги добавит: «Аглинский сад находится к югу от верхнего в 1 версте от онаго и состоит в плоском, низком смешанном лесу, содержит около 1 квадратной версты, и окружен каналом. Оный еще не довершен, имеет однако же каналы, извивающиеся дорожки с беседками, храмами и пр». ⁵⁹¹

Со времени отставки Медера вплоть до 1792 г. парк оставался под присмотром садовника Д. Гаврилова, а затем садового мастера Гомбеля, специально командированного для этого из Ораниенбаума. ⁵⁹² К тому времени финансовые проблемы были уже полностью устранены. А потому на поддержание парка в должном порядке императрица ежегодно выделяла около 7000 руб. ⁵⁹³ При этом все прочие работы предусматривали дополнительные расходы, о чем, например, свидетельствует произведенная летом 1793 г. «починка повредившегося в Петергофском Аглинском саде Шлюза», обошедшаяся в 3964 рубля. ⁵⁹⁴

С 1794 г. общий надзор за парком был возложен на У. Гульда, что привело к увеличению его жалованья еще на 540 руб. ⁵⁹⁵ Привлечение этого крупного мастера было связано с завершающейся отделкой императорского дворца, предполагавшей и образцовое состояние парка. Видимо, уже по проекту Гульда небольшая придворцовая площадь была выстлана «отборным и ровным булыжником». Он же займется и трансформацией Черного пруда: его существенно расширят, углубят и придадут еще более выразительный абрис береговым линиям. С именем Гульда следует связывать и переделку Большого каскада, а также строительство новых теплиц и оранжерей. ⁵⁹⁶ Вероятно и позднее, в 1804-1805 гг., незадолго до отъезда на родину, Гульд занимался всевозможными исправлениями в парке, устраняя последствия расквартированных здесь в павловское царствование воинских частей.

Вслед за последовавшим предписанием Александра I привести парк в надлежащее состояние в нем будут очищены от «тины и грязи» пруды, выправле-

ны оплывшее их береговое очертание и массовым порядком высажены лиственные деревья. Полностью восстановят и сеть прогулочных дорог. Ряд разъяснений на этот счет содержит датированная 6 марта 1806 г. служебная записка: «По высочайшему указу, объявленному кабинету 1792 апреля 18 день и по особому подтвержденному в 1800 году июля 29 дня о Петергофе штату, ежегодно отпускалось из Кабинета, на содержание состоящего там Аглинского дворца и сада по 5100 руб. Но как в последствии времени, дворец тот обращен был на другое употребление... в прошлом 1805 году паки возобновлен с исправлением и в саду разных повреждений которые и на предыдущее время равномерно должно поддерживать нужными поправками. По обстоятельству сему Вашему императорскому величеству об отпуске прежде положенной на содержание оных дворца и сада суммы по 5100 руб. в год и ныне откуда благоугодно будет всеподданейше предоставлять».⁵⁹⁷

12. СТРЕЛЬНА

*Адам Холл, Джозеф Тиксон-старший, Джозеф Тиксон-младший
(1798-1829 гг.)*

Сформированный на девятнадцатой версте Петергофской дороги крупный прибрежный комплекс изначально задумывался Петром I в качестве главной своей летней резиденции, окончательно переместившейся впоследствии в Петергоф.⁵⁹⁸ Существенно расширив первоначальные границы за счет присоединения смежных лесных массивов, обширных пахотных и луговых земель, он в январе 1722 г. «стрельнинскую мызу» подарит дочери. Активно производившиеся с 1719 г. по проекту Н. Микетти работы по устройству Нижнего регулярного парка были завершены уже в следующем году. В январе 1724 г. Петр Алексеевич дважды побывает в Стрельне, окончательно решив для себя вопрос о приостановке строительных работ.⁵⁹⁹ Впрочем, при Екатерине I они в 1725-1726-х гг. возобновятся, но ненадолго. Вслед за коронаванием Петра II и отъездом в 1727 г. всего императорского двора в Москву финансирование стрельнинских работ будет прекращено.⁶⁰⁰ Поэтому командированный сюда в 1731 г. садовник

Яган Эйк заметит: «Стрельнинский сад зарос лесом и травой, не чищен шесть или семь лет».⁶⁰¹ И в докладной записке, составленной спустя пять лет, также сообщалось о крайне запущенном его состоянии: «Регулярный сад против каменных палат, насаженных аллеями липовых и кленовых не во многих местах, 54 партера мерою в них 4332 саж., токмо не в которых местах деревья посохли. Крытых дорог и галдарей – 16 частей, длиной 378 саж., ветхи, столбы сгнили; посажены липою и кленом. По всем дорогам в рощах посажены штабмовые деревья: липы 1245 дерев сухих и целых, клену 1922 деревьев, на уступах возле каменных палат посажено елок молодых 226... Прочищенные перспективные дороги и по тем дорогам деревянные решетки погнили и все развалились; как сад и каналы земляною и другими работами, сваями и щитами не окончены...»⁶⁰² Согласно указу от того же 1736 г. при восстановлении сада отдельно предписывалось на земляных уступах осуществлять посадку одних только елей, которые следовало «стричь пирамидами».⁶⁰³

При Елизавете Петровне парк был «поправлен» вместе с дворцом, долгое время до этого стоявшим погорелым. Садовые же исправления Нижнего парка были осуществлены в 1740-е - 1750-е гг. под общим руководством «садовника Стрельнинской мызы» англичанина Л.К. Таперса (Людвик Киндер Таперс (Гасперс)).⁶⁰⁴

В соответствии с предоставленной в 1743 г. сметой предлагалось поначалу только укрепить откосы каналов, создать «крытые дорожки» и установить беседки. А относительно «до фонтанов, прудов, бассейнов и исправления садов и перспективных дорог, шлюзов и гавани и на взморье пристани, на то число положить материалов невозможно, понеже неизвестно где какие будут фонтаны и пруды, и какой величина бассейны, и в каком состоянии содержать сад и перспективные дороги. Шлюз, гавань на взморье, пристань, чертежей и проектов не имеется и прежнего намерения никакого неизвестно, к тому что касается до приведения воды и фонтанов сие есть дело гедролическое, которое могут доказать механического и фонтанного художества мастера».⁶⁰⁵ Сметой 1751 г. предусматривалось только углубление каналов, что, вероятно, и было исполне-

но в 1754-1755 гг. одновременно с укреплением берегов булыжным камнем. Видимо, уже во 2-й половине 1750-х гг. над каналами перекинут новые мосты, а в центральной части сада устроят два регулярных водоема, просуществовавших вплоть до начала 1800-х гг.

Екатерина II проявляла к Стрельне устойчивое равнодушие, вполне довольствуясь активно развивавшимся здесь с петровских времен плодовоовощным и пасечным хозяйством. А потому к концу ее правления Нижний парк в очередной раз пришел в полное запустение.

Качественно новый этап структурного развития Стрельнинского ансамбля целиком пришелся на 1-ю четверть XIX в. Широкомасштабные восстановительные работы начались в том же 1797 г., когда Павел I решает подарить Стрельню своему второму сыну, великому князю Константину Павловичу (1779-1831). Новый владелец стремился завершить комплексную реконструкцию этой главной своей резиденции в предельно сжатые сроки, для чего и были привлечены только опытные специалисты. Соответственно на должность управляющего был назначен «энергичный» Г.И. Энгельман. Молодым инженером он прибыл из Голландии в Россию еще в 1785 г. и хорошо зарекомендовал себя при восстановлении дворцового комплекса в Ропше.⁶⁰⁶

Первым в Стрельню прибыл английский садовый мастер А. Холл (Adam Hall). Начиная с 1798 г. именно он осуществлял общее руководство садовыми работами вплоть до собственной отставки, последовавшей в 1803 г.

Самый ранний и, несомненно, самый масштабный замысел Холла предусматривал формирование южнее дворца сравнительно небольшого Верхнего (Английского) парка. Проект его устройства «на пустолежащих местах» был разработан им вскоре по приезде.⁶⁰⁷ И соответственно, разбивочные работы начались уже в следующем 1799 г. Широкомасштабные же земляные займут в общей сложности около трех лет и завершатся только в 1801 гг.⁶⁰⁸ В 1802 г. производилась уже «чистовая отделка» рельефа с последующей прокладкой парковых дорожек. Договор от 15 августа, в частности, предусматривал «по обоим сторонам каменного дворца у Карпиевского и Тикинського прудов, урвав-

нение берега со шпалеровкою... с дерновою стилкою с английскими новыми дорожками 2019 кв. саж». ⁶⁰⁹ В том же году начнется высадка деревьев и кустарников, причем массовым порядком высаживались березы, ели, сосны, липы, калина, орешник, шиповник, жимолость, черемуха и все прочие «цветные кусты». ⁶¹⁰ Показательно, что основной массив посадочного материала поступал из Царского Села, где закупался у Буша-младшего. Из Англии были доставлены «американские лесные деревья» и «цветущие кусты» ста различных сортов. ⁶¹¹ Не менее активно производились посадки и в последующие два года (1803-1804) теперь уже под руководством Д. Тиксона-старшего (Joseph Theakston), выписанного из Англии на смену окончательно отошедшего от дел А. Холла. ⁶¹²

В 1802-1803 гг. оба английских садовых мастера занимались формированием аллеи перед полуциркульным плацем, устроенным со стороны южного фасада дворца. ⁶¹³ П.П. Свиньин на этот счет прояснял: «Перед дворцом уравнена полукруглая площадь длиною в 76, а шириною в 38 сажень и усажена по краям березами. С большой нижней дороги проведены к ней две густые аллеи. На площади сей каждый день происходят парады с духовною музыкою, играющей здесь также по вечерам после зори». ⁶¹⁴ Практически одновременно парным «рыбным прудам» петровского времени будет придана восьмиугольная форма. ⁶¹⁵ При этом прилегающие к ним пространства преобразуют в просторные стриженные лужайки, обрамленные уплотненными посадками крупномеров. ⁶¹⁶

Вероятно, уже с Тиксоном следует связывать прокладку в 1803 г. протяженной «английской» дороги, связавшей дворцовый объем с сильно удаленным от него Почтовым домом. ⁶¹⁷ Его же творчеству следует приписать и устройство цветочных клумб в районе Карпиева пруда. ⁶¹⁸

Около 1805 г. Верхний парк был в целом сформирован, и Свиньин особо подчеркивал неизменно притягивающую взор каждого посетителя его удивительную «натуральность»: «Равнина, лежащая за сею площадью, имеющая в длину 450 и в ширину 150 сажень и служившая сперва для выгона скота, разбита во вкусе прекрасного Английского саду, особливо берега больших прудов с их рощицами и полянами не представляют, кажется, ничего искусственного. На

конце земляного вала сделаны каменная плотина и шлюз с шумящим водопадом».⁶¹⁹

Находившийся на повышенном водоразделе двух рек этот сильно вытянутый по оси запад-восток Английский парк с северной стороны ограничивался проходившей близ дворца старой Нагорной дорогой. Его южной границей служила Верхняя Петергофская дорога, проложенная в начале 1780-х гг. в качестве обходной магистрали.⁶²⁰ В периферийных от дворца западной и восточной парковых частях проектом предусматривалось создание двух разновеликих достаточно крупных прудов. Самый значительный из них, Большой дворцовый (Кикенский) едва умещался между двумя этими трассами. Он был вырыт у верхней кромки рельефа долины р. Кикенки и для придания береговым его линиям выразительного очертания всей восточной части Нагорной дороги пришлось придать лучковую форму. Со стороны сохранявшей свою прямую трассировку Петергофской дороги береговая линия была сильно искривлена ввиду устройства активно вдававшихся в воду выразительных мысов. Совершенно особую выразительность придавал этому пруду сравнительно небольшой скругленный в плане остров, эффектно вписанный в одну из живописных его бухт.

Несколько меньший Карпной пруд был создан на р. Стрелни еще в начале 1730-х гг., когда из Пруссии для Анны Иоанновны была доставлена крупная партия карпов. Датированный 1740-ми гг. генплан Стрельны зафиксировал его тогдашнее очертание в виде полумесяца.⁶²¹ Однако к концу XVIII в. сильно обмелевший Карпной пруд окончательно утратит свое очертание, а потому основной массив производившихся здесь земляных работ учитывал его существенное углубление, расширение и формирование новых береговых линий. При этом эффектно изогнутая западная его прибрежная часть становилась композиционным центром всего периферийного западного района, заключавшим в себе бережно подновляемый время от времени деревянный дворец Петра I. Таким образом, с самым появлением сильно протяженного с востока на запад Английского (Верхнего) парка полностью устранялась прежняя обособленность двух придворцовых частей со стороны парадного подъезда.

Смещенная к западу от дворца вся материковая часть Английского парка, расположенная между двумя транзитными дорогами в непосредственной близости от прудов, также получает чисто живописную трактовку благодаря устройству стриженных лугов, контрастным посадкам и развитой сети прогулочных дорог. Самый большой луг помещался прямо напротив дворца. Это позволит многократно увеличить пространственное восприятие со стороны полуциркулярной площади, спланированной А.Н. Ворониным.⁶²² Показательно, что так и не получившее реализации более раннее проектное предложение предусматривало устройство на этом месте прямоугольной в плане площади, что неминуемо бы привело к нежелательному разделению Верхнего парка на две обособленные части.⁶²³

Генпланы имения 1-й половины XIX в. подтверждают, что наибольшей плотностью посадок обладала западная половина Английского парка, непосредственно подступавшая к восточной береговой линии Карпного пруда. Этим, в частности, достигалась окончательная ликвидация визуального воздействия многочисленных мелких частных дворов, непосредственно примыкавших к Большой Петергофской дороге с южной стороны, а со стороны парка сразу попадавших в зону наиболее активного зрительного восприятия.

Не менее важной составной частью широкомасштабных мероприятий, отвечавших совершенствованию всего стрельнинского ансамбля, станет радикальная реконструкция Подлипского (Цветочного) сада, расположенного северо-западнее дворца. Находясь на пересечении основных транзитных трасс, он на всем протяжении XIX в. играл весьма важную роль, оставаясь составным элементом Английского парка.

Еще на рубеже 1710-1720-х гг. здесь начал складываться оранжерейный комплекс, вблизи которого уже позднее и был создан сравнительно небольшой сад. Свое название он приобрел во второй четверти XVIII в., закрепив тем самым мемориальную значимость места: согласно преданию Петр I любил устраивать чаепития под большой раскидистой липой, обозревая величественную панораму побережья Финского залива именно отсюда. Относящиеся к 1717-

1718 гг. проектные замыслы Ж.-Б. Леблона и С. Чиприани предполагали размещение на этом месте соподчиненного элемента регулярных Нижнего и Верхнего парков.⁶²⁴ Уже в качестве самостоятельного элемента ансамбля этот сад впервые был представлен на проектном чертеже 1721-1722 гг. Однако реализовать этот замысел в то время так и не удастся.⁶²⁵ Сориентированный строго по сторонам света этот квадратный в плане сад разделялся дорожками на четыре равные части, будучи планировочно связан с главными фасадами двух сильно протяженных оранжерейных корпусов. Показательно и то, что само их размещение по продольной оси запад-восток четко соответствовало бережно сохранявшейся «петровской липе», выносившейся за пределы сада в качестве самостоятельного мемориального объекта. Генплан середины XVIII в. подтверждает, что Подлипский сад к тому времени полностью сложился в рамках регулярной своей композиции. Его восточная граница закреплялась изломанным в плане небольшим прудом, созданным на основе протекавшей здесь извилистой естественной протоки. Соответственно северная фиксировалась протяженным оранжерейным объемом.⁶²⁶ Датированный же 1777 г. генплан имения зафиксировал произошедшую за эти годы полную его деградацию, устойчиво продолжавшуюся вплоть до конца XVIII в.⁶²⁷ К тому времени и пруд, и целый ряд других не менее важных компонентов регулярной планировки сада были полностью утрачены.

К радикальной реконструкции Подлипского сада А. Холл приступит летом 1800 г. Именно тогда великий князь Константин Павлович, разместившийся на время в деревянном Петровском дворце, сможет поучаствовать в интенсивно проводившихся здесь садовых работах. В результате, как отметит тот же Свиньин, «большие старые обвалившиеся оранжереи с тремя залами, длиною в 80 сажень, перестроены и древние красивые, но одичавшие абрикосовые и персиковые деревья приведены в порядок; дикий сад перед оранжереями вычищен и по плану, одобренному Великим Князем, превращен в английский, украшен цветниками, прудами и каскадами».⁶²⁸

Утвержденный и полностью реализованный планировочный замысел цве-

точного в своей основе Подлипского сада органично совмещал в себе как регулярные, так и пейзажные элементы.⁶²⁹ Связанная с главным фасадом протяженного оранжерейного корпуса его регулярная часть теперь включала в себя шесть прямоугольных в плане цветников, разделенных дорожками. При этом все периферийные части сада были отмечены пейзажной планировкой. В качестве одного из важнейших структурных его элементов назначался эффектно изогнутый Форелиев пруд, созданный практически заново в узкой речной долине р. Стрелни. Контрастно различавшиеся по своей планировке все прибрежные пейзажные части Подлипского сада призваны были активно взаимодействовать с западной половиной Английского парка, чему отвечали проложенные здесь прогулочные дорожки. Вместе с тем особую индивидуальность Подлипскому саду придавала находившаяся поблизости от оранжерейного корпуса «петровская липа», к которой вплотную подступал теперь просторный стриженный луг. Показательно, что симметрично проложенные здесь дорожки имели единую точку схода именно у этого высокорослого объекта. Созданная же в непосредственной близости от берега реки протяженная возвышенность позволила полностью изолировать Подлипский сад от регулярного Нижнего парка. Севернее оранжереи, на основе находившейся здесь еловой рощи, была сформирована еще одна пейзажная часть, разделявшаяся двумя протяженными извилистыми дорожками. Это как раз и позволит окончательно отделить оранжерейный корпус от хозяйственного двора с устроенными здесь загонами для собак, зайцев и лисиц. В 1802 г., уже на завершающем этапе отделки Подлипского сада, «для обсева дерновой площадки... перед старою оранжереею около новой горки» у Буша-младшего была приобретена очередная партия семенных трав.⁶³⁰ Упомянутой «горкой», очевидно, был назван один из пейзажных участков Форелиева пруда, где располагалась площадка с полукруглой скамейкой.⁶³¹

Вместо прежней регулярной была устроена пейзажная планировка и на треугольном в плане участке, находившемся к западу от овальной части Форелиева пруда.⁶³² Четко связанные с оранжерейным корпусом прямоугольные куртины украшались выписанными из Голландии цветами (гиацинтами, тюльпанами,

ирисами, нарциссами и крокусами).⁶³³

В 1804 г. Д. Тиксон-старший займется устройством сразу нескольких «английских» дорожек, объединивших Подлипский сад с размещенным севернее Пчельником. Одна из них пройдет «за пчельником от проходного моста до ворот пчельника», другая - «от большой липы до пчельника и позади оранжерейного двора до большого вязового дерева», наконец, третья - «подле большой оранжереи от липы до заднего двора».⁶³⁴ Он же в 1809 г. проложит еще одну «английскую» дорожку, совместив ее с только что устроенным мостом через Форелиев пруд.⁶³⁵

В 1810-х гг., вероятно, тот же Тиксон примет участие в устройстве Константиновской березовой рощи, примкнувшей к Подлипскому саду с западной стороны. В то время ее сильно вытянутый прямоугольный в плане участок членился на четыре равные части дорожками, сходящимися в центре у круглой площадки. Устраняя последствия урагана, эту рощу пришлось в 1819 г. практически полностью возобновить, для чего было приобретено и высажено 232 березы взамен всех засохших и сломанных.⁶³⁶ Вероятно, заведовал этим уже Тиксон-младший (Joseph Theakston).

Ряд восторженных отзывов о первоначальном облике Подлипского сада находим, например, в относящейся к 1827 г. дневниковой записи будущего писателя и публициста А.В. Никитенко: «В дворцовом саду, между двумя холмиками, у маленькой речки, расположен прелестный цветник. Вид с мостика на каскад очарователен. В нескольких шагах, в глубине дикого бора, другая, или та же речка, силясь перепрыгнуть через небольшую преграду, падает вниз, разбиваясь серебряными брызгами, а затем извивается под шатром липовых и сосновых ветвей. Прелестный уголок! Как хорошо отдыхать на дерновом канале против каскада! На возвратном пути мы пытались подкупить сторожа, чтобы он позволил нам нарвать цветов... Но он был неумолим».⁶³⁷ Не менее восторженно оценивал искусство английских садовников и Николай I, осмотревший сад в 1830 г., во время своего очередного посещения Стрельны: «Здесь пили чай под липой, осматривали оранжереи, откуда гостям подавали персики, абрикосы и

клубнику, подносили цветы. Император заявил, что сад находится в таком порядке, «что против прежнего его нельзя узнать», и пообещал написать об этом брату, Константину Павловичу». ⁶³⁸

С творчеством А. Холла следует связывать и реконструкцию заведенного еще Петром I сравнительно небольшого Пчельного сада. В данной связи Свиньин упоминает лишь стрельнинского управляющего, в действительности занимавшегося решением чисто технических и хозяйственных задач: «...уже в 1802 г. г. Энгельман, по приказанию великого князя, привел его в первобытное и цветущее состояние, очистив пчелиный сад от щебня и диких деревьев и сделав его в английском вкусе с излучистыми дорожками и куртинами, кои усадил цветами и растениями, дающими пчелам богатое медовое вещество или воск для строения их сотов. По лужкам рассадил он кустарники, цветущие рано весною и дающие вместе с ранними луковицами пчелам первую пищу до липовых цветов». ⁶³⁹

В 1802 г., когда производилась «чистовая отделка» Пчельника и, соответственно, здесь уже установили обитую берестой Караулку, последовали выплаты «за планировку, дерновую стилку с английскими дорожками и отделку цветников». Одновременно, причем снова у Буша-младшего, были приобретены семена трав, специально предназначенные «для обсевки дерновой площадки в пчельнике». ⁶⁴⁰

Столь интенсивно производившаяся английскими мастерами комплексная реконструкция стрельнинских парков не могла не затронуть и Нижний парк, который в екатерининское и павловское правление оставался без должного ухода. Так, в 1806-1807 гг. здесь были засыпаны два фигурных бассейна, а в 1809 г. специально для восстановления аллей из Ропшинского леса доставят 65 взрослых деревьев восьмиметровой высоты. ⁶⁴¹

Наряду с восстановлением регулярных элементов в северной части Нижнего парка, непосредственно подступавшей к Финскому заливу, будут сформированы две сравнительно небольшие пейзажные композиции, что и зафиксировал датированный 1800-ми гг. генеральный план ансамбля. Одна из них создавалась

у побережья на островной территории, ограниченной каналами парка и самим заливом, другая - на круглом в плане Сосновом острове, сохранявшем первоначанный массив соснового леса. Именно здесь и будет сформирована сеть пейзажных дорожек, две из которых посредством мостиков соединит с двумя диагонально расходящимися дорожками Нижнего парка, еще одна (кольцевая) закрепит периметр острова, а все остальные равномерно разошлись в разные стороны. В результате и Сосновый остров приобрел весьма выразительную пейзажную композицию с необычайно развитой схемой визуальных связей, включавших в себя все наиболее важные панорамные раскрытия и на Финский залив, и на живописное его побережье, и, соответственно, на регулярный парк, подступавший с южной стороны к протяженному дворцовому объему. Как особенно подчеркивалось, теперь на острове можно было совершать «романтические прогулки в легендарной сосновой роще», которая сразу же станет одной из наиболее ярких достопримечательностей Стрельны.⁶⁴²

Основной массив земляных и посадочных работ Тиксон-старший сможет здесь осуществить в 1804 г. находясь уже на должности главного садового мастера.⁶⁴³ При нем же подвергнется радикальной трансформации и симметричный абрис береговой кромки Финского залива, которая за счет насыпки трех разновеликих живописно очерченных асимметричных мысов приобретет подчеркнуто изысканное асимметричное очертание. При этом скругленная повышенная береговая часть трактовалась в качестве обширного луга с живописно разбросанными кучами деревьев и кустарников, высаженных с различной плотностью. В частности, с двух сторон от Соснового острова использовались исключительно единичные посадки хвойных, особенно эффектно воспринимавшиеся на фоне залива. Создание этой самой удаленной от дворца пейзажной части было завершено около 1814 г., когда «за сосновым островом» тот же Тиксон-старший устроил новую куртину и проложил английскую дорожку.⁶⁴⁴

Работавшие в Стрельне садовники зарекомендовали себя и как опытные специалисты оранжерейного хозяйства. Поэтому последовавшее увольнение А. Холла попросту не могло напрямую быть связано с якобы им «замороженным

розаном центрофолии». Тем более, что из Передаточной описи 1803 г., составленной тем же Холлом для Тиксона-старшего следует, что наряду со всевозможной цветочной рассадой, тот с 1798 г. не менее успешно выращивал арбузы, дыни, виноград, абрикосовые, померанцевые, лимонные и вишневые деревья.⁶⁴⁵

Вслед за отъездом Холла общее руководство по содержанию стрельниских парков и оранжерей было возложено на Тиксона-старшего. А с 1817 г. вплоть до 1829 г. этим занимался уже его сын, Д. Тиксон-младший, состоявший впоследствии садовым мастером при парках и теплицах Царского Села. Впрочем, вскоре после его отъезда стрельнинские парки стали приходить в упадок. Это, в конечном счете, и привело к необходимости проведения в 1850-х гг. широко-масштабных восстановительных работ. На этот раз все связанные с этим заботы примет на себя Александр Иосифовна, супруга великого князя Константина Николаевича (1827-1892), который с 1831 г. только номинально являлся владельцем Стрельны, вступив в свои права лишь по прошествии двух десятилетий.

13. РОПША

*Томас Грей, Джозеф Буш, Роберт Робинсон, Джеймс Медер,
Джон Мак-Ларен, Бонквест, Исаак Ольдекер, Уильям Грей
(1785-1840 гг.)*

М.И. Пыляев подчеркивал, что само «местоположение Ропши состоит из двух обширных плоскостей, возвышающихся более тридцати футов одна над другой».⁶⁴⁶ Уникальные особенности места, сочетавшего в себе поразительное разнообразие рельефа, лесные массивы, живописную долину речки Стрелки, пруды, родники и ручьи соединялись здесь с поразительным плодородием почвы. Не менее впечатляющими были и визуальные особенности Ропши: отсюда хорошо просматривался и Петербург, и остров Котлин.

Все эти факторы и станут решающими для обустройства на землях находившейся здесь шведской мызы генерала Гасфера еще одной императорской

резиденции.⁶⁴⁷ В соответствии с распоряжением Петра I в непосредственной близости от минеральных источников на склоне Княжьей горки в 1713-1721 гг. был сформирован «оздоровительный комплекс» с деревянным дворцом в голландском вкусе, церковью, плотинами и водоводом.⁶⁴⁸ В 1722 г. царь дарит это имение князю Ф.Ю. Ромодановскому (?–1730). Практически одновременно с закладкой в 1725 г. новым хозяином каменных палат к востоку от них, вдоль единой оси запад-восток, начнется формирование еще одного усадебного комплекса, принадлежавшего другому ближайшему сподвижнику царя, графу Г.И. Головкину (1660-1734). Женившись на дочери И.Ф. Ромодановского, граф М.Г. Головкин решит в 1730 г. объединить оба эти смежные владения. Теперь к объему палат, закрепившего центр новой усадебной композиции, подступало сразу два регулярных парка: с западной стороны - Верхний, а с восточной - Нижний. Известно лишь, что западную границу Верхнего фиксировали в то время высаженные в дерновых квадратах серебристые ели, «подстриженные в виде пирамид».⁶⁴⁹

В 1741 г. М.Г. Головкин был отправлен императрицей Елизаветой Петровной в сибирскую ссылку. Тогда и обозначится новый этап формирования роппинского комплекса уже в качестве летней царской резиденции, в которой она по своему обыкновению останавливалась по пути из Петергофа в Царское Село.

В 1750-х гг. В.Ф. Растрелли на базе старых каменных палат сформирует здесь новый укрупненный дворцовый объем с симметрично расположенными служебными флигелями, сгруппированными в тройное каре. Такая кардинальная перестройка не только повлекла за собой структурные изменения двух существующих парков, но и привела к устройству еще одного, так называемого Собственного садика, разбитого во вновь образованном пространстве центрального каре.⁶⁵⁰ Соответственно теперь Нижний парк был представлен сравнительно небольшой (180 x 213 м) прямоугольной в плане барочной композицией. Все двенадцать его частей разделялись диагональными дорожками-аллеями, целиком сформированными из привезенных «испанских» лип. С северной стороны парк дополнялся каналом, «а с южной оранжереями и парни-

ками, близ которых находился большой пруд, имевший в себе множество разного рода рыбы: форелей, карпов и карасей».⁶⁵¹ Со стороны же самого дворца парк подступал к сохранявшейся от прежнего времени земляной террасе, отмеченной широкими сходами и все еще украшавшейся «белыми елями» и двумя каскадами. По своим пространственным габаритам (470 x 640 м) Верхний парк многократно превосходил Нижний. Он обладал более крупными членениями и в целом отвечал особенностям «нидерландского вкуса» и, как особо подчеркивалось, украшался «попеременно то зеленым дерном, то цветниками». Помимо достаточно развитой сети прогулочных дорог оба эти парка были объединены протяженными каналами, сообщавшимися с двумя находившимися здесь прудами. Впрочем, в ухоженном своем состоянии эта регулярная парковая среда просуществует совсем недолго, так как в 1761 г. Ропшу унаследует Петр III (1728–1762).

13 ноября 1764 г. императрица решает передать дворцовый комплекс «в вечное и потомственное владение» графу Г.Г. Орлову.⁶⁵² Однако новый хозяин проявлял к нему устойчивое равнодушие и в последующие девятнадцать лет обе эти весьма оригинальные парковые композиции были на грани полного своего уничтожения - «пруды заросли травой и наполнились илом, сад загдох и здания превратились в руины».⁶⁵³ Именно в таком крайне запущенном состоянии братья-наследники и смогут 12 июня 1785 г. продать Ропшу придворному банкиру и крупному российскому коммерсанту И.Л. Лазареву (1743-1826).⁶⁵⁴

Новый владелец решает в кратчайшие сроки полностью восстановить имение, для чего в Ропшу спешно вызывается только что возвратившийся из Голландии (по завершении обучения «инженерному искусству») «молодой инициативный управляющий инженерный офицер» Г.И. Энгельман.⁶⁵⁵

Архивные материалы подтверждают, что вплоть до собственной отставки, последовавшей, вероятно, в конце 1789 г., именно ему было доверено курировать в Ропше вопросы финансового и инженерно-технического порядка.⁶⁵⁶ О том, что некоторое время он совмещал сразу две должности, свидетельствует февральская запись выплат от того же года: «Управителю Григорью Энгельма-

ну по должности садового мастера - 250 руб.»⁶⁵⁷ Впрочем, в действительности, вплотную связанный с деятельностью английских садовников, он лишь привлекался к реализации их проектных замыслов в качестве успешного хозяйственника и талантливому инженеру. Пыляев в этой связи подчеркнет, что именно Энгельман «поправил земледелие, лесоводство, плотины, в отношении построек сделал весьма много», наконец, «устроил Бумажную мельницу за счет подъема воды из озера».⁶⁵⁸

Наряду с идеалами века Просвещения само стремление сформировать практически заново художественно значимую парковую среду Ропши объяснялось полной деградацией регулярных ее парков. Предстояло также окончательно устранить неизменно сохранявшееся структурное несоответствие между самой застройкой и парковым ее окружением. Так, парадный восточный фронт дворца изначально был сориентирован на совсем небольшой Нижний парк, вместе с тем его западный, представленный исключительно мелкомасштабными служебными объемами, раскрывался на обширное пространство Верхнего.

Эта впечатляющая по общему своему замыслу идея формирования обширной пейзажной среды основывалась на радикальном расширении пространственных границ Нижнего парка. За счет присоединения обширных смежных земель с южной, северной и западной сторон его территория возрастала более чем в двадцать раз. При этом от прежней его регулярной структуры сохранялся всего лишь единственный элемент. Представлен он был спрямленной дорогой, изначально проложенной (по оси запад-восток) вдоль северного дворцового фронта. Именно она и должна была объединить все три вновь формирующиеся пейзажные части и одновременно сохранить свою важную роль в качестве внешней трассы, уходящей за границы дворцового комплекса в двух прямо противоположных направлениях. В границах же Нижнего парка возникнет просторный скругленный луг, окаймленный пейзажными дорожками и уплотненными посадками.

Одним из важнейших пространственных элементов ропшинских парков станет проложенный по периметру скрытый ров «ah-ah», фрагментарно сохра-

нившийся до нашего времени.⁶⁵⁹ Однако основной массив земляных работ будет связан с устройством на базе сохранившихся регулярных прудов и каналов весьма разветвленной водной системы.

Непосредственно приступая к формированию обширной пейзажной среды на площади 66 га, опытные английские садовники руководствовались двумя важнейшими природными особенностями Ропши: «всякими удобствами местности» и «обилием водных источников». Эти «быстрые воды» и будут преобразованы в «прелестные пруды, в излучистые ручьи, в шумные водопады» и теперь поблизости от них взору будут открываться «новые прелестнейшие виды и ландшафты».⁶⁶⁰ Эти многочисленные водные протоки и сообщавшиеся благодаря каскадам разновеликие пруды (Ивановский, Артемьевский, Фабричный) находились на некотором удалении от дворца, в восточной и южной частях Нижнего парка. Всем им будут приданы подчеркнуто выразительные очертания.

Сформированная практически заново водная поверхность занимала теперь огромную территорию. А потому сильно изрезанные прибрежные районы воспринимались в качестве бесконечной череды островов и полуостровов. Собственно и вся восточная часть самого крупного центрального Ивановского пруда дополнялась двумя разновеликими островами, наиболее эффектно воспринимавшимися со стороны дворца. Развитая сеть дорожек в основном следовала абрису береговых линий, что всячески способствовало расширению панорамного охвата самых различных частей парка. Особой композиционной значимостью наделялся прибрежный западный район Артемьевского пруда. Его внешняя граница закреплялась уплотненными куртинными посадками, позволявшими полностью изолировать всю хозяйственную часть имения с размещавшимися здесь огородами, фруктовым садом и оранжерейным комплексом.

В сравнении с Нижним Верхний пейзажный парк изначально трактовался как сугубо локальное пейзажное образование. Его прежние пространственные габариты сокращались до минимума, что обусловило использование здесь лишь нескольких мелкомасштабных элементов. Так, в западной его части помещался миниатюрный пруд с двумя извилистыми водными протоками и особо чтимый

источник Иордань. Образованная спрямленной внешней трассой Красносельской дороги южная планировочная граница Верхнего парка плотно закреплялась крупномерами, которые сразу исключали визуальное воздействие расположенного несколько южнее оранжерейного комплекса.

Общий характер древесных посадок изначально учитывал их контрастное взаимодействие. Так, хвойные высаживались вперемежку с лиственными, что и порождало необычайно эффектное для восприятия «осеннее разноцветье». Соответственно группы деревьев или целые рощи чередовались с кустарниками, открытыми полянами, живописными лужайками и прозрачными прудами. В общей сложности в ропшинских парках будет высажено около сорока разновидностей флоры. Наиболее же активно высаживались дубы, лиственницы, клены, березы и ели.⁶⁶¹ В непосредственной близости от дворца, также следуя принципу контрастности, активно формировались разновеликие дубовые, ясеневые и еловые рощи. В частности, одна из них служила естественным обрамлением грота-фонтана Рушник, отмеченного живописным каскадом. Именно в этой самой впечатляющей части Нижнего парка Дж. Кваренги зарисует подъездную площадку дворца в окружении просторного стриженного луга с только что высаженными на нем высокорослыми деревьями.⁶⁶² Береговые же линии прудов закреплялись декоративными группами, составленными из ив, берез и ольхи, что способствовало появлению «колоритного контраста в разные времена года».⁶⁶³

Главным помощником Энгельмана, как особо подчеркивается, был «садовых дел мастер» Т. Грей (Thomas Willheim Grey, 1754-1840). Он приступил к работе в Ропше в 1785 г., что подтверждает сохранившийся на соседнем деревенском кладбище Малых Горок надгробный памятник садовника с подробной биографической надписью.⁶⁶⁴ Его же ропшинская деятельность отображена и в подготовленной Энгельманом ведомости выплат от 1 мая 1786 г., где прямо говорится: «...у агличанина работникам двоим 40 руб».⁶⁶⁵ Все выше сказанное убеждает в том, что изначально разработка проектов ропшинских пейзажных парков находилась в ведении тридцатиоднолетнего Грея, считавшегося в то

время уже достаточно опытным специалистом. Впрочем, не следует исключать помощь в этом деле и непосредственного его руководителя по Царскому Селу Буша–младшего. Именно с ним следует связывать доставку в Ропшу крупных партий преимущественно заграничных саженцев. К тому же Буш оставался бесменным их поставщиком вплоть до начала 1790-х гг., когда формирование ропшинских парков уже вступило в завершающую свою стадию.

Так, согласно представленному счету от 7 ноября 1786 г. именно главному царскосельскому садовнику полагалось выплатить 275 руб. за доставку очередной крупной партии заграничных деревьев и прочих растений.⁶⁶⁶ Соответственно 15 октября 1788 г. главный управляющий Ропши докладывал владельцу: «Присланные деревья три корзины выписанные из заморья чрез господина Буша мною получены. Григорий Енгельман».⁶⁶⁷ Он же в феврале 1789 г. в Ведомости выплат отметит: «Господину Бушу по поданному от него щету заплачено за полученные от него в Ропшу деревья: за 78 разных цветных фруктовых, 100 штук провансы роза, 12 штук арбовиты – 135 руб».⁶⁶⁸ А спустя четыре месяца, в июльские дни, последует очередная запись: «Господину Бушу, по поданному от него щету за взятые для Зимнего саду разных сортов деревья 159 штук – 176 руб».⁶⁶⁹ С сентября же 1789 по сентябрь 1790 гг. «на щет господина Буша» было переведено 58 руб. 20 коп».⁶⁷⁰ И в сентябрьском списке выплат 1790 г. снова находим запись: «Господину Бушу 12 руб».⁶⁷¹ Соответственно с января 1792 г. по январь 1793 г. «господину Бушу доставлено 10 руб».⁶⁷²

Со своей стороны и сам владелец, видимо, не раз откликнулся на просьбы садовника, о чем наглядно свидетельствует относящаяся к 1792 г. следующая запись: «По приказанию господина Ивана Лазаревича господину Бушу доставлено в Сарское Село ячменю семенного 10 четвертей по 4.07 руб. – 47 руб. 50 коп».⁶⁷³

Эти крайне редко встречающиеся сведения о поставках посадочного материала дополняются многочисленными архивными источниками, позволяющими проследить основные этапы формирования Нижнего и Верхнего парков довольно основательно.

Вслед за покупкой Ропши и разработкой проектного замысла вначале следует формирование Верхнего парка. Именно для его обустройства 1 октября 1785 г. было «куплено 400 разных больших деревьев» (дубов, кленов, лип, ильм, вязов, берез и осин), осуществлена доставка «крупного песка» и «черной земли». ⁶⁷⁴ Тогда же приступят и к созданию его повышенной (западной) части: «Еще для на горе саду куплено мелких деревьев 300 а именно шиповник, можжевельник, калина, черемуха, ива, жимолость» и «еще куплено 200 деревьев елнику и 100 сосняку». ⁶⁷⁵ Тем же целям отвечало и приобретение «ста заморских розовых кустов». ⁶⁷⁶ По прошествии же несколько недель начнутся и широкомащтабные земляные работы по выемке и перемещению грунта, рытью прудов, каналов и «дерновой стилке», что и зафиксирует ведомость выплат от 28 октября. ⁶⁷⁷ Именно с резким увеличением объема садовых работ и следует связывать подписанный в середине мая 1786 г. контракт с английским садовым мастером Р. Робинсоном (Robert Robinson). ⁶⁷⁸

Майский расчет 1789 г. подтверждает, что за весь предшествующий период безостановочно осуществлялась массовая высадка деревьев: «За воску березок из лесу для посадки за 18306 деревьев по 9 руб. за тысячу – 169 руб. 20 коп»; «За копку и засаду в куртины березок за 19632 (шт.); «за пересадку с одних на другие куртины 2064 дерева». ⁶⁷⁹ Не исключено прямое участие в этом деле Д. Медера, который из-за финансовых затруднений оставался при петергофском Английском парке не у дел. В июньской записи того же года находим на этот счет следующее распоряжение: «По приказанию г-на Ивана Лазаревича Петергофскому садовнику подарено 150 руб». ⁶⁸⁰ А с сентября 1790 г. по январь 1791 г. к формированию ропшинских парков будет привлечен еще один помощник Буша-младшего по Царскому Селу - Д. Мак-Ларен (John McLaren). В Ведомости выплат находим соответствующую запись: «...садовому мастеру Маклерану на счет жалования 4 руб». ⁶⁸¹ К тому времени сеть дорог Верхнего парка уже была сформирована и «за полотье аглицких дорожек мальчикам в награждение» решено было выделить 40 руб. ⁶⁸²

21 июня 1791 г. И.Л. Лазарев распорядится «из Верхняго Аглицкого саду

вести воду трубою и пустить через грот каскатом». Видимо, речь шла о начавшемся устройстве водной системы Нижнего парка. Это подтверждается и проводившимися в 1791-1792 гг. широкомасштабными земляными работами.⁶⁸³ Интенсивно продолжались они под руководством еще одного выпisanного в Ропшу английского специалиста, относительно которого 1 сентября 1792 г. была сделана соответствующая запись: «Садовому мастеру Бонквесту определившемуся в должность с 1-го сентября 1792 года по 500 рублей на год выдано в свет оного – 200 руб». ⁶⁸⁴ В очередной же Ведомости выплат за октябрь 1792 г. – июнь 1793 гг. читаем: «Садовому мастеру Бонквесту за служение им в должности с октября 1792 по июнь 1793 года и того за 9 месяцев считая по условия с ним 500 рублей в год следовало выдать ...374 руб. 83 коп. в том числе выдано в 1792 г. – 200 руб». ⁶⁸⁵ С тем же Бонквестом осуществлялся расчет «за вишни за 10 дерев – 15 руб.; за липы – 10 руб., за дуб за 21 шт. - 10 руб.; за четыре дуба и одну липу – 3 руб.», ему же было выделено дополнительно 6 руб. «для мытья дерева по требованию садового мастера за два ведра вина». ⁶⁸⁶

Одновременно с осуществлявшейся по проекту Ю. Фельтена перестройкой дворца ⁶⁸⁷ в Нижнем парке в 1793 г. был реализован еще целый ряд весьма значительных работ: «Канала через двор сделано, начиная от канала Верхнего пруда... Большой каскад, и внизу край канала обделаны...ноздреватиком и внизу маленькие каскады зделаны и у маленького пруда зделан каскад же, при всех оных работах 520 работных дней». ⁶⁸⁸ К тому времени было проложено «аглицкой дорожки круг Ивановского озера 292,5 погонных сажень; дерновой стилки, по обе стороны означенной дорожки и от новозделанного каскада в аглицком саду по обеим сторонам канал у бассейну 669 пог. саж». ⁶⁸⁹ Показательно, что для придания парку еще большей живописности, при устройстве прогулочных дорог расходовалось много «красного щебню». ⁶⁹⁰ Окончательная же отделка Нижнего парка с обширными его прудами и многочисленными островами будет завершена уже в следующем 1794 г. ⁶⁹¹ В связи с этим отдельно разъяснялось, что «плотины и мосты зделаны из граниту, берега выкладены булыжником, между оными Аглинской сад и дорога на несколько верст зделаны в со-

вершенстве».⁶⁹²

О самом намерении приобрести Ропшу Павлом I для размещения инвалидов войны станет известно в 1798-1799 гг. В сопроводительной записке на этот счет указывалось, что сами «берега и сад зделаны в аглинском вкусе», а водная система включала в себя «семь прудов больших и средних да с рыбами всякого рода».⁶⁹³ Впрочем, госпитальное использование дворцового комплекса вряд ли могло повлиять на сложившийся облик ропшинских парков, хотя планировка самих корпусов претерпела ряд существенных изменений.⁶⁹⁴

Полновластным хозяином Ропши Павел I станет в конце февраля 1801 г., когда «со всеми строениями и заведениями», «с деревнями и крепостными душами» она была приобретена за 400 тыс. руб.⁶⁹⁵ Александр I в начале своего правления подтвердит статус Ропши как императорской резиденции, в дальнейшем неизменно сохранявшийся вплоть до 1917 г.

Для содержания ропшинских парков из Англии в 1804 г. был выписан садовый мастер И. Ольдекер (Isaak Oldecker, 1772-1852). Ему же поручалось привести в соответствие и оранжерейный комплекс. И вскоре выращивание винограда, персиков, дынь, ананасов, пармских фиалок, шампиньонов и всех прочих теплолюбивых растений было полностью возобновлено.⁶⁹⁶ Происходил Олдекер из Дербишира и вплоть до отъезда в Россию состоял на службе у известного ботаника сэра Д. Бенкса (Sir Joseph Banks, 1743-1820).⁶⁹⁷ Садовник подписал контракт 21 января 1804 г. и был зачислен на русскую императорскую службу с жалованием 1500 руб. в год. В Ропшу он прибыл летом того же года вслед за завершением путешествия по Англии.⁶⁹⁸ Сохраняя деловые отношения с Бенксом, он постоянно отправлял ему отсюда саженцы фруктовых деревьев и прочих растений. Впрочем, по прошествии восьми лет, в феврале 1812 г., Ольдакер вынужден был по болезни уволиться и возвратиться в Англию. Там он снова сблизится с Бенксом и под его началом займется экспериментаторской деятельностью, как раз культивируя вывезенные из России ботанические образцы.⁶⁹⁹ Показательно, что с полученными результатами он неизменно знакомил своих коллег по лондонскому Садоводческому обществу.⁷⁰⁰ Скончается Олдакер 8

марта 1852 г. в возрасте 78-ми лет, сорок из которых получал пенсион как отставной садовник российского императорского двора.

О садоводческой деятельности Ольдекера можно судить по датированной июлем 1808 г. дневниковой записи будущего декабриста и известного публициста Н.И. Тургенева (1789-1871): «Ропша. Полночь. Приехавши сюда, я узнал, что здесь скончался император Петр III. Мы с товарищами г. Воронковским, Чижевым и Соловьевым пошли ко дворцу. Посмотревши немного на дворец, пошли в сад. Тут попался нам садовник, Англичанин, который, спросивши мою фамилию, куда едем, провел нас по саду. Сад очень хорош, особливо понравилась мне множество каскад: они, сливаясь с другими, составляют прозрачные ключи, которые разливаются по прекрасному лугу. Я сказал садовнику, что один из прудов не чист. Он мне отвечал, что пруд очень чист. После я узнал мою ошибку, когда товарищи сказали мне, что видимая мною тина было дно. Поблагодаривши доброго Англичанина, мы возвратились на ночлег в харчевню, где поужинали».⁷⁰¹

В 1812-1840 гг. в качестве главного садового мастера в Ропше работал все тот же Т. Грей, который между 1789 г. и последовавшим в 1805 г. отъездом в Англию по состоянию здоровья числился в царскосельской команде придворных садовников, возглавляемых Бушем-младшим. В деловой переписке относительно «определения к Ропшинским садам и оранжереям садовника англичанина Грея на место уволенного от сей должности Ольдекера», в частности, отмечалось: «...англичанина Грея с жалованием сверх 1500 рублей по штату положенного, еще по триста рублей из экономических сумм мызы, а потому и предлагаю Кабинету сделать по сему распоряжение, представив садовнику Грею пользоваться правами предшественника его, как в рассуждении отпуска ему по штату положенных сумм, по случаю отделения садов от Мызы, так и хозяйственного управления по садам взяв в основание те же самые предписания, которые даны были садовнику Олдекеру. Д. Гурьев».⁷⁰²

Из Рапорта же ропшинского управляющего от 28 февраля 1812 г. становится известно, что «по предписанию Кабинета его Императорского Величества за

№ 301 садовый мастер Грей принял в свое ведение все находящиеся при мызе сады и оранжереи и при оных находящийся инструмент и другие вещи. О коих при сем за общим подписанием список в кабинет его императорского величества почтеннейше представить честь имею». ⁷⁰³ Со своей стороны Грей доносил в Кабинет о своем «принятии при вступлении в должность садового мастера оранжерей, теплиц и прочих вещей в мызе Ропше». Среди них находим «ананасных с виноградом – 3, персиковых на два отделения – 2, абрикосовых – 3, персиковых – 1, сливовых – 1, вишневой», «сарай грунтовый – 1, Зимний сад на три отделения – 1». При этом садовник подчеркивал, что «в оных оранжереях и теплицах и зимнем саду деревья и разные растения находятся здоровые». ⁷⁰⁴

Собственно и многолетняя деятельность Грея в Ропше была связана с образцовым содержанием парков и оранжерейного комплекса. В «Отечественных записках» за 1821 г. на этот счет читаем: «Ропша отстоит от С. Петербурга в 36 верст, по большой Ржевской дороге... (...) Еще распространены в Ропше фруктовые оранжереи и парники, кои находятся под присмотром ученого английского садовника г. Грея. Нельзя оставить без внимания новый опыт его ананасных парников по системе г. Енгельмана; они окнами обращены не на один полдень, как то обыкновенно делается, а на Восток и Запад, что найдено многолетними испытаниями». ⁷⁰⁵

В 1820 г. Грей занимался «переделкой двух персиковых оранжерей и крыш в виноградной и ананасной». ⁷⁰⁶ В 1822 г., в знак особых заслуг, садовнику отвели в собственное пользование один из дворцовых флигелей. ⁷⁰⁷ Заботясь не только о себе, Грей в 1824 г. добился выделения дополнительных 1035 руб. на поощрение возглавляемой им команды садовых мастеров. ⁷⁰⁸ Под самый же конец александровского правления именно Грей был командирован императором в Таганрог для исправления там «публичного сада». ⁷⁰⁹

В 1826 г. Николай I подарит Ропшу своей супруге, императрице Александре Федоровне. ⁷¹⁰ Впрочем, вряд ли это могло отразиться на садоводческой деятельности Грея, по-прежнему занимавшегося решением текущих задач. Так, 6 февраля 1826 г. он подал Рапорт в Кабинет его императорского величества сле-

дующего содержания: «Честь имею представить при сем Кабинету Его Величества щет, о издержанных мною деньгах на перекрытие вновь крыши, сделании мезонина и переделку кухни в моей квартире всего на две тысячи семисот девяносто восемь рублей сорок две копейки с половиною, которые деньги покорнейше прошу кабинет его императорского величества мне ныне выдать. При чем объясняю: что на производство означенных работ в прошлом году покойным г. управляющим кабинетом его сиятельством графом Гурьевым, объявлено мне было его словесное приказание. Thomas Grey».⁷¹¹

Да и следующее обращение главного садового мастера Ропши будет связано с очередной финансовой поддержкой своих коллег: «Долгом поставляю донести кабинету его императорского величества, что на основании предписаний около прошлых годов выдаваемого было садовым служителям в прибавок к жалованию ежегодно из доходов Ропши и Кипенки».⁷¹² В результате 2 марта 1826 г. последовало следующее решение: «...предписать управляющему мызами... для выдачи награждения садовым служителям за 1824 г. отпустить садовнику Грею 1035 руб.»⁷¹³ Впрочем, и 17 февраля 1827 г. все по тому же поводу он обратится снова: «При ропшинских оранжереях и теплицах требуется необходимо в праздничные табельные дни года, открывать и закрывать ставни, топить печи и иметь вообще смотрение за растениями; в которое время означенными работами, садовые служители по именнованном в приложенном у сего Списке, сверх своей обязанности занимались в прошлом 1826 году, почему честь имею представить о сем на благоусмотрение собственной его императорского величества конторы и просить покорнейше о денежной награде садовых служителей соразмерно их трудам и занятиям всего 21 человека, 361 рублей, поелику в прошедшие годы за таковое же их занятие в табельные дни, были они особенно награждены сверх получаемого им жалования».⁷¹⁴

27 февраля 1827 г. Николай I распорядится назначить шестидесятитрехлетнему Грею пенсию. В деловой переписке на этот счет отмечалось следующее: «Государь император высочайше повелеть соизволил ропшинскому садовому мастеру Фоме Грею, за долговременную усердную его службу, производить из

государственного казначейства в пансион по тысяче рублей в год по смерти его, сверх полученного им жалования».⁷¹⁵ С подачи же самой императрицы хорошо зарекомендовавший себя Грей был к тому же неоднократно премирован бриллиантовыми перстнями.⁷¹⁶

Наряду с русскими садовниками: Алексеем и Петром Осиповыми, Осипом Югановым, Петром Львовым и Осипом Андреевым, - среди ближайших помощников Грея находим его сына, У. Грея (William Grey, 1815-1864), вступившего в должность садового подмастерья в 1836 г.⁷¹⁷ Впрочем, в Ропше Грей-младший прослужит в этом звании совсем недолго. После смерти отца в том же 1840 г. он переберется в столицу в качестве главного садового мастера Таврического дворца.⁷¹⁸

Сложившийся в середине 1790-х гг. облик ропшинских парков будет сохраняться без существенных изменений вплоть до начала XX в.⁷¹⁹ Собственно и мероприятия 1855 г. в целом носили сугубо локальный характер. Тогда дополнительные средства направят лишь «на сделание вала и посадку кустарников по границе вокруг Ропшинского сада».⁷²⁰

14. К БИОГРАФИИ МАСТЕРА.

*САД НА КРОНВЕРКЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ,
СТОЛИЧНЫЙ МИХАЙЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ,
ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ ЛИЦЕЙСКИЙ САД, ОТДЕЛЬНЫЙ ПАРК,
ПЕТЕРГОФСКАЯ АЛЕКСАНДРИЯ*

Адам Менелас

(1817-1829 гг.)

В отечественном садоводстве 2-й половины 1810-х-1820-х гг. особое место занимает творчество шотландца А.А. Менеласа (Adam Menelaws, 1749-1831), с именем которого следует связывать создание в Петербургском регионе целого ряда выдающихся садово-парковых композиций. Однако вплоть до последнего времени деятельность Менеласа привлекала внимание исследователей главным образом в контексте его архитектурного творчества.⁷²¹

Вместе с группой шотландских мастеров этот тридцатипятилетний эдинбургский «джентельмен» по прибытии в Россию был зачислен в царскосельскую команду Ч. Камерона и в мае 1784 г. приступил к сооружению Холодных бань.⁷²² Менелас воспользовался объявлением, помещенным 21 января того же года в «Эдинбургских вечерних курантах». В нем Камерон заявлял о наборе необходимых ему мастеров самых различных специальностей. Острая в них необходимость возникала в связи с незамедлительной реализацией крупных императорских заказов.⁷²³ В соответствии с подписанными контрактами от 28 августа 1784 г., 5 июня 1786 г. и 1790 г. Менелас все это время находился на императорской службе в качестве высокооплачиваемого мастера «сводного дела».⁷²⁴ Так, в 1793 г. его ежегодное жалование составляло 850 руб., при том, что зарплата других шотландцев не превышала 200 или 350 руб.⁷²⁵ Проработав всего около года в Царском Селе, Менелас в мае 1785 г. зачисляется в команду Н.А. Львова и практически одновременно приступает к сооружению соборов в Могилеве и Торжке.⁷²⁶ Наряду с высоким профессионализмом другим немаловажным аргументом в пользу Менеласа были весьма выгодные условия найма, относительно чего Львов замечал, что «дешевле его сыскать трудно».⁷²⁷ Из Послужного аттестата, выданного Менеласу в 1813 г. следует, что в том же 1785 г. он по заданию Львова некоторое время работал на Боровицком карьере при начальной разработке земляного угля и в августе 1786 г. смог отправить в Петербург первую партию валдайского угля.⁷²⁸ Впрочем, сильно растянувшееся сооружение двух соборов и прочие служебные поручения отнюдь не препятствовали Менеласу часто наведываться в Петербург, где он сблизился с соотечественниками и в 1792 г. женился на Э. Кейв (Elizabeth Cave, ?-1841), пригласив на свадьбу в качестве свидетеля Президента Академии художеств А.Н. Оленина. Показательно, что уже тогда он поддерживал отношения со многими весьма влиятельными петербургскими британцами. Достаточно упомянуть лейб-медика императрицы Д. Рожерсона (John Rogerson), придворного часовщика У. Гайнама (William Hynam) или директора государственных пушечных заводов Ч. Гаскойна (Charles Gascoigne).⁷²⁹

В 1794 г. Менелас поступает в ведомство Санктпетербургского Остаточного Казначейства архитектором.⁷³⁰ Летом 1797 г. он все еще находился в Могилеве, о чем становится известно из датированного 3 июля и отправленного из Павловска к В.В. Капнисту письма Львова: «В деньгах с Дашенькою я рассчитался, что касается до Левкиной сестры, то тебе, я чаю, известно, мой друг, что мы отдавали учить ее к одному англичанину в Могилев ходить за бельем и готовить кушанья. Говорят, что она изрядно этому и выучилась, то получа твое письмо, написал я, тотчас чтобы прямо оттуда к тебе ее отправили, как это не исполнено и она еще у тебя, то скоро туда отправится. Сам Менелас, у коего она жила, и пошлет ее с нарочным».⁷³¹

К началу 1800-х гг. Менелас уже обладал достаточно прочными теоретическими и практическими навыками, позволявшими вполне самостоятельно проектировать и реализовывать самые различные садово-парковые композиции. В такой профессиональной деятельности нетрудно усмотреть воздействие целого ряда важных обстоятельств. У себя на родине по роду службы он был непосредственным свидетелем формирования пейзажных парков на самых различных стадиях. По прибытии же в Россию он постоянно сталкивался с повседневной деятельностью Буша-старшего на завершающем этапе создания царско-сельского «аглинского сада». Вероятнее всего первые навыки в сфере практического садоводства Менелас смог продемонстрировать еще в 1785-1786 гг., будучи привлечен к обустройству пейзажного парка для Львова в Никольском его имении вблизи Торжка.⁷³²

Свои познания в области садово-паркового искусства Менелас совершенствовал и в царскосельской Школе земледелия. Он упомянет ее в послужном своем списке: «...из Англии вызван 1784 года 1-го мая в качестве каменного мастера, находился в Могилеве при строении соборной церкви архитектором, потом был в Москве при строении Кремлевского и Слободского дворцов, за что в 1797 мая 4 награжден чином титулярного советника и определен архитектором в школу земледелия, откуда по увольнении, 1799 года февраля 15 числа принят к училищу земляного строения для производства образцовых строе-

ний».⁷³³ Другой документ подтверждает, что действительно в начале 1798 г. Менелас был вызван в Петербург, где совместно с А.А. Самборским ему поручалось основать царскосельскую Практическую школу земледелия.⁷³⁴ Именно тогда в числе видных ее основоположников он привлекался к устройству экспериментального парка на близлежащей Александровой даче.

Немаловажную роль в знакомстве с новейшими тенденциями в садоводстве сыграет пребывание Менеласа в Англии, куда в начале 1800 г. тот был отправлен для «приискания разных машин с мастерами».⁷³⁵ Ряд обстоятельств этой командировки проясняются из датированной 22 января 1800 г. служебной записки Львова, адресованной С.Р. Воронцову: «Сиятельный граф милостивый государь Семен Романович! Его императорское величество, поруча руководство моему как разработку земляного угля в империи, так и разведению некоторых хозяйственных мануфактур позволили мне отправить на счет кабинета одного из чиновников в команде моей находящихся для отыскания потребных художников и машин к делу сему служащих. Вследствие чего, послав титулярного советника Адама Менеласа и снабдив его наставлением, каких мастеров и машины выписать надобно, велел ему по приезде в Лондон явиться к вашему сиятельству для получения по делу на него возложенному и покровительства и наставления вашего. Я с моей стороны всепокорнейше прошу ваше сиятельство не отказать ему в сей милости к усугублению собственного мне одолжения. Честь имею быть и т.д. с совершенным почтением. Львов».⁷³⁶

Покинув Москву ранней весной 1800 г., Менелас в конце апреля окажется в Праге, где и встретится с графом Н.П. Румянцевым.⁷³⁷ Во второй половине мая или первых числах июня он прибудет в Англию, относительно чего 8 июня 1800 г. С.Р. Воронцов докладывал: «Архитектор Менелас, служащий при нашем дворе, выполняет здесь поручения».⁷³⁸ Уже морским путем он вернется в Петербург около середины июля. Следовательно, в Англии он пробыл около месяца. Из письма настоятеля посольской церкви Я.И. Смирнова следует, что во время этой поездки Менелас успел посетить центральную часть Англии и осмотреть окрестности Лондона и Бирмингема.⁷³⁹ Следовательно, он имел ре-

альную возможность прямо на месте ознакомиться с теорией и практикой новейшего садоводства, обзавестись на этот счет специализированной литературой и установить контакты в профессиональной среде.⁷⁴⁰ Поездка во многом способствовала росту профессионального мастерства Менеласа. Именно после возвращения из Англии его все более активно начнут привлекать к устройству пейзажных парков, сначала в Московском, а затем и в Петербургском регионе. И уже на завершающем этапе сорокапятилетней российской службы именно ему будут поручать реализацию самых ответственных императорских заказов.

Из того же Аттестата 1813 г. следует, что с 1797 по 1803 гг. Менелас значился в «Списке служащих при разработке Боровицкой карьеры».⁷⁴¹ В Петербургском же регионе его деятельность возобновится только после продолжительного перерыва. Приводя документы Царскосельского ведомства за 1811-1812 гг., исследователь отметит, что здесь «упоминается некий садовый мастер Менас, работавший совместно с Петром Нееловым в парке и на ферме, построенной Бушем в 1810 г. Думается, не исключена ошибка переписчика и в бумагах имеется ввиду Менелас».⁷⁴²

Благодаря содействию недавно избранного президента Академии художеств П.П. Чекалевского Менелас будет вновь зачислен на государственную службу. В своем обращении на этот счет к министру внутренних дел О.П. Козодавлеву, датированном 24 ноября 1813 г., он подчеркнет: «Я давно познакомился с г-м Менеласом как с человеком весьма знающим строительную часть не токмо по одной теории, но по долговременному собственноручному опыту и украшению. Если Вашему превосходительству нужен сей части человек, то я смело могу уверить Вас милостивый государь, что здесь мало Вы найдете людей, которые могли бы с ним равняться в практических его познаниях в строительной части».⁷⁴³ В результате Менелас в 1814 г. станет «членом строительного комитета» при Министерстве внутренних дел,⁷⁴⁴ а в 1816 г., уже в качестве придворного архитектора, перейдет на службу в императорский Кабинет. В этой должности Менелас прослужит вплоть до 31 августа 1831 г., когда скончается от эпидемии холеры.⁷⁴⁵ Впрочем, по другим данным это произойдет несколько позднее - 14

ноября.⁷⁴⁶

В 1815-1816 гг. Менеласа привлекут к устройству сразу двух пейзажных парков в окрестностях Петербурга. Один из них будет создан юго-восточнее Петербурга на р. Волхов в принадлежащей графу А.А. Аракчееву (1768-1836) усадьбе Грузино.⁷⁴⁷ Другой - в имении Марьино графов Строгановых. Несколько позднее сравнительно небольшая пейзажная композиция будет сформирована им и в городской царскосельской усадьбе князя В.П. Кочубея.

Проектный замысел столичного Общественного сада на месте кронверка Петропавловской крепости фактически являлся составной частью задуманной широкомасштабной перепланировки всего Петербургского острова, предполагавшей упорядочение уличной сети, сложение новой структуры застройки и самое активное его озеленение. Еще в 1810 г. городской архитектор Л.И. Руска, в ведении которого находилась в то время вся Петербургская сторона, предложил свой проект планировки Петербургского острова. Соответственно кронверк и эспланаду крепости он трактовал в качестве общегородского увеселительного парка. Как раз здесь по аналогии с лондонским Воксхоллом и предполагалось разместить крытые галереи, катальные горки, кофейные домики и многочисленные разностильные беседки. При этом только часть эспланады отводилась под площадь. В проекте же, разработанном Комитетом в 1816 г., значительный участок восточной части острова также отводился под общедоступный парк. Соответственно от эспланады, по дуге охватывающей кронверк, намечалось проложить расходящиеся радиусами улицы.⁷⁴⁸ Учитывая особую важность перепланировки этого места, инженерный департамент военного министерства, причем независимо от Комитета, поручил Менеласу составить свой собственный проект «публичного гулянья».⁷⁴⁹ В записке, составленной на этот счет генерал-лейтенантом К.И. Опперманом 9 февраля 1817 г., следующим образом разъяснялись главные причины его устройства: «Господину начальнику Главного штаба Его Императорского Величества. В начале 1808 г. по Высочайшей Его императорского величества воле, кронверк при Санктпетербургской Крепости отдан в заведывание партикулярной верфи с повелением, со-

держат оной во всей исправности обязана будет верфь. Но направление оногo Кронверка от одного года до другого отложено было, так что оной ныне по многим частям в большой ветхости и на приведение его в исправное состояние потребна теперь значительная сумма. Г. министр внутренних дел спрашивает мнение мое касательно будущего содержания сего укрепления, а как сие зависит от разрешения мнения комитета состоявшего в прошлом году для суждения о российских крепостях, в коем касательно кронверка Санктпетербургской крепости сказано желательно что бы сия внешняя пристройка по бесполезности оной содержима не была и совершенно отдана в распоряжение города для употребления занимаемого его места на заведение доставляющее пользу или удовольствие публики, то обстоятельства сие представляя Вашему Сиятельству покорнейше прошу уведомить меня, что по предмету сему имею ответственность г-ну министру внутренних дел». ⁷⁵⁰ О привлечении же Менеласа говорилось следующее: «На составление проекта и сметы к обращению кронверка и эспланады при С. Петербургской крепости в публичное гулянье для карет приглашен был Архитектор Менелас составить такой проект, на который ныне получены два при сем представляемые плана, равно и изчисление его собственно на работы по части садовника. По рассмотрении сих планов и изчисления найдено, что к производству всего Архитектором Менеласом предположенного понадобится более миллиона рублей, а потому и сделано соображение что можно бы отклонить без чувствительного уменьшения красивого расположения сего гулянья. По сему соображению явствует, что при переменах означенных в 537686 руб., хотя впрочем Инженерный департамент не производя никогда обширных садовых работ не может утвердительно удостоверить, что изчисление сие совершенно верно». ⁷⁵¹ В январе 1818 г. с двумя этими проектами и сметным расчетам к ним был ознакомлен Александр I. ⁷⁵² Главным их недостатком сочли очень крупные издержки, а потому оба этих оригинальных замысла Менеласа были отклонены. ⁷⁵³ Впрочем, окончательно проект перепланировки Петербургского острова будет утвержден уже в николаевское правление (1831) и только в 1840-х гг. последует его частичная реализация. ⁷⁵⁴

Не менее ответственный заказ Менеласа предполагал формирование пейзажного парка при вновь возводимомся столичном Михайловском дворце. Он сооружался по проекту К.И. Росси в 1819-1825 гг. для младшего брата Александра I - великого князя Михаила Павловича (1798-1849).⁷⁵⁵ Думается, поэтому состоявшееся летом 1818 г. непосредственное его знакомство с самыми различными английскими поместьями в целом отвечало задачам создания этого крупного столичного комплекса.

Сложение пространственных границ этого вновь формирующегося ансамбля было изначально predetermined радикальной перепланировкой данной части города, разработанной и осуществленной также Росси.⁷⁵⁶ Постановка в южной части участка дворцового объема фактически обозначила сложение всех пространственных рубежей будущего парка, ограниченного с севера р. Мойкой, с запада - каналом Грибоедова, а с востока - ул. Садовой. Менеласу же поручалось разработать именно такую пейзажную композицию, которая вводилась в вполне сложившийся городской контекст. Уже на начальном этапе формирования парка в качестве главного своего помощника Менелас привлечет И.А. Иванова (1779-1848), который вслед за окончанием Академии художеств со званием Классного художника 1-й степени был прикомандирован в 1799 г. к нему в качестве ученика («берг-гешворена»). Да и в последующие двадцать с лишним лет Иванов будет сохранять с ним самое тесное сотрудничество именно по садовой части.⁷⁵⁷

Находившееся на месте нынешнего Михайловского сада топкое болото в самом начале XVIII в. удастся осушить благодаря соединению извилистой речки Кривуши (канала Грибоедова) с р. Мойкой, что и позволит разбить на данном участке обширный фруктовый сад. В то время он являлся структурным элементом загородной императорской усадьбы, принадлежавшей супруге Петра I, Екатерине. Датированный 1716–1717 гг. и приписываемый творчеству Ж.-Б. Леблона проектный генплан «Трех Летних садов и Большого луга» зафиксировал и территорию будущего Михайловского сада. Вплоть до начала XIX в. он был более известен под названием Третьего Летнего сада.⁷⁵⁸ Близкая в плане к

квадрату, она трактовалась в качестве периферийной садовой части и обладала регулярной планировкой, заданной порядовой высадкой садовых деревьев. В начале 1740-х гг. планировка этого сада была радикально изменена. Это стало следствием полной трансформации садово-паркового окружения елизаветинского дворца, произведенной в соответствии с проектным решением В. Растрелли.⁷⁵⁹ Именно в это время на рассматриваемой территории и возникнет детальная планировка. Образована она была размещением сравнительно мелких прямоугольных частей, ограниченных уплотненной сетью взаимно пересекавшихся под прямым углом прогулочных дорожек.⁷⁶⁰ Тогда же в ее несколько скошенной периферийной восточной части создали два обширных сужающихся к югу симметричных пруда. Они фланкировали одну из главных дорожек парка, которая по касательной связывала район Лабиринтов с р. Мойкой. Еще пять прудов размещалось в симметричном порядке в центральной части сада. Этот полностью сложившийся к середине XVIII в. регулярный Третий Летний сад со своими фигурными прудами, боскетами, павильонами и скульптурой в екатерининское царствование принадлежал сначала графу Г.Г. Орлову, а затем князю Г.А. Потемкину. Вплоть до начала XIX в. он устойчиво сохранялся без существенных изменений, что подтверждает составленный Менеласом в 1818 г. «План Михайловского сада в теперешнем положении».⁷⁶¹ Лишь в южной его части, непосредственно связанной с Мойкой, он зафиксировал наличие нескольких элементов пейзажной планировки, вероятно, появившихся именно при этих владельцах. Проектный замысел Менеласа учитывал полную ликвидацию планировочной детализации парка, соответственно подлежали ликвидации и все пять его прудов.⁷⁶² При этом восходящая к началу XVIII в. первоначальная дорожная сеть фрагментарно сохранялась в рамках формирования принципиально иной планировочной схемы.

Создавая «аглинский сад», Менелас исходил из идеи формирования целого ряда активно взаимодействующих между собой разновеликих пейзажных частей. У центрального дворцового корпуса был образован смещенный относительно главной его оси обширный скругленный луг, периметрально закреплявшийся

уплотненными посадками крупномеров. Для достижения еще большего пространственного эффекта его пространство членилось совсем небольшими живописно разбросанными группами деревьев и единичными посадками. Ориентированная к каналу Грибоедова вся западная часть парка, в значительной мере сохранявшая исходную дорожную сеть, включила в себя несколько разновеликих лугов, прямоугольный абрис которых скрывался за уплотненными посадками. Особой композиционной значимостью наделялась проложенная здесь заново (по оси север-юг) фактически единственная змеевидная дорожка, которая с внешней (городской) стороны была полностью скрыта за уплотненной куртиной.

Основу композиции всей восточной части парка, непосредственно подступавшей к Михайловскому замку, составил П-образного очертания обширный пруд. Он был создан из двух симметрично располагавшихся здесь прудов елизаветинского времени. Береговая линия этого нового пруда приобрела при этом живописное очертание, акцентированное контрастными посадками. Разделявшая прежде два пруда диагональная дорожка была сохранена, став составной частью новой дорожной сети. Именно с ней и был совмещен небольшой чугунный мостик, перекинутый над устроенной заново узкой горловиной пруда.

Непосредственно же обращенная к Мойке и ориентированная в сторону Марсова поля еще одна сохранявшаяся от прежнего времени дорожка (по оси запад-восток) пересекала все пространство парка. Уже на завершающей стадии формирования парка она была отмечена постановкой паркового павильона-пристани, возведенного по проекту Росси в 1825 г.⁷⁶³ Со стороны же речки вся эта пейзажная часть была неплотно прикрыта несколькими рядами высокорослых деревьев, что позволяло обозревать величественную панораму Марсова поля. Эти в целом присущие Михайловскому парку перспективные раскрытия на ближние и дальние городские пространства были весьма высоко оценены современниками: «Надобно видеть сей дворец при солнечном сиянии, когда сама природа помогает очарованию искусства. Из окон видишь террасу, в некотором углублении сад, разнovidные цветники, расстилающийся луг, - и сквозь широкую просеку роши - отдаленную (Марсову) площадь с огромными зда-

ниями: все это довершает удовольствие зрения...»⁷⁶⁴

К разработке проекта Лицейского парка в Царском Селе Менелас приступит вслед за принятием в начале 1818 г. «высочайшего решения» о его создании. Изначально на этом месте находилась березовая роща, где в 1714-1716 гг. было образовано сравнительно небольшое владение придворной Успенской церкви. Уже позднее, когда ее заменили в 1742 г. каменным объемом Знаменского храма, часть рощи снова вырубili и отвели под устройство церковного плодового сада.⁷⁶⁵

Датированный 1766-1768 гг. генплан Царского Села подтверждает, что к этому времени рассматриваемая территория приобрела планировочные границы, соответствуя регулярной структуре динамично формировавшегося здесь городского посада.⁷⁶⁶ Огороженный металлической оградой плодовый сад, занимавший около половины площади этого вновь образованного квартала, с трех сторон окружал церковное владение, обращенное к торцевому фасаду Екатерининского дворца. Другая его половина все еще сохраняла сильно сократившийся массив рощи, который около 1770-х гг. был даже выделен в самостоятельный (треугольный в плане) квартал благодаря диагонально проложенной дорожке.⁷⁶⁷ Сама же постройка вдоль красной линии ул. Садовой протяженного 4-х этажного объема Нового флигеля, возведенного по проекту И.В. Неелова в 1788-1792 гг., привела к появлению вблизи него просторного двора, для чего, собственно, и пришлось вырубить около половины плодового сада. При самом же открытии Лицея (1811) за ним закреплялась основная территория квартала за исключением только лишь церковного участка. Однако и его вскоре сильно сократят за счет переноса ограды «гораздо далее к улице на нынешнее место».⁷⁶⁸ Теперь весь отведенный лицейский участок разделялся на две примерно равные по площади части. Одна из них была занята сильно сократившимся в 1790-х гг. плодовым садом, другая - неизменно сохранявшейся с 1770-х гг. березовой рощей. С некоторой долей условности общую атмосферу этого первоначального зеленого убранства владения Лицея позволяет воспроизвести стихотворение «Городок» (1815), созданное совсем еще юным его воспитанни-

ком А.С. Пушкиным:

«(...) Где липы престарелы
С черемухой цветут.
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора».

Впрочем, М.А. Корф в своих воспоминаниях отмечал совсем иное: «Во время нашей бытности в лицее не было еще никакого лицейского сада, и отведенное после под него место занято было церковною оградой, в которой дико росло несколько березок». ⁷⁶⁹ Вместе с тем один из первых историографов лицейской жизни, Н. Селенев, отмечал в этой связи следующее: «В 1816 г. с целью доставить воспитанникам большую свободу в физических упражнениях, и иметь возможность устраивать бараки для самых занятий их летом на свежем воздухе, признано было необходимым отвести особое для того место, на которое и назначено было пространство между главным флигелем и церковью Воскрешения... сверх того, лицее принадлежал небольшой близлежащий сад». ⁷⁷⁰

И хотя лицеистам разрешалось посещать императорские парки, директор Лицея Е.А. Энгельгардт в самом начале 1818 г. обратится к князю А.Н. Голицыну с просьбой «благоустроить всю отведенную территорию и устроить на ней сад для своих подопечных». Осуществляя целый ряд структурных изменений в вверенном ему учебном заведении, он просил также оборудовать для них специальные места для игр и прогулок, дабы «воспитанники в приличной воз-

расту их свободе бегали, прыгали и садовничали. Тогда как теперь они должны чинно, сложа руки, прохаживаться по аллеям и остерегаться, чтобы не нарушать порядка громким словом, прыжком, одним словом, не быть детьми».⁷⁷¹ В свою очередь Голицын представил на высочайшее имя вполне конкретные предложения по поводу отвода земли 70 x 65 саж (135x145 м) и сам проектный чертеж. Получив положительный отзыв, Энгельгардт, обращаясь 18 февраля 1818 г. к Голицыну, напишет: «Молодежь моя так счастлива, в мыслях обо всем, что будет у них на давно желанном сем месте! Уже заводятся лопатами, граблями, садовыми семенами и готовы бы, кажется, были уже в снег сеять и сажать».⁷⁷²

Разработка проекта Лицейского сада завершится в начале следующего 1819 г., когда Менелас представит подробнейшую смету на его «отделку».⁷⁷³ Понимая принципиальную важность его заведения, основную сумму в количестве 10500 руб. Александр I выделит из «собственных средств».⁷⁷⁴ Несмотря на продолжительную переписку, касающуюся самых различных сторон финансирования и проектирования, включая изготовление ограды и установку фонарей, Лицейский сад был сформирован достаточно быстро. В действительности удалось уложиться всего за один сезон, к ноябрю 1819 г.⁷⁷⁵

Показательно, что во вновь устроенном саду воспитанниками неукоснительно соблюдались правила примерного поведения. В частности, «ученики младших курсов должны были выражать почтение старшим, снимая фуражку при встрече в саду. И соответственно младшие не могли себе позволять курить в его «ограде».⁷⁷⁶

Занимаясь разработкой, а затем и реализацией проектного замысла, Менелас постоянно консультировался с Энгельгардтом, пытаясь прояснить для себя специфические особенности этой во многом непривычной садовой композиции. Несомненно, при деятельном участии Энгельгардта детально уточнялась планировка каждого фрагмента сада. В частности, изначально предполагалось «устроить место для игр и летнего жительства воспитанников, где бы они могли в хорошее время пользоваться свежим воздухом не только для забав, но и

для учебных занятий. Место сие – окружить легким досчатым строением, для того, чтобы соображаясь с временем можно было перенести сюда спальни и классы, на случай переделок и починов в доме, - что можно достигнуть отнесением церковной ограды дальше на пустопорожнее место».⁷⁷⁷

На генплане Царского Села 1830-х – начала 1840-х гг. планировка Лицейского сада показана незадолго до полной ее ликвидации.⁷⁷⁸ Размещавшийся почти напротив пейзажного парка Александровского дворца, он с южной стороны ограничивался просторным двором и скругленной церковной оградой. Все же прочие планировочные границы этого сада были определены восходящими к середине XVIII в. красными линиями квартала, отвечавшими трассировке Кузьминской дороги, Певческого переулка и улицы Средней. Вся садовая территория была поделена на две неравные части: пейзажную и регулярную. Несколько меньших размеров первая, имевшая сложную в плане геометрическую форму, примыкала к лицейскому двору и окаймляла церковное владение, ограниченное деревянной решетчатой оградой. Другая, занимавшая всю юго-восточную оконечность квартала, представляла собой треугольное в плане пространство, поделенное на ряд стандартных прямоугольных участков. Само устройство пейзажной части повлекло за собой полную ликвидацию плодового сада, при этом все же было сохранено несколько «старых широковетвистых деревьев».⁷⁷⁹ Здесь проложили изгибающиеся дорожки и осуществили массовую высадку деревьев и кустарников. Главную образно-значимую роль в этой сравнительно небольшой пейзажной среде играл окруженный развесистыми липами Колодец-грибок: «Замечателен колодезь, который находится в роще, посвященной гению места; попечением правительства сделан над ним красивый навес и для удобства доставления воды весьма искусно построен насос».⁷⁸⁰

Датированный началом 1820-х гг. рисунок неизвестного лицеиста подтверждает, что, действительно, эта часть сада учитывала живописное взаимодействие стриженного луга и самой этой рощи, сформированной из одних только высокорослых деревьев.⁷⁸¹ Здесь же, между «грибком» и двором лицейского корпуса, помещалось и место для игр.

Один из воспитанников вспоминал: «В передней части сада, под тенью старых лип, устроена была деревянная беседка в форме гриба, под навесом которой обыкновенно заседали дежурные гувернеры. Между этим грибом и длинным 4-х этажным зданием лицея была расположена широкая и во всю длину дома площадка, усыпанная песком, на которой мы играли в лапту, чехарду и бары. Сбоку, около досчатого забора, отделявшего наш сад от двора приходской церкви, под густою тению черемухи, лежит почерневшая от времени гранитная плита, с вырезанной на ней надписью: *genio loci...*»⁷⁸²

Формирование регулярной части сада приведет к полной вырубке березовой рощи. Освободившееся пространство поделят прямоугольной сетью дорожек на целый ряд стандартных участков, как подчеркивалось, «предназначавшихся для ботанических садов воспитанников».⁷⁸³ Судя по всему, эта планировка создавалась Менеласом по инициативе того же Энгельгардта, который изначально стремился организовать здесь «собственные садики» для каждого без исключения класса - «наши маленькие отдельные с молодыми деревьями, нами же насаженными, садики».⁷⁸⁴ Еще один воспитанник на этот счет прояснял: «У каждого класса был в ограде свой садик-особняк, а старший курс имел их несколько. В своем садике мы сажали деревья, а весной цветы, устраивали беседки и дорожки, одним словом, были полными хозяевами, и начальство в наши распоряжения не вмешивалось».⁷⁸⁵

Показательно, что эта линия садового творчества в целом отвечала неукоснительным правилам великокняжеского воспитания. Мария Федоровна, например, устраивала для своих детей аналогичные садики в Павловске. Впрочем, сам Энгельгардт весьма отчетливо осознавал всю недолговечность этих столь далеких от повседневной реальности романтических начинаний: «...наша бывшая, так называемая ограда, лицейский сад, очень разросся. И отдельные в нем садики воспитанников один другого лучше. (...) Будет ли это все продолжаемо после или нет, я не знаю, но сомневаюсь».⁷⁸⁶

В 1843 г. Николай I распорядится перевести Лицей в столицу. Соответственно и просуществовавший чуть больше двух десятилетий Лицейский сад

окончательно отойдет к Дворцовому ведомству и в 1845 г. будет радикально перепланирован.⁷⁸⁷

В соответствии с проектом, утвержденным Александром I, Менелас в 1824-1825 гг. займется устройством царскосельского пейзажного парка общегородского значения.⁷⁸⁸ Под его территорию отойдет вся северная часть будущего обширного Отдельного парка, который южной своей оконечностью подступал к созданным совсем недавно городскому бульвару и усадьбе князя В.П. Кочубея.⁷⁸⁹

Вместе с тем следует подчеркнуть, что комплексное освоение всей этой загородной местности начнется только в 1839 г. и окончательно завершится уже во второй половине XIX в.⁷⁹⁰ Именно тогда Отдельный парк станет важным структурным элементом этой сильно растянувшейся (на несколько верст вперед) необычайно обширной парковой среды, связавшей воедино рукотворные пейзажные части Павловска и Царского Села. Впрочем, изначально эта существенно вытянутая с севера на юг колоссальная по своим пространственным габаритам заболоченная местность (около 162 га) имела только два весьма протяженных пространственных рубежа, заданных трассировками Московской и Павловской дорог. Поэтому структурное ее освоение происходило поэтапно и поначалу обладало лишь незначительным охватом. Так, первая возникшая на этом месте сугубо локальная по своей значимости парковая часть была создана во второй половине 1780-х гг. протоиреем А.А. Самборским в собственной усадьбе близ Павловской дороги за пределами Царского Села. Впрочем, на всем протяжении XIX в. она так и останется самостоятельным планировочным элементом, не имевшим структурной связи с Отдельным парком. И только на втором этапе, целиком пришедшемся на 1820-е гг., были заложены базовые основы комплексного освоения всей этой обширной загородной местности, окончательно преобразованной в Отдельный парк.

Следовательно, изначально проектный замысел Менеласа предполагал последующее развитие вновь создававшейся парковой части исключительно в южном направлении, в сторону Павловска. Само ее формирование было сопря-

жено с проведением целого ряда широкомасштабных предварительных работ. Первостепенными и самыми затратными станут мелиоративные, предполагавшие радикальное осушение этой сильно заболоченной местности. Поэтому для устройства разветвленной гидросистемы сюда в начале 1820-х гг. и был командирован весьма опытный в этих делах английский специалист Д. Вилер (Daniel Weeler).⁷⁹¹ В результате вся эта обширная территория покрылась развитой сетью мелких ручейков и дренажных канав, протекавших с запада на восток вслед за естественным понижением местности. Очевидно тогда же тем же Вилером был реконструирован и Павловский водовод, объединивший воедино крупные водные системы Екатерининского и Павловского парков.

Принципиальным условием проектного замысла Менеласа была ликвидация южного ответвления Московской дороги, что способствовало целостности всей парковой территории в рамках назначавшихся планировочных ее границ. Тем же целям отвечала и радикальная трансформация находившегося здесь северного отрезка водовода с симметрично расположенными при нем небольшими прудами. Эта водная система и послужит основой для устройства обширного пруда, сильно вытянутого с севера на юг.⁷⁹² И. Яковкин подтверждает, что «пруд сей начали устраивать, вместо прежде бывших двух малых прудов, с 1824 года».⁷⁹³ Отвечавшее общей идее осушения местности, само его появление было сопряжено с большим объемом земляных работ. Этот пруд, обладавший в центральной части наибольшей своей шириной, приобрел изысканное живописное очертание благодаря контрастно сужающимся двум своим оконечностям. Впоследствии названный Колонистским, он изначально задумывался Менеласом в качестве основополагающего элемента, призванного акцентировать все вновь формирующиеся прибрежные районы. Именно здесь была осуществлена широкомасштабная трансформация маловыразительного рельефа, для чего использовалась земля, высвобождавшаяся в огромных количествах при осуществлявшихся земляных работах. Закрепляла сильно протяженную береговую линию пруда извилистая сеть прогулочных дорожек. Одна из них была проложена вблизи южной его оконечности у вновь устроенной плотины, призванной

регулировать общий уровень воды. Отсюда же брала свое начало и Луговая дорожка, пересекавшая все вновь сформированные обширные луговые пространства, находившиеся восточнее Большого пруда. Соответственно и прибрежные районы прорезались прогулочными дорожками и украшались небольшими группами высокорослых деревьев самых различных пород. Непосредственно же у береговой черты высаживались плакучие ивы.⁷⁹⁴

С творчеством Менеласа следует связывать и устройство здесь протяженной Дубовой аллеи. Замыкавшая луговое пространство с запада, она упиралась в южную оконечность пруда, многократно увеличивая тем самым общую глубину перспективного восприятия. С появлением этой аллеи общее планировочное разнообразие парка и соответственно восприятие его живописных картин существенно возросло. Довольствуясь одними только природными формами, Менелас практически полностью исключил использование в своем парке каких-либо парковых сооружений. Устраивались лишь бесплотные деревянные мостики, перекинутые через многочисленные протоки. Именно поэтому последовавшее в 1896 г. размещение трактованного «в стиле английских коттеджей» дворцового объема в прибрежной (восточной) части фактически привело к ликвидации исходной композиционной значимости всей северной половины парка.⁷⁹⁵

К формированию на площади 115 га обширной прибрежной парковой композиции в петергофской Александрии Менелас приступит во второй половине 1820-х гг., уже под самый конец многолетней своей службы. Впрочем, окончательно этот весьма ответственный императорский заказ будет реализован уже после его смерти.

Примыкавшая к знаменитому петровскому ансамблю с восточной стороны эта плавно понижающаяся к Финскому заливу местность уже в 1700-е-1710-е гг. привлекла к себе внимание именитых владельцев. Именно здесь, активно скупая и объединяя земельные наделы, князь А.Д. Меншиков начал обустройство собственного усадебного комплекса Монкураж. Уже после его опалы и последовавшей высылки, вся эта территория с так и недостроенным дворцом ненадолго отойдет к князьям Долгоруким, а начиная с 1733 г. перейдет в веде-

ние императорского двора. При Елизавете Петровне здесь находился обширный царский Зверинец, для устройства которого выписывались самые различные животные и возводились охотничьи домики, в частности, деревянный павильон Темпль. В годы екатерининского правления это прежде образцовое хозяйство пришло в полный упадок. Сохраняясь в таком крайне запущенном своем виде вплоть до середины 1820-х гг., территория петергофского Зверинца, подобно царскосельскому, в последующее трехлетие была преобразована в усадебный комплекс, оказавший сильное воздействие на развитие отечественного садово-паркового искусства николаевского времени.

В августовские дни 1825 г. Александр I передаст эту землю в собственность великого князя Николая Павловича, а тот по вступлении на престол - своей супруге Александре Федоровне.

При устройстве Александрии в качестве аналога послужит хорошо известное Николаю Павловичу южнобережное имение принца Уэльского в Брайтоне, с 1786 г. находившееся в составе королевских владений. В рамках задуманной комплексной его реконструкции признанный лидер английской пейзажной школы Х. Рептон (Humphry Repton, 1752-1818) в феврале 1806 г. предложит будущему монарху сформировать здесь новую пейзажную композицию при вновь сооружаемом дворце в «восточном вкусе». ⁷⁹⁶ Этот прибрежный Китайский сад должен был подступать к его объему с трех сторон. Соответственно обширные газоны предлагалось украсить скругленными клумбами с широчайшим использованием «восточных» (китайских) цветов. Композиция парка учитывала самое активное взаимодействие и его отдельных частей, и разновысотных парковых павильонов с живописно очерченной береговой линией и уходящими за горизонт морскими просторами, время от времени оживлявшимися разноцветными парусниками. Опираясь на литературные ассоциации со столь характерной для времени идеализацией востока, Рептон призывал к возрождению в садоводстве активной роли цветников, призывая их использовать в непосредственной близости от дворца. Он же ратовал и за радикальное расширение ассортимента экзотических цветочных культур преимущественно китайского

происхождения.⁷⁹⁷ И хотя этот замысел так и не был реализован, привлеченному к работам в 1815 г. королевскому архитектору Нэшу все же удалось создать при им же выстроенном Королевском «восточном павильоне» оригинальную пейзажную композицию с использованием целого ряда идей Рептона. Именно в трактовке Нэша «индийский вкус» приобрел здесь подлинно живописное свое звучание, в полной мере отвечая присущим особенностям подлинно романтического парка. Следуя на этот счет указаниям Рептона, Нэш разместит экзотические свои постройки на фоне обширных газонов, акцентированных лишь отдельно стоящими деревьями, насквозь просматривающимися перелесками и контрастными группами разноцветных кустарников.⁷⁹⁸ В начале января 1817 г., будучи еще великим князем, Николай Павлович проведет пять дней в Брайтоне в гостях у принца-регента. Эти яркие впечатления от посещения устроенной в самом новейшем вкусе королевской резиденции не могли пройти для него даром. Свою роль при обустройстве Александрии сыграют и целиком посвященные этой королевской резиденции богато иллюстрированные издания Рептона (1808) и Нэша (1826), пользовавшиеся в то время большой известностью.⁷⁹⁹

Определенные Менеласом планировочные границы Александрии с запада фиксировались каменной оградой Нижнего регулярного парка, с востока – смежным участком усадьбы Знаменка, с юга – прямой трассировкой дороги, связывавшей столицу с Ораниенбаумом, наконец, с севера – изрезанной береговой кромкой Финского залива. Отвечая основополагающим принципам романтической живописности, эта эффектно ниспадающая к Финскому заливу всхолмленная местность изначально исключала проведение обширных земляных работ.⁸⁰⁰ Планировочная структура парка исходила из тесного структурного взаимодействия прибрежной и нагорной частей парка. Они, в свою очередь, разделялись линейной трассировкой старой Никольской дороги, которая в восточной своей части прерывалась вновь устроенным прудом. При этом напрямую связанным с ней всем трем вновь проложенным по оси север-юг поперечным дорогам был придан пейзажный характер. Этот пространственный костяк и определит структурную основу новой, весьма подвижной дорожной сети,

объединившей две контрастные по своей трактовке части парка, холмистую верхнюю и, подступавшую непосредственно к береговой кромке залива, пологую нижнюю.⁸⁰¹ Трассировка практически каждой прогулочной дороги была определена в четком соответствии с развитой системой визуального восприятия. Причем каждая из них выявляла и подчеркивала искомое многообразие различных частей парка, создавая впечатление несравненно большего их пространства, и одновременно обеспечивала разнообразные панорамные раскрытия на залив и связанные с ним удаленные острова и материковые части. Само наличие обширной водной глади Финского залива способствовало тому, что создаваемая здесь водная система парка по отношению к ней играла лишь соподчиненную роль. В качестве основной ее водной протоки избирался единственный ручей, бравший свое начало у регулярного петергофского парка и живописно разделявший верхнюю и нижнюю части Александрии. Затеяливо пересекая дно оврага, он вблизи Коттеджа разделялся на два рукава, один из которых спускался непосредственно заливу, а другой, замысловато петляя, сливался с вновь созданными небольшими прудами. Помещенный посредине самый крупный из них был дополнен живописно очерченным островком, вынесенным на главную зрительную ось Коттеджа. В чащобе же западной половины парка этот ручей был перегорожен плотиной и трансформирован в бурный поток с водопадом, эффектно разбивающимся о гранитные валуны. В целом драматическую атмосферу этого места призван был подчеркивать перекинутый через овраг Руинный мост.⁸⁰² Да и имевший в проектом замысле форму дубового листа Большой пруд трактовался Менеласом как сравнительно небольшой пейзажный элемент, призванный акцентировать плавно понижающуюся обширную равнинную часть парка, непосредственно подступавшую к Коттеджу с северной стороны. Занимавшая около трети своей территории вся возвышенная часть парка трактовалась Менеласом в качестве естественного постамента для размещения исключительно на открытом ландшафте самых различных по своей художественной значимости парковых сооружений. Впрочем, в отличие от «готических» сооружений царскосельского Александровского парка всем им был присущ ка-

мерный масштаб.⁸⁰³

Важнейшую образно-смысловую роль в александрийском комплексе призван был играть объем Коттеджа, помещенный Менеласом в наиболее удаленную от регулярного Петергофа самую возвышенную (восточную) часть парка.⁸⁰⁴ В качестве ближайшего его аналога следует назвать Коттедж Ройял-Лодж в Виндзорском парке, возведенный Нэшем в 1810-х гг. и снесенный уже в 1823 г., однако известный по многочисленным своим изображениям. Тонко рассчитанная постройка сравнительно небольшого объема александрийского Коттеджа обеспечивала самые глубокие панорамные раскрытия в сторону залива из большинства его помещений. Отсюда становился обозримым даже сильно удаленный Кронштадт. Поэтому и Николай I предпочитал наблюдать за маневрами императорской эскадры именно с верхнего яруса здания. Тому в полной мере отвечала и вся открытая часть парка с разновеликими стриженными своими лугами. Как фиксирует генплан 1831 г., к северу от Коттеджа последовательно размещались малый луг, затем пруд с подступавшей к нему извилистой протокой, а далее - большой луг, северная оконечность которого непосредственно подступала к Финскому заливу. Помещавшаяся же к востоку от здания протяженная ограда, отделявшая по оси север-юг Александрию от соседней Знаменки, была полностью скрыта благодаря устройству уплотненных контрастных посадок, искусно скомбинированных из лип, лиственниц, дубов, берез, верб и черемухи. Вся же возвышенная юго-западная часть парка акцентировалась небольшим объемом Готической капеллы.⁸⁰⁵ Этот спроектированный Менеласом совсем небольшой православный храм, не без воздействия прямых исторических аналогий названный в честь Александра Невского, закрепил верхнюю кромку сильно понижающегося к заливу обширного паркового пространства, трактованного в качестве крупного лесного массива.

Приступая к формированию парка, Менелас создал команду из одних только опытных садовых мастеров - Ф. Вендельздорфа, А.Н. Гомбея, П.И. Эрлера, И. Родионова. Вслед за разбивочными работами около пяти тысяч «ревизских душ» приступят к земляным работам. В результате первоначальная территория

была совершенно преобразована: появились скаты, лужайки, поляны, пруды и многие прочие необычайно выразительные пейзажные элементы. За счет подсыпки грунта на метр-полтора и прокладки многочисленных каналов удалось осушить низменные части Нижней террасы, изначально представлявшую собой сильно заболоченную местность. Одновременно с рытьем прудов шла насыпка острова и устройство сети прогулочных и транспортных дорог. Общее руководство над дорожными работами Менелас доверит И. Родионову. Само же формирование обширного открытого пространства в восточной части Александрии потребовало массовых вырубок в основном произраставших здесь ольхи, осины и елей. В общей сложности землеустроительные работы растянулись на три сезона и будут в целом завершены в 1829 г. Помимо крепостных крестьян, деятельное участие в них приняла и вольнонаемная артель вологодского крестьянина И. Петрова. В соответствии с договором от 10 мая 1828 г. он подрядился «где понадобится у Сельского дома произвести дерновку, спилку с штаббовкою, надиркою и подвозкою дерна расстоянием от 500 до 1000 сажень», а также выкапывать ямы для посадок. С 13 апреля по 12 мая 1828 г. здесь одновременно трудилось 1262 работника. Однако во второй половине мая число их сократится до 1155. Помимо прочего, им была доверена выстилка дерном двенадцати тысяч квадратных сажень, выкопка двух прудов, протяженные же береговые линии, для усиления общего живописного эффекта, обработали камнями «на мху» строго по показанию мастерскому. Не дожидаясь окончания земляных работ, в том же 1826 г. была начата поэтапная высадка деревьев и кустарников. Так, в декабре 1826 г. Менелас сообщал, что куплено и посажено две тысячи больших и десять тысяч малых деревьев, а также три тысячи кустарников. К концу же 1827 г. их было высажено тридцать тысяч, главным образом берез, лип, рябин и дубов. Не позднее 10 мая 1828 г. было запланировано поставить еще шесть с половиной тысяч «молодых, прямых, здоровых деревьев с хорошими корнями и почками» (дубов, ясеней, кленов, лип, берез, рябин), а также тысяча восьмьсот кустов акации, синей сирени, калины и шиповника. К ноябрю 1828 г. флора парка составляла более тридцати тысяч саженцев, представленных в общей сложности

сти тридцатью разновидностями. В их число также войдут папоротники, кистевая бузина, кустовой гороховник, красильный дрок, кизила, калина. Таким образом, не считая одних только мелких посадок, к концу сезона 1828 г. будет сформировано 224 живописные куртины. Уже на завершающей стадии формирования парка из столичного Ботанического сада по требованию Менеласа было доставлено еще 3537 саженцев (лиственницы, американской малины, сибирского боярышника, каменных сибирских слив, тирольских груш, сибирских яблонь, каштана, облепих, березы даурской, киргизского тальника и многих других).⁸⁰⁶ А вслед за последовавшим распоряжением императора «деревья же для посадки брать из Таврического сада», сюда было доставлено еще около 9 тысяч деревьев.⁸⁰⁷ К 1 августа 1829 г. основные работы по формированию парка были завершены.

Наряду с корректировкой рельефа контрастное разнообразие пейзажных районов достигалось искусной компоновкой лиственных и хвойных пород. Повсеместно и комплексно решалась задача полного вытеснения однообразной флоры другими ее видами, отличавшимися размером, формой кроны и цветовой палитрой. Все эти новые посадки тонко обыгрывались на выразительных изгибах дорог, способствуя формированию впечатляющих перспективных видов с обязательным включением морских пространств.⁸⁰⁸ При этом вынесенные на верхнюю террасу главные сооружения Александрии фланкировались в основном лиственными насаждениями, хвойные здесь использовались в единичном числе, преимущественно для контраста. Открытые пространства в основном подчеркивались свободной расстановкой крупномеров: лип и сосен. Смешанные куртины формировались главным образом из кленов, ясеней, вязов, берез, лип и рябин. Впрочем, использовались и экзоты (тополь серебристый, бук, береза даурская, орех, облепиха). Соответственно опушки и подлесок формировался преимущественно из лиственных кустарников (бузины, желтой акации, жимолости, калины и шиповника), а для зеленых изгородей широко применялся «крово-красный» боярышник. Как правило, небольшие живописные группы составлялись из спиреи, дерена, ивы, смородины и барбариса. В непосред-

ственной же близости от Коттеджа устраивались декоративные композиции исключительно из красиво цветущих кустарников, для чего широко высаживалась сирень различных сортов, чубушник, белая акация, рододендроны и орешник.⁸⁰⁹ Непосредственно же связанная с Коттеджем протяженной прогулочной дорожкой одна из наиболее выразительных частей парка была сформирована Менеласом вблизи руин дворца Меншикова, где живописный облик исторического места подчеркивался тополями, жасмином и сиренью. Береговые линии Большого пруда закреплялись эффектно отражавшимися в воде цветущими кустарниками: свидиной, чубушником и разновидностями спиреи. Уже несколько позднее, около 1832 г., видимо, руководствуясь проектными предложениями Менеласа, вблизи Коттеджа был сформирован Собственный садик, предназначенный для уединения императрицы. Показательно, что она лично следила за его состоянием и время от времени вносила некоторые коррективы. Тогда же южнее Коттеджа был устроен овальный лужок, периметрально закрепленный специально доставленными из Бобруйска двенадцатью тополями.⁸¹⁰ Видимо, одновременно, следуя проектным акватинтам Х. Рептона, вокруг находившейся поблизости Розовой беседки были устроены свободно очерченные клумбы «в английском вкусе». Их постоянно менявшаяся цветовая палитра обеспечивалась поочередным цветением тюльпанов, нарциссов и гиацинтов, мальвы, левкоев, георгинов, роз, гортензий, лилий, астр, люпинов и т.п.⁸¹¹ Соответственно еще большего цветочного разнообразия удавалось достичь за счет искусного размещения вблизи Коттеджа самых различных теплолюбивых растений, произраставших исключительно в горшках.

15. АНИЧКОВ ДВОРЕЦ

Людвиг Таперс, Уильям Гульд, Адам Менелас

(1743-1754, 1777-1779, 1817-1820 гг.)

За весь семидесятипятилетний период парковая среда рассматриваемого дворцового комплекса претерпела четыре стадии своей эволюции.

В 1730-е гг. сильно вытянутое вдоль главной столичной магистрали вла-

дение поначалу принадлежало петербургскому полицмейстеру Дивьеру, а затем перешло к откупщику Лукьянову, который смог весьма выгодно продать его императрице Елизавете Петровне. Указом от 10 августа 1741 г. она предписывала: «В новом доме, что у Аничкова мосту, строить каменное и деревянное строение по учиненным от архитектора Земцова прожектам».⁸¹² Два года спустя - 11 ноября 1743 г. она же также изустно приказала «перевести садовника Стрельнинской мызы англичанина Людвика Киндера Таперса ко двору ее императорского величества доме, что у Аничкова мосту, сада».⁸¹³

Согласно общему замыслу вновь создававшийся дворцовый комплекс должен был включать в себя граничивший с Фонтанкой обширный парадный двор с гаванью и дополняться прогулочными галереями вдоль берега. Само же устройство регулярного сада было спланировано к северу от дворца. Таперс приступит к проектированию и его разбивке на вновь приобретенном участке, сильно вытянутом с севера на юг вдоль главной городской магистрали. Соответственно симметричная планировка сада отвечала постановке вдоль основной оси вновь строящегося дворца, протяженный северный фасад которого был сориентирован на него полностью. Непосредственно к дворцу подступал фигурный пруд с высокими насыпными берегами, а за ним располагалось шесть партеров, подчеркивавших общую симметричную композицию. Протяженная центральная аллея замыкалась небольшим оранжерейным павильоном, призванным сглаживать восприятие идущей под углом северной планировочной границы владения. По требованию ближайшего помощника Таперса, садового мастера Гейзера, для самого сада и оранжереи было приобретено «штамбоумов липовых 400 дерев, шпалерных кленовых 3000 дерев, роешнику 350 кустов, яблоней 200, вишен 300 дерев, заморский априкозовых, сливных морегых 200 дерев, виноградных ломбардских орехов, розановых, букебауму, смородины и крыжовнику 5350 кустов». Информирова императрицу об интенсивно ведущихся здесь работах, гоф-интендант Иван Шаргородский подчеркивал, что «сад того дому» спланирован «большею половиною, произведена также садка шпалерных дерев... а цветники и крытые дороги по пристойным местам исправляются». В донесении же от 26 мая 1744 г. помощник М.Г. Земцова

(1688-1743) «архитектурии гезель» Г. Дмитриев сообщал в придворную канцелярию: «...около прудов саду крытым быть по прожектору его аллеям и галереям отменено, а быть как на Смольном дворе оранжереям», а также строениям «для жительства садовому мастеру и служителям при оном саду... быть каменным».⁸¹⁴

В 1745-1746 гг. императрицей было приобретено у И.М. Головина также вытянутое по оси север-юг смежное западное владение.⁸¹⁵ Поэтому в последующие годы Таперс занимался разбивкой регулярного сада на этой вновь присоединенной территории, южной своей частью подступавшей непосредственно к Фонтанке. Здесь также был вырыт, по аналогии с первым, еще один пруд, фланкированный с двух сторон партерами. При этом наиболее удаленная от дворца северная часть участка отойдет под размещение служебно-хозяйственных строений, непосредственно связанных с ул. Садовой.

Впрочем, композиционной целостности этих двух одновременных садовых частей достичь так и не удастся. Этим, в частности, объясняется само устройство (по оси север-юг) разделявшей их уплотненной куртины.⁸¹⁶ В саду Аничковского дворца, по аналогии с лондонским Воксхоллом, был размещен общедоступный каменный объем Оперного дома, где с 1748 г. стали устраивать публичные «вольные маскарады», театральные постановки, в частности, «итальянское действие, называемое пастораль», соответственно и из самого дворца зрелищные представления нередко переходили в сад.⁸¹⁷ Все вместе взятое, в конечном счете, и предопределило образование театральной площади именно здесь.

К 1754 г. строительные и садовые работы по сооружению этого крупного столичного дворцового комплекса были полностью завершены и 17 марта 1757 г. императрица подарит его генерал-фельдмаршалу графу А.Г. Разумовскому. Именно у него спустя два десятилетия комплекс будет выкуплен Екатериной II для Г.А. Потемкина. В специально сделанном на этот счет распоряжении, датированном 22 июня 1776 г., она, обращаясь непосредственно к новому владельцу, отмечала: «Князь Григорий Александрович, купленный Нами Аничковский у Графа Разумовского дом Всемилостивейше жалуем Вам в вечное и потомственное владение. Извольте принять его от Елагина, которому и исправить, и убрать его по

Вашему вкусу приказано, употребляя на то до ста тысяч рублей».⁸¹⁸

Задуманная с самого начала радикальная реконструкция вполне сложившегося к тому времени комплекса была поручена И.Е. Старову, который и спроектировал вскоре в новейшем «классическом вкусе» и сам дворец, и Оперный («Итальянский») дом. Создание же пейзажного парка Потемкин доверит У. Гульду, который справится с поставленной задачей всего за два-три сезона (1777-1779).⁸¹⁹

Разработанный в конце 1776 – начале 1777 г. «План усадьбы в Итальянском саду» зафиксировал исходный его планировочный замысел, так, впрочем, и не получивший реализации.⁸²⁰ Его несомненную принадлежность творчеству Гульда подтверждает и оригинальное планировочное решение, и общая концептуальная связь с пейзажной композицией Таврического дворца.

Планировка парка была изначально определена Г-образным в плане участком, ограниченном Невским проспектом, Садовой улицей и смежным владением. В основу его композиции была положена единственная сильно протяженная и эффектно изгибающаяся водная протока, обладавшая замкнутым характером. Для постоянного притока и циркуляции воды, очевидно, предполагалось связать ее с Фонтанкой. Это искусственное русло призвано было охватывать основную часть участка и создавать впечатление фривольно изгибающейся речки. Скругленные ее изгибы и позволяют Гульду распланировать три разновеликих укрупненных острова с весьма выразительными очертаниями береговых линий. Этой асимметричной планировке отвечала и весьма развитая сеть прогулочных дорожек, объединявших воедино все периферийные и центральные парковые части. Соответственно и рассредоточенное размещение многочисленных мостиков полностью отвечало их трассировке. Различные по плотности посадки не только обеспечивали обособленность этой пейзажной композиции от городского контекста, но немало способствовали разнообразию пейзажных картин. Отвечавшая палладианской схеме объемно-пространственная композиция нового дворцового корпуса учитывала закрепление красной линии Невского проспекта парными его флигелями. К парковому пространству были обращены его протя-

женный западный и два торцевых фасада. Связанная с проездом вдоль Садовой слободы западная планировочная граница владения закреплялась тремя соподчиненными объемами Итальянского дома, изначально спланированного для выступлений итальянской оперной труппы. При этом дворовое пространство, непосредственно связанное с прежним дворцом, периметрально обсаживалось крупномерами по аналогии со всеми остальными границами парка.

Полностью реализованный другой проектный замысел Гульда теперь уже учитывал формирование пейзажного парка при прежнем дворцовом объеме, что подтверждается датированными рубежом XVIII-XIX вв. генпланами восточной части рассматриваемого квартала и общегородскими планами.⁸²¹ В основу также доходившей до Садовой улицы новой парковой композиции был положен несколько вытянутый по оси запад-восток пруд овального очертания, который был связан р. Фонтанкой узкой протокой. Он создавался за счет объединения двух смежных фигурных прудов елизаветинского времени и потому исключал проведение большого объема земляных работ. Со стороны северного фасада этот Большой пруд почти вплотную подступал к дворцу и был отмечен связанным с протокой островом, также имевшим вытянутую форму. По продольной же оси север-юг этот остров совмещался с объемом Итальянского дома, помещавшимся в центральном районе парка. Всего лишь несколько устроенных здесь прогулочных дорог более-менее равномерно членили обширные пространства стриженных лугов. Извилистые дорожки были проложены также вдоль пруда и на самом острове, способствуя тем самым активному восприятию отражающегося в воде северного фасада дворца в самых различных его ракурсах. Уплотненными посадками закреплялись все планировочные границы парка, включая восточную, непосредственно связанную с Невским проспектом. В западной части острова не менее плотно были высажены исключительно взрослые деревья, акцентируя устроенную здесь круглую в плане обзорную площадку. Сами же открытые луговые пространства в основном содержали небольшие групповые или единичные посадки, что позволяло зрительно увеличить сравнительно небольшие пространственные габариты парка. Тому же спо-

собствовала и минимальная плотность посадок береговых частей Большого пруда. Показательно, что в данном случае Гульд воспользовался пересадкой основного массива деревьев, высаженных еще Таперсом. Это, в конечном счете, и позволило существенно сократить сроки окончания садовых работ. Впрочем, одним только этим дело не ограничилось. Известно, что в 1779 г., уже на завершающем этапе формирования «аглинского сада», деревья и семена Гульд неоднократно приобретал у каменных дел мастера Микеле Къезы.

Несомненно, само устройство Зимнего сада, по аналогии с Таврическим дворцом, также было связано с инициативой Гульда. Этот обширный в форме трилистника остекленный объем, разобранный в 1794 г. и более уже не возобновлявшийся, примыкал со стороны торцевого западного фасада дворца. Зимний сад был сориентирован к основному пространству парка и потому из его интерьера хорошо просматривались близлежащий Большой пруд с его островом. Здесь при Потемкине, вероятно, также была сформирована не менее оригинальная композиция, составленная исключительно из теплолюбивых экзотов. Это подтверждает современник: «8 февраля 1779 года в Аничковом дворце празднество происходило в обширной галерее, обставленной тропическими растениями и множеством благоухающих цветов».⁸²²

Спланировав вскоре покинуть столицу и отправиться в Новороссию, Г.А. Потемкин в 1783 г. решает продать дворцовый комплекс подполковнику Фалееву и купцу Шемякину. Те в свою очередь весьма выгодно перепродали его императрице.⁸²³ Спустя три года она распорядится передать владение в собственность камергера князя Путятина.⁸²⁴ Однако тот оставался владельцем совсем недолго и в 1793 г. усадьба вновь перейдет в собственность императорского двора, с чем и было связано очередное поручение императрицы Е.Т. Соколову о реконструкции дворца для размещения в нем Кабинета.⁸²⁵ Непосредственно же связанная с Садовой улицей северная часть парка стала постепенно застраиваться. Георги в этой связи отмечал: «Дворцовый сад в виде косаго четверугольника простирается до Садовой улицы. В оном построен каменной в один этаж дом с куполом, где была галерея...»⁸²⁶ Уже тогда стало ясно, что сформированная Гульдом парковая

композиция просуществует совсем недолго.

Радикальное сокращение планировочных границ дворцового комплекса следует вслед за указом Павла I (1799), в соответствии с которым вся северо-западная часть парка передавалась в ведение Дирекции столичных театров. Вскоре один из садовых павильонов В. Бренна перестроит под Малый театр, а Оперный (Итальянский) дом в 1798 г. Соколов приспособит под библиотеку. Двумя годами ранее отойдет в общегородское использование и северо-восточный участок парка ввиду начавшегося там возведения крупного объема Публичной библиотеки, закрепившего угол окончательно сложившегося нового квартала. Фактически с этого времени частные владельцы станут интенсивно скупать поблизости участки и бессистемно их застраивать.⁸²⁷ В 1809 г. комплекс Аничкова дворца Александр I передаст в собственность великой княжне Екатерине Павловне, однако в 1816 г. она вторично выйдет замуж и покинет Россию, поэтому 1 июля 1817 г. следующим его владельцем, по случаю женитьбы, станет великий князь Николай Павлович.⁸²⁸

Градостроительные мероприятия, осуществленные К.И. Росси в 1817-1821 гг., позволят полностью ликвидировать бессистемную застройку и сформировать парадную площадь общегородского значения, целиком раскрывавшуюся на главную магистраль города. Теперь этот многократно сокративший исходную свою территорию дворцовый комплекс становился составным элементом крупного планировочного замысла.⁸²⁹ И соответственно только северная его часть, содержавшая Большой пруд, отводилась А.А. Менеласу под устройство новой пейзажной композиции.⁸³⁰

С восточной стороны новая пространственная граница парка была определена дворцовым объемом и скругленным в плане Кухонным корпусом. Протяженная западная отныне соответствовала восточному абрису Театральной площади и закреплялась двумя идентичными садовыми павильонами, постановка которых соответствовала боковым ризалитам напротив расположенного здания Публичной библиотеки и самого Аничкова дворца. Торцевые же (южная и северная) границы парка теперь соответствовали красной линии Невского про-

спекта и откорректированной трассировке проезжего переулка. Все внешние границы этого близкого в плане к прямоугольнику садового участка закреплялись ажурной чугунной оградой с единственными воротами, расположенными со стороны площади, по оси центрального портика дворцового объема.

Проектный замысел Менеласа предусматривал окончательную ликвидацию Большого пруда, что повлекло за собой массовую подсыпку грунта с последующим выравниванием рельефа и высадкой большого числа высокорослых деревьев.⁸³¹ Относительно небольшие его габариты позволяли Менеласу и ближайшему его помощнику, «рисовальщику-пейзажисту» И.А. Иванову использовать крайне ограниченный набор пейзажных элементов. Поэтому основа его планировки была определена всего лишь тремя разновеликими скругленными лужками, ограниченными прогулочными дорожками. Примечательно, что их трассировка практически полностью соответствовала сформированной Гульдом прибрежной дорожной сети. Самое же крупное луговое пространство, занявшее всю южную половину сада, размещалось симметрично относительно дворца, два других поменьше - в непосредственной близости от Кухонного флигеля. Максимально растянутая сеть плавно изгибающихся прогулочных дорожек обеспечивала планировочную слитность пространственных элементов парка и с парными павильонами, и с самим дворцом. Непосредственно же связанные с протяженной оградой уплотненные периметральные посадки обеспечивали его изолированность от общегородского контекста. Не менее плотно обсаживался и глухой (западный) фасад Кухонного флигеля. Соответственно примкнувший к основному дворцовому объему Сервизный корпус, возведенный на месте Зимнего сада, изначально учитывал тесную композиционную связь с пейзажной планировкой. Столь необходимое увеличение пространственной глубины парка обеспечивалось визуальным взаимодействием всех этих трех просторных лужков. Все они обладали минимальной плотностью посадок, что позволяло сформировать выразительные по своей пространственной глубине перспективные раскрытия. Причем в каждом конкретном случае предельно тщательно подбирались состав высаживаемых деревьев и кустарников, общий ассортимент которых

был представлен примерно тридцатью разновидностями. Из крупномеров наиболее часто высаживались липа, клен и тополь. При этом широко использовались высокорослые деревья, сохранившиеся от пейзажной композиции Гульда. Среди цветущих кустарников особо выделялись жасмин, сирень, жимолость, кизильник, акация, шиповник, боярышник и спирея.⁸³²

Завершающая стадия формирования парка фактически совпала с завершением комплексного благоустройства театральной площади. Так, в датированном 1820 г. «Новейшем путеводителе» Ф. Шрейдер сообщал: «Он (*дворец*) есть одно из прекраснейших и великолепнейших зданий здешней столицы, коему еще более придает красы вновь разводимый превосходный сад с павильонами, и обведенный чугуною, с отменным вкусом сделанною и богато бронзою украшенною решеткою».⁸³³ В дальнейшем планировочная структура Аничкова сада сохранялась без существенных изменений, что подтверждает датированный 1917 г. «Генеральный план Аничкова дворца».⁸³⁴ Видимо, также творчеству Менеласа следует приписать и замысел устройства совсем небольшой пейзажной композиции, закрепившей центральную часть Александринской площади. Впрочем, она была создана уже после его смерти под руководством садового мастера Федорова.⁸³⁵

16. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ПАРК

Джозеф Буш, Чарлз Мэннерс, Адам Менелас

(1790-е - 1825 гг.)

В сложении парка отчетливо просматриваются три основных этапа. Первый, непосредственно восходящий к середине XVIII в., обусловил возникновение сравнительно небольшой регулярной его части, тесно связанной перекрестными своими осями с Екатерининским и Александровским дворцами. В два последующих будет создана его обширная пейзажная часть, определившая качественно иное содержание и Царского Села, и императорских его резиденций.

Важным этапом в творческой эволюции Буша-младшего станет формирование сравнительно небольшой пейзажной композиции при Александровском

дворце.⁸³⁶ Ее по праву можно причислить к выдающимся достижениям отечественного садово-паркового искусства. Как известно, сам дворец возводился для совсем еще юного наследника, великого князя Александра Павловича братьями И.В. и П.В. Нееловыми по проектным чертежам, разработанным Дж. Кваренги. К 1795 г. строительные и отделочные работы были завершены и началась его обстановка.⁸³⁷ К этому же времени завершатся и все садовые работы.

Ряд обстоятельств, предшествующих созданию этой первоначальной пейзажной части Александровского парка, проясняются из датированной 2 декабря 1794 г. докладной записки Буша-младшего: «Имею я честь прислать к Вашему превосходительству в сие письмо включенную смету ценам разных работ, кои для окончания Нового сада Его императорского Высочества великого князя Александра Павловича потребны будут. Прошу я Ваше превосходительство меня уведомить, можно ли начать оные работы в вышеписанном саду теперь уже, как к оным нужные рабочие люди уже все надобное приготовили или отложить мне оных до инаго предбудующего Высочайшего позволения. (...) Joseph Buch».⁸³⁸

Как следует из текста, к этому времени главный царскосельский садовник не только завершил разработку проектного замысла, но и подготовил детальный сметный расчет и, соответственно, теперь ожидал разрешения начать работы в самом начале следующего сезона. Судя по всему, оно было вскоре получено, о чем свидетельствует датированное 15 апреля 1794 г. очередное предписание «садовому мастеру Бушу, чтоб он со своей стороны на спуск землю и песок скорее на место полагал...»⁸³⁹

Близкий в плане к треугольной форме этот сравнительно небольшой периферийный участок непосредственно примыкал к регулярному Новому саду с северной стороны. Его планировочные границы были определены диагональной трассировкой Кузьминской дороги и расположенным под прямым углом друг другу стеной Зверинца и руслом Крестового канала. Следовательно, предстояло в четко определенных рамках создать выразительную пейзажную композицию, призванную стать естественным обрамлением П-образного в пла-

не симметричного дворцового объема. Показательно, что некоторыми своими чертами она напоминала парк столичного Таврического дворца, незадолго до этого отошедшего в собственность императорской фамилии.

Планировка всего придворцового района была определена тремя разновеликими прудами, фланкировавшими дворец с трех сторон и занимавшими около трети всей отведенной под парк территории. Меньший из них соединялся с небольшими пейзажными прудами Нового сада, став их логическим продолжением. Дополненный островком второй пруд, также сообщавшийся с каналом Нового сада, был распланирован западнее дворца, вдоль все еще сохранявшейся протяженной каменной ограды Зверинца. Наконец, третий был целиком сориентирован на северный его фасад, что позволяло существенно увеличить пространственное восприятие непосредственно из дворцового каре. Существенное понижение рельефа местности позволило устроить плотину с каскадом, разделявшую второй и третий пруды в самой узкой их горловине.⁸⁴⁰

Вслед за выкопкой прудов последовала детальная пластическая проработка всей отведенной территории, для чего широко использовали вынутую из прудов землю. В частности, на северном берегу самого крупного Детского пруда была насыпана высокая горка, придавшая этому пейзажному району особую выразительность.⁸⁴¹

Проектный замысел Буша был зафиксирован на генплане придворцовой территории, вероятно, составленном И.В. Нееловым в начале 1790-х гг.⁸⁴² Отсюда следует, что изначально эта пейзажная композиция обладала изысканным рисунком береговых своих линий, искусной группировкой зелени и подвижной сетью плавно изгибающихся прогулочных дорог. Основная же площадь парка содержала стриженные луга, вплотную подступавшие к береговым линиям. Они дополнялись одиночными или совсем небольшими групповыми посадками, составленными из трех-пяти деревьев, чем создавался эффект живописных кулис. Тот же композиционный прием был использован и при формировании «естественного облика» насквозь просматривавшегося острова. Плотный же массив зелени, аналогично парку Таврического дворца, широко использовался в каче-

стве естественной преграды, призванной сразу исключить нежелательное восприятие протяженной стены Зверинца, Кузьминской дороги и всех прочих геометрически выверенных границ участка. Вместе с тем это обособленное от внешней среды парковое пространство обладало сквозной структурой и насквозь просматривалось, способствуя визуальному расширению сравнительно небольших его пространственных частей. Размещение здесь парковых сооружений также не предусматривалось ввиду незначительности этой парковой композиции и сильного на нее воздействия достаточно крупного дворцового объема. То, что изначально в непосредственной близости от него были устроены клумбы и палисадник, подтверждает княгиня В.Н. Головина: «Великий Князь и его двор перебрались 12 июня в Александровский дворец. (...) Дворец был очень красив, и перед ним был разбит разделенный палисадник, примыкавший к Английскому саду. Перед окнами Великой Княгини находился цветник, окруженный железной решеткой с маленькой дверью, через которую был ход в ее внутренние апартаменты».⁸⁴³

И.Ф. Яковкин отметит, что 18 июля 1800 г. Павел I повелел «состоящий в Селе Царском зверинец по проспектам его дороги и в нем каменный монбеж и прочие строения отделать и привести в совершенную исправность под призором Архитектора Неелова, а проспекты и дороги под распоряжением садового мастера Буша»; (...) Садовый мастер Буш тогда же представил Конторе, что потребно: 1) на девяти с половиною верстах за вырытие канавок по обеим сторонам аллея, длиною 9560 сажень по 25 коп. за каждую 2375 руб. – 2) для усыпки дорог сверх щебня хрящем 300 куб. сажень по 7 руб. за каждую 2100 руб. 3) каменного щебня, или хрящу для набивки в дороги... 4) на четыре с половиною версты прямых проспектов за выемку земли из них, за набивку хрящем, набивку песком и утрамбование...5) пять верст новых дорог за вырубку лесу для оных, вычищение кореньев... а всего потребно 20929 руб. 50 коп. (...) Устроение дорог в зверинце предпоручено садовому мастеру Бушу. Выдано ему 10000 руб. Под его призором и показанием сделано дорог и проспектов».⁸⁴⁴ Причем, все эти работы предполагалось завершить незамедлительно.

Нам впрочем, неизвестно, что в действительности было сделано, однако к работам в Зверинце вернуться уже в первые годы правления Александра I. Так, в октябре 1803 г. для практических занятий воспитанников только что учрежденного в Царском Селе Лесного института изберут именно эту территорию. И в 1804-1805 гг., видимо, снова Бушу было доверено ее осушение, устройство здесь плотины и прокладка дорог.⁸⁴⁵

В соответствии с распоряжением Александра I от 6 августа 1810 г. относительно уже произведенных садовых работ в Царском Селе, Буш представил «Ведомость, на какую сумму, где и сколько исправлено работ и поставлено материалов подрядчиками в 1809-1810 гг». В ней были учтены и садовые работы, произведенные в непосредственной близости от Александровского дворца. Судя по составу работ, здесь в основном осуществлялась прокладка дополнительных дорог и массовым порядком высаживались, либо пересаживались деревья:

- «1) от чугунных мостов мимо Китайской деревни за устройство дорог.
- 2) от звериных ворот подле стены мимо гончарного завода до Петербургской дороги;
- 3) от Каменного Китайского моста до звериных ворот;
- 4) от звериных ворот подле стены к Александровскому дворцу;
- 5) в Александровском саду от «нового деревянного моста мимо куртин яблонной и ореховой подле канала сделана пешеходная дорога;
- 6) в березовой аллее под яблонной куртинею и пр.
- 7) выstelка дерном с подсыпкой песка в разных местах;
- 8) вырыто канавок по сторонам дорог;
- 9) вырото ровков шириною в одну сажень, глубиною в два аршина для посадки больших лип длиною 115 сажень по рублю за каждую 115 руб.
- 10) для выкапывания оных лип и у посадки на места находилось рабочих 186 человек по рублю каждому.
- 11) поставка чернозему для посадки лип и по прочим местам;
- 12) вырытие глубоких канав от крестового мосту до театра в пяти местах для

обсушки местоположения, заваливание их фашинником, кирпичом и щебнем, а потом землю; (...)

14) Посажено берез в разных местах по новому саду начиная от дворца до крестьянского дому по большой дороге;

15) около грибка выкопание широких рвов для переработки грубости грунта к посадке дубков, которые были оставлены под зиму, а весною зарыты;

16) поставка поденщиков для посадки дубков на оных местах с подсыпкою земли 287 чел. по рублю;

17) вырытие и посадка, на местах против озерков и грибка, 25 лип по рублю 60 коп. за каждую».⁸⁴⁶

Работы по обустройству Александровского парка продолжатся и в 1811 г., когда осуществлялась выстилка дерном пологих берегов прудов и вновь были проложены «езжалые и пешеходные аглицкие дорожки».⁸⁴⁷ Тогда же произойдет и существенное увеличение его площади за счет корректировки трассировки Кузьминской дороги, приобретшей в этом месте скругленное очертание и оказавшейся сразу скрытой ввиду произведенных уплотненных посадок. В результате удалось существенно расширить находившийся здесь луг, проложить от пруда эффектно изгибающуюся водную протоку и овальную дорожку, осуществить высадку деревьев и кустарников, но главное – существенно увеличить пейзажное пространство к северу от дворца.⁸⁴⁸ Все эти работы теперь уже осуществлялись под руководством Ч. Мэннерса (Charles Manners), назначенного главным садовым мастером Царского Села вслед за последовавшим увольнением Буша.⁸⁴⁹

Самый масштабный и, несомненно, самый художественно значимый императорский заказ, поступивший к Менеласу около 1816 г., был напрямую связан с радикальным расширением пейзажной части Александровского парка. Именно на этой стадии под устройство парка отойдет и колоссальное пространство самого Зверинца, и граничащие с ним весьма обширные смежные районы. Это и позволит довести общую площадь Александровского парка до 155 га. Собст-

венно для этого Менелас и был вновь зачислен на императорскую службу. Реализация этого грандиозного замысла растянется на восемь лет и в целом завершится под самый конец александровской эпохи.

Сама идея радикального расширения Александровского парка могла созреть у императора не позднее середины 1810-х гг. Тому отвечало сразу несколько обстоятельств, в том числе и предпринятое им в 1814 г. посещение Англии. Свою роль сыграло и находившееся на рабочем столе императора сочинение Д. Лаудона (John Claudius Loudon) в польском переводе с вручную раскрашенными авторскими литографиями.⁸⁵⁰ Здесь, в частности, описывалась образцовая ферма в Тью Лодж (Tew Lodge), взятая за основу при формировании целого ряда периферийных районов Александровского парка. Впрочем, оно лишь подкрепляло общую нацеленность рассуждений автора, связанных с чисто расширительным толкованием пейзажного стиля в рамках устоявшегося в английском пейзажном садоводстве понятия «украшенной фермы» («*ferme ornee*»).⁸⁵¹ На новой волне интереса 1790-х гг. оно получит всестороннее осмысление и с еще большей активностью затронет облик утилитарных строений.⁸⁵² В наиболее законченном виде трактовка «*ferme ornee*» Д. Лаудона найдет свое воплощение в двух созданных им оксфордширских композициях: сначала в имении Пиннер (Pinner), а затем в том же Тью Лодж. Впрочем, в обоих случаях преследовалась главная цель - добиться оптимального средового взаимодействия представительной и вспомогательной (утилитарно-хозяйственной) частей имения.

Допустимо предположить, что и сам Лаудон во время пребывания в России в конце 1813 - начале 1814 гг. был лично представлен Александру I, что могло способствовать прояснению его собственных взглядов на современное садово-парковое искусство.⁸⁵³ Да и сам император, посещая 10 июня Хэмптон-Корт, был осведомлен о начавшемся здесь еще в 1797 г. формировании Буши-парка (Bushy Park), примыкавшего к известным королевским паркам с северной стороны. В то время вся выделенная для этого обширная территория принадлежала графу Клеренсу, будущему Уильяму IV (Duke of Clarence, William IV, 1765-1837). Совсем скоро эти обширные фермерские угодья будут трансформирова-

ны в пейзажный парк в четком соответствии с основными положениями «украшенной фермы» все того же Лаудона.⁸⁵⁴

Проясняя суть новейших тенденций английского садоводства рубежа XVIII-XIX вв., Д. Лихачев подчеркнет: «Среди великого разнообразия своих проектов Д. Лаудон выделил три типа английских садов, названия которых... не поддаются точному переводу: 1) *picturesque*, которое легче всего представить себе в образах пейзажной живописи; 2) *gardenesque* – название, изобретенное самим Лаудоном для садов, соединяющих искусство и природу, в котором разводились холеные большие деревья, кусты и другие растения, были устроены мягкие и чистые лужайки и посыпанные гравием извивающиеся прогулочные дорожки; 3) *rustic style* с хижинами, фермами и пр. Все эти три типа садов были в контрасте со стилем геометрических садов, которые находили себе оправдание в противопоставлении беспорядку окружающей местности. Однако «просвещенный ум» должен находить удовольствие в каждом из садовых стилей».⁸⁵⁵ Как в самой Англии, так и далеко за ее пределами эти идеи Лаудона получают скорое распространение благодаря его же собственным сочинениям, которые в руках опытных садовников становились вполне конкретными методическими пособиями.⁸⁵⁶

Другим, еще более важным идейным источником Александровского парка послужит образный мир романтизма, вполне созвучный личностным настроениям императора и его супруги. Поэтому Менелас мог вполне руководствоваться сочинениями Х. Рептона, Р. Найта (R.P. Knight) и У. Прайса (U. Price). Именно в них, в той или иной форме, излагались авторитетные суждения относительно новейшего содержания пейзажного стиля.⁸⁵⁷ Тот же Прайс в своем получившем наибольшую известность исследовании «Сравнительное исследование живописного, возвышенного и прекрасного» уделит первостепенное значение таким подлинно романтическим формообразующим средствам, как частичное или неопределенное сокрытие отдельных частей парка. Он же выступит и за самое активное использование в пейзажной парковой среде именно таких образно-значимых атрибутов, которые способны не только создавать, но и вся-

чески усиливать впечатление таинственности, тревоги или неопределенности. Вот почему он призвал руководствоваться подлинно «драматическими произведениями» К. Лоррена и С. Роза.⁸⁵⁸ Являясь, по сути, достаточно сложной художественной производной от образно-смысловых начал философии, эстетики и литературного творчества, такой тип парка был обращен непосредственно к восприимчивой личности, способной к комплексному воображению. Именно этим он радикально отличался от пейзажных парков Просвещения, пронизанных общим духом и смыслом высшей природной гармонии. Теперь все более пристальное внимание утонченного зрителя начнут привлекать пустынные берега, овраги и скалы, и соответственно станут особенно созвучны едва намеченные тропинками места, возникнет особое расположение к вечеру, осени. Со своей стороны всякого рода литературные ассоциации будут углублять «поэтическую медитацию» парка. А потому все большую значимость начнут приобретать «готические» башни и руины, «естественные» гроты, заросшие скалы и высохшие деревья. Соответственно, и сложно-пересеченный характер местности должен был усиливать общее ощущение недосказанности и призрачности всего происходящего. В таком парке совершенно по иному будет трактоваться и контрастное многообразие мира: от чарующей прелести ясного, солнечного дня, до трагизма одиночества и отчаяния в бурю, ненастье.

Приступая к радикальному расширению Александровского парка, Менелас руководствовался общей идеей императора, который «повелел всю каменную, около зверинца стену и два бастиона разобрать, зверинец превратить в парк с проезжими дорогами, а материалы употребить на повеленные в парке строения».⁸⁵⁹ Однако прежде предстояло завершить начинания своих предшественников.

Так, в 1817 г. поблизости от Александровского дворца он займется починкой находившейся в излучине «у большого пруда пониже канала» высокой плотины со шлюзом, придав ей вид естественного каскада.⁸⁶⁰ Добиваясь наибольшей ее выразительности, Менелас воспользуется нагромождением туфовых глыб с асимметричной посадкой на них разновеликих деревьев.⁸⁶¹ Одновременно, при-

чем также вблизи дворца, он приступит к высадке двенадцати дубов, ста деревьев всех прочих пород и устройством одной протяженной «яблонной куртины». Тогда же во внутреннем дворе, ограниченном с восточной стороны двойной колоннадой, садовод Ф. Лямин, по его же указанию, начнет высаживать кусты сирени.⁸⁶² Только на производство этих предварительных работ Менеласу была отпущена весьма значительная по тем временам сумма - 12935 руб.⁸⁶³ Теперь же предстояло вплотную заняться территорией Зверинца.

В 1720-е гг. Зверинец представлял собой охваченный деревянной оградой квадратный в плане сильно заболоченный лесной массив. В 1750-1752 гг. он был обнесен «в окружности около четырех верст» высокой каменной оградой и украшен четырьмя угловыми бастионами.⁸⁶⁴ Сложившаяся тогда же планировка Зверинца была определена регулярной сетью просек, которые сходились у центральной восьмиугольной его площадки. Она была окружена каналом и закреплялась барочным павильоном Монбеж.

В то время единственным асимметричным элементом Зверинца являлся устроенный на р. Кузьминке в периферийной северо-западной его части Большой пруд с островком и речной протокой.⁸⁶⁵ Тот же Яковкин отметит, что все началось с 1718 г.: «Тогда же выкопан в зверинце пруд на ручье Кузьминском, устроена плотина, ниже коей поставлена мельница... Землю из пруда вынимаемую складывали посреди зверинца... (...) С 1721 г. были уже в зверинец насажены олени и лоси, изловленные в окрестностях мызы Сари. В последствии времени, для зверинца пригоняли оленей из Олонецкой и Архангельской провинций, и привозили во множестве обыкновенных живых зайцев, а русаков получали из Саратова, откуда пригоняли также изловленных сайгаков или диких коз; несколько же времени содержимы были и дикие кабаны».⁸⁶⁶ При Екатерине II Зверинец окончательно утратит статус охотничьего заповедника, а потому на его поддержание средств выделять уже не будут. Соответственно и Павел I не пошел дальше поправления в нем дорожной сети. Да и в первую половину правления Александра I каких-либо значительных работ здесь не производилось.⁸⁶⁷

К составлению проекта, связанного с размещением на месте Зверинца основной части Александровского парка, Менелас приступит в том же 1816 г. Единственный известный проектный чертеж подтверждает, что основа планировочного замысла была определена сильно растянутой асимметричной сетью прогулочных дорог. Именно они воедино связывали все разнообразные по величине и образу содержанию пейзажные районы.⁸⁶⁸ Большинство из них будут отмечены сооружениями, в целом характерными для английского неоготического творчества рубежа XVIII-XIX вв. Следует подчеркнуть, что по мере устройства парковых частей первоначальный замысел неоднократно корректировался, о чем позволяют судить генпланы позднейшего времени.⁸⁶⁹

Проложенная сеть парковых путей делала возможным неограниченный выбор прогулок в тесной зависимости от времени года, погодных условий, чисто личностного настроения. Впрочем, первые экскурсоводы обыкновенно довольствовались одними только утренними часами, притом исключительно в теплое время года: «Хорошо, что мы выбрали утреннее время для нашего осмотра; а вечером комары и мошки здесь нас беспокоили бы».⁸⁷⁰

Самый протяженный дугообразный маршрут, сформированный вдоль всех окрестных районов парка, начинался непосредственно от Александровского дворца. При этом специально «запущенные травой» просеки Зверинца повсеместно сохранялись, еще более расширяя перспективное восприятие парка. Само же устройство новой дорожной сети происходило одновременно с формированием его очередного района и всякий раз уточнялось по месту. Только у одной Белой башни в 1820 г. было проложено целых пять расходящихся в разные стороны прогулочных дорог, а в следующем завершится прокладка еще одной, самой протяженной, окончательно связавшей пейзажный район Шапели с Красносельскими воротами. Начиная с 1818 г. последовательно осуществлялась разборка кирпичных стен Зверинца, завершившаяся в 1825 г. сносом южного бастиона, отошедшего под сооружение Шапели.

При устройстве пейзажных районов Менелас неизменно руководствовался принципом контраста, поэтому каждый из них обладал сугубо индивидуальной

величиной и образной трактовкой. Причем в каждом применялись именно такие художественные средства, которые позволяли с наибольшей полнотой высветить образную значимость того или иного паркового сооружения. Так, в центральной части парка Менелас создаст три разновеликих района с доминирующими в общей композиции объемами Белой башни, Арсенала и Шатели. Все они закрепляли пространственные углы равностороннего треугольника и, несмотря на плотность посадок, отчетливо воспринимались даже из самых удаленных уголков парка. На периферийных же территориях будут формироваться в основном открытые пространства, дополнявшиеся башенными объемами. Собственно такое повсеместное их использование способствовало многократному увеличению панорамных видов, как самых частей парка, так и ближних и дальних его живописных окрестностей. Такое решение признавалось крайне важным еще и потому, что из-за плоского рельефа местности глубокие перспективные раскрытия здесь полностью отсутствовали.

Вслед за незначительной корректировкой рельефа Менелас приступит к массовым посадочным работам. Только в 1818 г. на территории Зверинца будет высажено свыше одной тысячи деревьев и кустарников. Среди них преобладали дубы, вязы, ясени, клены, липы, березы, ильмы и орешник. Уже позднее, вслед за завершением осушения заболоченных территорий Д. Вилером, приступят к работам по обустройству обширных лугов в периферийных частях парка. Именно для этого широко привлекался самый разнообразный состав трав, включая пахучие.⁸⁷¹ В не меньших масштабах посадки осуществлялись и на завершающем этапе формирования парка, о чем свидетельствует датированный 1824 г. документ «Об отправке архитектору Менеласу растений в Царское Село с приложением реестра».⁸⁷² Деятельное участие во всех этих работах примет И.А. Иванов, в формулярном списке которого находим упоминание о временном причислении его «к ведомству архитектора Менеласа по садовым строениям Царского Села» с 1 июня 1820 г.⁸⁷³ Весьма показательным, что в период создания Александровского парка «садовому архитектору Менеласу» было позволено выписывать по собственному усмотрению необходимые для работы «рисунки» из собрания Эрмита-

Одним из первых на территории Зверинца был сформирован сравнительно небольшой пейзажный район Белой башни. Взяв за основу образ средневекового рыцарского замка, Менелас создал здесь весьма впечатляющую композицию. Так, для самой «защиты» возведенного на возвышенном плато грузного башенного объема он сохранил подступавший к нему с восточной стороны протяженный овраг и дополнил его глубоким рвом, заполненным водой. Сама же кромка ниспадающего рельефа закреплялась «рунированными» пряслами крепостной стены и двумя полуразрушенными башнями, призванными фланкировать грузные ворота. Добиваясь наибольшей достоверности, Менелас сочтет нужным воспроизвести их массивное решетчатое ограждение. Впрочем, самое захватывающее восприятие Белой башни достигалось непосредственно с моста, переброшенного через ров. Тонко рассчитанный маршрут следования учитывал последовательное ее раскрытие, стимулируя всякого рода прямые ассоциации с легендарной эпохой рыцарства. Этому всячески способствовал и живописный вид поросших мхом полуразрушенных стен, и эффектно пробивающаяся из щелей зеленая поросль. Самый значительный рунированный объем, насквозь пронизанный драматическими ассоциациями, в действительности маскировал две группы жилых помещений с едва различимыми входами. Эта парковая композиция прямо указывает на генетическое свое родство с рунированными фантазиями, получившими с 1770-х гг. заинтересованный отклик и в отечественном пейзажном садоводстве. Само же появление подобного рода сооружений в стилистических рамках английского «готического рокайля» следует связывать с творчеством архитектора С. Миллера (Sanderson Miller, 1715-1780), наиболее плодотворно работавшего в 1740-1760-х гг.⁸⁷⁵ Исходя из богатейших возможностей комплексного воображения, проистекающих из самой природы «готических» руин, Менелас апеллирует сразу к целой гамме эмоционального восприятия. Одновременно здесь могли переплетаться поэтические, ностальгические и драматические ассоциации. Современник на этот счет замечал: «Службы сии, в виде развалин построенныя, какую и теперь уже представляют древность! А лет чрез десять

успеют обрости мхом, травой и маленькими березками – тогда представлять будут естественную древность, как будто многие десятки лет уже минули их построению. Здесь, где углом оканчивается Ольховник и простирается к ферме, был угол каменной «звериной» стены». ⁸⁷⁶

Впрочем, главную смысловую роль в данном районе призван был играть монументально трактованный объем Белой башни, закрепивший самое возвышенное в бывшем Зверинце место. ⁸⁷⁷ Образная ее трактовка была навеяна типологией укрепленных многоярусных жилых зданий позднего средневековья. Наибольшего своего распространения в устойчивом значении «дома-башни» («tower-house») она получит на Британских островах, в частности, в горной Шотландии. ⁸⁷⁸

Романтическая эпоха наделяет башенные объемы совершенно особым смыслом, демонстрируя интенсивный поиск собственных выразительных средств. В фантастической повести У. Бекфорда «Ватек» (1786), сразу ставшей признанным образцом романтической прозы и получившей в 1-й половине XIX в. заслуженное признание и у отечественного читателя, этот глубинный смысл башенных объемов раскрывается с наибольшей полнотой. ⁸⁷⁹

Обращая особое внимание читателя на высочайшее предназначение дворца могущественного Ватека, автор подчеркнет: «Помогайте ему строить башню, которую он воздвигнет в подражание Немвроду, - не для того, чтобы спастись от нового потопа, как этот великий воин, но из-за дерзкого любопытства, желающего проникнуть в тайны Неба. Его гордость достигла высшего предела, когда взойдя в первый раз по одиннадцати тысяч ступеней своей башни, он взглянул вниз. Люди показались ему муравьями, горы - раковинами, а города пчелиными ульями. Он готов был поклониться себе как Богу, но когда он взглянул вверх, увидел, что звезды также далеки от него как и от земли. (...) Ватек нашел утешение в мысли, что... он заставит звезды дать отчет в приговорах о его судьбе.

Для этого он проводил большую часть ночей на вершине башни, и, считая себя посвященным в тайны астрологии, вообразил, что планеты предсказывают

ему удивительную будущность».⁸⁸⁰

То же противопоставление «небесного» «земному», насквозь пронизанное пафосом романтического мировосприятия, демонстрирует и П.Я. Чаадаев. Развивая ассоциативные поиски Бекфорда, он отметит: «Мне кажется, что готическая башня достойна особенного внимания, как одно из прекраснейших созданий воображения, она, как мысль могучая и прекрасная, одна стремится к небу, уносит вас от земли и ничего от земли не берет, принадлежит особенному чину идей и не проистекает от земного: видение чудеснейшее, без начала и причины на земле».⁸⁸¹

С верхних ярусов Белой башни, как с высоты птичьего полета, открывались удивительные по своему многообразию и пространственной глубине ближние и дальние панорамные виды. Помимо Царского Села с живописными его окрестностями, отсюда хорошо просматривались даже сильно удаленные Шлиссельбург и Павловск, Петербург и Стрельна, Пулковое и Красное Село: «Теперь мы и на самом верху башни! - Ну, господа! Каковы отсюда окрестные виды? (...) Хорошо сделали, что взяли с собою зрительную трубку, да и погода ясная благоприятствует полному удовлетворению вашего любопытства; смотрите сами! Любуйтесь усматриваемыми, знакомыми вам и незнакомыми местами! (...) Я вижу за Невою высокий увал, с каким-то селением; по вашему прежде извещению, это должен быть Парголоцкий, вам уже известный. Это должен быть Пелла...»⁸⁸²

От Белой башни парковые дорожки подводили к размещенной несколько севернее другой части парка, украшавшейся комплексом Фермы.⁸⁸³ При ее устройстве Менелас, несомненно, руководствовался описанием образцовой английской фермы Тью Лодж.⁸⁸⁴ К «готическому» комплексу Фермы с восточной стороны подступала обширная равнинная часть, вобравшая в себя и выгонные земли близлежащей деревни: «Вот на право и поля, принадлежащая к ферме: их начали возделывать и удобрять землю с 1822 года; и для того весною приезжающие, на сие время, Ижорские и Фридентальские Немецкие колонисты, обрабатывают ее с примерным и отличным рачением».⁸⁸⁵ Именно в этом районе

парка были сформированы насыщенные светом открытые парковые пространства с обилием зеленых лугов. Все вместе взятое отвечало особенностям «украшенной фермы», по поводу чего современник замечал: «Теперь мы подходим к ферме, построенной с 1819 года. Посмотрите по обеим сторонам дороги: какое множество, разнообразие и смешение различных цветных и простых кустарников и растений!»⁸⁸⁶ Показательно и то, что стены всех этих хозяйственных строений изначально украшались живописью, воспроизводившей чарующие уголки дикой природы Швейцарии и Голландии. Они, в свою очередь, дополнялись панорамными видами местных ландшафтов, открывавшихся с верхней (обзорной) площадки «круглого столпа», введенного в комплекс Фермы: «Какие прекрасные и отсюда виды по всей окрестности и в дали...»⁸⁸⁷ Севернее, на фоне открытого ландшафта и поблизости от двух совсем небольших живописных прудов, помещался устроенный в виде насыпной горки Зеленый амфитеатр. Заставший его в первоначальном виде И. Яковкин подчеркнет: «Ах, какой приятный, круглый, березами обсаженный, амфитеатр с семью уступами! Самое расположение и порядок насаженных берез и правильные круглые уступы показывают, что он искусственный; а молодые березки доказывают недавнее только его устройство, повелением... Александра I».⁸⁸⁸

Формирование в северо-западной части парка обширной водной системы приведет к появлению целого ряда весьма впечатляющих пейзажных районов. Представлена она была Виттоловским и Ламским прудами, а также сильно протяженной водной протокой, призванной связывать их. Обоим прудам придадут более схожее с речным руслом сильно вытянутую змеевидную форму, что и позволит связать их с удаленными водоемами Английского (Екатерининского) парка. Тот же Яковкин в этой связи напишет: «Хотя с самого заведения зверинца был в этом месте пруд; тут плотина со шлюзом... берега хотя и были укреплены шпунтовыми сваями, но по свойству болотистой почвы... заносила пруд илом; почему он год от году, становился мельче, так что в 1782 году, осматривая зверинец из любопытства, видел я сам только почти следы бывшего тут пруда и плотины... Но этот, вами виденный пруд, выкопан и обделан с 1823 го-

да. Берега, доколь вода достает, устланы булыжником, а далее дерном».⁸⁸⁹ И если формирование Ламского происходило на основе своего предшественника и требовало всего лишь углубления и корректировки береговых линий,⁸⁹⁰ то Виттоловский был вырыт практически заново, став важнейшим структурным элементом всей юго-западной части Александровского парка.⁸⁹¹ Чистовой отделке этого обширного прибрежного района предшествовали крупномасштабные земляные работы с использованием высвободившейся земли от рытья Виттоловского пруда. Одновременно был срыт холм, находившийся вблизи «звериного бастиона». Плотность посадок здесь постоянно варьировалась. Так, прорезавшая открытое пространство обширного луга широкая южная оконечность Виттоловского пруда закреплялась единичными посадками. Аналогичным образом оформлялась и северная прибрежная часть Ламского пруда. Генпланы 1830-х гг. подтверждают, что первоначально все эти пруды пересекались четырьмя мостиками. Один из них в окружении серебристых ив был совмещен с дугообразной дорожкой, напрямую связывавшей Арсенал с Ламским павильоном. Проложенный маршрут от другого мостика позволял непосредственно подойти к Шапели. Наконец, два других сообщались с парковыми дорожками северо-западного и юго-западного направления, подводившими к караулкам Красносельских и Баболовских ворот.⁸⁹² Близ последних даже устроят гранитные причалы, «между коими во все лето до заморозков перетягивается по канату пустодонный плотик от одной пристани до другой».⁸⁹³ В результате вся эта прежде унылая и сильно заболоченная местность была радикально преобразована и стала одним из самых впечатляющих районов парка.

В непосредственной близости от Красносельских ворот у северо-западной границы парка Менелас сформирует еще один сравнительно небольшой пейзажный район. Он включил в себя Ламский павильон, подступавшую к нему с севера протяженную Елевую аллею и чуть позднее Слоновник (1828), где содержались слоны, подаренные Николаю I «эмиром Бухарским и Абессинским негусом». Характерно, что стилизующая его канва проистекала из особенностей индийского зодчества.⁸⁹⁴ Впрочем, английские исследователи, правда, без

указания на источник, называют его Турецким слоновником (Turkish Elephant House).⁸⁹⁵

«Готический» Ламский комплекс украшался сюжетными росписями, иллюстрировавшими использование перуанцами в повседневной своей работе прирученных лам. Главный его корпус дополнялся просторным (угловым) балконом, позволявшим обозревались окрестные части парка. Пейзажное своеобразие этого района достигалось эффектно изгибавшейся оконечностью Ламского пруда. Она отчетливо воспринималась на фоне открытого ландшафта, отмеченного свободной высадкой дубов. С противоположной стороны пруда к этим экзотическим парковым павильонам подступал большой луг с живописно разбросанными кучами деревьев.⁸⁹⁶ Охваченный уплотненными посадками еще более значительный по своим пространственным габаритам другой луг, напрямую связанный с размещенным поблизости Конюшенным комплексом, находился юго-восточнее Ламского пруда. Впечатляющее визуальное взаимодействие двух этих контрастно трактованных пейзажных частей обеспечивалось разреженными посадками, закреплявшими береговую его линию.

В целом сохранявшийся в центральном районе парка сплошной лесной массив включил в себя круглую в плане площадку с башенным объемом Арсенала, воспроизводившим выстроенную в начале 1770-х гг. графом Кэмберленом в Виндзорском лесу на холме Шрубс (Shrubs Hill) Новую лоджию.⁸⁹⁷ В нескольких шагах от него, также в чаще леса, Менелас разместит и Березовую караулку. А прежде находившийся здесь ров с водой он заменит небольшим гранитным гротом с журчащим поблизости родником. Причем особо подчеркивалось, что именно отсюда его «излишняя вода стекает в Ламский пруд тенистым ручейком».⁸⁹⁸ Образная трактовка всего этого юго-западного района была определена двумя помещенными в чащу сооружениями: Гротом и Шапелью. Первый, вынесенный к береговой линии Виттоловского пруда, отсылал восприимчивого зрителя к доисторической эпохе, связанной с самим зарождением зодчества. Сложенный из массивных гранитных валунов, он включал в себя асимметричную стрельчатую арку, служившую входом.

От Грота парковая тропинка подводила к Шапели, представлявшей собой живописную руину «трехнефного готического храма».⁸⁹⁹ Современник в этой связи замечал: «Здание построено в готическом вкусе, в главном здании или в капелле стены уже растрескались, как бы от древности, в окнах синие стекла; пристроенная к главному корпусу часть представляет полу обрушившиеся стены, в иных местах выдавшиеся в сторону и угрожающие падением; на северной стороне капеллы примыкают к ней стены, также обрушившиеся, и несколько колонн или остатков от них, поросших сверху мохом».⁹⁰⁰ «Готический» облик этого паркового сооружения всякий раз вызывал восторженную реакцию самых различных посетителей парка. Не останется оно без внимания и английского путешественника Э. Гранвилла (A.V. Granville). В путевых своих записках он заметит по этому поводу: «Готическая часовня в руинах, расположенная посреди леса в юго-западном углу парка, возведена Менеласом; внутри – распятие из белого мрамора работы Dannecker... а рядом египетский саркофаг, присланный в подарок из Александрии графом Толстым. Впечатление незабываемое».⁹⁰¹

Вертикаль Шапели существенно усилит пространственный динамизм восприятия как ближних, так и отдаленных частей парка. В частности, один из наиболее эффектных панорамных видов был сформирован у береговой линии Виттоловского пруда, и именно отсюда в живописном обрамлении высокорослых деревьев наиболее эффектно просматривался верхний ее ярус, что подтверждает акварельный рисунок Менеласа.⁹⁰² И хотя новый оранжерейный комплекс он разместит в относительной близости от Шапели, составной частью Александровского парка он не станет и, соответственно, воздействия на него оказывать не будет. Также на некотором удалении от Шапели Менелас займется комплексным благоустройством вошедшей в состав Александровского парка Китайской деревни, формировавшейся сначала Ч. Камероном, а затем В.П. Стасовым (1817-1822). Здесь он разобьет миниатюрные сады, разместит ограды и расставит фонари, продолжая следовать в общем русле садовых фантазий «восточного вкуса» У. Чемберса.⁹⁰³

Вслед за завершением работ по Александровскому парку Менелас станет

самой авторитетной фигурой в отечественном садово-парковом искусстве.

17. ЕЛАГИН ОСТРОВ

Уильям Гульд, Джозеф Буш, Питер Бук

(1778-1780-е, 1816-1827 гг.)

Сложение пейзажной композиции на самом северном из островов невской дельты, Елагином, западной своей оконечностью связанном с Финским заливом, происходило в два основных этапа. Если на первом Английский парк являлся элементом сравнительно небольшой загородной усадьбы, то на втором под радикальное его расширение отойдет практически вся островная территория, ставшая важнейшей составной частью столичного императорского комплекса.

В 1700-х гг. Петр I дарит остров барону П.П. Шафирову (1669-1736): «Сей остров сперва в даче был Петра Павловича Шафирова, бывший тогда Вице-Канцлером, и назывался тогда именем тем, Шафиров остров».⁹⁰⁴ В 1710-х гг. на самой возвышенной незатопляемой восточной его части, где в прошлом веке помещалось крохотное поселение, Шафиров возведет господский дом, однако ни сада, ни прудов, ни даже огорода там так и не будет заведено, а для «красивого вида» высадят поблизости одни только дубы.⁹⁰⁵ 7 февраля 1724 г., вслед за его опалой и высылкой, последует царский указ о передаче «в вечное владение отписанной у Петра Шафирова Мишин остров со строениями и людьми» генерал-прокурору П.Я. Ягужинскому (1683-1736). После его смерти остров отойдет его сыну, С.П. Ягужинскому, и уже при нем шафировский дом, ввиду ветхости, снесут и на том же месте выстроят новый. Видимо, тогда же вдоль всего острова, вплоть до удаленной его западной стрелки, будет прорублена прямая просека, определившая все последующее планировочное развитие острова. Был ли разбит при этом сад - неизвестно. В таком виде в начале 1760-х гг. усадьба и перейдет в собственность сенатора А.П. Мельгунова (1722-1788). Ставя себе задачу формирования нового усадебного комплекса в восточной части острова, он перестроит главный дом, а близ него возведет оранжереи. Впрочем, назна-

ченный на должность ярославского генерал-губернатора, Мельгунов решает в начале 1777 г. продать остров князю Г.А. Потемкину, якобы «прельстившегося тенистыми дубами» Шафирова.⁹⁰⁶ В купчей на этот счет отмечалось, что «Г.А. Потемкин купил у Алексея Петрова, сына Мельгунова Остров Мишин с строениями деревянными как с господским домом, так со службами, со скотным двором, оранжереями, с огородом, с рыбными ловлями, со всеми принадлежащими угодьями за 9000 руб». ⁹⁰⁷ Прибывшая сюда 11 августа 1777 г. императрица «в тамошнем доме изволила кушать обеденное кушанье. После обеденного стола изволила прогуливаться по разным увеселительным местам». ⁹⁰⁸ Впрочем, оставался владельцем острова Потемкин совсем недолго, всего лишь несколько месяцев, и в том же году продал его обер-гофмейстеру императорского двора графу И.П. Елагину (1725-1794).⁹⁰⁹ Было ли это прямым следствием подряд случившихся в 1777 г. бури и наводнения, остается неизвестным.

То, что заведение Английского парка на острове напрямую следует связывать с главным садовником Потемкина, У. Гульдом, подтверждается его же обращением к Екатерине II: «При приезде моем из Англии упражнялся в Аничковом саду, Осиновой Роще и на Елагинском острове; потом отправился в подмосковную Хорошову, где английский сад и парк расположил». ⁹¹⁰ В упомянутое Хорошево-Троекурово садовник мог отправиться не ранее конца 1777 – начала 1778 гг. Видимо еще до этого он подробно обследовал островную территорию и разработал проект ее обустройства. Сама же его реализация растянется на несколько лет и завершится, видимо, около середины 1780-х гг. Косвенным подтверждением тому может служить то обстоятельство, что фактически с 1783 по 1785 гг. Гульд в основном пребывал в столице, занимаясь формированием комплекса Таврического дворца. Около этого же времени, в четком соответствии с общим замыслом садовника, по проекту Дж. Кваренги выстроят главный дом, относительно чего в «Санктпетербургских ведомостях» за 1785 г. объявлялось о строительстве «небольшого по плану и фасаду каменного дома». ⁹¹¹ Показательно, что, закрепляя самую возвышенную точку рельефа, Гульд разместит его на месте предшественников, шафировского и мельгуновского домов. Выступающая

овальная часть здания, ориентированная к Каменному острову и уходящим в даль излучинам Невы, включила в себя Зимний сад, видимо, устроенный Гульдом по аналогии с Таврическим дворцом. Непосредственно же связанная с домом Елагина восточная часть острова была выровнена, полностью спланирована и отошла под устройство обширного лугового пространства, украшавшегося лишь дубами Шафирова, что наглядно подтверждает датированное 1810-ми гг. изображение И.В. Барта.⁹¹² Скорее всего при его устройстве воспользовались устроенным еще при Мельгунове небольшим лужком, определившим основу композиции будущего Масляного луга. Именно с творчеством Гульда следует связывать и устройство опоясывающего остров вала с прогулочной (проезжей) дорогой на нем. Крупные садовые работы будут им осуществлены и в омываемой Малой Невкой юго-восточной части острова, где был сформирован еще больший пейзажный район, более известный как Старый пешеходный аглицкий сад. Его композицию определяют живописно трактованные пруды, дополненные островком, выразительными заливами и бухтами. Всю западную часть острова по-прежнему занимал прорезаемый просеками обширный лесной массив, на основе которого Гульдом был создан еще один пейзажный район. Посетивший остров в самом начале 1790-х гг. Георги, подводя итог деятельности Гульда, отметит: «Весь остров расположен для летнего пребывания хозяина, и нынешним владельцем украшен с изящным вкусом и содержится в наилучшем устройстве. Около всего острова сделан земляной вал вышиною в сажень, нужный по причине низкаго берега и служащий теперь к приятной прогулке. У перевозу с Каменного острова построена из дикого камня набережная, на которой стоит 12 медных пушек для увеселения. Большая западная часть содержит в себе разный болотный лес, который находящимися в нем аллеями, беседками, гротом, несколькими памятниками в честь друзей хозяина, каналами и мостами имеет вид Аглинского сада. Между сооруженными здесь памятниками особливо отличается памятник в честь покойнаго графа Никиты Ивановича Панина. Восточная часть острова имеет греческий храм с открытым куполом, и в оном весьма хорошо выработанные статуи нынешней Государыни из каррарскаго мрамора, многия беседки

и другие перемены».⁹¹³ Впрочем, побывавшая здесь в 1796 г. французская художница Л. Виж-Лебрен (1755-1842) уже столкнется со следами явного запустения елагинского парка: «(...) Но более всего мне понравилось бывать на Елагинском острове, где привлекал меня не только прекраснейший английский парк, но и тогдашняя его заброшенность. Там еще оставались красивые деревья, очаровательные аллеи, живописные плакучие ивы, множество усладительных для глаза цветов и ручейков с мостиками на английский манер. Для меня было непостижимо, как возможно оставить подобное место, могущее быть наименее привлекательнейшим во всем свете. По возвращении во Францию я узнала, что император Александр повелел привести его в порядок, и там разбили прекрасный сад. На сем острове изобилие очаровательных видов, и я во множестве рисовала их, а чтобы спокойно наслаждаться прогулками, даже наняла насупротив него на берегу Невы небольшой деревянный домик. (...)»⁹¹⁴

После смерти И.Е. Елагина остров на короткое время унаследует граф Н. Бутурлин, а затем он отойдет в собственность А. Косиковского и С. Свечиной.⁹¹⁵ Однако крупные восстановительные работы в парке и в Зимнем саду будут осуществлены уже при графе Г.В. Орлове (1778-1826), ставшем владельцем Елагина острова в 1807 г. По всей видимости, они были доверены английскому садоводу П. Буку (Peter Bueck), прослужившему здесь вплоть до 1851 г.⁹¹⁶ С ним же следует связывать и все последующее развитие оранжерейного хозяйства. А потому в столичной прессе 1810-х гг. нередко можно было встретить объявления такого рода: «В оранжереях Его Сиятельства гр. Орлова на бывшем Елагинском острове продается зрелый виноград».⁹¹⁷ В качестве опытного наставника тот же Бук привлекался и к заведенному в 1808 г. по инициативе графа Лесного училища, размещавшегося близ главного дома в «двух флигелях и нескольких павильонах».⁹¹⁸ Однако начиная фактически с 1810 г. поддержанием парка занимался уже Буш-младший, чья небольшая совсем усадьба с домом и садом располагалась в юго-западной части острова, на мысу, омывавшемся с двух сторон Средней Невкой. Сюда он перебрался из Царского Села, окончательно сложив с себя обязанности главного царскосельского садовника.

В соответствии с личным распоряжением Александра I к широкомасштабным садовым работам «по благоустройству острова» Буш приступит уже летом 1816 г. Хотя переговоры о приобретении его в казну с графом Г.В. Орловым все еще не были окончательно завершены.⁹¹⁹ Фактически речь шла о заведении здесь крупного дворцово-паркового комплекса, предназначавшегося для летнего пребывания вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Специально образованный Комитет в феврале 1818 г. назначит главным архитектором малоизвестного в то время К.И. Росси, только что прибывшего из Твери. А все работы, связанные с устройством островной пейзажной среды, будут доверены Бушу и непосредственному его помощнику Буку.⁹²⁰

Сильно вытянутый по оси восток-запад и ориентированный к Финскому заливу и живописным излучинам Невы, остров позволял сформировать ни с чем несравнимые картинные виды, что и было положено в основу оригинального замысла Буша. Колоссальный по величине объем запланированных земляных работ даже повлек за собой использование технической новинки, «водоотливательной» паровой машины, предназначавшейся для углубления дна и рытья прудов.⁹²¹ Тысячи кубометров вынутой земли пошли на увеличение островной территории (до 96 га), но главное - повышения ее уровня. Соответственно, на две сажени возрастет и высота опоясывающего вала. Благодаря все тем же широкомасштабным земляным работам исключительно плавные очертания приобретут и все береговые линии Елагина острова, которые из-за часто врезавшихся мелких протоков и заливов изначально обладали крайне невыразительными очертаниями. Вдоль вала проложат внешние прогулочную и проезжую дороги, что и приведет к появлению весьма впечатляющих панорамных раскрытий на Финский залив, рукава Невы и даже сильно удаленные береговые пространства. Для придания законченного вида, а также в целях защиты от сильных ветров этот вал по всему скругленному своему абрису закреплялся аллеями из сибирской лиственницы, для еще большей живописности разбавлявшимися отдельными вкраплениями из ив, лип и серебристых ясеней. Основу же новой пейзажной композиции составят разбросанные по периметру острова разновеликие

пруды, занимавшие пятую часть общей его территории. С помощью них удастся окончательно ликвидировать обширные заболоченные пространства, долго сдерживавшие комплексное освоение острова. Именно пруды определяют образное содержание практически всех вновь формирующихся пейзажных районов: Масляного луга, Собственного сада, Старого английского сада, Нового английского сада, Роши и Стрелки. Контрастно разнящиеся по своим пространственным габаритам и художественной трактовке, все они приобретут индивидуальную пластическую проработку и будут также различаться плотностью посадок (группами или в одиночку) многих тысяч деревьев, преимущественно лип, дубов, ильм, ясеней, берез и кленов. Прибегая к устройству тенистых рощ, либо обрамляя луга и пруды, Буш при этом будет неизменно использовать разнообразие их кроны и листвы. Он практически заново создаст впечатляющее зеленое убранство острова, последовательно ликвидируя всю прежнюю крайне однообразную его растительность.

Художественное своеобразие района Масляного луга, подступающего с запада к комплексно реконструированному Росси елагинскому главному дому, определит созданный еще Гульдом обширный стриженный луг плавного асимметричного очертания. Буш трактует его в качестве обширного партера, украшавшегося цветочными клумбами овального и круглого очертания. Особую композиционную целостность придавали ему асимметрично разбросанные крупномеры. Южная же оконечность луга была подчеркнута контрастным сочетанием берез и лиственниц. Причем березы неизменно высаживались вперемежку: одиночно, малыми и большими группами. Особую значимость при этом приобретут растущие из одного корня «букеты из берез». Цветовое разнообразие этому лугу придавали точечные вкрапления кленов, елей и бережно сохраняемые могучие шафировские дубы. И соответственно огибавшая Масляный луг широкая Каретная дорога обеспечивала самое впечатляющее его восприятие по мере подъезда к дворцу.

Помещенный непосредственно в прибрежную восточную часть острова район Собственного сада подступал к дворцу с западной, южной и северной

сторон. Буш разместит его на сравнительно небольшом участке обширного луга, сформированного Гульдом в 1780-х гг. Предназначенный для уединенных прогулок Марии Федоровны, Собственный сад был обнесен выкрашенной в белый цвет строгой решеткой, исполненной по рисунку Буша.⁹²² Центр его композиции был отмечен ориентированным к восточному фасаду вытянутым в ширину лугом, украшенным все теми же свободно стоящими шафировскими дубами. Сама типология этого сада обусловила преимущественное использование исключительно камерных пейзажных форм. Своими узкими прогулочными дорожками он разделялся на ряд участков, каждый из которых трактовался глубоко индивидуально. Непосредственно же вблизи фасадов помещались клумбы с редкими сортами цветов, выращенных Буком. Прибрежная часть этого сада изначально учитывала самые активные панорамные раскрытия на Крестовский остров, что и побудило Буша несколько понизить высоту проходившего здесь вала. Образованную же на северо-восточной оконечности острова Восточную стрелку укрепят раскрытым на водную гладь павильоном, который он плотно обсадит кленами. Не менее тщательно продумывалось устройство двух обособленных пейзажных участков, подступавших к дворцу с южной и северной сторон. Так, южный, выявляя образную значимость Масляного луга, в основном содержал свободно стоящие деревья, подчеркивавшие пространственную глубину открытого пространства. Полупрозрачные кроны берез и дубов оттенялись здесь уплотненной посадкой елей. Эта в целом сдержанная колористическая гамма оживлялась отдельными вкраплениями краснолистных кленов, сосны и туи. Северный же участок, напротив, содержал исключительно плотные посадки из дубов, кленов, серебристых ясеней и высокорослых кустарников. Их разноцветная листва особенно эффектно воспринимались на фоне пирамидальных силуэтов елей. Проложенное здесь речное русло не менее плотно было обсажено ивами, ясенями и березами. Этой одной из самых сгущенных частей Английского парка контрастно противостояло светлое и открытое пространство близлежащего пруда, закрепившего всю северо-восточную часть острова.⁹²³

Омываемая Малой Невкой вся юго-восточная часть Елагина острова была

представлена также созданным Гульдом Старым пешеходным аглицким садом. Впрочем, на новом этапе формирования этот пейзажный район претерпит лишь незначительные изменения. Как и прежде основу его планировки определяли живописно очерченные пруды, которые Буш увеличит, углубит и дополнит еще одним островком, украшенным березами. Практически все находившиеся здесь сооружения будут разобраны, сохранится лишь «каменная беседка», выстроенная на соседнем островке еще при Елагине. Сеть пешеходных дорожек здесь будет также откорректирована. А южнее прудов разместят совмещенную с «каретной дорогой» площадку и созданную по проекту Буша пристань.⁹²⁴ Он же спроектирует скамейки и канапе.⁹²⁵ Небольшие изменения претерпит и зеленое убранство береговых районов. Согласно Описи 1826 г. оно было представлено «российскими, частью и иностранными деревьями, кустарниками и цветами».⁹²⁶ Наряду с массовой высадкой плакучих ив и всех прочих деревьев и кустарников, здесь будут полностью сохранены все прежние посадки, представленные в основном липами, березами и дубами. Корректировка планировки этого района приведет также к тому, что «дом с садом, занимаемый господином Бушем» («в коем все насаженное принадлежит собственно садовому мастеру Бушу») переместят на другое место.⁹²⁷ Известно лишь, что разделенный дорожками на отдельные участки, этот сад заключал в себе множество редких плодовых деревьев, цветов и растений.⁹²⁸

Не дожидаясь завершения садовых работ, восторженный современник замечал: «...в несколько лет, как будто волшебною силою, превращен (*остров*) в очаровательный замок, где искусство и Природа соединили силы свои, чтобы под видом простоты представить все свое богатство. (...) запустелые рощи и лес принимают свой вид под руководством г. Буша, оранжереи устроены гораздо лучшим образом и обогащены произрастениями всякого рода, а перед дворцом разведен цветник, который невольно напоминает описание земного рая в Мильтоновской Поэме».⁹²⁹

Устройство еще одного обширного пейзажного района происходило уже на завершающем этапе освоения острова. Согласно первоначальному замыслу,

достаточно подробно зафиксированному на генпланах 1818, 1824 гг., вся юго-западная островная часть граничила с первозданным заливом, образованным островком продолговатой формы. В том же 1824 г. Буш решает присоединить их к остальной территории Елагина острова, а сам залив преобразовать в еще один пейзажный пруд. Несмотря на существенные издержки, этот замысел был сразу же одобрен заказчиком.

Задуманный в качестве структурного продолжения Старого, этот Новый пешеходный аглицкий сад был в целом сформирован уже к лету 1826 г. несмотря на колоссальный объем земляных работ.⁹³⁰ Его композиция учитывала самое активное освоение береговых пространств вновь образованного пруда, сильно вытянутого по оси запад-восток. Так, узкая полоска намытой косы, в действительности становившаяся южной береговой кромкой, закреплялась уплотненными посадками, а в пространственных габаритах бывшего острова был образован просторный луг в обрамлении деревьев и кустарников. Контрастно различавшиеся высотой и кроной деревья в основном доставлялись сюда из древесных школ Таврического сада и бывшей дачи Головиной. Буш в этой связи докладывал, что «на Елагином острове на отделанных в 1825 году местах велено посадить дерев дубовых 1000 штук».⁹³¹ Видимо, также по проекту Буша здесь соорудили мостик, у которого, как подчеркивалось, «на концах по китайской беседке на 12 колоннах».⁹³²

Центральное пространство Елагина острова займет еще один своеобразный пейзажный район, названный Рощей.⁹³³ Планировка и характер ее насаждений были определены Бушем с самого начала. Этот район учитывал преимущественно уплотненную высадку деревьев и кустарников, призванных создать впечатление обширного лесного массива. При этом все еще сохранявшиеся здесь прямые аллеи он замаскирует «островным дерном», а уцелевшие деревья рассадит в живописном порядке.

Вдоль северной береговой линии Елагина острова Буш устроит еще несколько разновеликих прудов. Добиваясь наибольшей их выразительности, он неоднократно видоизменял их очертание. В отличие от сгущенного района Ро-

щи береговые части этих прудов были представлены открытыми луговыми пространствами, акцентированными лишь редкими асимметрично разбросанными посадками.

Связанный с Финским заливом сравнительно небольшой пейзажный район Западной стрелки был сформирован на месте постоянно затопляемого удлиненного мыса и близлежащего островка. В июне 1826 г. Буш подал смету, где, в частности, отмечалось: «...на Елагином острове в конце к взморью углубить залив, землю отвести для насыпи вала, по которому проведется ездая и пешеходная дороги».⁹³⁴ Уже в следующем году, информируя заказчиков о завершении очередного этапа садовых работ, Буш докладывал: «...на Елагином острове в конце к взморью на отделанных сего года вновь местах высажено липовых - 500, ясеневых - 500, рябиновых кустовых - 500».⁹³⁵

Таким образом, появилась еще одна необычайно выразительная часть Английского парка, целиком раскрытая на безбрежную панораму залива. Показательно, что в западной ее оконечности Буш поместит смотровую площадку в окружении плакучих ив. Собственно на этом комплексное освоение острова было завершено. Примечательно и то, что этот разместившийся на всей островной территории парк, ставший общедоступным со второй четверти XIX в., неизменно притягивал посетителей именно сюда: «Возьмите план Петербурга, взгляните на мысок Елагина острова, обращенный своею оконечностью ко взморью: это любимое место петербуржцев, где они в каждый июньский вечер собираются сюда в живописные группы, чтобы взглянуть на великолепный закат солнца и провести ночь, которая не более как полчаса. (...) Природа, на миг уснувшая, встает опять к жизни, приветствуя наступающий день шелестом листьев, разноголосым хором птиц, жужжанием и трескотней насекомых. (...) Не чувствуя ни сна, ни дремоты, ни усталости, вы желали бы только, чтобы виденное вами повторилось перед вашими глазами снова».⁹³⁶

18. ДУДЕРГОФСКИЕ ГОРЫ, КРАСНОЕ СЕЛО

Томас Грей, Уильям Грей

(1810-е, 1826-1840 гг.)

Находившиеся в двадцати пяти верстах от столицы и в семи от Красного Села на высоком Балтийско-Ладожском уступе северо-восточной части Ижорской возвышенности Дудергофские горы получили свое название от барона Дудергофа, проживавшего здесь еще при шведах. В «Географическом словаре Российской империи» (1865) указывалось, что еще в старину на их склонах были заведены фруктовые сады и выращивались «вкусные плоды», чему всячески способствовала хорошо увлажненная почва и обилие тепла, ибо, как особо подчеркивалось, «Красносельские холмы защищают Дудергоф от северного ветра». ⁹³⁷ Устройство этих садов связывают с инициативой Петра I, распорядившегося заложить здесь сад с ботаническим питомником ввиду особой привлекательности этого места и его поразительного микроклимата. И. Яковкин в этой связи отметит, что государь «весьма любил и часто посещал сие место в своих разъездах». ⁹³⁸ А Пыляев укажет также на то, что уже «в 1707 году встречаются письма его, в которых он говорит об этой горе». ⁹³⁹ Сразу озаботится Петр и о поселении поблизости дворцовых своих крестьян. Видимо им было предписано поддерживать в должном состоянии и этот вновь заведенный императорский сад. ⁹⁴⁰ В 1767 г. Екатерина II у горных склонов разместит уже немецких колонистов. ⁹⁴¹ Принимали ли они участие в дальнейшем его поддержании - остается неясным. Сама же императрица 26 июня 1772 г. «шествовала в каретах к Дудергофской горе, и по выходе из кареты у подошвы горы следовала на высоту оной. Потом изволила проходить в состоящий на оной горе сад». ⁹⁴² Однако к концу ее правления этот во всех отношениях уникальный сад был заброшен, быстро одичал и теперь представлял собой сплошной бесформенный массив, состоявший из в целом несвойственных для петербургского региона деревьев, кустарников и прочих редких растений. Впрочем, побывавший здесь в начале 1790-х гг. Георги все же отметит, что кое-где «видны еще остатки сада, ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ заложенного». ⁹⁴³

По высочайшему ли соизволению или собственной инициативе Н.А. Львов с графом А.А. Безбородко и ботаником И. фон Бебером (Johann Voeber) посетят Дудергофские горы весной 1792 г., что и приведет к еще большему разнообразию их флоры. Об этом становится известно из собственного произведения Львова, опубликованного в 1805 г. уже после его смерти в столичном журнале под заголовком «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792, Майя 8».⁹⁴⁴ И хотя повествование выдержано в ироничных тонах, описание этого увлекательнейшего путешествия все же проливает свет на характерные особенности этого места. В частности, избранный объект по мере приближения выглядел следующим образом: «Великолепная Дудерова гора стала уже нам во всей славе представлять трехъярусное чело свое, зелеными кудрями кой-где еще только украшенное».⁹⁴⁵ Затем последует и само восхождение:

«Лопатами и посошками,
Корзиной, книгами, горшками
Кое-как вооружаясь,
Полезли новы исполины
На Дудергофские вершины.
...Подобно черепахе».⁹⁴⁶

Львов упомянет и о встретившейся им на пути фиалке, и красной поганке, а также как они «нашли травку, у которой корень волоконцами, стебелек чешуйчатой, цветочек кариофиле, имеющий столько-то лепесточков, что лепесточки сидят в чашечке, а между ими стоят столько-то усиков, между усиков столько-то пестиков и пыль».⁹⁴⁷ Когда же путники достигнут, наконец, верхней поляны, то обретут «цветущие вершины в самодержавну власть», но все же более «обрадовались тому, что можно отдохнуть, и тому, что на хорошем, на прекрасном месте, откуда еще лучшие виды были».⁹⁴⁸ И далее, заостряя внимание на главной цели своего визита, Львов напишет:

«Тут с общего согласия развернув связки древесных семян, положили мы украсить великолепным нарядом чухонскую химеру и от востока к западу препоясать всю гору черным поясом, на котором вместо драгоценных камней

Все с нами бывшие британски,

Сибирски и американски

Древесны злачны семена

С благоговением грядой мы посадили

И славы фундамент растущий заложили,

Где наши имена

Цветами возрастут на вечны времена.

Конец».⁹⁴⁹

Двумя-тремя годами позже сюда наведаются и наследники. Находившаяся в их свите графиня В.Н. Головина, вспоминая незабываемые свои ощущения от этого непривычного путешествия, напишет: «Мы совершали в это лето великолепные поездки. Императрица не желала ничего другого, как видеть своих внуков счастливыми и довольными. Она разрешала Великому князю и Великой княгине совершать прогулки куда им вздумается. Однажды в Красном Селе была приготовлена охота. Эта деревня находится на очень небольшом расстоянии от Дудергофа, он состоит из трех довольно высоких холмов, из которых два покрыты лесом. Там растут прелестные цветы, гербаристы часто находят там интересные экземпляры. Средний не так лесист, но на его вершине построена финская деревушка и лютеранская церковь, что делает местность очень живописной. (...) Немного поохотились, и потом мы взобрались на первый холм. С его вершины мы открыли прелестный вид, цветы и земляника росли у нас под ногами. Потом мы пошли к другому холму, более покрытому лесом. На полдороге находился птичник, окруженный ветвистыми деревьями, рядом с которым была тропинка, ведущая на вершину. Великая Княгиня захотела подняться по ней, но тропинка была слишком крута и камениста. (...) Великий

князь и некоторые из сопровождавших ехали верхом. Эта многочисленная свита и финская тележка напоминали волшебную сказку и, казалось, скрывали в себе что-то таинственное. (...) Прогулка затянулась, мы возвращались в колясках, вечером, при чудной погоде. Природа представляла совсем особенное зрелище. Свет заменился полутьмой. Все предметы, холмы, деревья и колокольня вырисовывались темной тенью на сероватом фоне неба. Мало разговаривали, но каждый наслаждался по-своему».⁹⁵⁰

Вполне вероятно предположить, что для исполнения на Дудергофских горах отдельных садовых работ Александр I уже в 1810-е гг. привлекал садового мастера Т. Грея. Тем более, что тот служил в то время в находившейся рядом императорской Ропше.⁹⁵¹ Неизменно оставаясь собственностью великокняжеского двора, все эти горы вместе с соседними деревнями в 1826 г. будут подарены Николаем I своей супруге, императрице Александре Федоровне.⁹⁵² С ней то и следует связывать заведение на живописных их склонах Английского (Нагорного) парка, по аналогии с устроенным еще в 1770-х гг. пейзажным парком в Пулково. Современники отмечали, что, будучи еще великой княгиней, она приходила в восторг от «хорошенькой Дудергофской горы с ее дикой природой» и очень ценила открывающиеся оттуда виды. Действительно, обладая удивительными по разнообразию рельефными особенностями, эти горы неизменно притягивали к себе внимание, сразу поражая воображение своими открывающимися сверху живописными картинами. К тому же одна из вершин была даже «выше Петропавловской крепости и Исакиевского собора».⁹⁵³ А потому с их вершин в ясную погоду отчетливо просматривались величественная панорама Финского залива, Кронштадт, Стрельна, Петергоф, Царское Село, Павловск, Гатчина и даже сильно удаленный Петербург. Собственно поэтому и главный акцент при формировании пейзажной среды делался на тонком взаимодействии ближних и дальних видов.

В рамках согласованного проектного решения Грей займется обработкой обширных горных склонов, осуществляя массовую вырубку сильно расплодившихся одичавших деревьев. Одновременно подвергнется незначительной

корректировке рельеф, в том числе и для создания сети прогулочных дорог. Новые посадки производились с учетом выявления живописных особенностей эффектно ниспадающего рельефа и изначально предполагали формирование по ходу движения бесконечно сменявших друг друга визуальных раскрытий, от самых ближних, до самых удаленных. Несомненно, реализация этого обширного замысла осуществлялась командой ропшинских садовых мастеров, находившихся под непосредственным руководством Грея. Следует полагать, что все эти работы продвигались достаточно быстро, и к весне следующего года основной их массив находился уже на стадии своего завершения. Так, в докладной записке «Собственной его величества конторы» от 21 апреля 1827 г. читаем: «Ропшинскому садовому мастеру Грею. Ея величество, государыня императрица Александра Федоровна, по докладу г. Егермейстера графа Гаврила Карловича Модена, всемилостивейше соизволила пожаловать вам в награду, за занятия по устройению дорог и по производству других работ на Дудергофских горах, брильянтовый с цветным камнем перстень, у сего препровожденный, о получении которого собственная его величества контора просит уведомить».⁹⁵⁴

Датированный 1831 г. генплан столичных окрестностей зафиксировал Дудергофские горы уже после проведения всех этих работ.⁹⁵⁵ Самая лесистая часть Английского парка помещалась на северной (Вороньей) горе, отмеченной сильно вытянутой с востока на запад изогнутой, а местами скругленной формой. Западной своей оконечностью она была обращена к близлежащему Дудергофскому озеру, обладавшему не менее живописным очертанием. У подошвы горы с южной стороны показана дорожка, повторявшая ее волнообразный абрис. Связанная с двумя внешними красносельскими трассами, она, вероятно, затем плавно выводила на горную вершину, высота которой достигала 168 м. Видимо, дорог здесь было проложено совсем немного, причем все они должны были проходить по плотно заросшим горным склонам. Яковкин на этот счет замечает: «Лесная гора славится также множеством отличных своих растений, окрестностям несвойственных».⁹⁵⁶ Среди существовавших здесь прежде и вновь высаженных деревьев и кустарников теперь можно было встретить бук, лист-

венницу, ясень, каштан, орешник, пихту, дуб, вяз, клен, калину, серебристую иву, смородину, альпийскую жимолость и сирень. И россияне, и иностранцы неизменно удивлялись необычайному разнообразию растительности горных склонов, по просьбе же самой Александры Федоровны был составлен обширный гербарий, насчитывавший 495 собранных там образцов ботанических видов.

Совмещавшая в себе две разновеликие вершины, южная Ореховая гора особенно эффектно воспринималась по мере движения с западной стороны. Именно отсюда контрастно проступали ее разновеликие склоны, более всего напоминающие языки пламени. Эта гора приобрела весьма разветвленную сеть дорог, большинство из которых проходило по открытой местности, собственно, и определившей уникальное своеобразие всего этого самого значительного пейзажного района. На плане отчетливо видно, что, соответствуя складкам местности, их трассировка, наряду с пешими, допускала также прогулки верхом и в колясках по самым различным направлениям. Само же восхождение учитывало различную степень крутизны горных склонов. Дороги начинались непосредственно у плавно возвышавшейся западной оконечности горы, далее шли в основном в северо-восточном направлении и только некоторые из них достигали ее вершин. Примерно посередине подъема по проекту А.И. Штакеншнейдера выстроит на довольно обширном открытом плато (для отдохновения) Дом смотрителя или Швейцарский домик.⁹⁵⁷ По общему своему составу посадки здесь в целом соответствовали Вороньей горе, но обладали преимущественно разреженным характером. Это и позволяло даже на малом и среднем удалении воспринимать в самых различных ракурсах живописные складки местности при утреннем, дневном или вечернем освещении. Отметим при этом, что образная выразительность самых различных пейзажных частей Дудергофских гор полностью соответствовала особенностям новейшего английского садоводства с весьма характерными для него категориями «живописного» и «возвышенного». Тот же Яковкин подчеркивал, что именно этот район парка «вмещает в себе прелестную долину с разными садовыми деревьями и кустарниками, и поверх горы – колодец с мягкой, холодной, превосходной водою»; он также сообщит,

что во вновь построенном объеме «были и комнаты для прибытия знатных особ и для приезжающих гулять в сие прекрасное место», а в «тамошних общественных сараях содержится множество фазанов английских, немецких, итальянских и русских».⁹⁵⁸ Все прочие постройки здесь полностью отсутствовали, а ближайшая деревня Варикселева располагалась за пределами парка. Подступая к подножию Ореховой горы с юго-запада, она не препятствовала панорамным раскрытиям.

В октябре 1836 г. из Германии привезут саженцы бука, шестьдесят из которых императрица распорядится высадить непременно на Дудергофских горах. Для самой их доставки из Петергофа будет выделена тройка ямских лошадей. При этом Т. Грею предписывалось «принять оные, бережно и тщательно посадить» и непременно «на первый раз на зиму укутать».⁹⁵⁹ В этих работах уже примет деятельное участие и его сын, садовый мастер У. Грей (Willam Grey, около 1815-1864). Вместе с отцом он состоял при Дудергофских Вороньей и Ореховой горах около четырех лет, начиная с сентября 1836 г. И только после его смерти окончательно переберется в 1840 г. в столицу, став главным садовником Таврического дворца.

Этот полностью сформированный Т. Греем Нагорный парк содержался в должном состоянии как минимум еще два десятилетия (вплоть до кончины Александры Федоровны) сначала Фростом, а затем садовым мастером К. Геккелем. Впрочем, ближе к концу столетия общая его площадь будет существенно сокращена ввиду динамично увеличивавшихся дачных стандартных наделов.⁹⁶⁰

К разработке проектного замысла Дворцового парка в Красном Селе Т. Грей приступит вскоре по завершении работ на Дудергофских горах. Изначально речь шла о формировании дворцового комплекса, предназначавшегося для Николая I и его сына-наследника, великого князя Александра Николаевича. Избранная долина реки Дудергофки обладала для этого весьма выгодными ландшафтными особенностями. Образуемое Дудергофскими горами и прорезаемое множеством ручьев это возвышенное место граничило с обширными озерами Красносельской долины, обеспечивая удивительные по разнообразию панорамные раскрытия в северо-

восточном, восточном и юго-восточном направлениях.⁹⁶¹ Именно отсюда, как подчеркивается, «открывался великолепный вид на живописную луговую долину, по одну ее сторону протекала речка Лига, она же Лиговка, или Дудергофка, а на горизонте высились покрытые лесом Дудергофские высоты и Воронья гора».⁹⁶² Поэтому и в допетровскую эпоху именно здесь, поблизости от кирхи, разместится пасторский дом с садом, зафиксированные на шведских планах XVII в.⁹⁶³ Петр I подарит это место Екатерине I, в результате чего в прибрежной западной части Безымянного озера будет выстроен деревянный дворец и заведен «царский сад». И хотя императрица Елизавета Петровна навещала сюда не часто, лишь во время царских охот, этот сад поддерживался в хорошем состоянии. При Екатерине II начиная с 1760-х гг. южные окрестности Красного Села станут местом рассредоточения лагерей гвардейских войск, и здесь, наряду с размещением штабных корпусов и офицерских деревянных барачных корпусов, растянутся на несколько верст ряды солдатских холщевых палаток.⁹⁶⁴ Не избежит при этом перемен и подаренная императрицей Г.А. Потемкину царская усадьба. Е.С. Каменский, отмечая в начале 1910-х гг. одно из реализованных начинаний князя, напишет в этой связи: «...на южном склоне Красносельской возвышенности, где прежде был дворец Петра и где теперь расположен военный госпиталь, разбил парк, липы которого сохранились и поныне».⁹⁶⁵

По вступлении на престол Павел I пожалует «село Красное» с окрестными его деревнями, луговыми и лесными угодьями своей супруге, а с 1819 г., по предложению Александра I, все они отойдут в Удельное ведомство как наиболее удобное место для проведения учебных маневров. Фактически с этого времени Красное Село начнет радикально меняться, становясь в летние месяцы своего рода «военной столицей», неизменно притягивающей к себе членов императорской семьи, высокопоставленных лиц и иностранных представителей. В перешедшей же к императору от матери усадьбе Потемкина будут также произведены соответствующие работы, о чем в деловой переписке от 1824 г. сообщалось: «...для устройства сада в Красном Селе при доме, в котором изволил квартировать его Величество, Департаменту уделов было предложено отпус-

тить пять тысяч рублей.⁹⁶⁷ Были ли связаны эти садовые работы с Т. Греем или А.А. Менеласом остается неизвестным. Однако известно, что этот сравнительно небольшой сад обладал пейзажной планировкой и совмещал в себе пруд, периметральные дорожки, цветник и каскад, украшавший центральную его часть.⁹⁶⁸ Да и в 1826 г., уже Николае I, в очередной раз были выделены средства для исправления этого находившегося «при доме (...) памяти Государя Александра Павловича» сада.⁹⁶⁹

Новый император продолжит начинания Александра I по совершенствованию городской структуры Красного Села. Именно при нем будет откорректирована и существенно расширится его уличная сеть, а до Стрельни проложат отдельную дорогу.⁹⁷⁰ Собственно и формирование императорского усадебного комплекса изначально учитывало непосредственную связь с главной городской магистралью, вблизи пересечения двух внешних дорог, шедших в южном и восточном направлениях в сторону Гатчины и Царского Села. Сам заказчик намеревался на основе существовавшей создать именно такую парковую композицию, которая бы учитывала закрепление дворцовой застройкой красной линии парадной Санкт-Петербургской улицы. Изначально к проектированию были привлечены Менелас и Т. Грей. Однако предпочтение было отдано проектному замыслу Грея, по поводу чего в мартовской деловой переписке 1828 г. отмечалось следующее: «Исполнить, но объявить о сем не архитектору Минеласу, а Ропшинскому садовому мастеру Г-ну Грею, которого последний план утвержден и ему Величайше позволено производить сию работу».⁹⁷¹ Фактически Греем было разработано три проектных варианта, причем все они были рассмотрены ранней весной 1828 г., еще до наступления строительного сезона.

Замысел, представленный на чертеже как «План вновь прожектированным соединенным двум Дворцовым садам в Красном Селе», радикально отличался от всех остальных, так как учитывал создание усадебного комплекса на довольно значительной территории.⁹⁷² Почти вся северная его граница была определена плавно изгибающейся трассировкой царскосельской дороги, сильно протяженная восточная в целом была сориентирована к Безымянному озеру, юж-

ную и основной отрезок западной определяли смежные домовладения. И только небольшая часть западной границы непосредственно смыкалась с улицей, где и предусматривалось размещение довольно развитого симметричного комплекса застройки. Так, фиксировавшие ее красную линию два дворцовых объема (для государя и наследника) были изолированы друг от друга и двумя своими фасадами сориентированы в пространство парка. Все служебные постройки («должности») образовывали центральный двор, отделявшийся от садовой территории сильно вытянутым строением. Остальное пространство владения целиком отводилось под Английский парк, призванный совместить «соединяющиеся сады под лит. А и В», занимавшие соответственно северную и южную его половины. Сложность проектирования изначально заключалась в том, что предстояло в рамках единой его композиции использовать сохранявшиеся элементы старого. Планировка собственно южной (старой) части учитывала размещение совсем небольших круглых в плане «ключевого» и «заплывшего» прудов, «болота» грушевидной формы и сохранявшихся на нижней террасе прямых (березовых) аллей, органично вводившихся в новую пейзажную среду. Относительно же «заплывших прудов и конавок» отдельно разъяснялось, что прежде предстоит их «выкопать и оною землею завалить низкия места».⁹⁷³ Непосредственно же связанная с застройкой северная половина парка приобретала еще более выразительную композицию. Центральное его пространство занимал большой пруд, украшенный островом. Несколько западнее него Грей разместит обширный холм, откуда обозревались не только различные части самого парка, но и сильно удаленные окрестности Красного Села. Основная же площадь парка отводилась под устройство луговых пространств, прорезаемых вытянутыми каналами (родниками) и весьма развитой сетью «ездовых и пеших» дорог, включая также одну специальную «предположенную дорогу из саду в лагерь». Главный же выезд из парка был спланирован на нижней террасе в северо-восточной угловой его части у развилки Царскосельской и Дудергофской дорог. Вместе с массовой высадкой деревьев и кустарников предполагалась пересадка в том числе и фруктовых деревьев, по поводу чего в мартовском

распоряжении 1828 г. сообщалось: «Фруктовые деревья и прочие растения, имеющиеся в старом саду, надлежит... по сношению о сем с архитектором Дильдиным - пересадить во вновь прожектированном».⁹⁷⁴ Было запланировано и устройство целого ряда цветников, в частности, около «места где становится полатка». Замыкаться же парк должен был оградой и канавкой, фиксировавшей северную, восточную и частично южную его границы.

Другое проектное решение, озаглавленное как «Часть Дворцового Сада в Красном Селе», основывалось на радикальном сокращении территории владения и соответственно паркового пространства.⁹⁷⁵ В сравнении с предшествующим проектным предложением в нем сохранялась структура застройки, а также фрагмент планировки западной части парка, непосредственно связанной с «местом где стоит палатка». В восточной же его половине, на месте прежде спланированного холма, предусматривалось создание одного только пруда, относительно чего разъяснялось: «...болото которое нужно вычистить и сделать из онаго пруд». Пешеходные дорожки более-менее равномерно членили парковую территорию, разделяя разновеликие луговые пространства. При этом проезжие полностью отсутствовали, а внешняя связь с парком осуществлялась только со стороны улицы. Цветники показаны близ дворцов, с двух сторон пруда и у центральной площадки, отмеченной постановкой все той же палатки. Этот замысел исходил из самодостаточного планировочного решения и не предполагал устройства дополнительной части и соответственно не требовал значительных издержек. О сроках его реализации можно судить по предписанию, сделанному на том же проектном чертеже 11 марта 1828 г.: «Высочайше утверждено по сей вклейке, и повелено произвести в 1828 году верхнюю часть, а остальную к низу в 1829 году». Иначе говоря, вплоть до конца года подлежала формированию только восточная часть парка, а в конце следующего - западная, непосредственно связанная с возводившимися там объемами.

Наконец, третий вариант устройства парка предполагал еще большее сокращение его территории и использование предельно упрощенной планировки.⁹⁷⁶ Так, прогулочные дороги теперь размещались лишь в западной его части,

устройство пруда полностью исключалось, а вся восточная часть парка отводилась под уплотненные посадки. Открытые же луговые пространства устраивались только вблизи дворцов, куда и были сориентированы их восточные фасады. Со стороны улицы показаны прежде отсутствовавшие аллеиные посадки, призванные фланкировать сильно растянувшийся фронт застройки и изолировать усадьбу от уличного пространства. Судя по всему, реализация этого самого упрощенного проектного варианта началась уже весной 1828 г. Тогда же к строительству был привлечен архитектор Департамента уделов З.Ф. Дильдин, которого, вероятно, и следует считать автором большинства строений, спроектированных в четком соответствии с единым планировочным замыслом Грея. Одновременно по распоряжению Николая I окончательно ликвидировали располагавшееся вблизи церкви кладбище, частично заходившее на территорию рассматриваемого владения. Вслед за завершением планировочных работ в том же 1828 г. начали осуществлять посадки, как и предписывалось, исключительно в восточной части парка. Так, в августовские дни ропшинский крестьянин Матвей Осипов подал счет за использование лошадей при доставке деревьев из двух казенных садов.⁹⁷⁷ В частности, из Ропши цветы (мальва, левкой, далия и пр.) доставлялись прямо в горшках. Видимо, тогда же приступили к высадке дубов, лип, ясеней, берез, рябин, сирени, жасмина, жимолости и каприфоли.⁹⁷⁸ Поэтому также в августе Грей и сможет сообщить, что «ныне работы оканчиваются более половины».⁹⁷⁹ Уже в следующем 1829 г. осуществлялось устройство пешеходных дорог, площадок и укладка дренажных (подземных) труб.⁹⁸⁰ А вслед за завершением строительных работ, со стороны улицы и «против императорских дворцов», Грей займется устройством аллей.⁹⁸¹ Уже под самый конец сезона, в октябре 1829 г., Грей обратится с предложением выкопать «из трех красносельских садов в добавок к показанным по смете 200 липовым деревьям для посадки около дворцов еще сколько потребно будет».⁹⁸² Судя по всему, основной массив садовых работ был завершён в этом же году. Так, в деловой переписке от 14 августа 1829 г. отмечалось: «По отношению г-на министра Императорского двора о Всемилостивейшем пожаловании архитектору Дильдину и

садовому мастеру Грею брильянтовых перстнях за устройство в Красном Селе домов и садов».⁹⁸³ Летом 1830 г. Грею поручено заняться разбивкой цветников.⁹⁸⁴ В ноябре он рапортует о «сделании в Красном Селе, против императорских дворцов аллеи по утвержденному плану», причем с экономией средств, что позволит устроить аллеи также перед госпиталем и около церкви.⁹⁸⁵ Видимо, в том же 1830 г. «для засаживания Госпитальной стороны и вниз ко двору и кругом заборов разных дерев: берез, тополей, лип, ясеней, дубов и прочего... кустарников разных растений» Грей уже затребует их «из Таврического сада сколько нужно будет».⁹⁸⁶

Вместе с Ропшей и Дудергофскими горами в обустройстве и поддержании этого парка в должном порядке, несомненно, участвовал и его сын. Вслед за кончиной Т. Грея (1840) надзор за парком доверяют садовнику Михайловской дачи Фросту.⁹⁸⁷ Впрочем, совсем скоро облик этого совсем небольшого «аглинского» императорского парка радикально изменится. Датированный серединой XIX в. «План Красного Села с окрестностями» подтверждает, что наряду с некоторым увеличением исходной территории в восточном направлении, он приобрел весьма дробную планировку вследствие размещения большого числа однотипных строений.⁹⁸⁸

Глава VI

ТВОРЧЕСТВО АНГЛИЙСКИХ САДОВЫХ МАСТЕРОВ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

1. Хорошево-Троекурово. Уильям Гульд (1777-1778 гг.) 2. Дубровицы. Уильям Гульд (1780-е гг.) 3. Царицыно. Фрэнсис Рид (1784-1799 гг.) 4. Семеновское-Отрада. Фрэнсис Рид (1787-1799 гг.) 5. Останкино. Фрэнсис Рид, Роберт Мэннерс (1791-1831 гг.) 6. Странноприимный дом Шереметева. Роберт Мэннерс (2-я пол. 1810-х, 1820-е гг.) 7. Горенки, Гороховое поле, Петровский подъездной дворец. Адам Менелас (1800-е, 1820-е гг.)

1. ХОРОШЕВО – ТРОЕКУРОВО

Уильям Гульд

(1777-1778 гг.)

О том, что У. Гульд (William Gould) участвовал в задуманной князем Г.А. Потемкиным реконструкции этого располагавшегося юго-западнее Москвы старинного имения, становится известно из датированного 4 февраля 1793 г. и адресованного самой императрице его же собственного Прощения: «При приезде моем из Англии упражнялся в Аничковом саду, Осиновой Роще и на Елагинском острове; потом отправился в подмосковную Хорошову, где английский сад и парк расположил. Возвратясь отсюда, занимался я бывшею Сиверсовою дачею...»¹

В 1572 г. сельцо Хорошево, находившееся в живописной местности южнее Можайского тракта у р. Сетуни, Иван IV завещал старшему сыну – Ивану («да ему жь дано село Аминево, да село Хорошово, со всем, по тому, как было при мне»). При Борисе Годунове им совсем недолго владел ближний его родственник - И.И. Годунов. А после избрания царя Михаила Федоровича это имение, уже объединенное с соседним, перейдет к женатому на родной тетке царя боярину И.Ф. Троекурову. В Писцовой книге от 1627 г. в качестве следующего владельца назван его сын, князь Б.И. Троекуров. В то время в состав этой обширной вотчины уже входили соседние

деревни Хламова и Харламова, а также пустошь «что бывало сельцом» Никольское, где им и была выстроена церковь Николая Чудотворца.

Начало формирования здесь представительной усадьбы в духе Нового времени было положено его внуком князем И.Б. Троекуровым, главой Стрелецкого приказа, ответственного также за исполнение государевых заказов по строительной части, в частности, Сухаревой башни. В 1699 г., вслед за перестройкой собственного московского дома, он заложит в Хорошеве-Троекурове, видимо на месте своего предшественника, каменный Никольский храм - единственно уцелевший элемент комплекса.² В 1706-1740 гг. формированием усадьбы займется уже младший его сын Иван (до 1728) и внук Алексей, последний представитель рода Троекуровых.

Относящийся к концу 1750-х – началу 1760-х гг. первый известный генплан имения отображает основные итоги развития усадьбы при князе А.И. Троекурове и генерал-аншефе Н.Ф. Соковнине, который некоторое время являлся опекуном его дочери, княжны Екатерины Алексеевны.³ В рамках межевых границ владения, вобравших в себя и часть окрестных земель, этот унаследованный Г.А. Потемкиным «большой и ветхий» фиксационный чертеж довольно подробно отображает сложившуюся к этому времени планировку усадебного комплекса.⁴

Так, в качестве основной горизонтальной его оси служила ушедшая с запада на восток старая спрямленная дорога, связывавшая ближайшую деревню Хламову с рядом расположенным сельцом Спасским. Перпендикулярно ей, в пространстве, ограниченном двумя параллельно шедшими протяженными оврагами, проходила и вертикальная ось (север-юг), определившая симметричное построение всего ансамбля. Ей же полностью отвечало периметральное закрепление парадного двора соподчиненными объемами: главный дом («хоромы о двух этажах») фланкировали парные его флигеля («службы два покоя ветхие»). Все той же оси соответствовало и расположение Увеселительного парка и прокладка в двух прямо противоположных направлениях сильно протяженных аллей с вплотную примыкавшими к ним разновеликими рощами, а также устройство на Большом пруду при р. Сетуни П-образной в плане дамбы. Периметрально закреплявшаяся аллейными посадками, она была сориентирована к северному фасаду главного

дома и подчеркивала общее симметричное построение комплекса. Регулярный парк, отвечавший характерным особенностям барокко, совмещал в себе целый ряд геометрически выверенных элементов. Так, со стороны южного фасада к усадебному дому подступали два квадратных в плане партера - «регулярные два сада», подчеркивавших центричность планировки. Их украшали различные садовые постройки, ко времени составления чертежа в значительной мере уже утратившие свой первоначальный облик: протяженная «ранжерея», «две бесетки ветхие», «армитаж ветхий» и «армитаж фалшивой ветхой». Прямоугольные в плане «три роци саженныя и с прощехтами пергол» с двух сторон охватывали центральную часть усадьбы, упираясь в главную проезжую дорогу и подступая к спрямленной северной береговой линии Большого пруда. В единой композиции парка существенную роль все еще продолжал играть совмещенный с главным усадебным домом единой осью деревянный троекуровский «летний дом на горе», замыкавший протяженную аллею южной роци. Довольно развитой сохранилась и сформированная на р. Сетунь водная составляющая парка, совмещавшая в себе геометрически очерченные «четыре пруда с плотинами». Причем один из них, как особо подчеркивалось, содержал «грод на плотине, требующей немалого поправления». Еще одно сооружение, означенное на плане как «Вавилон запущен», напоминавшее в миниатюре морскую крепость по аналогии с «потешным» ораниенбаумским Петерштадтом (1756-1757), помещалось на островке Большого пруда. Полностью изолированная от парадного двора и окруженная обширным огородом «церковь с оградой каменною» панорамно воспринималась только со стороны трех смежных прудов, находившихся восточнее главного дома. Утилитарные строения конюшенного двора и «ветхого скотного» группировались в периферийной юго-восточной части комплекса и на садово-парковую среду визуального воздействия не оказывали.

Выйдя вторично замуж за графа В.С. Салтыкова, княгиня Екатерина Алексеевна фактически закрепила Хорошево-Троекурово за его сыном, графом С.В. Салтыковым.⁵ Вступив в 1773 г. в свои права, он, тем не менее, не предпринимал серьезных попыток к приведению усадьбы в надлежащий порядок. Приобретен-

ная же Г.А. Потемкиным в следующем 1774 г. с принадлежавшими Соковниным и князю Долгорукову смежными землями, она в дальнейшем неизменно находилась в собственности князя, что подтверждает составленный уже посмертно в том же 1791 г. реестр его имений, подлежащих скорейшей распродаже в счет погашения долгов.⁶

Из упомянутого Прощения садовника на высочайшее имя выясняется, что Гульд прибыл в Московский регион по завершении проектирования сразу трех пейзажных композиций в столичном регионе. Одна из них предназначалась для устройства «естественного окружения» петербургского Аничкова дворца, подаренного императрицей князю Г.А. Потемкину в 1776 г., две других, также созданных в рамках задуманной трансформации вполне сложившихся усадебных комплексов, в Осиновой Роще и на Елагином острове, приобретенных им в 1777 г. уже самостоятельно. Следовательно, в Хорошево-Троекурово Гульд был командирован, скорее всего, не ранее конца 1777 – начала 1778 гг. Теперь ему поручалось произвести комплексную реконструкцию этого старинного имения.⁷ Однако здесь английский садовник задержится, видимо, ненадолго, и уже отсюда отправится в находившуюся под Петербургом Сиверсову дачу, приобретенную Потемкиным в следующем 1779 г.

Отвечавшая предстоящим широкомасштабным работам в Хорошево-Троекурово разработка проектных чертежей позволяет проследить особенности творческого метода Гульда на примере этого фактически первого и, несомненно, самого крупного потемкинского заказа в Московском регионе.

Наряду с неординарным замыслом предложенной реконструкции, сама специфика приводящихся в них экспликациях и пояснений, включая оценку и трактовку всех составляющих усадебного комплекса, не оставляет сомнений в авторстве. Для большей еще наглядности и устранения даже незначительных упущений, всю эту датированную 1778 г. серию проектных чертежей английский садовник счел нужным дополнить крупномасштабным макетом. Случайное упоминание об этом не только радикально расширяет наши представления о стадийности в проектировании пейзажных парков, но и позволяет предположить, что практически

во всех проектных разработках Гульда важнейшей составляющей оставалось макетирование.

К созданию фиксационного генплана, озаглавленного как «Описание плана Хорошову в каком оно находится ныне состоянии», Гульд приступит, вероятнее всего, в начале 1778 г. после ознакомления со всеми элементами усадебного комплекса.⁸ Исполненный им чертеж не оставляет сомнений в том, что в предшествующие два десятилетия Увеселительный сад претерпел ряд существенных изменений. С утратой восточного партера было нарушено его общее симметричное построение, а благодаря произведенным в заречном районе обширным посадкам было завершено создание разновеликих роц регулярного очертания. В одной из них от Большого пруда был проложен канал, а относительно другой сообщалось, что она представляла собой «лесок наподобие лабиринта». Еще несколько роц располагались в восточной части комплекса на недавно освоенной территории за оврагом. На прежде заболоченных землях к востоку от главного дома показана еще одна роща, подступавшая к существенно расширенному извилистому руслу реки и двум разновеликим прудам. Причем один из них, при сохранении исходной своей геометрической формы, был радикально расширен. Несколько восточнее от дома, на основе все той же речной протоки, было устроено еще два достаточно крупных регулярных пруда, что привело к многократному увеличению общей водной поверхности. Именно в это время в качестве ограждающих садовых элементов использовали уплотненные линейные посадки, сформированные исключительно из крупномеров. Ими, в частности, закреплялись западная и северная границы огородной земли, что и привело к визуальной обособленности от Увеселительного сада «церкви каменной изрядно выстроенной».

В неудовлетворительном состоянии Гульд застанет и большинство садовых построек: «оранжерею ветхую совсем», размещавшиеся в стороне от главного дома «два высоких строения ветхих одно то самое, что было в саду армитаж, а другое построено в симметрию против онаго», замыкавший центральную аллею «деревянный домик, которому план и фасад под буквою г. починкою исправить можно». Упоминалась также «галерея и под нею каменной гротец весьма вет-

хой», что украшали малый пруд, и находившиеся в саду «поддуги крытых аллей и беседки», которые также «все погнили».⁹

В крайне запущенном виде садовник обнаружит и береговые линии с подпорными их сооружениями: «У прудов все берега обсыпались, и вколотенные по местам для подкрепления оных сваи огнили. Земляные плотины осыпались. Фашины сгнили, особливо под плотину большую пруда, и под тою, на которой был мост, и закирчалась в реке вода».

Однако главное опасение вызывала обращенная к усадебному дому Побразная в плане дамба, все еще сохранявшая свои аллеи посадки: «Обе оныя с самого основания почти разрушились. От чего зделались в прудах немалое воды оскудение, и заросли травой. И так чищение прудов, и зделание вновь большой плотины с спуском, и малых с небольшими спусками ж земляных и деревянных плотин стоить может 4000 рублей».

Под угрозой полного исчезновения находились и посадки прежних лет: «Чтож касается до садов и всех саженых деревьев, которых находится довольно число, и при том хороших, оные сады все заросли и не расчищены. По чему некоторые деревья начали сохнуть, и есть ли не предускорить об них старанием заблаговременно, то безвозвратно пропасть могут, в садах же заборов и решеток не имеется».

Руководствуясь общими наставлениями заказчика, Гульд счел нужным разработать два сильно разнящихся между собой проекта. Один из них, известный как «План селу Хорошеву в прожекте», в действительности позволял ограничиться сравнительно небольшими издержками ввиду проведения реконструкции в откорректированных границах лишь одного усадебного комплекса.¹⁰ И хотя чертеж не снабжен экспликацией и какими-либо прочими пояснениями, не вызывает сомнений то обстоятельство, что общая направленность этого детально проработанного замысла допускала не только восстановление практически полностью утраченной представительной части усадьбы, но и формирование ее пейзажного окружения.

Взяв за основу исходное осевое построение ансамбля, Гульд сохранит симметричную разбивку партеров парадного двора. Лишь в северных своих частях они при-

обретут скругленное очертание, что позволяло существенно расширить его пространственные габариты. По той же причине отсюда выводились находившиеся здесь парные флигеля. Садовник счел нужным сохранить также две рощи, симметрично расположенные вдоль основной вертикальной оси. И расположенная за Большим прудом в заречье северная, и примыкавшая к старой дороге южная сохраняли свои протяженные аллеи, которые, как и прежде, ориентировались на главный дом. При этом одна из них, замыкавшаяся деревянным «летним домиком» на горке, многократно продлевалась в южном направлении. Признавая большую структурную значимость этой садовой постройки, Гульд решает ее воссоздать по предварительно сделанному обмерному чертежу.¹¹

Многократное же увеличение водной поверхности планировалось осуществить за счет Большого пруда, существенно продлевавшегося в западном направлении, для чего, собственно, и предполагалось в основном использовать заливные заречные земли. Именно такое решение позволяло создать сильно протяженную береговую линию, дополнявшуюся разновеликими островами, полуостровами и также различными по своему очертанию живописными бухтами. На самой возвышенной и сильно изрезанной южнобережной части Гульд спланировал устройство нескольких рощ, что в действительности означало полное упразднение близлежащей деревни Хламова. Именно в этом весьма обширном западном пейзажном районе и предполагалось разместить смотровые беседки, органично включившиеся в развитую схему визуальных связей. Под основное же пространство пейзажного парка отходили находившиеся к северу от главного дома заречные равнинные земли. Именно здесь намечалось создание достаточно развитой сети пейзажных дорог, более-менее равномерно доходивших до межевых границ, Можайской дороги и подступавших с востока обширных пахотных угодий. А спланированная в этой пониженной части парка разреженная система посадок должна была многократно усиливать панорамное восприятие этой открытой местности с повышенной (южной) части усадьбы.

В соответствии с тем же проектным планом Гульд предполагал создание сравнительно небольшой пейзажной части к востоку от главного дома. Именно

для этого предусматривалась полная ликвидация находившихся здесь огородных земель и сокращение до минимума площади церковного двора. Для всей хозяйственной составляющей усадьбы отводился существенно удаленный от главного дома изолированный участок за проезжей дорогой. Подступавшие же к комплексу с южной стороны обширные пахотные земли сохранялись, здесь предлагалось проложить лишь несколько сильно протяженных аллей. В частности, три таких луча должны были сходиться у полукруглой в плане обзорной площадки, создававшейся на месте деревни Хламовой. Сама же эта площадка закреплялась садовым павильоном в виде миниатюрной крепости, целиком сориентированной к существенно расширявшейся западной оконечности Большого пруда.

Совершенно иное проектное решение Гульда фиксирует датированный 11 мая 1778 г. крупноформатный чертеж «Описание плана. Занятому под село Хорошево местоположению с показанием на оном как ныне имеющих, так и вновь прожектируемых строений, которые и на приложенной при сем модели видимы». Этот вариант предусматривал проведение широкомасштабных реконструктивных мероприятий на территории сразу двух объединяемых смежных имений (Хорошево-Троекурово и Спасского). Главный их смысл сводился к устройству в пространстве сильно протяженных (с запада на восток) границ имения обширной пейзажной композиции, по аналогии с не слишком уж удаленным императорским комплексом в Царицыне.¹² Причем и здесь планировалось «вал и ров сделать вокруг всего селения».

Если в первом варианте развитие парка предусматривалось преимущественно в южном и северном направлениях, то во втором приоритет отдавался западному и восточному. При этом главным планировочным ориентиром назначалась древняя дорога, связывавшая Ваулино со Спасским-Манухино и далее уходившая на Москву. На этом проектном чертеже показано и размещение многочисленных садовых сооружений. Существенно облегчая всю последующую деятельность архитектора, Гульд счел нужным добавить разъяснения, позволявшие определить их исходное образное содержание. При этом от прежней планировки сохранялось местоположение главного дома, парных флигелей, па-

радного двора, партеров и двух протяженных аллей, ориентированных с севера на юг. Конфигурация нового «дома со службами» на плане была показана условно, ибо, как разъяснялось, «назначается для одного первоначального вида, положительно для строения сочинить должно так, как будет воля». Основное же пространство, ограниченное восточным и западным протяженными оврагами, отводилось под устройство разновеликих роц. Причем одна из них заключала в себя церковное владение, а другая (показанная южнее старой дороги), всю хозяйственную часть усадьбы - оранжерею, «а при оной сад, гряды и прочее». Южную аллею должен был замкнуть «храм поставленной против проспекту кажет на высокой горе», как раз там, где помещался «летний дом у Троекуровых». А относительно обустройства крупного участка, подступавшего к западному оврагу, говорилось следующее: «Чрез крутой и лесом обросшей буерак мост показывающей в некоторых местах руины и означающей самой древнейшего строения вкус».

В соответствие все с тем же проектным чертежом основной массив садовых работ предусматривал существенное расширение Большого пруда в западном и восточном направлениях. Одновременно предполагалось создание исключительно выразительных его береговых линий. Стремясь максимально расширить водное пространство и перед главным домом, Гульд предложил ликвидировать дамбу. Приобретя, таким образом, принципиально иные пространственные габариты, Большой пруд становился основополагающим элементом вновь создаваемого Английского парка. Не случайно именно в прибрежных его районах садовник старался добиться наибольшего разнообразия пейзажных форм, тесно увязывая их с вновь создаваемыми садовыми строениями. Так, устраиваемый в западной оконечности пруда протяженный «мост чрез реку такой архитектуры, какую построить заблаго рассуждено будет» позволял в перспективном сокращении обозревать весь восточный прибрежный район. Малый остров создавался в непосредственной близости от главного дома у также спланированной заново протяженной его террасы. Касаясь образной его трактовки, Гульд замечал: «Каменный остров с натуральными расселинами, и внутри тех каменных буг-

ров самородных пещеры, а на поверхности онаго, на земляных местах порос лес, строенья ж на оном самодревнейшаго видны некоторые остатки, равно и внутри тех пещер». К пояснению прилагалась еще и важная приписка: «Сие сделано по особливой надобности по тому, что при выемке земли, как будут реку чистить, то в бугры удобнее землю возить, нежели в отдаленные места, и дешевле, а камнем несколько обложатся и пещеры».

Не менее тщательно продумывался и «естественный» облик другого острова, размещавшегося по другую сторону от главного дома, у восточной оконечности Большого пруда: «Остров имеющий от воды берега диким камнем на подобие каменных гор возвышенныя, на котором в нутри камнем одетой бассейн с чистой водой... И при оном баня древняго восточнаго вкуса мраморами украшенная».

Не менее впечатляющей должна была стать и пейзажная отделка близлежащего полуострова, более всего напоминавшего форму лисьего носа: «Полуостров окруженной водою и рывинистыми берегами с густым лесом. При въезде на оной чрез две плотины протекает речная вода, а особливо при р. (малой плотине) На оных две галереи. Такой архитектуры, какой по соизволению заблаго разсудится построить. Вообще ж, посредством сих протоков, полуостров составляет наиприятнейший дикой и особливо вид, а потому и полагается домик хорошей архитектуры». Относительно же задуманного здесь размещения большой плотины, в частности, разъяснялось, что «плотина каменная, при которой д. (деревянная) мельница... Что ж принадлежит до плотины, то она содержать имеет воды в таком возвышении и положении, как значит на плане и на модели. Сему разлитою воды способствует низкия и болотистыя места. И во-первых надобно имеющуюся прудовую плотину, коя означена пунктирною линиею... вынуть и по местам выкопать особливо к берегам, до 8000 кубических сажен».

Всякий раз добиваясь контрастного разнообразия пейзажных частей, Гульд и к формированию обширных прибрежных районов подходит с той же основательностью. Так, на ограниченном двумя протяженными оврагами пространст-

ве, занимаемом деревней Хламовой, он спланировал плавно ниспадающий к его береговой линии обширный луг. При старой дороге в центральной его части, помеченной, как «местечко старинное для мещанства», предлагалась постройка трех подковообразных жилых объемов, также целиком сориентированных к Большому пруду. Чуть западнее них, еще ближе к берегу пруда у самого оврага, должен был разместиться «старинный замок для пребывания господского». Еще один «замок», устраиваемый прямо над оврагом, призван был закрепить главный въезд в усадьбу: «В низу замка древняя башня с воротами и мост через рывину, которые состоят в глухом лесу». Упомянутый же «глухой лес» становился составной частью обширного лесного массива, создававшегося на месте пахотных земель в южном районе парка. В равнинном северном прибрежном его районе предполагалось сохранить прежде насаженные рощи, располагавшиеся за прудом прямо напротив главного дома. Заново пейзажная среда формировалась и в восточной части усадьбы, совмещая в себе обширные луговые пространства и разновеликие перелески «на подобие кедровой, сосновой и еловой рощ». Именно здесь, на овальном мысу вблизи Малого острова, предполагалось насыпать «каменной и земляной холм» и выстроить на нем «несколько строения похожего на китайское древнее». Развивая экзотическую трактовку этой прибрежной части, Гульд подчеркивал, что и само это «место с хорошим лугом пристойно быть под строение китайское». Связанный с извилистым руслом р. Сетуни еще один район парка украшался разновеликими рощами, содержащими сеть прогулочных дорог. Близ одной из них, у эффектно скругленного речного русла, планировалось даже разместить «монастырь готической архитектуры, будто бы обращенной ныне в училища и школы. Стоит на высоком холму, обросшим сосновым и другим всяким лесом, а под холмом приятной по всему простирающемуся к реке мысу луг». А несколько восточнее этих «монастырских» построек предлагалось также выстроить «древнее строение похожее на языческое или татарское находящееся в самой крутой лощине или хляби промежду высоких гор». Наконец, южнее него, в стороне от приходской церкви села Спасского, предлагалось разбросать в жи-

вописном порядке «домики разных архитектур и различных вкусов».

Все же служебные постройки, будь то «корпус для потребных экономических строений, где можно гумну с житницами быть» или же строения конюшенного двора, выносились на периферию в восточную часть комплекса.

Относительно сохранности прежних посадок и заведения новых, Гульд считал нужным ограничиться всего лишь единственным разъяснением: «Как старые сады привести и вновь проектируемые означаются на плане примерно равно и в рощах дороги, а существительное расположение уже сходно с волей хозяйской сделать как наиспособнее будет можно, что следует в прибавок к ныне имеющимся насадить рощи. Оныя покрыты в прожекте светлее, а старые означены темнее».

Впрочем, этот сразу поражающий своей грандиозностью оригинальный замысел так и не будет реализован. Вероятнее всего заказчик ограничится менее затратным первым вариантом. Тем более, что, упоминая Хорошево-Троекурово среди прочих своих работ, Гульд подчеркнет, что именно там «английский сад и парк расположил». Следовательно, в рамках задуманной комплексной реконструкции только этого старинного владения ему удалось создать две парковых композиции: партерную перед главным усадебным домом и пейзажную, захватившую основную часть имения.

Снятая офицерами Квартирмейстерской части в 1818 г. Топографическая карта окрестностей Москвы подтверждает, что сформированный английским садовником усадебный комплекс был к этому времени полностью утрачен.¹³ Теперь вся его представительная застройка размещалась на значительном удалении от р. Сетуни, много южнее старой дороги. Там же, на месте бывшего летнего троекуровского домика, и выстроят в начале XIX в. новый усадебный дом.¹⁴

2. ДУБРОВИЦЫ

Уильям Гульд

(1780-е гг.)

В очередной раз покидая Петербургский регион в соответствии с новым

предписанием Г.А. Потемкина, Гульд отправится теперь в Дубровицы. В обращении садовника, поданном императрице в самом начале февраля 1793 г., говорилось на этот счет следующее: «Возвратясь оттуду (*из Хорошева*), занимался я бывшею Сиверсовою дачею, откуда поехал в подмосковную Дубровицу, где также означил план саду».¹⁵

Расположенная к югу от Москвы на холмистом междуречье у слияния р. Пахры с ее притоком р. Десной эта сплошь покрытая березняком и сосновым лесом местность была освоена еще в глубокой древности. Именно здесь на мысу помещалось древнеславянское капище, закрепленное впоследствии различными деревянными объемами Ильинской церкви. Почти на всем протяжении XII в. Дубровицкой волостью владели князья Туровские, а под самый конец столетия она вошла в состав Смоленского княжества, став, таким образом, приграничным районом. Следует полагать, что вплоть до начала XVII в. на этом стратегически важном отрезке время от времени возникали крепостные сооружения, дополнявшие исключительно выгодные с оборонительной точки зрения природные особенности междуречья. Вероятно и в Смутное время, для пресечения внезапного появления на ближних подступах к Москве польских войск Лжедмитрия I, это преимущественно оборонительно-сторожевое его назначение все еще продолжало сохранять свою особую значимость.

Возникновение на самом возвышенном месте Дубровиц достаточно развитого боярского имения восходит к рубежу 1610-х - 1620-х гг., когда опасность прорыва к столице с наиболее уязвимою южного направления была устранена. В Писцовой книге за 1627 г. назван и первый его владелец: «В Молоцком стану за боярином Иваном Васильевичем Морозовым старинная вотчина село Дубровицы на реке Пахре, усть реки Десны...»¹⁶ Кроме боярского двора, помещавшегося на месте нынешнего парадного, очевидно, несколько южнее располагались «двор коровий с деловыми людьми» и шесть пустовавших крестьянских дворов, а на стрелку, поближе к капищу, были вынесены вместе с причтовым двором деревянная с колокольной церковью, определившая местоположение ныне существующей: «А в селе церковь Ильи Пророк деревяна клетцки, а в церкви

образы и книги и свечи и на колокольнице колоколы и всякое церковное строение вотчинниково, а у церкви во дворе поп Иван Федоров, а во дворе дьячек и просвирница».¹⁷ Следовательно, уже в начале XVII в. было определено размещение практически всех функционально обусловленных элементов дубровицкого имения, устойчиво сохранявшихся в дальнейшем без существенных изменений.

Сложившаяся к 1646 г. структура застройки получит дальнейшее развитие в самом ближайшем времени. И уже в качестве самостоятельного вскоре выделится двор приказчика, а число дворов «для деловых людей» достигнет тринадцати, что, видимо, было связано с все более возрастающим торговым значением р. Пахры, вниз по течению достигавшей Москвы-реки.

В 1656 г. И.В. Морозов завещал «село Дубровицы да село Ерино» дочери Аксины, вышедшей замуж за князя И.А. Голицына. Тот, в свою очередь, займется дальнейшим его обустройством, в результате чего к 1662 г., все на том же возвышенном месте (над стрелкой), и выстроят деревянную церковь в честь пророка Ильи. В стороне от нее разместят еще «четыре избы для дворовых людей», а пришедший уже в ветхость «коровий двор» заменят новыми постройками «скотного двора». Чуть позднее (1678) перестроят и строения вотчинного двора. Очевидно, тогда же западнее него, поблизости от березовой рощи, и разведут фруктовый сад и огород.

Последовавшее формирование представительного усадебного комплекса в духе Нового времени следует связывать с воспитателем Петра I - князем Б.А. Голицыным (1654-1714), приобретшем Дубровицы у дальней своей родственницы в 1688 г. Обучавшийся наукам, иностранным языкам, друживший с Ф. Лефортом и в совершенстве овладевший европейскими манерами, Голицын, как выясняется, особый интерес проявлял к изящным искусствам.

По настоянию царя осенью следующего года он удалится в новое свое поместье. Здесь же в 1690 г. ему и сообщат, что опала с него полностью снята и что произвели его в бояре. Собственно состоявшаяся 22 июля в связи с этим знаменательным событием закладка все на том же возвышенном месте теперь

уже крупного, центричного в плане (восьмерик на четверике), белокаменного объема Знаменской церкви и положит начало радикальной реконструкции всего усадебного комплекса.¹⁸

В 1697 г. строительство храма было завершено, что подтверждает тогда же путешествовавший в свите с архиепископом Афанасьевым И.В. Погорельский. В дорожном своем Дневнике он оставит следующую запись: «...был в селе князь Бориса Алексеевича Голицына, а именно - в Дубровицах, от Москвы по серпуховской дороге имеет в расстоянии 30 верст, над двумя реками стоит – над Десною и Пахрою. А церковь такова удивительная и резная вся в воную сторону и таким образом и переводом, что такой и в Москве удивительной по нынешнее время не было...»¹⁹

Практически одновременно не менее энергично осуществлялось и устройство Увеселительного сада к западу от «барского дома с гротом в полуподвальном этаже» и на обширном равнинном участке, прежде занимаемом фруктовым садом и огородом. Видимо, отсюда и ведет свое происхождение диагонально-линейная его планировка, заданная уплотненной высадкой лип.²⁰ И именно в этом саду, начиная фактически с 1698 г., хозяин начнет принимать именитых своих гостей, что подтверждает И. Корб в своей дневниковой записи от 28 июля: «Два дни тому назад князь Голицын просил господина посла, чтобы тот не поставил себе в труд посетить его поместье. (...) Поместье называется Дубровицы. Оно отстоит от столицы на 30 верст, или шесть немецких миль. Мы добрались до места во время обеда. Сам князь, ожидая с господином архиепископом нашего приезда, осматривал все окрестности с колокольни церкви, роскошно выстроенной на княжеский счет. (...) По окончании обеда, приготовленного с большой роскошью, мы предались приятным разговорам в восхитительной беседке, выстроенной в прелестнейшем саду. Беседа затянулась до вечера...»²¹

Следует полагать, что и в непосредственной близости от вновь построенного храма, освященного в присутствии царя и царевича Алексея в феврале 1704 г., к этому времени уже было завершено устройство небольших регулярных са-

довых частей. Видимо, они вплотную подступали к его широким лестничным сходам и открытой низкой паперти, уже в проекте предполагавшей круговой панорамный охват окружающей местности.

Не менее важный этап структурного развития комплекса следует связывать с кратковременной деятельностью князя С.А. Голицына (?-1758), внука Б.А. Голицына, дослужившегося до «невысоких армейских чинов», но неожиданно приближенного ко двору и в 1753 г. назначенного императрицей Елизаветой Петровной на должность московского генерал-губернатора.

Вслед за ликвидацией практически всех деревянных строений ему удалось в последние годы жизни завершить возведение целого ряда каменных объемов и сформировать, таким образом, новую объемно-пространственную композицию всей центральной (представительной) части усадьбы.²² Вся эта застройка, определившая новый ее облик в характерных для времени стилистических рамках барокко, создавалась как составная часть единого ансамбля, в котором по-прежнему главенствующая композиционная роль отводилась свободно стоящей на возвышении барочной Знаменской церкви. Следует полагать, что отвечавшая двум перекрестным осям эта окончательно сложившаяся центричная структура комплекса исходила из прежде сложившейся планировочной схемы. В очередной раз подвергшийся радикальной перестройке главный усадебный дом теперь фланкировали четыре симметрично расположенные флигеля, связанные между собой металлической оградой с тремя симметрично размещенными со стороны просторного парадного двора каменными воротами, ориентированными соответственно в южном, восточном и западном направлениях: к подъездной дороге, Знаменскому храму и регулярному парку. Причем, ворота, выходившие в парк, совмещались с центральной планировочной осью, предполагая перспективное раскрытие регулярного парка и со стороны парадного двора. Уже в это время окончательно определилось местоположение большинства хозяйственных построек. Впрочем, их старались изолировать от парка, парадного двора, и соответственно, храма. Лишь одно из них, представленное П-образным в плане объемом Конного двора, размещалось к югу от парадного

двора. Но из-за сильно понижавшегося рельефа и за сгущенными посадками он не оказывал активного воздействия на представительную часть усадьбы.

После смерти С.А. Голицына Дубровицы перейдут к его младшему сыну - князю А.С. Голицыну (1723-1765). Выйдя в отставку в звании полковника, он прожил здесь почти безвыездно около семи лет и оставил после себя лишь долги и совершенно расстроенное хозяйство.²³ Вступивший же в наследство в двадцатидвухлетнем возрасте его сын, гвардейский офицер С.А. Голицын (1756-1795), служил в те годы адъютантом при штабе Г.А. Потемкина. Он так и не сможет выправить финансового положения, а потому был вынужден в 1781 г. продать имение непосредственному своему начальнику.²⁴

Несмотря на то, что архив усадьбы полностью утрачен, представляется все же возможным в уточненных хронологических рамках высветить основные направления садоводческой деятельности У. Гульда в Дубровицах.

Если учесть, что упоминавшаяся Сиверсова дача была приобретена Потемкиным в 1779 г., то английский садовник должен был там задержаться на некоторое время и уже оттуда в 1781 г. выехать в Дубровицы вслед за окончательным оформлением купчей. Руководствуясь предписаниями заказчика, он в том же году успевает поработать еще и в Островках под Петербургом и даже добраться до сильно удаленного от столицы малороссийского острова Хортицы для заведения там очередного потемкинского парка.

Главным же итогом непродолжительного пребывания Гульда в Дубровицах станет разработка проектного замысла, также как и в Хорошеве-Троекурове, отвечавшего задачам комплексной реконструкции имения. Впрочем, сам он выскажется на этот счет предельно лаконично, отметив лишь, что здесь «означил план саду». Как и в случае с первой своей подмосковной, Гульду предстояло вначале войти в курс дела и затем приступить к составлению детальных фиксационных чертежей, подтверждающих фактическое состояние элементов застройки, регулярного Увеселительного сада и прибрежных пространств усадьбы. То, что изначально эти проектные материалы существовали, причем в достаточном количестве, подтверждает выдержка из письменного уведомления,

доставленного князю осенью 1787 г. от доверенного в делах М.А. Гарновского: «Александр Матвеевич (*Дмитриев-Мамонов*) приказал мне и еще Вас просить о скорейшей присылке к нему бумаг и планов, до Дубровиц касающихся. Но если б таковые находились в руках г. Пузина (*приказчик*), то чтобы оные доставлены были Матвею Васильевичу. Есть и здесь кое-какие планы, но я без повеления не смею оных представить ему; что же касается до крепостей или иных бумаг, то каковые все хранились у г. Хомутина (*еще один приказчик.*) и взяты им с собой».²⁵

Немногочисленные данные, явно свидетельствующие о производившихся в конце XVIII в. обширных садовых работах в Дубровицах, однозначно подтверждают происходившее здесь сложение классицистического облика усадьбы, напрямую связанного с заведением пейзажного парка. Следовательно, и проектный его генплан должен был учитывать корректировку вполне сложившейся к 1760-м гг. объемно-пространственной структуры комплекса с включением в общий контекст сохранявшихся отдельных его частей. Как и в случае с Хорошево-Троекурово все эти проектные материалы должны были содержать исчерпывающую информацию о сохраняемых и вновь формирующихся элементах застройки в тесной зависимости от спланированной корректировки первоначального ландшафта и назначаемой схемы озеленения.

Разработка архитектурной части этого обширного замысла изначально поручалась И.Е. Старову, активно сотрудничавшего с Гульдом практически во всех потемкинских имениях. Ему и предстояло, руководствуясь проектным генпланом Гульда, разработать целую серию проектных чертежей. Впрочем, приступая в 1782 г. к проектированию потемкинского Таврического дворца, а в 1784 г. императорского дворца в Пелле, Старов сможет вплотную заняться Дубровицами только в 1786 г., что и подтверждает единственно известное проектное его решение, положенное в основу реконструкции господского дома.²⁶ Это обстоятельство прямо указывает на то, что реконструкция усадьбы была завершена уже при новом владельце в четком соответствии с разработанной Гульдом и Старовым проектной документацией, которая по настоятельному требованию императрицы все же была в конце 1787 г. предоставлена А.М.

Дмитриеву-Мамонову.²⁷

С именем Гульда следует связывать и заведение в Дубровицах образцового оранжерейного хозяйства, о чем наглядно свидетельствует отправленное из Петербурга 18 августа 1787 г. его же письмо, адресованное Г.А. Потемкину: «Осмелюсь напомнить Вашему высочеству о том, о чем я информировал Вас в прошлом году, что летом я был в Дубровицах и там я видел большое количество фруктовых деревьев таких, как персики, нектарины, абрикосы и т.д. лучших сортов, которые я мог подобрать в Москве. Поскольку оранжереи Островков укомплектованы, мне хотелось бы некоторыми выше названными сортами украсить здания в Островках. Ваше высочество приказывали в прошлом году прислать за некоторыми из них, если Вам угодно послать Ваше распоряжение насчет того, чтобы выслать по тридцать экземпляров каждого сорта да еще тридцать черной черешни, там *(в Дубровицах)* отличный сорт. Чем быстрее у меня будут эти деревья, тем лучше. Если я их получу ранней осенью, я смогу собрать для Вас прекрасные плоды уже в следующем сезоне. Зная, что Ваше сиятельство является покровителем агрокультуры, я взял на себя смелость приложить рекламу, которая показывает превосходство плуга г. Кука не только в плане производительности, но и ввиду малых потерь семян при севе. Эта тема заслуживает внимания, поскольку каждый год сажается тысяча семян, гораздо больше, чем нужно, если не использовать такие приспособления. Тысячи бы начали их копировать».²⁸

Покинув столицу с супругой Дарьей Федоровной (урожденной Щербатовой,?-1801) вскоре после свадебного торжества, граф А.М. Дмитриев-Мамонов (1758-1803) прибывает в Дубровицы на постоянное жительство 3 июля 1789 г. В то время комплексная реконструкция усадебной застройки не была завершена, а начатые также при Потемкине ландшафтные работы, скорее всего, были приостановлены. Во всяком случае, по данным 1800 г. в Дубровицах все еще значилось только «два сада - один регулярной, а другой с плодовитыми деревьями».²⁹ Поэтому завершающая стадия формирования пейзажного парка пришлось, вероятнее всего, на 1790-е – начало 1800-х гг. Известно лишь, что по со-

стоянию на 4 ноября 1791 г. здесь на службе находились садовый подмастерье Карл Иванов и садовые ученики - Андрей Поляков, Петр Елисеев, Аканфий Титов, Ефим Мерзляков, Никита Волков и Панфила Михайлов.³⁰ Им, очевидно, и была доверена реализация проектного замысла Гульда.

В рамках создания «аглинского сада» в сферу детальной разработки попадала довольно обширная территория собственно стрелки со Знаменским храмом и весьма протяженные заречные береговые пространства р. Десны и Пахры. При этом основной массив ансамблевой застройки подлежал безусловному сохранению в соответствии с предложенным усилением репрезентативного статуса самой усадьбы, относительно чего и в конце XIX в. любознательной публике отдельно разъяснялось: «Дубровицы состоят из барской усадьбы. Никакого селения тут нет».³¹ По той же причине и дворы священнослужителей должны были сохранять свою прежнюю периферийную принадлежность - «южнее по Пахре» вблизи заречных каменоломен.³²

В Увеселительном саду, как и в Хорошево-Троекурово, предполагалось в целом проведение восстановительных работ. Этот липовый сад, в котором по преданию все еще сохранялись деревья, собственноручно посаженные Петром I, в конце XVIII в. уже нуждался в существенном обновлении. Фактически с начала 1760-х гг. должного внимания ему не уделялось.³³ Гульд счел нужным сохранить его первоначальный планировочный замысел и ограничился лишь подсадкой утраченных деревьев для возобновления общего его симметричного построения. Вместе с тем в межаллейном пространстве могли быть устроены стриженные лужки с асимметрично разбросанными кустарниками. Видимо, он же подал идею размещения над центральной его аллеей декоративного мостика, все еще сохраняющего свои белокаменные ступени.³⁴ С западной стороны этот сад замыкался выстроенными в стиле классицизма соподчиненными флигелями, отделявшими его от находившейся на периферии огородной земли.³⁵

Несколько южнее этого Увеселительного сада, в окружении березовой рощи, и будет создан новый фруктовый сад, безусловно, являвшийся неотъемлемой составной частью общего замысла. Судя по экскурсионной заметке и эта

называвшаяся «парком» роща вплоть до конца XIX в. все еще сохраняла свою образную значимость: «Вековой березовый парк, прежде запущенный. За парком – лес, доходящий до берега р. Пахры, на противоположном берегу которой на горе, расположено село Лемешево».³⁶ Увеселительный сад от фруктового отделялся специальной аллеей, украшавшей старую дорогу, соединявшую Дубровицы с соседними селениями.³⁷ На нее и был сориентирован протяженный объем оранжереи, функционально связанный с вблизи расположенными служебными флигелями.

Также в соответствии с общим замыслом в конце XVIII в. претерпит изменения и «искусно задрапированный деревьями» комплекс Конного двора, с западной стороны которого специально для прислуги был выстроен целиком сориентированный к фруктовому саду «домик Конного двора».³⁸

Впрочем, основной массив реконструктивных работ будет связан с формированием пейзажного парка, определившего новое образное содержание усадебного комплекса. И хотя даже краткие данные о них все еще отсутствуют, однако, само «состояние и наличие натурального сада», как особо подчеркивается, «можно восстановить по его уцелевшим частям, сохранившимся кое-где пням и другим следам когда-то росших деревьев, а также по остаткам подпорных стен, лестниц, спусков к воде и специфическим особенностям рельефа, в которых заметно вмешательство мастера садово-паркового искусства».³⁹ Со своей стороны добавим, что не менее важным подспорьем для изучения творчества Гульда в Дубровицах могут послужить отдельные замечания, непосредственно относящиеся к середине и концу XIX в.

Самый крупный и наиболее значимый район пейзажного парка был сформирован к востоку от представительной части комплекса на плавно понижающейся обширной местности, завершавшейся эффектно очерченным мысом самой стрелки: «Эта округло омытая и высоко приподнятая над поймой и водами двух рек оконечность возвышенности, состоящая из трех расположенных друг над другом террас, является наиболее эффектным и выразительным местом усадьбы, как в природном, так и в архитектурном отношениях. Натуральный

сад, раскинувшийся на склонах стрелки, и на средней террасе, является как бы подходом к церкви».⁴⁰

Композиционная основа всего этого пейзажного района были изначально предопределена естественным склоном междуречья. А потому исключительная по своему образному воздействию естественная красота этого места изначально исключала проведение широкомасштабных работ, отвечавших изменению рельефа. Гульд ограничится здесь незначительной его коррекцией, преследуя цель создания именно такой пейзажной части, которая бы гармонировала с уже сложившейся ансамблевой застройкой. Принципиальное значение в данной связи приобретало ближайшее окружение Знаменского храма – этой самой активной вертикальной доминанты, распространявшей свое воздействие на всю окрестную местность. При этом все прежние элементы, способные ослабить художественное восприятие Английского парка, подлежали корректировке, либо полной ликвидации. Так, взяв за основу плавное повышение рельефа, садовник определил трассировку идущей через Пахру по направлению к парадному двору главной подъездной дороги, придав ей самое естественное для данного участка лучковое очертание.⁴¹ Да и само устройство достаточно разреженной сети прогулочных дорог должно было отвечать двум основным условиям - с одной стороны выявлять и подчеркивать террасный характер местности, а с другой - создавать впечатляющие видовые раскрытия на ансамблевую застройку. Впрочем, приоритетным неизменно оставалось многоаспектное восприятие Знаменского храма. Это последовательное и четко рассчитанное по ходу движения его раскрытие и совмещение с различными пейзажными частями, включая даже существенно удаленные на противоположных материковых частях, и оставалось главной художественной задачей на всем протяжении формирования пейзажного парка.

Устройство самого пониженного (мысового) пейзажного района потребовало корректировки береговых линий, в результате чего вся стрелка приобрела очень выразительный абрис, более всего напоминающий форму вороньего носа. Следует полагать, что новые посадки здесь были сведены к минимуму, дугооб-

разно охватывая лишь среднюю террасу с северо-восточной ее стороны. Это открытое пространство в основном трактовалось в виде обширного стриженного луга, что позволяло хорошо воспринимать очертание самой стрелки. А пониженная пойменная часть, очевидно, содержала всего лишь единственную периметральную прогулочную дорожку, что позволяло избежать излишней ее дробности.

Что же касается промежуточной террасы, то она, как отмечается, была «расширена и выровнена, ее бровке приданы упругие очертания, подчеркивающие природный характер конечности стрелки».⁴²

Важным структурным элементом всей этой повышенной части являлся размещенный непосредственно в березовой рощице конусообразный «высокий искусственный курган с круговыми восходами на вершину, посаженными деревьями».⁴³ Совмещенный продольной осью с самим мысом, этот двадцатиметровый холм был насыпан за счет земли, высвободившейся от производившейся вблизи корректировки рельефа. Как и поставленный на месте деревянной церкви каменный столб он наделялся мемориальной значимостью, закрепляя память о некогда существовавшем здесь языческом капище.⁴⁴ Винтовая белокаменная лестница обеспечивала плавный подъем на его вершину. И по мере кругового движения одна живописная картина сменялась другой. Впрочем, самые глубокие перспективные раскрытия живописных окрестностей усадьбы раскрывались с самой верхней его площадки в западном, восточном и южном направлениях.

Верхняя терраса, закрепившая самую возвышенную часть рельефа, включила в себя охваченную белокаменной стенкой овальную площадку, непосредственно связанную с храмом. Относительно же самого расположения и чисто практической надобности этой подпорной стенки находим следующее разъяснение: «Близ ската горы у восточной стороны храма, устроена каменная стена, доведенная до вершины горы и невидимая со стороны храма. Этою стеною, имеющею вид полукруга, гора ограждена от обвалов; сооружение это, могущее называться контрфорсом, исполнило свое назначение в продолжение двух ве-

ков».⁴⁵ Показательно, что и лестница, связывавшая воедино среднюю и верхнюю террасу, также была сложена из белокаменных блоков, обеспечивая колористическую слитность с белокаменным храмом.⁴⁶ Не случайно использование тонких цветовых соотношений приобретало особую значимость именно в этом районе парка.

Избрав в качестве основного связующего средства самые различные оттенки зеленого и белого, Гульд и подступающее к храму предгорье закрепляет «живописно раскинутыми группами» берез.⁴⁷ Именно в их окружении он предстает уникальным парковым павильоном, чье ажурное белокаменное узорочье и вызолоченная венчающая часть эффектно дополнялись асимметрично разбросанной кудрявой кроной. Этот впечатляющий эффект необычайно тонкого цветового взаимодействия наиболее полно передавало живописное полотно С.Ф. Щедрина (1745-1804) «Вид церкви Знамения в усадьбе Дубровицы». Известное лишь по гравюре И.К. Набгольца изображение и было создано во время формирования этой части парка.⁴⁸ Здесь отчетливо просматривается подступающий к храму с северо-восточной стороны живописный массив, составленный исключительно из лиственных пород. А с юго-восточной вполне различим фрагмент ниспадающего к мысу открытого лугового пространства.

Значительно вытянутый с запада на восток другой пейзажный район охватывал прибрежные части р. Десны. В качестве главного его структурного элемента назначался закреплявший кромку рельефа главный усадебный дом. Собственно и состоявшаяся его перестройка в полной мере отвечала задачам пейзажного планирования. В результате этот в очередной раз изменившийся объем здания оказался мастерски вписанным в прибрежный ландшафт. При этом наибольшие изменения претерпел ориентированный в пространство парка северный его фасад, украшенный созданной в форме ротонды открытой двухъярусной колоннадой коринфского ордера. О том, что это предложенное Старовым решение было продиктовано намерением сформировать наиболее глубокие панорамные раскрытия на окружающую местность непосредственно из дома, подтверждает все еще сохранявшее свою актуальность в середине XIX в. заме-

чание А. Вельтмана: «С бельведера дома открывается вся окрестность. На север, крутой покрытой рощей берег Десны и дорога в Москву, мимо села Ерино». ⁴⁹ Собственно тем же целям отвечала и одновременно произведенная надстройка здания с устройством в центральной его части антресольного этажа. ⁵⁰

Совмещенная с главным домом основная поперечная ось ансамбля обусловила формирование еще одного заречного пейзажного района, центральная часть которого была отмечена обширным лугом. Фото рубежа XIX-XX вв. подтверждает, что находившееся за рекой вся его северная половина, все еще сохранявшая свой открытый характер, упиралась в находившуюся на взгорье основную рощу, что позволило Гульду увеличить пространственное восприятие заречных частей парка также со стороны господского дома. ⁵¹ Несомненно, наибольшей протяженностью отличалась растянувшаяся с запада на восток еще одна заречная часть, находившаяся за р. Десной к северу от стрелки. Эта узкая полоса левобережья окаймлялась высоким лесистым предгорьем и изначально воспринималась как естественное продолжение парка. Судя по всему, ее пейзажная трактовка была определена преимущественно открытыми прибрежными пространствами с минимальным использованием посадок. Это с одной стороны позволяло сохранить структурную целостность Английского парка, а с другой - существенно расширить активное восприятие самого храма. ⁵² Проводившиеся здесь работы в основном сводились к коррекции береговой линии, прокладке сопутствовавшей ей прогулочной дорожки и созданию небольшого островка, эффектно размещенного в непосредственной близости от мыса. Видимо, аналогичным образом содержанием обладала еще одна заречная территория парка, находившаяся за р. Пахрой, к югу от стрелки. Сравнительно небольшая пейзажная часть была сформирована и к западу от усадебного дома. С юга ограниченная Увеселительным садом, она тянулась вдоль береговой линии и органично растворялась в березовой роще. А потому есть все основания полагать, что уже много позже здесь разместили служебные постройки и фруктовый сад, что и обусловило окончательную ее ликвидацию. ⁵³

В образцовом своем состоянии этот Английский парк сохранялся совсем

недолго. Хотя следующий владелец граф М.А. Дмитриева-Мамонов был непосредственным свидетелем его формирования и, по мнению работавшего здесь же садового мастера, сам весьма неплохо «разбирался в посадках».⁵⁴ Обращаясь 15 октября 1826 г. к своему брату, А.Я. Булгаков, прибывший в Дубровицы для описания графского имущества в связи с назначавшимся над ним опекуном, пишет: «В пятом часу прибыли сюда. Это не дом, а дворец, перед коим соединяются Пахра и Десна; церковь в готическом вкусе с прекрасными, высеченными снаружи на камне украшениями; вся она из белого камня. Было уже поздно, осмотреть не мог я всего хорошенько; но все мне кажется, что место скучно, уединенно. Из балкона главного глаза притупляются в лес, со двора то же самое; саду нет, кажется, или запущен».⁵⁵

3. ЦАРИЦЫНО

Фрэнсис Рид

(1784-1799 гг.)

Основополагающий этап формирования царицынского пейзажного парка неразрывно связан с деятельностью Ф. Рида, посвятившего реализации этого грандиозного замысла последние 15 лет жизни. Здесь же в Царицыне, на местном кладбище, он и был в начале июля 1799 г. похоронен, о чем свидетельствует сохранившийся до нашего времени надгробный камень.

Несмотря на обширную литературу, посвященную самым различным аспектам становления, развития и разрушения царицынского дворцово-паркового ансамбля, деятельность английского садовника все еще остается освещенной крайне бегло и схематично. Даже выявленные в последнее время архивные свидетельства должным образом не проанализированы, по-прежнему оставляя ряд ключевых проблем создания и особенностей художественного облика царицынского Английского парка нерешенными.⁵⁶

Формирование на рассматриваемой территории развитого усадебного комплекса следует связывать с убежденным приверженцем западноевропейских новшеств князем В.В. Голицыным (1643-1714), в период регентства царевны

Софьи (1682-1689) являвшегося фактическим главой государства.⁵⁷ При размещении усадебной застройки он в действительности первым определил наиболее подходящее для этого место: за «Городенкой, на правобережной пустоши Стеблевской». Здесь впоследствии и были размещены практически все объемы императорского комплекса.⁵⁸ Голицын по достоинству оценил уникальные особенности этой возвышенной территории, обеспечившей удивительное по глубине и живописному разнообразию восприятие окружающей местности. Закрепивший самую верхнюю точку рельефа вновь выстроенный главный усадебный дом с просторными своими гульбищами позволял ее обозревать на много верст вперед.⁵⁹ Не случайно камер-юнкер Ф.В. Бергольц, лично ознакомившись с голицынским домом в 1722 г. и ввиду необычности облика принявший его за новомодную экзотическую постройку, замечал в этой связи: «Дом в Черной Грязи... построен на Китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями, по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, и со многими маленькими башнями, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиною для свежести воздуха и защиты от солнца».⁶⁰ Да и соседние деревянные объемы (трехъярусных хором или близлежащей церкви) также возводились с обязательным устройством обходных галерей.

В окружении заповедной березовой рощи, позади двора и вблизи самого склона оврага, Голицын разобьет обширный плодовый сад, вероятно, с самого начала обладавший регулярной планировкой. Роспись 1689 г. подтверждает, что под смотрением опытного садового мастера в нем произрастало одних только яблонь около четырехсот, а кроме того множество грушевых, сливовых и вишневых деревьев, среди кустарниковых же преобладали смородина, малина и крыжовник.⁶¹ Всего за неполные шесть лет обустройства собственной усадьбы Голицыну удалось даже произвести обширнейшие работы по реконструкции ветхих и устройству новых плотин, в результате чего определились местоположение и исходные габариты ныне существующих Шипиловского и Черногрязского прудов.⁶² Впрочем, сентябрьская опала 1698 г. и последовавшая вслед за тем высылка князя пресекли масштабные начинания этого весьма искусственного

заказчика, увлеченного общей идеей формирования представительного усадебного комплекса в духе Нового времени.

В 1713 г. «за особые заслуги перед отечеством» в борьбе с турками Петр I жалует имение князю Д.К. Кантемиру. Пребывая по долгу службы в основном в Петербурге, он не имел возможности вплотную приступить к давно назревшей его реконструкции. Возвращаясь же в 1723 г. из Персидского похода князь внезапно умер, в результате чего четвертая часть усадьбы отошла к его молодой вдове, а три четверти сыну Константину. Оставаясь фактическим владельцем Черной Грязи более двадцати лет, он только в 1745 г. приступит к строительству нового господского дома в характерном для времени стиле барокко.⁶³ Показательно, что его постройка по оси запад-восток вполне соответствовала все еще сохранявшемуся голицынскому дому. Да и композиция одновременно устроенного регулярного парка изначально учитывала сугубо фронтальное расположение двух этих смежных объемов. Связанный с центральным ризалитом парадный зал главного усадебного дома был целиком на него раскрыт; при этом ориентированная непосредственно к прудам западная часть объема содержала лишь второстепенную группу помещений.

Датированные 1766 г. генпланы подтверждают, что начиная фактически со второй половины 1740-х гг. при главных домах располагалось два регулярных сада, упиравшихся в кромку сильно понижающегося естественного рельефа.⁶⁴ Так, сильно вытянутый вдоль главной зрительной оси север-юг прямоугольный западный представлял собой сравнительно небольшую барочную композицию. Его планировка учитывала тесное взаимодействие с садовым фронтом усадебных домов. Второй сад, близкий в плане к квадрату с отсеченной из-за оврага северо-восточной угловой частью, обладал центричной композицией. Относительно усадебных домов он был сильно смещен к востоку и не имел планировочной связи ни с ними, ни с вновь разбитым парком. По всей вероятности, это был все еще сохранявшийся голицынский регулярный плодовый сад, претерпевший во второй трети XVIII в. лишь незначительную перепланировку. Наконец, вблизи северо-восточной береговой линии Черногрязского пруда на ген-

планах обозначено и местоположение квадратного в плане островка, являвшегося своеобразным продолжением сильно вдававшегося в воду искусственного мыса.

В январе 1747 г. князь К.Д. Кантемир скончался, и усадьба перешла к двум его братьям – Матвею и Сергею. Впрочем, завершающий кантеми-ровский этап ее развития следует связывать именно с Матвеем, который вплоть до 30 ноября 1771 г. в действительности оставался единоличным хозяином. Именно в этот период прежде сложившаяся садово-парковая среда имения претерпела целый ряд изменений. Эти новшества видны на фиксационных генпланах, составленных в 1775 г. в связи с предстоящей его продажей.⁶⁵ В то время планировка регулярного парка по прежнему учитывала симметричное расположение партеров. От шедшей несколько наискось его южной планировочной границы отходили в разные стороны три аллеи, обсаженные березами и стриженной шпалерной липой. Так, западная (будущий глухой Березовый проспект) шла вдоль берегового склона, проходила через участок Березовой рощи, пересекала открытое луговое пространство с группой курганов и упиралась в лесистый мыс. Вторая совпадала с центральной осью обширного по площади плодового сада, также отделявшегося от Увеселительного сада Березовой рощей. Этот сад, делившийся дорожками на шесть идентичных квадратных частей, также обладал регулярной планировкой. Южнее него находилась еще одна Березовая роща с горками-курганами. Наконец, третья аллея, отделявшая Увеселительный сад от плодового голицынского сада, проходила вдоль восточной границы кантемировского плодового сада и упиралась в Большой березовый проспект, проложенный по оси запад-восток. Эта полностью сложившаяся в 1740-е-1760-е гг. садово-парковая среда, подступавшая к усадебным домам только с южной стороны, учитывала расположение сразу нескольких пейзажных элементов, представленных разнообразными по величине и очертанию луговыми пространствами, живописными пригорками (курганами), березовыми рощами и уплотненными асимметричными посадками вдоль верхних кромок оврагов, обладавших живописным очертанием. Вместе с тем комплексное освоение близлежащей бе-

реговой части Черногрязского пруда по-прежнему отсутствовало. Береговой склон в этом месте претерпел лишь локальные изменения. Именно здесь были устроены имевшие циркульное очертание террасы, местоположение которых определялось главной осью западного фасада главного дома. Верхняя площадка закреплялась беседкой, обеспечивавшей наилучший панорамный охват местности в сторону прудов. Сами же террасы были обсажены молодыми березками, предполагавшими их регулярную стрижку. Эта «абрезная горка» совмещалась с мысом и островком Черногрязского пруда единой осью. К ним же подступал и широкий лестничный сход, связывавший его береговое пространство с находившимся на возвышенности регулярным парком.

После смерти брата Михаила князь С.Д. Кантемир, который постоянно проживал в другом своем подмосковном имении, сохранял за собой Черную Грязь в неизменном своем виде около трех с половиной лет, пока, «по случаю», она не перешла 18 мая 1775 г. в собственность императрицы.⁶⁶ Об этом чрезвычайно важном для себя событии она не преминула сообщить М. Гримму со всеми мельчайшими подробностями: «Дорога привела к огромному пруду, рядом с которым был еще пруд больше и живописнее; и этот пруд принадлежал не Ея величеству, а соседу ея, князю Кантемиру. Ко второму пруду примыкал еще третий с извилистыми берегами. Вот гуляющие, направляясь от одного пруда к другому, то пешком, то на лошадях, на расстоянии семи верст от Коломенскаго, начинают завидовать чужому имению, хозяин котораго, старик за 70 лет, совершенно равнодушен к водам, и к лесам, и ко всем живописным видам, приводящем в восторг посетителей. Он только и делал, что играл в карты и бранился, когда проигрывал. Вот все придворные, с повелительницей во главе, начинают весьма осторожно и ловко пронюхивать насчет его светлости, выигрывает он ли он или проигрывает, не продает ли имение, очень ли дорожит им, часто ли там бывает, не нуждается ли в деньгах, кто его друзья, через кого у него все выведать. Мы не желаем принимать одолжений, и чужого добра нам не надо; мы покупаем, но отказ не сочтем за преступление: Как вам угодно, милостивый государь; хоть нам и сильно нравится это поместье, но можно и без него

обойтись. Придворные мои хлопчат; один говорит: он мне отказал, не продает. Ну, тем лучше! Другой доносит: денег ему не нужно, он счастлив. Третий докладывает: он говорит, я не могу продать, я один, наследников у меня нет, имение получено от казны, я в казну отдам после смерти. Гм, гм! Приходит пятый и сказывает, что Кантемир говорит: я продам имение только казне. – Ах! Вот это мило. Тотчас же отправляют чрезвычайного посла узнать, любит ли он это имение. Нисколько, отвечает он; и вот доказательство: я живу в другом имении, а это досталось мне от брата, я в нем никогда не бываю, оно может годиться только Государыне. Что вы желаете взять за него? говорит посол кланяясь. 20000 рубл. Государь мой, я уполномочен предложить вам 25000 рубл. Тотчас по совершению купчей, принялись за стройку, и через две недели, благодаря нашим деревянным сооружениям, я уже могла переселиться сюда. Уф, вот так комментарий! Но мое новое владение не называется; я его назвала Царицыным, и по общему мнению это сущий рай».⁶⁷

Само намерение императрицы именно здесь сформировать главную свою подмосковную резиденцию окончательно укрепилось тем же летом во время продолжительного пребывания в Царицыне, где для нее был даже спешно выстроен деревянный дом.⁶⁸ Изначально предусматривалась радикальная реконструкция кантемировского усадебного комплекса, где наряду со строительством дворцовых объемов предполагалось заведение обширного Английского парка. Показательно, что отвечавшие его устройству предварительные работы были проведены уже в июне следующего 1776 г. архитектором К. Бланком, представившем на согласование свой проект Новой плотины на «аглинском пруду в замен прорванной». Согласно замыслу, «спуск весь из дикого камня, и берег внутренней чрез всю плотину вместо деревянного обруба обделан должен быть белым камнем». Помимо восстановительных работ, планировалось проведение и мероприятий по раскрытию панорамных видов: «...дабы берег с горою остающейся за слюзом очищен был от всякого строения; и тем бы виду не закрывало».⁶⁹ Тому же Бланку одновременно поручалось «спустить и вычистить пруд».

Разработку же проекта «аглинского сада» с последующей полной его реализацией императрица намеревалась поручить специально выписанному из Англии садовнику, приурочивая его приезд уже к весне 1777 г. Об этом становится известно из ее собственноручной записки, адресованной Н.И. Панину: «Граф Никита Иванович, за садовника поблагодарить Гуннинга, попросить, чтоб он его прислал весною с уговором ехать в Москву, ибо в Царицыне он надобен. Пребываю вам благосклонно. Декабря 27 дня 1776 г. Екатерина».⁷⁰ Однако в деловой переписке имя этого английского садовника более не встречается и, соответственно, неизвестно, что послужило причиной так и несостоявшегося его зачисления на императорскую службу.

Сложившаяся ситуация с отсутствием английского садовника некоторым образом проясняет появление вполне конкретных предложений В.И. Баженова относительно восстановления существующего регулярного парка и даже устройства пейзажного.⁷¹ Обращаясь непосредственно к статс-секретарю императрицы А. Безбородко в том же 1777 г., он прямо заявлял о своем намерении возглавить и садово-парковые работы: «Заборы кругом сада весьма уже ветхи, то несоблаговолено ль будет сделать им прожект согласной вкуса с производившимся строением каменной по примеру чюжих государств!» Берега прудов, продолжал он, «ветхие и оползлые», «видом нехорошим, не позволено ль будет отделать их со временем в виде rocher (...) а по пристойным местам всадить кустики и деревца, как мною уже насажены на построенном месте по приличности на башенках, и перапете на вкус англичан. Берески молодья, кои по полуциркульной абрезной горе и дороге бывали подстрижены; а ныне без онаго побеги в три лета дали близ оглобли толстотою, а высотой до есми аршин многия; чем строения красоту свою с противного берега, много теряют то не повелено ль будет! Их хотя и не стричь но мелкие в них отростки вырезывать, дабы дать им способ ростить хотя в дикости но порядочней, а редкость скрость их, пестротою кирпича, с белым камнем, меж зеленью в глазах играла б приятностью больше».⁷²

Явно встревоженная императрица, ясно осознавая, что в результате этих

инициатив уникальное живописное своеобразие Царицына будет утрачено, своей резолюцией от 17 октября 1777 г. на этот счет строго предписывала: «Ни до строения заборов, ни отделания берегов ни же до обрезывания березок отнюдь не касаться, а оставить все так как есть».⁷³ Спустя два года, в 1779 г., Баженов вновь возвращается к этой же теме и снова получает от Безбородко исчерпывающий ответ: «Что до зделания заборов новых или вместо их каналов, також до посажения вновь деревьев у плотин и по Московской дороге, то Ея величество соизволяет удержаться; покуда приедет к вам английский садовник, который вскоре отправлен быть имеет».⁷⁴ Речь в данном случае шла о шотландце Д. Медере (James Meader), который по прибытии в Петербург весной того же года был все же командирован в Петергоф, где и приступил к формированию еще одного императорского парка.

Отправка «аглинского» садовника в Царицыно в очередной раз откладывалась на неопределенный срок. Впрочем, императрица могла хотя бы временно командировать сюда своих придворных садовников - Буша-старшего или того же Медера. Однако более предпочтительней оставалась присылка в Царицыно еще одного опытного английского специалиста. И только в 1782 г., когда строительные работы вступили в свою завершающую стадию, решение этого вопроса приобрело особую остроту. Именно тогда в Англии и стало известно о намерении императрицы пригласить на российскую императорскую службу еще трех-четырех садовников. Российский консул в Лондоне А. Бакстер в этой связи подчеркивал, что на этот раз желающих выехать оказалось не менее полутораста. В результате отбора, произведенного в том же 1782 г., четырехгодичные контракты удалось подписать только двоим садовникам - Д. Манро (John Munro, Munroe) и Ф. Риду (Fransis Reid, ?-1799), о которых тот же Бакстер замечал: «Манро и Рид еще не готовы для собственных проектов, но могут, изучив конкретную местность, на которой предполагается создать английский парк, начертить планы».⁷⁵

В специально изданном на этот счет указе императрицы, адресованном Кабинету и датированном 19 сентября 1782 г., говорилось следующее: «Выписан-

ным по велению НАШЕМУ из Англии Садовникам Иону Мунро и Франциску Риду повелеваем производить из Кабинета жалование первому в первый год пять сот, во второй год шесть сот, в третий и последующие потом годы, покуда он в службе нашей останется по семи сот рублей; второму первый год четыреста, во второй пять сот, в третий и последующие по том годы покуда он в службе нашей останется по шести сот рублей. Сверх того на содержание стола, переводчика и на все прочие расходы по девяти сот рублей на год каждому».⁷⁶

Чем занимались эти садовники в последующие два года неизвестно. В конце 1784 – начале 1785 гг. Манро, судя по назначенному жалованию обладавший несколько большей квалификацией, находился в императорской Пелле под Петербургом, где занимался формированием обширного английского парка.⁷⁷ По завершении контракта он, вероятно, покинул Россию, ибо имя его в деловой переписке более не встречается.⁷⁸

Сведения же о Риде возобновляются спустя полтора года. Так, 16 марта 1784 г. Безбородко информировал Кабинет о повелении Екатерины II: «Выписанному из Англии и определенному в Царицыно Садовнику Франциску Риду Ея императорское величество высочайше повелеть соизволила выдать из Кабинета подорожную и прогонные деньги на четыре лошади с будущим при нем отсюда чрез Москву до села Царицына». А через день он оповестит об этом и управляющего Царицына, майора В.Я. Карачинского (1751-1792): «Выписанного из Англии садовника Франциса Рида Ея императорское величество высочайше указать изволила отправить в село Царицыно для снятия на план положения тамошних мест и для учинения проекта на тамошние сады во вкусе Английском; с которым планом должен он предстать пред Ея величеством».⁷⁹ Уточнив, что англичанин планирует поселиться здесь непременно с семьей, Карачинский одновременно хлопочет и о получении денег на строительство для него собственного дома.

Разработкой проекта Английского парка Рид занимался около двух месяцев, с начала апреля до начала июня 1784 г. Именно тогда была определена планировка обширной местности, предполагавшая радикальную трансформацию ее

рельефа, береговых линий и системы озеленения.

Вместе с тем осведомленный о намерении Баженова ограничиться сугубо локальными на этот счет мероприятиями, он все это время вынужден был уклоняться от рабочих контактов и консультаций с ним. В отправленной из Царицына докладной записке на имя А.А. Безбородко от 11 июня 1784 г. Баженов, крайне встревоженный сложившейся ситуацией, доказывал совершенно очевидный, по его мнению, непрофессионализм англичанина: «(...) Здесь же осмелюсь и о англичанине садовнике донести, которой вами отдан на попечение мое: а особливо Ее императорское величество повелеть соизволила мне, при отпуске моем сюды, чтоб взять его с собою, зделать план всему саду Царицыну, привести или прислать к Ее величеству, но в то время я ево не сыскал в Санкт Петербурге и ждать мне последней зимней путь и расплата с заготовлением потребного не позволяло мешкать: и для того единственно оставил помощника своего, дабы сыскать и привести его ко мне; но и тот более недели жил и не сыскал его, а наконец видя я его здесь в селе Царицыне и что сначала объявил при первом свидании повеление Ее императорского величества и ваше приказание; а притом представлял ему свои услуги; и чтоб обще дело угодное Ее величеству советовать и делать со мною; но он не токмо чтоб со мною изъяснился по сему делу во все мое тут пребывание когда либо, но всегда со мною старался не встречаться, ныне же я уведомился что господин англичанин зделал прожект рубить сады и деревья некоторые и естли паки чаяния оное опробуется; то к сожалению моему выдет село Царицыно испорченным; ибо оное в девятилетнее время столь оделось приятными рощами и видами разных картин, что едва ли и в самой Англии таковое место найдется. А просит только оное место несколько помощи в поправлении некоторых мест по положению самой природы. Со всем тем думаю я что он не те взял пункты и виды, кои благоугодны Ее императорскому величеству, естли так он сделал, как я слышел, то оное я дерзаю писать для того, естли не будет благоугодно Ее императорскому величеству прожект оной; то моих мыслей ниже о черте того прожекта нету; и моя неизвестность, и ниже он о чем либо со мною советовал, как я выше имел честь до-

носить; почему всепокорно прошу вашего превосходительства дабы при удобном случае доложить Ее императорскому величеству о успехах строений; так и об агличанине; дабы я не понес гнева безвинного, чего боже сохрани. (...)».⁸⁰

Судя по всему, ответной реакции на это обращение так и не последовало и в июле 1784 г. проектные материалы Рида были доставлены императрице. «Для лучшего объяснения» она повелела садовнику вместе с Карачинским лично прибыть в Петербург. В начале августа она приняла их и одобрила проект, после чего незамедлительно последовали следующие высочайшие распоряжения: 7 августа - о чистке пруда и «зделании в селе Царицыне в саду для птиц островка», 9 августа – «о награждении Карачинского тысячью, а Рида тремя стами рублей», а 13 августа «на зделание в селе Царицыне в английском вкусе сада по апробированному Ея императорским величеством плану поднесенном Садовником Ридом Ея величество высочайше повелеть соизволила отпустить из Кабинета на первой случай пять тысяч рублей».⁸¹

Проведение широкомасштабных работ по Английскому парку было приурочено к весне следующего 1785 г. Тогда же Баженова уведомили о разборке дворцовых объемов, в январе же 1786 г. его отстранили от должности на год, а в 1788 г. и вовсе уволили без сохранения жалования. Окончательно сменивший его придворный архитектор М.Ф. Казаков деятельность англичанина уже не оспаривал, что позволило Риду реализовать свой проектный замысел с наибольшей полнотой, уже не опасаясь жесткого служебного давления.

Тщательно произведенный садовником сметный расчет показывал, что фактически отпущенных на сезон 1785 г. 5000 руб. оказалось явно недостаточно. По подсчетам Рида только на летний период потребовалось привлечь к запланированным работам не менее ста человек. Именно поэтому он заблаговременно распорядился увеличить выделенную сумму как минимум вдвое. Недостающие деньги вскоре выдали и в июне 1785 г. Карачинский смог отчитаться за трехмесячный период с начала производства работ: «Повелено в селе Царицыне зделать аглинской сад на что отпущено 10.000 р. – садовая работа зачата пятидесяти человеками Марта с 1-го числа а в апреле работало сто в Мае сто пять-

десять – и ныне тож». ⁸² В этот же сезон Рид распорядился заложить аллею между Царицыным и Коломенским, причем ветловые колья для этого специально доставлялись «из Новослободского дома, что у Салтыкова моста». ⁸³

В следующем 1786 г. Карачинскому «на производство в Царицынском Аглинском саду работ» в соответствии с императорским указом от 8 июля было выдано 5000 руб. ⁸⁴ Впрочем, отпускавшейся на каждый год этой стандартной суммы по-прежнему не хватало и в апреле 1787 г. он вынужден был вновь обращаться к Безбородко: «Простите дерзновение мое, что я уже третий раз утруждаю ваше Сиятельство о предоставлении Ея Императорскому величеству об отпуске денег на производимые работы в аглинском села Царицына саду. Я доносил вашему Сиятельству, что прежде отпущенная сумма вся издержана, желая ж, чтоб она работа и ныне действие свое иметь могла, принужденным себя нашел нанять хоть небольшое число работников на отпускаемую ежегодно 5000 р. села Царицына сумму. Не осмеливался б толь частым о сем донесением ваше Сиятельство беспокоивать, когда б не требовал того с великою доукою садовник агличанин, который усердствуя в своей должности, желал бы дальнейшия оказать в трудах своих успехи». ⁸⁵ В результате 10 июля 1787 г. было дополнительно перечислено 2000 руб. ⁸⁶ Тогда же в июле Карачинский хлопочет и об увеличении жалования Риду ввиду незапланированных с самого начала дорожных его издержках: «...и паче имеет ...езда по два и три раза в неделю, не соблаговолено ли будет приказать на жалование оному садовнику отпускать означенную сумму ежегодно». ⁸⁷

30 октября 1787 г. последует очередная выдача 8000 руб., предназначавшаяся как для устройства сада, так и строительства оранжерей. ⁸⁸ Садовые работы под руководством Рида производились с не меньшей интенсивностью и в последующие годы, что вынуждало Карачинского, уступая напористости садовника, в очередной раз обращаться к Безбородко: «Я бы не осмелился ваше превосходительство о требовании денег беспокоить естли б не имел от агличанина ежедневных приступов». ⁸⁹ Это, в конечном счете, смогло повлиять на увеличение расходов в следующем 1788 г., по поводу чего Карачинский 26 июля

информировал С.Ф. Стрекалова: «...что именным Ея императорского Величества высочайшим указом повелено, установить из кабинета на производство нынешнего лета работ, в аглинском села Царицына сада пять тысяч рублей».⁹⁰ Несомненно, эта сумма не предусматривала «окончательную отстройку оранжерей» как и «содержание онога села».⁹¹

О том, что основной массив земляных работ выполнялся окрестными крестьянами, становится известно из датированной июлем 1787 г. докладной записки Д. Попова, где, в частности, говорилось: «Крестьяне села Царицына Булатникова... ныне работу производят в садах тех селениях. (...) С начала обрабатывания аглинского сада отпущено только 1500 руб., которые в прошлом году все издержаны, не соблаговолено ль будет отпускать еще некоторую сумму дабы при нынешнем довольно дешевом найме работных людей могла она работа с лутчим успехом и дешевле производима быть».⁹²

По окончании же отделки каменных оранжерей царицынское оранжерейное хозяйство в 1787-1788 гг. возглавит немецкий садовник П. Рэкк (Peter Rack), служивший прежде у графа Н.П. Шереметева.⁹³ Несомненно, Рид нашел в нем ближайшего своего помощника, хорошо разбиравшегося в самых различных вопросах садоводства, в том числе и пейзажного. Об этом можно судить по объявлениям, который Рэкк на протяжении пяти лет (1787-1791) с должной регулярностью размещал в «Московских ведомостях». Видимо, хорошо овладевший к тому времени русским языком, он предлагал свои услуги и в качестве педагога, по поводу чего прямо заявлял: «Желающим из Господ отдать для обучения садовой науке и для рисования планов и как содержать оранжерею своих людей».⁹⁴ Относительно назначенного Рэкку денежного содержания становится известно из письма Карачинского к тому же Стрекалову, датированного 14 февраля 1790 г., где, в частности, отмечалось: «...да на жалование садовнику при оранжереях за сентябрьскую 1789 года пятьсот рублей».⁹⁵ О том, что в действительности в них произрастало, можно судить все по тем же газетным объявлениям о продаже из царицынских оранжерей плодовых деревьев (персиковых, грушевых, сливовых, абрикосовых и яблоневых) с их плодами, а также

цветов, включая самые экзотические: «китайские розаны», «жасмины Арабские».

С начала 1790-х гг. общий объем работ по «аглинскому саду», а стало быть, и их финансирование, существенно сокращается ввиду завершившейся его отделки. Среди мероприятий 1794 г. значилась, например, починка плотины с разборкой располагающейся при ней мельницы, так как от нее «происходит всегдашний вред плотине и берегам которые делаются агличанином от накопления мельниками воды».⁹⁶ Подготовленный на утверждение императрицы этот проект, предварительно согласованный с Ридом, разрабатывал подполковник И.К. Герард. Стремясь еще более усилить образную значимость Царицына, он подчеркивал, что «при украшении плотины подражал я Аглинскому вкусу тамошних садов, а при мостах и мельнице Готическому».⁹⁷

О сокращении жалованья Риду становится известно из письма Карачинского Стрекалову от 13 сентября 1792 г.: «По сим именно Ея императорское величества высочайшего указа, объявленного чрез почтеннейшее ваше письмо в ...788 года марта от 18 дня об отпуске в село Царицыно на годовое содержание по пятисот да на жалование садовнику при оранжереях по триста следует получить на будущий 1792 год...»⁹⁸

К этому времени облик парка полностью сложился, о чем свидетельствует, пожалуй, самое раннее о нем упоминание 1789 г.: «Царицыно. Село в Московском уезде, лежит на речке Городенке, так названо по именному Ея императорского величества Екатерины II указу от 1775 года из села Черной Грязи, купленного у Бригадира Кн. Сергея Кантемира. В нем строится по повелению великолепный Дворец, при коем разведены пространной регулярной и Аглинской сады, поделаны обширные пруды с каменными везде плотинами, и наполнены всякого множеством рыбы».⁹⁹

Посетивший Царицыно в ноябре 1793 г. профессор оксфордского колледжа Магдалины (Magdalen Colledge) Д. Паркинсон (John Parkinson) относительно самого Английского сада и непосредственно связанных с ним необычных построек со своей стороны замечал: «Земли вокруг покрыты лесом, а ландшафт

такой, о каком мечтал бы любой садовник. Что касается собственно Царицына, то извилистая долина, по которой раньше протекал маленький ручеек, благодаря запрудам превратившийся, как в Бленхейме, в широкое озеро или реку, имеет один очень крутой берег, а другой представляет собой отлогие склоны; по обе стороны растет лес. Дворец расположен на одной стороне местности, где берег более крутой. (...) Эти строения располагаются так тесно, что можно было вообразить, что цель архитектора была закрыть как можно больше естественную красоту места. (...) Если это не какой-то дикий каприз архитектора, то можно было бы этот стиль определить и как «мавританский», и как «готический», которые, по мнению Уолпола, часто смешиваются. (...) ...жалко того труда, и особенно прекрасного камня, которые попросту выброшены на эту пеструю и безвкусную затею».¹⁰⁰

После смерти императрицы отпуск средств на обустройство Английского парка производился вплоть до конца 1797 г., видимо, еще по инерции.¹⁰¹ И только в начале января 1798 г. для проведения «ревизии» Кабинет затребовал «две шнуровые книги с описью и расчетами аглинского садовника Рида» относительно расходования им средств, выделенных из казны на производство работ по «Аглинскому при селе Царицыне саду» за прошлый год.¹⁰²

В действительности эта проверка станет формальным поводом к прекращению финансирования, в том числе и на поддержание парка. Впрочем, Павел I возобновит его уже в следующем году, очевидно, уже после смерти садовника.¹⁰³

О том, что проживавший вместе с семьей в своем собственном доме вблизи оранжерей главный царицынский садовый мастер скончался, проинформирует 4 июля 1799 г. императора князь Кольцов-Масальский: «...находившейся в собственном Вашего имп. Величества Селе Царицыне при Аглинском саде садовый мастер Агличанин Рид был несколько времени болен, сего 1-го числа жизнь свою кончил; а чтоб сад не мог остаться без продолжения начатых в нем работ, то до воследования всевысочайшего...повеления и препоручил я производить оныя садовому его подмастерью, который с начала прибытия его

всегда находился при нем и в своем искусстве довольно сведущ».¹⁰⁴

Соглашаясь с этим предложением, Павел I со своей стороны заметит: «...садоваго подмастерья оставить при Аглинском саде... ежели оной достаточно по званию своему к занятию сего места».¹⁰⁵ В ответ на это князь счел нужным добавить, что и сам «бывший садовый мастер онаго подмастерья агличанин Рид представлял мне его совершенно сведущим, только для поддержания онаго саду; но ежели последует всевысочайшее... повеление прибавлять вновь в оном саду, тогда его сведение не может быть для онаго довольно достаточно».¹⁰⁶

Несомненно, речь шла о садовом подмастерье Сергее Махове, который и в первые годы александровского правления продолжал оставаться в Царицыне в той же должности.¹⁰⁷ Впрочем, соглашаясь с мнением Рида, управляющий дворцовым ведомством граф П.С. Валуев в августе 1804 г. указывал, что для этой императорской резиденции все же следует приискать садовника «из иностранцев».¹⁰⁸ Он же, видимо, также следуя рекомендациям английского садовника, предлагал для наилучшей сохранности парка оградить его рвом, валом и оградой: «...в аглинском саду, кроме умножения по приличным местам дорожек, газонов, разных приятных для удовольствия гуляющих видов и клумб, наполненных самыми лучшими произрастаниями (...) для входа в сад зделан из дикаго камня мост с железными между двух колонн воротами... окружен сей сад прошедшим летом рвом и земляным валом, а будущим по зделанному уже подряду в пристойных местах около дворца обнесен будет железною решеткою».¹⁰⁹

Наиболее полно судить о десятилетней царицынской деятельности Рида позволяют два своего рода итоговых генплана - «Плана Английскому саду при селе Царицыне» и «Геометрического плана селу Царицыну», датированных 1795 г.¹¹⁰ В рамках сложения общего облика Английского парка здесь отчетливо просматриваются два основополагающих направления. Одно из них следует связывать с реконструкцией прежних парковых частей, другое целиком отвечало формированию новых, еще более обширных.

Радикальной реконструкции с фрагментарным использованием лишь отдельных исходных элементов подверглась вся повышенная юго-восточная часть комплекса, которая к середине 1770-х гг. была уже полностью спланирована. Взяв за основу протяженный южный фасад казаковского дворца, Рид сохраняет все внешние габариты регулярного (Увеселительного) парка, предельно упрощая его планировку. Так, прежняя мелкая нарезка партеров и боскетов была вытеснена укрупненными элементами, образованными геометрически выверенной дорожной сетью. Соответственно каждый из них был трактован в виде небольшого периметрально обсаженного лужка, отмеченного в центре повышенными пейзажными группами или же единичными крупномерами.¹¹¹ Полная ликвидация всех этих регулярных плодовых садов и фланкировавших их березовых рощ позволила садовнику существенно укрупнить все составные части этого фактически заново формировавшегося Верхнего пейзажного парка. От прежней планировочной схемы Рид считал возможным сохранить лишь четыре протяженные аллеи, ставшие в новой композиции пространственными рубежами разновеликих и разнообразно трактованных его частей. Упразднение одного лишь голицынского плодового сада позволит садовнику сформировать самый обширный восточный район, подступавший к Хлебному дому с южной стороны. Соответственно и две другие его составные части - центральная и связанная с верхней кромкой рельефа западная, наделялись общими чертами пейзажной планировки с весьма развитой сетью прогулочных дорог. В частности, одна из них, непосредственно начинаясь от Фигурных ворот, периметрально охватывала все периферийные участки Верхнего парка, создавая самые впечатляющие панорамные раскрытия в сторону прудов. Впрочем, наибольшей своей плотностью эта дорожная сеть обладала в удаленном от дворца пейзажном районе, ограниченном с юга Большим березовым проспектом, что существенно ослабляло его линейное восприятие. Радикально расширяя пространственные габариты Верхнего парка, Рид к югу от этого «проспекта» сформирует еще одну весьма обширную его пейзажную часть, простиравшуюся в юго-западном направлении вплоть до отдаленной плотины р. Язвенки. От всех прочих она отли-

чалась панорамным охватом пахотных земель, подступавших к дворцовому комплексу с юга. Находившемуся здесь же «рваному» оврагу садовник придал плавное очертание, трактуя его в виде насквозь просматривающейся протяженной, но неглубокой ложины, отличавшейся минимальной плотностью посадок.

Устройству этого пейзажного района предшествовала массовая вырубка деревьев с последующей высадкой новых в четком соответствии с вновь создаваемой живописной планировкой. Преимущественное здесь использование получают дубы и мелколистные липы, которые не менее широко применялись и для свободных посадок. Среди крупномеров привлекали также клен, вяз, ясень и сосну обыкновенную. В ряде же случаев прибегали и к массовой высадке только хвойных. Искусное чередование сгущенных и разреженных посадок, широкое использование взаимодействующих между собой обширных открытых пространств, придавала приближенному к дворцовым объемам Верхнему парку в целом равнинный характер. Столь существенного увеличения его пространства Рид смог достичь и благодаря выводу всех «утилитарных» составляющих усадьбы на прежде пустовавший участок, находившийся за вытянутым восточным оврагом, которому было придано плавное лучковое очертание. Именно здесь, на существенном отдалении от дворцовых строений, и возникнет оранжевый комплекс, а к югу от него новый плодовый сад.

Претерпит существенные изменения и оформленный при Кантемирах узкий участок западного берегового склона. Его верхняя циркулярная часть вместо прежней беседки в 1776 г. была закреплена императорским Малым дворцом, ориентированным овальной своей формой также в западном направлении. Взяв за основу уже определившуюся постановку этого объема, Рид счел возможным сохранить здесь террасную обработку, ликвидировав лишь прежде существовавшую регулярную ее обсадку «стриженными березками». Прямым следствием устройства новой дорожной сети, предполагавшей на данном участке исключительно плавный спуск к Царицыну (Черногрядскому) пруду, станет разборка и находившегося здесь белокаменного лестничного схода. И соответственно

имевшим прежде рубленую форму мысу и островку Рид придаст мягкое скругленное очертание, органично связывая их с выразительным очертанием береговой линии.

Несравненно больший объем работ потребуется при освоении всех пониженных береговых районов, приведших к многократному увеличению кантемировской садово-парковой части и окончательно определивших планировочные рубежи Английского парка.

Намереваясь существенно расширить территорию усадебного комплекса, императрица еще в 1775 г. распорядилась прикупить окрестные земли, главным образом с западной стороны, за прудами, что и позволит Риду сформировать впечатляющее пейзажное обрамление Царицына и Шипиловского прудов.¹¹² Несомненно, самыми масштабными станут мероприятия по формированию художественно выразительных береговых линий. Этому в полной мере отвечало и устройство земляных плотин на речках Язвенке и Черепашке, что позволяло существенно увеличить общую водную поверхность. Прежняя крайне унылая естественная дробность и аморфность береговой линии сменяется необычайно плавными ее очертаниями, более всего склоняющимися к лучковой форме самой различной протяженности. Скрупулезная проработка каждого фрагмента береговой линии носила исключительно комплексный характер, обеспечивая тонкое пластическое взаимодействие противоположных берегов. Так, если один из них приобретал вогнутую форму, то на другом обычно устраивались не менее выразительные выпуклости.

Стремясь преодолеть невыразительную растянутость Царицынского пруда и существенно разнообразить его очертание, Рид за счет запруды р. Черепашки создает довольно широкое западное его ответвление, что и приведет к формированию поблизости от него еще двух пейзажных районов. Несомненно, самым эффектным очертанием обладал этот пруду круглого островка и кантемировской «абрезной горки», откуда открывались самые впечатляющие виды. Именно в этом месте его ширина, соответствуя Шипиловскому, достигла своего максимума. Такое решение позволило акцентировать восприятие от-

дельных частей парка из баженовского Малого и казаковского Большого императорских дворцов. Пытаясь сохранить принципиальную роль береговых линий в общепарковой структуре, Рид был даже вынужден в 1794 г. ликвидировать все еще находившуюся в употреблении мельницу на Царицынской плотине.

Не довольствуясь наличием всего лишь единственного кантемировского островка и ставя себе задачу предельно разнообразить облик Царицына пруда, садовник устроит целый ряд разновеликих островков овальной формы. Так, у сильно отдаленной от дворцовых объемов плотины р. Язвенки из них будет создана целая гряда, подкупавшая естественной своей живописностью.

Существенное приращение всей пониженной парковой территории обеспечил обширный лесной массив, подступавший к Царицыну пруду с западной стороны. Этот самый сгущенный парковый район приобрел свою индивидуальную выразительность за счет двух вновь созданных мысов. Прогулочных дорог здесь было мало, самая же протяженная была устроена вдоль берега.

Иной образной трактовкой наделялся не менее обширный северо-западный пейзажный район, который с юга ограничивался существенно расширенным руслом р. Городенки, а с востока - сильно протяженной частью береговой линии Шипиловского пруда, которой Рид придал изысканное очертание. Этот открытый и насквозь просматривающийся парковый ландшафт включил в себя уходящий к югу от Каширской дороги заключительный отрезок парадной трассы (нынешней Воздушной улицы). Собственно в таком решении нетрудно усмотреть исходное намерение самой императрицы, которая еще задолго до приезда Рида распорядилась высадить здесь особые рощи с сохранением основного массива пахотных земель. Сильно разреженные посадки были использованы здесь лишь при формировании периферийной (западной) части этого района. Это и позволяло по пути следования хорошо воспринимать на фоне обширного зеркала прудов живописный фронт дворцовой застройки, образованный разновеликими затейливо украшенными объемами.

Вблизи все той же подъездной дороги, в параллельно шедшем с ней овраге и рядом с Шипиловским прудом, садовник устроит еще один небольшой пруд.

В этом районе Рид создаст также прогулочные дороги и Кольцевой остров, размещенный в миниатюрной бухте Шипиловского пруда. Судя по изображению на гравюре, исполненной по акварели О.И. Бове («Вид с западной стороны села Царицыно»), на этом острове липы были высажены предельно свободно, что придавало перспективному сквозь них восприятию особое очарование.¹¹³

В общей композиции Английского парка немаловажную роль играла достаточно узкая, но весьма протяженная восточная береговая часть. Отмеченная крутыми склонами (с большим перепадом высотных отметок), она становилась связующим звеном, органично объединяя повышенные и пониженные его пейзажные районы. Рид создал здесь достаточно развитую дорожную сеть, плавно понижающуюся к прудам. Причем все эти прогулочные дороги обладали необычайно активными перспективными видами в юго-западном, западном и северо-западном направлениях. Определенная сложность единой пластической трактовки этого склона заключалась лишь в том, что верхняя его кромка уже была закреплена целым рядом баженовских сооружений (Кавалерским дворцом с круглой залой, Кавалерским корпусом, Крестообразным домиком, Фигурным мостом, Малым дворцом и Оперным домом).

Разделяя художественную концепцию Л. Брауна, Рид изначально отталкивался от использования в своем царицынском парке одних только выразительных «природных» элементов, исключая использование каких бы то ни было сооружений. Известно лишь о существовавших в конце XVIII в. нескольких деревянных мостиков, устройство которых было вызвано чисто практической необходимостью. То же в 1804 г. подтвердит и начальник кремлевской экспедиции П. Валуев: «...для входа в сад зделан из дикаго камня мост с железными между двух колонн воротами; поелику бывшие около сада заборы, поставленные прежним аглинским садовником, по смерти его, чему семь лет, от нерадения и запущения расхищены; от чего через сад сей толико природою украшенный гоняли скот и проезжали в повозках и верхами...»¹¹⁴

О первоначальном облике царицынского Английского парка можно судить по пришедшимся уже на первую четверть XIX в. высказываниям современни-

ков, подведшим своеобразный итог многолетнего творчества Рида.¹¹⁵

Так, тот же Валуев подчеркивал, что именно Царицыно «по множеству приятностей собранных природою достойно быть одним из лучших парков в Европе». ¹¹⁶ Со своей стороны П. Свиньин подчеркивал: «Вступая в сад, зритель невольно забудет строения царицынские и пленится прелестью природы – обширные пруды, тенистые аллеи, зелень, с умением прибранная, бесконечные дорожки... беспрестанно занимая зрение, производят разнообразные впечатления, и прогулка в садах царицынских оставит в душе приятнейшее впечатление». ¹¹⁷ Явно со знанием сложной специфики пейзажного дела А.Ф. Малиновский в этой связи подмечал: «(...) Нигде нет такой картинной разнообразной смеси холмов, долин, озер, рощей и заливов. Нигде нет такого света и тени, таких переливов от самой темной до самой светлой зелени: красная сосна размахивает черными, уродливыми сучьями; стройная ель, с протянутыми сплошными от корня до вершины ветвями – как зеленая пирамида, природою воздвигнутая; коренистый дуб, великан лесной; белая береза, осина с серебристыми трепещущими листьями, благовонная липа, душистая черемуха, кудрявый орешник, бледная ива, седая жимолость, пресмыкающийся ракитник, рябина с красными ягодами – все, как будто живую рукою Пуссеня, разрисовано, оттенено, развешено и подобрано. Когда стоя, стоя на верху одного из пригорков, низводить взор на предметы под ногами своими – и видишь на цветистых скатах к водам все яркие краски радуги, живописные мысы, светлые заливы, прохладные навесы, муравчатые холмы и над ними голубой свод неба: то можно подумать, что природа, в прихотливый час, хотела показать здесь вкратце всю прелесть Русских сельских видов и все богатство Русской флоры. Когда сравниваешь Царицыно с другими садами: то сознаешь, что оно имеет свой отличительный характер, и Красоты, ему только свойственные. Это не Петергоф. Это не Царское Село, в котором, Екатерина Великая, сделалась обладательницею России, проводила лето – и Царское Село вступило в соперничество с Аранжуэцом и Версалиею. (...)» ¹¹⁸ Наконец, Н.М. Карамзин кратко и решительно заявит, что «нелегко найти место, приятнейшее для сельского жилища царей». ¹¹⁹

4. СЕМЕНОВСКОЕ – ОТРАДА

Фрэнсис Рид

(1787-1799 гг.)

Разработка проекта и начальный этап формирования Английского парка в подмосковной Серпуховского уезда усадьбе графа В.Г. Орлова также связана с деятельностью Ф. Рида, приехавшего сюда наездами из Царицына начиная фактически с конца августа 1787 года. С самого начала он должен был руководствоваться уже сложившейся структурой застройки и исходить из вполне конкретных пожеланий заказчика, весьма эрудированного по части садоводства, к тому же единственного из братьев имевшего высшее образование.

Начиная с 1774 г. теплое время года В.Г. Орлов проводил в основном в новом своем имении, прямо на месте осуществляя надзор за широко развернувшимися работами.¹²⁰ Со слов графа, дословно переданных Д.Н. Свербеевым, становится известно, что уже тогда им было определено размещение всех главных усадебных построек: «Призвал я лучшего в то время архитектора, и указал он мне на место на высокой горе построить тут трехэтажный барский замок и церковь. План мне понравился, однако исполнил я его не совсем в точности. Церковь на высокой горе, на открытом от лесов месте, построил, а для постройки дома спустился пониже, к берегу реки, между лесами... Начавши строить, я опять не послушался архитектора – вместо трех выстроил только два этажа».¹²¹ В письме же к брату Алехану от 30 декабря 1774 г. Владимир уже сообщал о твердом своем намерении незамедлительно приступить к его постройке: «Теперь у меня главное из моих упражнений перестроить дом в Хатуни для меня. План сделан для каменного в три этажа».¹²² В 1779 г. его строительство, осуществлявшееся под наблюдением крепостного архитектора В.П. Бабакина, в чернее было завершено.¹²³ Впрочем, интерьерная отделка главного дома сильно затянется. Она все еще продолжалась в 1786 г., что подтверждает закупка для этого строевого леса в г. Калуге.¹²⁴ Тогда-то и приступят к устройству сравнительно небольшого Увеселительного сада. Курировал эти работы Питерман, еще в 1780 г. назначенный на должность главного садовника. Ему

предписывалось вслед за закладкой фруктового сада разбить регулярный «садик против дому».¹²⁵

Разработка проекта Английского парка откладывалась ввиду незавершенности геодезических работ, призванных окончательно закрепить за вновь формирующимся усадебным комплексом кардинально расширявшиеся его пространственные рубежи. В «Межевой книге» на этот счет говорилось следующее: «1787 года июня 11 дня по указу Ея Величества... учинена мера в Московской губернии Серпуховской округи части Хатунской волости села Семеновского Авдотьино тож с деревнями Авдотьиной, что прежде было село, Тиняковой, и полдеревней Шелковой, и с пустошами принадлежащим к селу Семеновскому Авдотьину тож, Харовой, Андреевской, Труфановой, Косиновой, Труневской, Займищем Меремешка тож, Пашиной, Михеевской, Бортиева, Баклановской, Митюшкиной, Борисовской, Кочевинной и Погорями, с их пашенною землею, санными покосы, лесными и прочими угодьями, которые по высочайшему Ею императорского Величества именному указу пожаловала... Алексею Григорьевичу Орлову Чесменскому, а после досталось по купчим... Владимиру Григорьевичу Орлову по учиненному в 1795 году... полюбовному разводу с графом... Федором Григорьевичем Орловым».¹²⁶ Ближе к осени и эти работы были завершены, о чем становится известно из датированного 29 августа 1787 г. письма В.Г. Орлова к девятнадцатилетнему сыну Александру (1769-1787), находившемуся в то время на излечении в Англии: «Межевание по здешнему месту кончено совсем и точно почти так, как положено было в бытность мою в Отраде, я рад очень что сие дело исполнилось, да и в отсутствие мое плутня Хатунского Бурмистра обнаружилась...»¹²⁷

Окончательно отошедшая к вновь формирувавшемуся имению обширная территория в основном вобрала в себя огромный массив пахотных и выгонных земель, традиционно использовавшихся жителями соседних селений. Лично участвуя в межевании, граф всякий раз примечал живописные особенности местности, что принималось во внимание при окончательном сложении планировочных границ. Причем, приоритетной оставалась вся восточная половина вла-

дения, непосредственно связанная с усадебной застройкой. Так, восточная граница подступала к уходящему в южном направлении эффектно изгибающемуся руслу р. Лопасни и находившейся на понижающемся рельефе к северу от нее Сосновой роще, отделявшей усадьбу от выгонных земель. Весьма показателен в данной связи заключенный несколько позднее (1795) договор В.Г. Орлова с местными священниками. Здесь, в частности, указывалось, что «отдали они по доброй воле мне во владение всю землю, принадлежащую к оной церкви, которая состоит между рек Лопасни и Меремышки, где и липовая роща имеется».¹²⁸

Приглашение Рида в Семеновское-Отраду незамедлительно последовало вслед за завершением геодезических работ, что подтверждается очередным письмом В.Г. Орлова к сыну: «30 Августа, на вечер по зову моему приехал сюда Английский садовник из Царицына, и с ним наш Алексашка, пробыл здесь два дни. 2 Сентября отправился домой, ходил везде; место или лучше сказать места очень ему понравились, говорит вряд другое подобное отыскать можно, куда не оборонить глаза свои везде любовался положением, особливо понравилось ему весь угор, начиная от сосновой рощи, Владимирка и Елизаветино; взял план здешнему месту, хотел сделать свой для саду Английского. А по угору до границы Кравцовской рощи разбил колыями две дорожки, которые на будущей недели начнут отделяваться под присмотром Алексашки. Садовник уверяет что он с помощью его сие дело производить может; всякое место которое будет назначено под Английский сад, разобьет он всегда колышками и объяснить Алексашке, тогда он может и один делать. Садовник намерен приезжать сюда два или три раза в лето; с начала весны, посреди лета и с начала осени, чтобы видеть так ли все идет. И так, Сашинька, при возвращении твоём к нам найдешь ты у нас довольно нового; позволишь ли свое место отделявать по Английски. Ежели что будет не по твоему вкусу, то можешь после переменить. Садовник кажется смышлен, при том человек ласковый, доброй и простаго обхождения... Позабыл тебе сказать, что образ жизни нашей здесь понравился Английскому Садовнику; он слушал музыку, сказал мне, «вы очень хорошо и весело живете в деревне, летом вам в Москве быть не за чем, там вы не можете время так при-

ятно проводить».¹²⁹ Судя по тексту, именно «садовнику Алексашке» Рид доверил реализацию своего проектного замысла. Вероятнее всего речь шла о внебрачном сыне В.Г. Орлова - Александре Чесменском.

13 сентября, спустя десять дней после первого приезда Рида, о широко развернувшихся и даже спланированных на следующий сезон работах граф с меньшей подробностью информировал сына: «Каменьщики кончили аранжерею в саду, плотнишное через неделю поспеет. И так сия работа будет совсем готова. Алексашка делает дорожки, кончит их также недели через две, кажется, что хорошо расположены. (...) На будущий год помышляю отделать садик, что противу дому, зверинец и место подле Володимерки и самую Владимирку. Питерман морщится, расположение садику не понравилось Англичанину, нынешнюю осень все оттуда вынуть – дома и стенку; он намерен сделать только один луг, а как в зверинце будет расположено, еще сам не знаю, думаю из Владимирки пропустим ключ сквозь оный, сколь можно выше и дадим ему течь извинаясь по полю, где посажены рощицы».¹³⁰ Наконец, в последнем из известных писем, датированном 24 сентября, перечислялись следующие перемены: «В Отраде доканчивают плотничное около оранжерей, аглицкую дорожку, плотинку возвышают на первом прудке во Владимирке. В намерении том, чтоб пустить воду сквозь Андреевку, разумею сквозь рощицу, сколь можно выше, а где и как пустить, означит на будущий год аглицкой садовник; около зверинца забор сгнил, то чтобы напрасных издержек не делать, загородил я только в зверинец верхний лесок и поле, а нижний загороден просто, чтобы скотина не ходила, для оленей места будет довольна, нижней же употреблю в аглицкой сад, как назначутся в нем дорожки, то буду их на тот год отделявать, дней через пять начнем садить рощицы и одиночный деревья, погода к тому стоит очень удобная. А как что исполню, то буду уведомлять друга моего Сашеньку. В лугах Коломенских работа идет также успешно, свои и посторонние работают охотно. В хлебе недостаток, я очень рад что сему недостатку таким хорошим образом помочь могу, доброй работник может выработать до 30 к. на день, там роют каналы, вычищают по лугам пенья и кочки, надеюсь нынешнюю осенью много сде-

лать. Ты слышал, что в коломенских лугах были болота не проходимыя, по каналам вода вся стекла, и место так осушилось, что поезжай верхом куда угодно, ноги не замочишь. Весело очень сделать из столь не удобного места плодоносный луг. Через несколько лет будет расти трава очень хорошая».¹³¹

Из приведенных текстов следует, что вслед за первым своим приездом в Семеновское, Рид приступил к разработке проекта Английского парка в самом начале сентября 1787 г. В качестве исходной подосновы он воспользовался составленным геодезистами генпланом окрестных земель с нанесением собственных ландшафтных пометок, сделанных в ходе детальнейшего ознакомления с обширной местностью. Далее последует не менее детальное обсуждение проекта непосредственно с заказчиком, после чего началась его реализация. В достаточно крупных объемах она осуществлялась вплоть до середины ноября, когда из Лиона пришло ошеломляющее известие о внезапной кончине сына Александра. Это обстоятельство и стало причиной практически полного прекращения работ. Продолжилось лишь устройство Лебединого пруда с островом посреди, где в соответствии с откорректированным проектным решением его и схоронили в марте следующего года в спешно выстроенной каменной усыпальнице.¹³²

Архивные материалы подтверждают, что возобновление широкомасштабных садовых работ последовало только в начале 1790-х гг. Следуя прежней договоренности, Рид и далее периодически навещался в Отраду, все это время сохраняя за собой обязанности главного садовника вместо уволенного в 1787 г. Питермана. Впрочем, как и прежде сама реализация проектного замысла находилась в повседневном ведении «садовника Алексашки», в помощь которому по первому же требованию выделялось нужное число работников.

В 1792 г. здесь по найму работал московский садовник Лебедеико с которым «говорено было как лучше садить деревья у стенок каменных», чтобы наиболее естественным образом скрыть утилитарный оранжерейно-огородный комплекс от пейзажного района Сосновой рощи. Также в четком соответствии с проектным решением Рида крестьянин Ананий Морозов одновременно подрядился из ключей, изобилующих во вновь формирующейся заречной южной

части парка, провести ручьи для полного наполнения к тому уже времени вырытых прудов. В 1793 г. последовал заказ на изготовление трубок для устройства фонтана и бурава «для верчения оных». Само же его изготовление «против большого дома» (со стороны южного фасада) последовало в 1795 г., для чего 17 мая бурмистру Панфилову предписывалось «отыскать человека, делавшего фонтан у К. Репина». В том же году у слияния Щучьего пруда с речкой Лопасней был сооружен и первый каскад.¹³³

С не меньшим размахом садовые работы производились и после смерти Рида, о чем можно судить по датированным концом сентября 1800 г. распоряжениям графа, предписывавшим «исполнить в сию осень в Отраде разныя работы». Общая их направленность не оставляет сомнений в том, что формирование различных районов Английского парка происходило одновременно:

- «1; Продолжить загородку до сосновой роши
- 2; Около Елизаветиной роши загородить жердями вниз к Лопасне, а как оное сделать знает об оном Алексашка садовник. / исполнено.
- 1; вычистить что заросло. / вычищено;
- 2; Кочки снять и поровнять где должно. / сняты и заровняты;
- 3; Загородить, что в глазах жердями как перед домом начат от мосту до зверинца каналу по обе стороны, что идет в озеро. И на противной стороне подле дорожки, что идет к ключу, только то, что в виду. / исполнено;
- От мосту где поднимает употребить загородку перемосную, или передвижную. / исполнено»;

- В распоряжении от 26 сентября оговаривалось исполнение следующих работ:
- «2; Около Елизаветинской роши загородить жердями вниз к Лопасне, а как оное сделать знает об этом Алексашка, садовник.
 - 3; Рощу сосновую вычистить разделом и исполнить оное сию осенью. / вычищено.
 - 4; Расположиться с Алексашкою наводнять место из канавы, что идет из Тинякова. / оставлено до осени».

А 28 сентября приказывалось исполнить непременно «вместе с Алексашкою» еще ряд работ:

«1; Засадить бересками по приличности овраг первой отсюда к Тинякову, но не сплошь, оставляя промежутки. / исполнено.

2; Между сего оврага и где сделаны просеки, разбросать по приличности на большие рощицы, чтобы не так голо было. / исполнено.

3; Огородить все сие рощицы, чтоб скот и лошади не портили. / исполнено.

4; Припасти в Елизаветино камню для каскаду, а какого и сколько знает об оном Алексашка. / камню приготовлено.

5; Рощицы посадить и овраг засадить непременно сею осенью. / исполнено.

6; Сею осенью вычистить и чем скорее, тем лучше, нежели можно, то при мне Володимерку; она же Андреевка, где английские дорожки. / вычищено.

7; Сделать калитку, которая бы сама затворялась, подле зверинца для выхода из Андреевки в рощицы где просеки сделаны. / сделаны».¹³⁴

Из прежде заготовленного камня к устройству каскада в Елизаветинском районе Английского парка приступят в самом начале июля 1801 г.¹³⁵ В том же году сменивший Бабакина архитектор А.В. Цуканов выстроит у западной оконечности Сосновой рощи, несколько восточнее церкви и усадебного дома, ротонду-часовню, предопределив тем самым местоположение будущего мавзолея.¹³⁶ В распоряжении от 13 января 1802 г. тому же Панфилову предписывалось на одном из островов Лебединого озера осуществить постройку беседки в точном соответствии с исполненным еще в августе прошлого года проектным чертежом Цуканова.¹³⁷ 8 сентября Панфилову и Ратькову приказывалось «птичий двор в Отраде уничтожить, оставить только лебедей, зверинец и оленей также уничтожить».¹³⁸ А согласно распоряжению от 3 октября Панфилову предписывалось озаботиться также «о наблюдении за лугами в Отрадинском парке и удобрении их».¹³⁹ В Ведомости же за 1805 г. уже говорилось об удоб-

рении навозом лугов, непосредственно подступавших к Лебединому озеру.

Начиная фактически с 1807 г. массовым порядком осуществлялись посадочные работы. В разъяснениях графа относительно высаживаемых в особо крупных количествах декоративных растений говорилось, в частности, следующее: «Цытрон Мелис. Цвет белый. Дух хорошо. Посажено довольно в английском саду. Английская крапива. Цвет голубенькой, дух довольно силен от цвету и листьев. Сих разводить больше».¹⁴⁰

Относящиеся уже к завершающему этапу формирования Английского парка предписания 1808 г. в основном сводились к устройству парковых беседок: «...велено исполнить... плотникам 15 человекам строить беседки», «строить беседки под конец Сосновой роци. Повыше ключа Владимирского», «сделать фундамент под беседку, что на ключах Владимирских».

Отчетные списки 1810 и 1811 гг., за исключением размещения очередной «беседки на кургане», проведение даже небольших садовых работ не фиксируют. Сугубо локальные мероприятия 1811-1812 гг. в основном были сведены к посадке и пересадке деревьев.¹⁴¹ К этому времени полностью сложилась и весьма развитая водная система парка. Собственно, теперь, наряду с разведением карасей и стерлядей, стало возможным, помимо пеших и конных, совершать и лодочные прогулки.¹⁴²

В целом сложившаяся в соответствии с проектным решением Рида к 1810-м гг. планировка парка зафиксирована на генплане имения начала XIX в.¹⁴³

Руководствуясь окончательно определившимися в 1787 г. планировочными рубежами имения, сложившейся структурой его усадебной застройки и живописным водоразделом р. Лопасни, Рид предложил создание двухчастной структуры парка, общая площадь которого доводилась до 600 квадратных десятин.¹⁴⁴

Сравнительно небольшой северный район Английского парка, непосредственно связанный с комплексом представительных и хозяйственных построек, был спланирован на сильно понижающемся к югу левобережном пространстве. В его западной части садовник разбил Графский луг, простиравшийся в южном направлении вплоть до р. Лопасни. Добиваясь формирования исключительно

целостной пейзажной среды, Рид был вынужден настоять на ликвидации устроенной при главном доме Питерма-ном регулярной композиции и заменить ее «партером английским», однако фонтан при этом был сохранен. Это обширное луговое пространство, обеспечивая панорамное восприятие ансамблевой застройки, распространялось также в северном и западном направлениях, вплоть до удаленной проезжей трассы и близлежащего села Семеновского, вдоль которого, следуя руслу протекавшего здесь ручья, были произведены уплотненные посадки. Кроме шедшей с запада на восток подъездной парадной трассы, его пересекали всего лишь две проложенные до Сосновой роши пейзажные дорожки. Их Рид «разбил кольями» уже в первый свой приезд.¹⁴⁵

Важную роль в композиции Графского луга призваны были играть асимметрично разбросанные купы высокорослых деревьев, вслед за У. Кентом закрепившиеся в английском пейзажном садоводстве под собирательным термином «clumps». Ему первому удалось реализовать эту идею в начале 1740-х гг. при формировании парка в Холкхэм-холле (Holkham Hall).¹⁴⁶ Составленные всего из пяти-десяти крупномеров, эти компактные группы представляли собой однородные посадки. Судя по дошедшим до нашего времени некоторым из них, Рид предпочел воспользоваться для этого посадками лип, елей и пихт. На самой возвышенной точке рельефа, вблизи вынесенной к северной границе владения усадебной церкви, он и создает самые впечатляющие перспективные раскрытия в юго-восточном, южном и юго-западном заречных направлениях. Не случайно именно отсюда неизвестным художником был запечатлен один из самых эффектных видов Английского парка.¹⁴⁷

Создававшаяся на базе Сосновой (Кравцовской) роши вся восточная часть левобережного района парка многократно превосходила западную. Непосредственно подступающий к восточным флигелям главного дома несколько вытянутый вдоль р. Лопасни юго-восточный ее участок с самого начала был отведен под садово-огородное использование, предопределив тем самым размещение оранжерейных построек.¹⁴⁸ Однако эта утилитарная часть усадьбы на представительную застройку и парк влияния не оказывала, так как с западной стороны

и вдоль береговой линии была скрыта за уплотненными посадками, а с восточной и северной - за протяженными каменными оградами. Основное же пространство Сосновой рощи учитывало контрастное взаимодействие открытого и сгущенного пейзажных участков. Первый из них, представленный сильно вытянутыми разновеликими лужками, вобрал в себя расходящиеся в соседние селения проселочные дороги. Другой, создававшийся на основе крупного массива соснового леса, вплотную подступал к берегу реки и Графскому лугу. В соответствии с проектным решением Рида он был прорежен в 1800 г. за счет единичных вырубок и приобрел отвечающую плавным изгибам рельефа извилистую прогулочную дорожку. Начинаясь она у моста, затем шла вдоль береговой линии Лопасни и северной своей оконечностью подводила к ротонде часовне и господскому дому.

И по масштабным своим параметрам, и по многообразию пейзажных элементов правобережная часть Английского парка радикально отличалась от левобережной. Со стороны повышенного левобережья в сферу активного визуального ее восприятия попадали даже сильно удаленные окрестные земли сразу нескольких деревень. Так, на западе пространственные рубежи этой хорошо просматривавшейся открытой местности доходили до Шелковки и Авдотьино. С восточной окрестных селений вообще не было, а с южной к главному дому подступали выгонные земли деревни Тиняково. Таким образом, подобно многим английским поместьям, находившиеся здесь деревни с окрестными своими угодьями становились составными частями вновь создававшейся обширной пейзажной среды. Вслед за У. Чемберсом и Л. Брауном Рид рассматривает их в качестве исключительно ценного живописного обрамления усадебного комплекса.¹⁴⁹

В соответствии с общим замыслом эта сильно растянутая с востока на запад и потому необозримая с первого взгляда всхолмленная местность становилась естественным продолжением правобережной части парка. Да и сам заказчик в одном из писем к сыну высказался по этому поводу вполне определенно: «Ты знаешь, что тут поле велико...»¹⁵⁰ Это обстоятельство в значительной мере

проясняет, почему массовые вырубки здесь не потребовались. Действительно, структурная основа большинства заречных районов парка была определена вновь сформированными «рощами-островами», контрастно отличавшимися местоположением, величиной и образной трактовкой. Не случайно в деловой переписке конца 1780-х – 1810-х гг. эти вновь сформированные пейзажные части различались своими названиями. И в середине XIX в. такое разделение парка на целый ряд районов устойчиво сохранялось, что подтверждают Ведомости исполненных работ: «Валы вокруг сосновой роши и Елизаветина окончены и в некоторых местах прибавлены».¹⁵¹

Самый обширный правобережный район парка, в честь графини названный «Елизаветин господский сад», с восточной, северной и западной сторон ограничивался эффектно изгибающимися руслами р. Лопасни и р. Меремышки, а с северной - протяженным оврагом, вплотную подступавшим к окрестным землям деревни Тиняково. Вся его западная половина, известная как Липовая или Елизаветина роща, вобрала в себя три основных элемента: обширный безлесный холм и две фланкирующие его разновеликие рощи, липовую и хвойную. Напрямую связанный с ансамблевой застройкой другой пейзажный район был известен как Володимерка («она же Андреевка»). Вся западная его половина была сформирована на выгонных землях деревни Тиняково, доходивших на севере и востоке до Лопасни. Именно здесь к началу 1810-х гг. и был завершен самый значительный объем садовых работ, включая устройство сети «аглинских» дорожек, обладавшей наибольшей плотностью. Своеобразие данному району придавали разновеликие стриженные луга, окаймлявшиеся различными по плотности асимметричными посадками. Так, западный луг, являясь продолжением левобережного Графского, подступал к пейзажному району Липовой роши. Самый же значительный луг Рид разместит в северо-восточной части Володимерки, где русло Лопасни делало эффектный поворот в южном направлении. Вплотную подступая к воде, он акцентировал восприятие находившейся на противоположном берегу Сосновой роши и уходящих за горизонт в восточном направлении окрестных земель. Отсюда же не менее эффектно просматри-

вался в перспективном сокращении и фронт представительной усадебной застройки. Южной границей этой части парка назначался Тиняковский овраг, его неплотно обсадили березками, а со стороны парка прикрыли вновь устроенными миниатюрными рощицами, «чтобы не так голо было». Видимо поблизости от этого оврага, в наиболее удаленной от господского дома отдельной роще, помещался Зверинец, где содержался особый сорт оленей, выписанных графом «издалека».¹⁵²

Володимирка дополнялась разветвленной водной системой, которая не менее активно воздействовала на образную значимость и других пейзажных частей. Ее основу составляли устроенные на местных ключах семь разновеликих прудов, одно озеро и многочисленные протоки, два из которых при слиянии с Лопасней были отмечены живописными плотинами. Показательно, что уже в два первых своих приезда английский садовник разметил трассировку некоторых из них. Само местоположение и прудов, и озера отвечало, прежде всего, оптимальному панорамному их восприятию со стороны господского дома. Так, имевшее эффектную изогнутую форму сильно вытянутое Лебединое озеро, определившее пейзажное своеобразие всей юго-восточной части Володимирки, воспринималось отсюда вдоль всей своей длины с двумя смещенными относительно друг друга островами. И соответственно закреплявшаяся уплотненными посадками его береговая линия была раскрыта только в зоне этого главного перспективного вида.¹⁵³ В непосредственной же близости от р. Лопасни, вдоль единой оси с главным домом, компактно размещалось целых пять разновеликих прудов. Все они, как и прочие водоемы, имели и чисто хозяйственное использование. Так, самый крупный из них предназначался для развода стерлядей. А несколько западнее этих прудов, в неглубокой лощинке, был устроен Щучий пруд, который сообщался с ключами, находившимися несколько южнее. Наконец, западнее них, в самой гуще рощи, помещался сравнительно небольшой Елизаветин пруд. С явным намерением заказчика следует связывать и устройство Ридом так называемого «куншттюка». Он представлял собой два проложенных вблизи ручья, где вода, поражая восприятие современников,

текла как раз навстречу друг другу более чем на целую версту.¹⁵⁴ Из датированного концом XVIII в. инвентарного списка следует, что в Володимирке Рид рекомендовал высаживать преимущественно дуб, березу, осину, ольху и акклиматизированные тополя (белые и черные), а из кустарников – калину, орешник, барбарис, бересклет европейский, клен татарский, терн, можжевельник казацкий, и ракитник. Вместе с тем прибывший в мае 1869 г. в Петербург на Международную выставку садоводства и заодно посетивший Отраду французский садовник Э. Андре (1840-1911) отмечал, что Английский парк украшался, прежде всего, липами разных сортов. Здесь он также встретил посадки бука, ели, сосны и вяза, но более всего восхитился «величием хвойных деревьев, растущих между прудами и образующими границу парка оврагом, свод которых смыкался высоко над головой».¹⁵⁵

О высокой оценке творчества Рида в Отраде ярко свидетельствует достаточно емкое высказывание не менее эрудированного по части английского садоводства графа В.П. Орлова-Давыдова (1809-1882). В конце разочарованный проектным замыслом реконструкции отрадинского парка того же Андре, он подчеркнет: «Мне нравится Отрада моего деда, с теми украшениями, которые я уже исполнил».¹⁵⁶

5. ОСТАНКИНО

Фрэнсис Рид, Роберт Мэннерс

(1791-1831 гг.)

Растянувшийся на два десятилетия основополагающий этап формирования садово-парковой среды Останкина неразрывно связан с творчеством двух английских садовых мастеров. И если вначале общий замысел ограничивался всего лишь заменой регулярного сада пейзажной композицией, то уже на следующем этапе последовало многократное ее расширение за счет окрестных земель.

Располагавшаяся всего в пяти верстах к северу от столицы эта лесистая местность Осташково в Межевой книге за 1558 г. была впервые упомянута как

«поместная земля Алексея Сатина», пожалованная ему Иваном IV.¹⁵⁷ При дьяке В.Я. Щелкалове в 1580-е гг. здесь возникает достаточно развитое для своего времени поместье с господским двором, церковью и деревенькой. Неотъемлемыми его частями станут и отвечавшие художественным вкусам хозяина копаный пруд, кедровая и дубовая рощи. Разоренное в Смутное время Осташково в 1620 г. перейдет в собственность к родственнику царя боярину И.В. Черкасскому, одно время остававшегося фактическим главой государства. Именно при первых князьях Черкасских здесь были заложены обширные плодовые сады, заведено крупное охотничье хозяйство, а рядом с прудом к 1683 г. завершится строительство каменного объема Троицкой церкви взамен деревянной.¹⁵⁸

Целиком пришедшееся на 1730-е – начало 1740-х гг. создание Увеселительного останкинского сада станет составной частью обширного замысла князя А.М. Черкасского (1680-1742), вышедшего в отставку и занявшегося реконструкцией собственного имения. При Петре I он занимал ответственную должность управляющего по городским строениям Петербурга. Ему же была доверена инспекция вновь формирующихся загородных императорских резиденций. А потому Черкасский весьма отчетливо представлял себе специфику новейшего садоводства.

Этот вновь формирующийся усадебный комплекс, изначально предполагавший посещение императрицей Елизаветой Петровной, именно в то время был дополнен парадными покоями с щедрой лепной и живописной отделкой в духе барокко. Одновременно князь приступил к закладке сада, подрядив для этого геодезистов с их учениками, предварительно распорядившись «по чертежу рубить перспективы».¹⁵⁹ Датированный 1766 г. «Межевой план селу Останкову» в целом позволяет высветить особенности первоначальной его композиции, также характерной для барокко.¹⁶⁰

Расположенный севернее копаного пруда сад был строго сориентирован по сторонам света и имел П-образную форму плана из-за вырезанной юго-восточной прямоугольной своей части, отошедшей под устройство парадного двора. Причем его северо-восточный угол упирался в восточную межу имения.

Его планировка основывалась на размещении восьми сходящихся в центре прямых и диагональных липовых аллей. Связанный переходом с церковью Г-образный в плане главный усадебный дом своим протяженным восточным фасадом был сориентирован на главную аллею, совмещенную с копаным прудом по оси север-юг. С северной стороны она замыкалась протяженным объемом оранжерейного корпуса. Вместе с сохранявшейся от прежнего времени кедровой рощей композиция парка основывалась на массовой высадке лип, дубов и кленов. Предполагалась также и разбивка многочисленных цветников с преимущественным использованием гвоздики, мака, васильков и ноготков.¹⁶¹ Восточная же его граница в то время упиралась в «слободку» дворовых, северная смыкалась с лесным массивом, а западная граничила с огородной землей. Следовательно, наиболее впечатляющие окрестные виды обеспечивала южная часть парка, непосредственно связанная с обширной водной гладью Большого пруда. Не случайно, поэтому, именно здесь, поблизости от церкви, и было решено разместить главный усадебный дом.

В усадьбу Останкино, окончательно перешедшую к роду Шереметевых в 1743 г. в результате последовавшей женитьбы графа П.Б. Шереметева (1713-1788) на княжне В.А. Черкасской, новый владелец навещался редко, обыкновенно проводя теплое время года в подмосковном Кускове. Прежде всего он, вероятно, был заинтересован в дальнейшем развитии садово-огородного и оранжерейного своего хозяйства, которое, согласно данным 1751 г., находилось в ведении семи крепостных садовников. Сам же Увеселительный сад поначалу содержал шереметевский садовый мастер Карл Рейнерт, распорядившийся однажды прислать 6000 остролистных кленов для возобновления аллеиных посадок. При сменившем его в 1761 г. голштинце Иоганне Манштадте столь масштабных садовых работ уже не производилось.¹⁶²

Вплоть до начала 1780-х гг. сад содержался в должном порядке, что подтверждает изданное в 1787 г. «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии»: «Останьково отстоит от города в трех верстах, принадлежит Петру Борисовичу графу Шереметеву, в нем великолепный уве-

селительный дом и регулярный сад с прудами».¹⁶³ Однако датированный 1789 г. генплан имения однозначно свидетельствует, что первоначальная его композиция претерпела к этому времени целый ряд структурных изменений.¹⁶⁴ Прежде всего была нарушена центричность ввиду прокладки дополнительных диагональных аллей в северной и южной частях сада. А парадный двор сильно сократил свою площадь из-за устройства хозяйственного двора, обстроенного мелкими строениями. Таким образом, окончательно утративший планировочную целостность этот Увеселительный сад уже нуждался в проведении широкомасштабных восстановительных работ.

В конце 1787 г. Останкино перейдет к Н.П. Шереметеву (1751-1809), еще ранее задумавшему сформировать здесь в стиле классицизма крупный дворцовый комплекс с ярко выраженной театральной функцией. Первое известное на этот счет распоряжение относится к 13 февраля 1790 г.¹⁶⁵ Неотъемлемой составной частью этого грандиозного замысла станет формирование качественно иной парковой среды. Соответственно состоявшийся в том же году переезд садовника Леонтия Куверина из Мещерякова в Останкино и следует связывать с самым началом его реализации.

Показательно, что изначально планировалась радикальная реконструкция парка при сохранении черкасского усадебного дома. И только позднее было принято окончательное решение ввести его в единый объем вновь формирующегося дворцового комплекса. Это подтверждает датированный 1790-1791 гг. проектный чертеж, вероятно, составленный при непосредственном участии Н.П. Шереметева.¹⁶⁶

Территория же самого сада при этом заметно увеличивалась за счет присоединения западного и северного смежных участков и предполагала принципиально иную планировку в рамках поначалу симметричной схемы. Главная ось барочного сада смещалась несколько восточнее, центральным же планировочным элементом назначалась вытянутая по оси север-юг прямоугольная в плане партерная часть, с северной стороны отмеченная эффектным скругленным завершением. От всех остальных соподчиненных частей партер выделялся свои-

ми габаритами и периметральными аллеями посадками, составленными исключительно из крупномеров. К северу от него, относительно все той же главной оси север-юг, были спланированы и две дополнительные идентичные части с восьмью сходящимися в центре дорожками. А с южной стороны к партеру подступала существенно увеличенная площадь парадного двора, все еще сохранившая свое раскрытие на копаный пруд. С западной и восточной стороны этот двор теперь фланкировали новые садовые части. Показательно, что вся последующая еще более детальная проработка придворцового садового окружения будет исходить именно из этого планировочного замысла.

Благодаря привлечению к проектным работам, видимо, И.Е. Старова, к 1791 г. удалось окончательно определить размещение в пространстве парадного двора П-образного в плане дворцового объема. Он вобрал в себя размещенный строго по центральной оси сада повышенный корпус собственно театра, черкасский усадебный дом, два симметрично размещенных павильона, кухонный корпус и четыре перехода, соединявших воедино все эти функционально обусловленные части.

Генплан 1791 г. подтверждает, что изначально все эти симметрично размещенные объемы планировалось фланкировать геометрически выверенными партерами, с восточной и западной сторон подступавшими к протяженному валу.¹⁶⁷ Со стороны же северного фасада театрального объема, также в симметричном порядке, предполагалось разместить еще два фигурных партера.

Приглашение главного царицынского садовника Ф. Рида на работу в Останкино последует в конце 1791 - самом начале 1792 гг. Вероятнее всего к этому лично был причастен немецкий Садовник П. Рэкк (Peter Rack), с конца 1760-х гг. состоявший при останкинском оранжерейном хозяйстве.¹⁶⁸ По окончании в 1787-1788 гг. строительства царицынских каменных оранжерей именно ему и будет доверено их дальнейшее обустройство.¹⁶⁹

Архивные материалы однозначно подтверждают, что с самого начала проведения садовых работ практически все связанные с этим общие и частные вопросы неизменно находились в ведении самого владельца. Как правило, все

письменные указания Шереметева с должной регулярностью поступали в останкинскую домовую контору прямо из Петербурга. Его высокой эрудиции в вопросах новейшего садоводства во многом способствовало путешествие по Англии (1771) и собственное обширное библиотечное собрание, насчитывавшее около ста английских иллюстрированных изданий. Большинство из них было связано с архитектурным творчеством и отражало последние тенденции в садово-парковом искусстве.¹⁷⁰ Впрочем, Риду, как главному садовнику, предоставлялись особые полномочия, позволявшие всякий раз оспаривать не всегда убедительные распоряжения заказчика.

К разработке проекта Рид, видимо, приступит ранней весной 1792 г. Граф рекомендовал ему все устроить на свой лад, «в новых местах как надобно», но с обязательным сохранением исходной планировочной схемы.¹⁷¹ Уже в летний период под его же руководством начнется реализация утвержденного замысла. Так, в распоряжении Шереметева от 22 августа 1792 г. останкинскому своему управляющему Алексею Агапову говорилось: «...работники чтоб непременно были в саду и как будут, то есть ли нужда будет в садовнике англичанине, то известить об оном чрез Василия Яковлевича Карачинского».¹⁷² А спустя два месяца, 22 ноября, теперь уже служителю М. Балагаеву была отправлена следующая инструкция: «Что приказываю садовнику, и впредь дано будет приказание, о регулярном и аглинском саде все подробности доставлять ему, чтоб ни в чем не происходило ни малейшей остановки и смотреть чтобы определенные работники были высланы в надлежащее время и работы производились с успехом и определенных к саду работников и лошадей к другим работам отнюдь не отлучать».¹⁷³

Составленный А.Ф. Мироновым в 1793 г. «План увеселительного сада и дому села Астанкова» позволяет прояснить исходный проектный замысел Рида.¹⁷⁴ В целом отвечавшее теории и практике новейшего английского садоводства, в частности, идеям Х. Рептона, это решение основывалось на структурном взаимодействии пейзажной и регулярной частей в рамках единой планировочной схемы.¹⁷⁵ Причем пейзажная, обозначенная как «части сада аглинскаго и китай-

скаго», должна была охватывать дворцовые объемы с западной и восточной стороны. Регулярная же разбивка сохранялась полностью лишь во вновь присоединенных северной и западной периферийных частях сада. Неизменным оставался и совмещенный по единой оси с театральным корпусом центральный партер, трактованный в качестве обширного стриженного луга. Этот насыщенный светом и воздухом партер оставался главным элементом Увеселительного сада и предназначался для всякого рода репрезентативных приемов и прогулок, являясь «как бы продолжением интерьеров дворца».¹⁷⁶ Соответственно и в скругленной в плане северной его оконечности предусматривалось устройство спектаклей прямо на пленере. Таким образом, сама идея заказчика «продолжить театральное действие для посетителей, перемещавшихся из зрительного зала в зеленое театрализованное пространство парка» приобретала принципиальное значение.¹⁷⁷

При устройстве новых частей Увеселительного сада Рид исходил из сохранения ценных посадок предшествующего времени, которыми граф особенно дорожил. Поэтому западнее партера асимметричная сеть прогулочных дорог размещалась прямо в устроенной еще в начале XVII в. Кедровой роще, окончательно утраченной в 1930-х гг. В результате целый ряд отдельно стоящих кедровых деревьев, в том числе и «кедр чрезвычайной величины под которым сделана беседка», оказывался посреди парковой аллеи. Несколько южнее, поблизости от западного флигеля (Итальянского павильона) и черкасского дома, главным пейзажным элементом назначалась «китайская роща наподобие аффи-театра из разных деревьев». Эта обсаженная полукругом «обрезная горка», также как в Царицыне, совмещалась по оси с торцевым фасадом западного флигеля. Ее фланкировали прорезавшиеся дорожками небольшие поляны, окаймленные уплотненными посадками крупномеров. Эта пейзажная часть теперь подступала к церковному объему с северо-восточной стороны, вблизи которого также предполагалась асимметричная высадка деревьев.

Планировка близкой по площади к западной восточной пейзажной части учитывала размещение «частных рощ по аглинскому вкусу», «китайской горы»

и круглой в плане поляны, украшавшейся еще одним величавым кедром. Подобно западной «обрезной горке», эта «китайская гора» также совмещалась по единой оси с восточным флигелем (Египетским павильоном). В северо-восточной своей части этот пейзажный район украшался беседкой «наподобие древних храмов». Вынесенные на периферию сада регулярные его элементы представляли собой геометрически очерченные «куртины в которых сеется разная кухонная зелень». Впрочем, в одной из них старая заповедная роща сохранялась полностью. Восточная, северная и западная граница сада упиралась в канал с валом, отделявший его от внешнего окружения. Произведенные же впоследствии садовые работы подтверждают, что этот проектный замысел претерпел ряд существенных изменений.

Прерванные с наступлением зимы садовые работы возобновятся в апреле 1793 г. Именно тогда Рид сформирует совсем небольшую пейзажную часть близ южного фасада Кухонного корпуса. В майские же дни для размещения деревянной беседки Миловзор он устроит горку и приступит к закладке Собственного садика в юго-западной части парка, вблизи черкасского дома. Граф по этому поводу еще прежде указывал, чтобы сам садовник «особливо выбирал бы особые места, чтоб где можно одному ходить, ни от кого не видиму».¹⁷⁸ Во всех подробностях ознакомившись с проектом, он 5 мая разрешит немедленно приступить к его реализации: «Назначенный мною особый для меня садик делать по распоряжению садовника англичанина, коему как за прежние ево труды, а равно чтоб и впредь старался работать охотнее выдать из канцелярии пять сот рублей».¹⁷⁹

Сохраняя за Ридом самые широкие полномочия, граф и в этот сезон требовал максимального ускорения садовых работ: «Призвать садовника англичанина и запросить его, чтоб он расположил в останьковском саду в новых местах, как надобно... и есть ли надобно планировать или где насыпать земли, то все исполнять по его приказанию и делать не упущая времени».¹⁸⁰ Одновременно садовнику предписывалось добиваться самых лучших результатов и не останавливаться перед существенной корректировкой даже уже сформированных

частей. Так, в очередном письме к Агапову от 9 июня предписывалось: «Садовнику англичанину поговорить еще, чтоб как возможно старался в расположении сада сделать во всем местах виды поприятнее».¹⁸¹

Наряду с увеличением общего объема земляных работ, тогда же в сентябре уже рассматривались конкретные вопросы, связанные с высадкой деревьев, кустарников и цветов. Это следует из указания заказчика от 26 сентября: «По расположению садовника агличанина прибавить на надлежащее место земляных работников позволяю и в поспешном отделкою иметь крайнее ж старание, а что он обещает доставить от себя для аглинского саду семян разных цветов, о том ево попросить и если оные доставят, то я оным весьма буду доволен, что ж следует о достании здесь, в Царском Селе, разных аглинских деревьев, оное мною уже аранжировано и что успеется достать, то и примется».¹⁸²

В ноябре граф обсуждал внесенное Ридом предложение об увеличении всей западной пейзажной части за счет ликвидации двух сильно вытянутых регулярных куртин. В присланном на этот счет уведомлении, помеченном 10 ноября, он выдвинул лишь одно неперемное условие: «В Останьковском саду, как садовник англичанин советует, приобщить те две куртины, что позади детинного флигеля, что к конюшенному двору, да и кедры, которые к большому кедру в линию, открыть же я дозволяю, но с тем только, что чтоб сохранено было то, чтоб мой садик остался в целости».¹⁸³ А 14 ноября, уже ознакомившись со всеми деталями этого замысла и желая избежать появления нежелательных эффектов на натуре, Шереметев распорядится о временной приостановке этих работ: «В Останьковском саду, где лужок молодыми кедром, садовник приказал между них насадить молодых елок, чтоб было дичью: оное оставить до моего приезде и для лучшей ясности прислать с онога плаца, с назначением мест, где стоят кедры и где им назначено посадить елки, план».¹⁸⁴

В ноябре в Останкино доставят первую партию английских саженцев, заказанных Ридом еще весной. В сопроводительном уведомлении на этот счет указывалось, что именно «к садовнику Куверину отправлен ящик с луковицами и два тюка с деревьями, купленными в Англии, а как с оными луковицами и де-

ревьями поступать, значит по приложенной записке, по которой в точности и исполнить».¹⁸⁵

Общая направленность распоряжений графа, сделанных уже в следующем 1794 г., сводилась к явному намерению завершить садовые работы до наступления холодов. Поэтому уже в марте-апреле он велит в Царицыно «к садовнику к англичанину послать нарочного и поговорить ему, дабы он не упуская времени старался, что должно в Останковском саду отделять и приводил бы к окончанию».¹⁸⁶ Майские же его предписания в основном отвечали восстановительным посадкам. Так, в письме от 18 мая по этому поводу сообщалось: «Касательно ж до посохших елок, посаженных назади валу Останьковского саду оные все вырыть с корнем и место очистить и против того валу к роще засеять рожью наблюдая при этом, чтоб во время вспахивания под тот посев земли не портить растущих там березок и прочих деревьев...»¹⁸⁷ Упоминалось и о «русских разных родов деревьев и кустов», которые «посохли из посаженных прошедшей осенью по аглинскому саду». Одновременно Шереметев призывал «беречь со всей возможной рачительностью» английские деревья и кусты, высаженные поздней осенью прошлого года.¹⁸⁸

И в мае, и в июне в столь же спешном порядке производились земляные работы в соответствии с очередным предписанием графа: «...в саду аглицком отделять с поспешностью и смотреть, дабы ни в чем ни малейших остановок и медления отнюдь не было. И не забудьте, что может быть скоро я у вас буду, нежели вы ожидаете, то как строения, так и в саду спешить сканчивать».¹⁸⁹

В сентябре Шереметева уведомят о смерти ближайшего помощника Рида - садового мастера Леонтия Куверина. Понимая, что это обстоятельство может существенно отразиться на снижении общего темпа работ, он незамедлительно переводит в Останкино из Маркова садового подмастерье Ивана Ситова. Одновременно ему поручалось вместе с сыном Куверина - Николаем поделить весь фронт работ именно таким образом, чтобы «один у другого не в команде» и, соответственно, независимо друг от друга «в пользу смотреть и о всем меня уведомлять».¹⁹⁰

Как и было спланировано, в ноябре 1794 г. все мероприятия по чистовой отделке были в целом завершены и 15 декабря «как по регулярному, так и аглицкому садам» назначены караулы.¹⁹¹ Таким образом, несмотря на всю грандиозность замысла, изначально спланированная интенсивность строительных и садовых работ позволила сформировать дворцовый комплекс всего за три сезона.

В следующем 1795 г. Увеселительный сад нуждался только в образцовом своем подержании. И хотя постоянный надзор за ним был возложен на Н. Кувери́на и И. Ситова, Рид продолжал периодически наведываться в Останкино. Об этом становится известно из датированного 1795 г. распоряжения Шереметева, где в качестве постоянного поставщика саженцев упоминался главный садовник Царского Села Буш-младший: «Присланные из Петербурга от садовника Буша кусты церейника маленькова 25 кустов, жасмину аглицкого 50 кустов, пионов 6 сортов 95 кустов из Московской канцелярии в Останковскую ранжерею приказать принять и записать в книгу и спросить садовника агличанина, нончель их садить или весною».¹⁹²

В том же 1795 г. с садом познакомятся и первые именитые его посетители. Поначалу это произойдет 22 июля, когда был устроен грандиозный праздник и спектакль в честь победителей при Измаиле, затем 26 августа, во время визита графа С. Потоцкого.¹⁹³ Высоко оценивая профессионализм Рида, Шереметев считал крайне важным сохранить деловые отношения с ним и далее. Поэтому в февральской инструкции 1796 г. он приказывал: «Содержать аглинский сад в хорошем присмотре по наставлению садовника агличанина».¹⁹⁴

Последний раз Рид приедет в Останкино в первой половине мая. Поездка была связана с устранением последствий урагана с градом, случившегося в конце апреля, о чем граф был незамедлительно уведомлен: «Останковской березовой роще за прудом ветром сломало 46 дерев, в роще позади церкви и в аглинском саду – 16 берез, осин 44, дубов 2».¹⁹⁵ Все поправят довольно скоро и уже 14 мая Агапов докладывал: «В Останкове подсадки по всем местам окончены».¹⁹⁶

О том, каким в действительности Рид оставит останкинский Увеселитель-

ный сад, можно судить на основании трех известных генпланов. Дополняя друг друга, все они позволяют подвести общий итог четырехлетней деятельности садовника, обозначившей завершение в середине 1790-х гг. первого этапа развития садово-парковой усадебной среды Останкина.

В сравнении с первоначальным замыслом Рида, зафиксированном на гравированном чертеже Миронова, вся дальнейшая корректировка садовой композиции носила в целом локальный характер.

Были сохранены в неизменном своем виде пространственные рубежи сада и соответствующая двум основным перекрестным осям планировочная его разбивка. Также не претерпит изменений симметричная планировка в северной (периферийной) его части.

Главная же суть изменений сводилась к сокращению до минимума регулярных элементов и существенному увеличению пейзажных. Эту основную направленность формообразующих поисков Рида иллюстрирует гравированный генплан, составленный «зелемеровым помощником» П. Морщиковым, очевидно, в конце 1794 г.¹⁹⁷ Здесь впервые зафиксирована кардинальная трансформация партера и окончательное упразднение регулярных куртин, что позволяло объединить все еще остававшиеся обособленными западную и восточную пейзажные части Увеселительного сада.

Об изменившемся облике партера можно судить на основании изящно исполненного акварелью лишь фрагментарно уцелевшего генплана, видимо, также относящегося к 1794 г.¹⁹⁸ Сохраняя общую симметрию, Рид заменяет жестко очерченную его форму волнообразным абрисом плавно изгибающейся дорожки. Ликвидируя все прежние членения, он трактует теперь партер в качестве вытянутого стриженного луга, акцентируя его по периметру скругленными пригорками. Их живописное очертание дополнялось высадкой высокорослых деревьев различных пород, чем достигалось контрастное сочетание и листья, и кроны. В основном здесь использовались липы, клены и лиственницы, две из которых сохранились до нашего времени у центрального (театрального) объема.¹⁹⁹ С внешней стороны партер окаймлялся асимметричными элементами, во-

бравшими в себя частично сохранявшуюся от предшествующего времени «зеленую галерею», обсаженную с двух сторон деревьями и кустарниками. Устройство же скругленной дорожки позволило связать партер с западным и восточными районами сада. Упраздняя «китайскую рощу» и «китайскую горку», а также присоединяя смежные северные участки, Рид окончательно ликвидировал долго сохранявшуюся дробность Увеселительного сада. Все эти три прежде разобщенные его части приобрели планировочную слитность благодаря развитой сети прогулочных дорог.

Практически вся восточная пейзажная часть размещалась на сильно пониженной местности, куда и был сориентирован покоившийся на повышенном циркульном выступе Египетский павильон. По единой оси север-юг он совмещался с насыпной горкой, закрепленной беседкой Миловзор. Близ нее по-прежнему располагался одиночно стоящий древний кедр, а несколько севернее, в близости от рва, еще одна беседка «наподобие храма».

Непосредственно подступавшие к регулярным элементам северная и восточная границы укреплялись уплотненными периметральными посадками крупномеров. Общая тенденция визуального расширения пейзажного пространства прослеживается и на небольшом участке, примыкавшем к кухонному флигелю с южной стороны. Эта целиком раскрытая на Большой пруд миниатюрная садовая композиция, созданная Ридом в апреле 1793 г., совмещала в себе расставленные в шахматном порядке деревья, просторный лужок с тремя насыпными пригорками и высаженные вдоль «маленькой решетки» невысокие кустарники.

Общий характер планировочных изменений западной пейзажной части дополняет «Генеральный план села Останкова большому дому с разными строениями», вероятно, относящийся к середине 1790-х гг.²⁰⁰ Здесь впервые отображено произошедшее в 1794 г. существенное увеличение его габаритов за счет ликвидации двух западных регулярных куртин. Упразднение композиционно связанного с Итальянским павильоном «китайского амфитеатра» позволило придать всей этой местности в целом равнинный характер, исключавший силь-

ные перепады высот. Вся примкнувшая к центральному партеру ее северная половина приобрела дополнительные пейзажные элементы, призванные акцентировать образное воздействие главного его элемента - заповедной кедровой рощи. Еще более существенным планировочным изменениям подверглась южная половина, оказавшаяся функционально разделенной на две части. Так, первая, непосредственно связанная с павильоном и предполагавшая общедоступное использование, была представлена разновеликими стриженными лугами, акцентированными плотно засаженными пригорками и единичными крупномерами. Наибольшей глубины пейзажного пространства Рид добьется на участке, прилегающем к полукруглой Ротонде Итальянского павильона, которая в летнее время трансформировалась в открытую колонную беседку. Принципиально иное решение получит и огороженный с внешней стороны Собственный садик, примкнувший к реконструированному объему черкасского дома с западной стороны. Сугубо частному его назначению отвечали и уплотненные периметральные посадки, и совсем небольшой асимметричный в плане стриженный луг, ограниченный разномасштабными пригорками с разбросанными на них в живописном порядке древесными группами. За счет подсыпки земли в просторном каре этого сохранявшего свой жилой характер корпуса Рид также спланировал устройство округлой клумбы, совмещенной по оси с парадным входом. Саму же связанную с церковным объемом южную оконечность Собственного садика предполагалось разнообразить асимметрично разбросанными вдоль прогулочных дорог пригорками с цветниками. Помимо прочего, такое решение позволяло достичь хорошего восприятия ближних и дальних частей парка непосредственно из домашних покоев графа.

Претерпят изменения и регулярные элементы парка. Стриженный кустарник, закреплявший куртины, был заменен линейной посадкой лип, что позволит сформировать протяженные аллеи и тем самым нивелировать долго сохранявшееся совершенно неестественное совмещение регулярных и пейзажных элементов.²⁰¹ Сами же куртины, прежде содержавшие исключительно «кухонную зелень», теперь преобразуют в стриженные лужки. Да и сам вал, для придания

еще большей естественности и натуральности, отныне станет засеиваться семенами газонных трав. Вновь сформированный оранжерейный комплекс с примыкающими к нему огородами и плодовым садом, Рид (подобно Царицыну), вынесет за пределы Увеселительного сада и поместит их к западу от вала. В результате все эти утилитарные постройки окажутся предельно удаленными от дворцовых объемов и потеряют с ними визуальную связь.

С большой долей вероятности можно предположить участие Рида и в корректировке береговой линии Большого пруда, тем более, что само проведение этих обширных работ не могло не отвечать общему композиционному замыслу. Видимо еще в первой половине 1790-х гг. вся восточная часть этого пруда (по оси север-юг) была существенно расширена и максимально приближена к парадному двору, что наглядно подтверждают генпланы имения более позднего времени.²⁰²

Постоянно проявляя заботу о совершенствовании своего Увеселительного сада, Шереметев в очередной раз распорядился привлечь Рида, приурочивая его приезд к весне следующего 1796 г. Это следует из письменного обращения к Агапову от 16 мая, где, в частности, говорилось: «...останковская подсадка закончена, очень хорошо. Но принимается ли она и естли от нее зелень, меня уведомить и старатца когда и еще где нужно зделать какой вид к лутчему, что делать позволяю, и для оного позвать садовника агличанина, чтобы он приехал в Останково и посмотрел не придумает ли для украшения сада еще где нибудь что зделать и естли что либо назначит об оном а равно и работников какие должны при том находиться и на каком основании обо всем прислать и мне описание а естли что назначить не требующее большей работы как то поправление дорожек или чего другого, то и заставить делать не мешкая».²⁰³

И хотя Рид незамедлительно был поставлен об этом в известность, но и спустя две недели, 29 мая, Агапов подтверждал, что «садовник агличанин в Останково еще не бывал».²⁰⁴ Эту непредвиденную для себя ситуацию он более подробно изложит 1 июня: «За садовником в Царицыно посылал в первый раз не застали а был в отлучке за сто верст а вчерашний день вторично посылал по-

сланному приказал что ему вскоре по некоторым нужным обстоятельствам быть неможно а обещал приехать чрез неделю».²⁰⁵ Не дожидаясь ответа уже на следующий день Агапов в очередной раз уведомит графа: «Садовник агличанин по трем посылкам донине во Останково не бывал а при всякой посылке обещал посланному что будет чрез два дни. Еще просить пошлю».²⁰⁶ Однако и 4 июня все оставалось по-прежнему: «Агличанин садовник в Останково по сие время не бывал и естли к воскресенью не будет пошлю еще просить».²⁰⁷ Спустя еще две недели, 16 июня, Агапов отправит очередное свое разъяснение: «Садовник англичанин по многим посылкам приглашаем был в Останкино и всякой раз обещаит, однако не бывал. Вчерашний день как был воскресной посылал Николая Куверина, который воротясь объявил, что в Царицыне не застал, а сказано от его домашних, что он уехал за семдесят верст для расположения сада у господина Дурнова».²⁰⁸

О том, что сама идея устройства Прибавочного парка к началу летнего сезона 1796 г приобрела сугубо практическую направленность, становится известно из двух распоряжений графа. Так, 2 июня к Агапову была послана записка следующего содержания: «Останковскому саду план с означением всех дорожек снять приказано».²⁰⁹ Главный же смысл этого поручения разъясняет произошедшее 4 июня непосредственно в Петербурге заключение контракта Н.П. Шереметьева с английским садовником Р. Мэннерсом (Robert Manners, 1771-1831) о предстоящей его работе в Кусково и Останкино.²¹⁰

О профессиональной деятельности Р. Мэннерса вплоть до отъезда его в Россию известно совсем немного.²¹¹ Вместе с братом Чарльзом (Charles Manners, ? - 1824) и М. Коллом (Martin Miller Call, 1780-1842) он работал у 1-го герцога Нортумберлендского (Duke of Northumberland, Sir Hugh Persy), 1715-1786) юго-западнее Лондона в Сайон-Хауз (Syon-House, Isleworth) и в другом его имении - Алнвик-Касл (Alnwick Castle, Northumberland) на севере Англии. Все трое к тому же являлись родственниками, так как Чарльз был женат на сестре Колла. Скорее всего, их приезд был связан с Д. Медером (James Meader), также служившим в имении Сайон-Хауз в качестве главного садовника вплоть до

прибытия в Петергоф. Покинув Россию летом 1792 г. он пожелал вернуться туда же.²¹² Ко времени же отъезда Р. Мэннерса эти сложившиеся еще в самом начале 1760-х гг. пейзажные композиции сохранялись без существенных изменений вплоть до конца XVIII в., поэтому и основная его деятельность сводилась к их поддержанию в образцовом порядке, не исключавшем, впрочем, незначительную корректировку отдельных частей.

В числе троих упомянутых садовников Р. Мэннерс был нанят императрицей, очевидно, для Таврического сада в помощь У. Гульду и, видимо, все они, одновременно покинув Алнвик, прибыли в Петербург в 1792 г. Чем занимался он сразу по приезде, установить не удалось. Однако некоторое время спустя Мэннерс уже числился главным садовником Н.П. Шереметева. Находясь по-прежнему в столице, он занимался реконструкцией его же собственного сада при Фонтанном доме.

Несмотря на подписанный контракт, отправка Мэннерса в Останкино в этом году не планировалась, ибо само создание Прибавочного парка было сопряжено с проведением целого ряда предварительных работ. Прежде всего предстояло составить детальные геодезические планы местности, по поводу чего Агапов 16 июня докладывал: «По воле вашего сиятельства, Останковскому саду план черной зделан, а ныне делают белой, которой уповательно к будущей почте поспеет».²¹³

В середине июля 1796 г. граф окончательно примет решение относительно Рида вслед за очередным уведомлением Агапова от 9 июля: «Агличанин садовник и по сие время в Останкове не был».²¹⁴ В письме, датированном 15 июля, особо подчеркивалось: «По Останковскому саду в садовнике агличанине теперь нужды не предвидится а потому и звать его надобности нет что и оставить впредь».²¹⁵ В записке от 21 июля Агапов подтверждал: «Садовника агличанина в Останково более звать не буду, а если сам приедит откажу».²¹⁶

Между тем только что присланный генплан Шереметев 18 июля потребовал существенно дополнить за счет включения окрестных земель: «Присланной тобою плану селу Останкову мною получен но на оном не все те места которые

мне нужно. Здесь видеть на плане для некоторых вновь расположений как аглинского сада знать и впредь другие расположения но в таком случае и предписываю сим тебе чтоб ты для меня заставил бы с поспешением в непродолжительном времени сделал другой план в крупном виде как я мог видеть нижеследующее:

1-е речку Каменку

2-е все село Останково но не вырисовывая аккуратно всего строения с большим прудом по самую рощу что противу останковского строения по Марфино и Ростокино и старатся назначить на плане замечание всех мест как то где какой находится лесок поле пригорки болоты и овраги и как скоро оной план сделать будет то не помешкай оной ко мне доставь...»²¹⁷

На этот счет 24 июля Агапов ответствовал: «Касательно до Останковского плана Миронова спрашивал скоро ль оной может сделать и на то поданной запискою объявил, что скорее двух месяцев сделать не можно потому что надобно проходить по инструменту и оную поданную вашему сиятельству записку для смотрения вашем при сем подношу».²¹⁸

Не рассчитывая в ближайшее время получить означенный план, но, стараясь не упустить текущего сезона, Шереметев назначает главным куратором садовых работ Агапова, которому предписывалось их проводить в четком соответствии с доставлявшимися от Мэннерса проектными чертежами. 10 августа, призывая незамедлительно начать работы, граф делает следующее распоряжение: «О прибавке сада в Останкове доложить Ивану Ивановичу от Агапова. Касательно до останковского саду которому полагается прибавка рытье каналов о положении к той работе кляземских или выхинских крестьян снявши с них оброк...»²¹⁹ Докладной запиской домовою конторы от 11 августа также подтверждалась новые права Агапова: «О работах в Останковском саду чтоб учинить уранжировку какими работниками то сделать. Из нас Агапову воля вашего сиятельства известна и исполнена будет».²²⁰ Из корреспонденции же от 14 августа

проясняется, что мероприятия организационного характера были к этому времени полностью завершены. И собственно теперь останкинские садовники через своего управляющего докладывали графу о своей готовности как можно скорее получить детальные чертежи, «чтоб из генерального останьковского плану приказано было выкопировать весь сад и на том назначить где быть дорожкам и каналам а потом к расположению можно приступить».²²¹

В четком соответствии с вскоре доставленными планами основной массив первоочередных работ начали осуществлять к югу от Большого пруда, относительно чего 6 октября Агапов отмечал: «Подсадки во Останькове и Кускове начаты и до больших морозов буду старатца, чтоб везде где надобно было посажено. По дороге от Марьина к Роще березовой по обе стороны пни вынуты и ямы заровнены осталось несколько в пустотах которыя в виду еще очистить».²²²

И далее, 9 октября: «Посадки в саду и по слободе и около рощи что за прудом вместо засохших производятца безостановочно; по дороге от Марьина, по обе стороны пни, которыя были в виду вырыты и ямы заровнены и вырото более тысячи в том числе много здоровых которыя все привезены во Останково и можно оные расколов употребить под котлы и к топке печей»;²²³ Наконец, в письменном отчете от 13 октября Агапов по поводу все тех же ведущихся работ добавит: «...подсадка производитца безостановочно; по московской дороге к Москве пни по обе стороны вынуты и ямы заровнены на будущее лето можно похать».²²⁴

Одновременно и, видимо, столь же активно осуществлялась корректировка Увеселительного сада, что проясняет все та же записка: «Крытая аллея к египецкому павильону по переходу вынута, годные липы употреблены в подсадку в шпалер по другим местам... (...) Завтрашний день и по другую сторону аллеи очищаться будут да и по прочим частям подсадка производится безостановочно».²²⁵

За весь летне-осенний период 1796 г. к этим работам было привлечено сто девятнадцать человек. Из них сорок один наделялся лошадьми.²²⁶ Составление Мироновым общего плана местности позволяло получить исходную подоснову

для детальной разработки Добавочного сада. На это потребовалось около двух месяцев. 6 ноября Агапов докладывал: «Останьковской дачи для плана окружная снята начали снимать ситуацию а потом накладывать станут на план».²²⁷

О том, что Р. Мэннерс в конце февраля 1797 г. благополучно добрался из Петербурга в Москву и сразу же отбыл в Останкино, становится известно из следующего уведомления: «Иван Чистой и Павел Аргунов сего месяца 24 числа приехали а с ними садовник и кучер из коих Чистой и садовник отправлены в Останьково».²²⁸ Поставленная перед английским садовником первоочередная задача предусматривала «чистовую отделку» Увеселительного сада и устроенной в просеке Марьинской рощи подъездной парадной трассы. Эти приуроченные к коронационным торжествам мероприятия отвечали запланированному посещению Останкина Павлом I. Все они под руководством Мэннерса были завершены к состоявшемуся 30 апреля высочайшему визиту, обставленному, как отмечали современники, «со сказочной роскошью».²²⁹

В общей планировке останкинского ансамбля этой прямой, как стрела, просеке отводилась весьма важная композиционная роль. Четко соответствуя сильно протяженной оси север-юг, она была сфокусирована на сильно удаленную кремлевскую колокольню Ивана Великого, чем достигалось ее восприятие из центрального двусветного зала театрального фойе и связанного с ним балкона.²³⁰ Именно отсюда, как особо подчеркивалось, «ясно светился сквозь просеку золотой купол Ивана Великого».²³¹ Это отвечавшее южному направлению самое глубокое перспективное раскрытие последовательно совмещало в себе широкие ворота парадного двора, восточную часть Большого пруда, саму просеку, пересекавшую останкинский лесной массив, сильно удаленную Марьинскую рощу и узкий отрезок Сущевского вала. Замыкавшийся главной московской доминантой, этот вид сохранял образную свою значимость вплоть до конца XIX в.: «...сквозь просеку рощи широко несется по тихому вечернему воздуху многоглагольный звон сей в мирное Останкино, невольно извлекая слезы и потрясая душу воспоминаниями...»²³² Это общее впечатление от завораживающей воображение современника необычной картины многократно усиливалось отражающей по-

верхностью близлежащего пруда.

Несомненно, с творчеством Мэннерса следует связывать вполне созвучную сценическому действию оригинальную идею внезапного раскрытия видов, по поводу чего подробно разъяснялось: «В конце прошлого столетия Марьиная роща, сливаясь с останкинским лесом, заслоняла собой вид на дворец; но, когда император Павел изъявил желание свое посетить Останкино, граф Н.П. Шереметев приготовил ему сюрприз: лишь только государь стал проезжать местность густой рощи, вдруг, как из-под распахнутого занавеса, открылась ему полная панорама Останкина - дворец, широкий зеркальный пруд, перед ним прекрасный фасад церкви и сад со всею улыбчевою окрестностью своею. В ожидании императора сделана была от начала рощи до самого Останкино просека, у каждого подпиленного дерева стоял человек и по данному сигналу сваливал дерево. Император чрезвычайно удивился внезапной перемене декораций, долго любовался ею и благодарил графа за доставленное ему удовольствие».²³³ Общий эффект такого зрительского восприятия усиливался еще и тем, что сама «дорога от Останкина и до первой заставы Москвы была иллюминирована горящими бочками с насыпанным в них осмоленным порохом».²³⁴

Спустя неделю, в Останкине был устроен не менее грандиозный праздник. В числе приглашенных было немало лиц, способных по достоинству оценить искусство английских садовников. Среди них находим уже покинувшего польский трон С.А. Понятовского, российского посланника при польском дворе графа Я.И. Сиверса, прибывшего также из Петербурга английского посланника Ч. Витворта, куратора императорского царицынского пейзажного парка князя И.П. Тюфякина с сыном и действительного статского советника Н.А. Львова. Понятовский в своем дневнике оставит 7 мая следующую запись: «...все общество перешло на балкон. Отсюда открылся вид на прекрасно иллюминированный сад...»²³⁵ Убежденному же пропагандисту сохранения и преумножения лесов Я.И. Сиверсу особенно импонировало мастерское введение в композицию Увеселительного парка вековых деревьев: «...я там видел кедр и мерил его: в окружности одиннадцать аршин, а другие от одного фута и более в диаметре.

Самому большому, говорят, более трех сотен лет».²³⁶ Впрочем, и неоднократно заезжавшему сюда уже после возвращения из Англии Н.М. Карамзину более всего импонировали все те же природные исполины: «Останьково нравилось графу Шереметеву разве близостью к городу. Положение совсем не красиво. Дом велик, в украшениях заметен мелочный вкус. В саду есть хорошие деревья; всего лучше древние кедры, привезенные князем Михаилом Яковлевичем Черкасским из Сибири, где он был губернатором».²³⁷

По завершении празднеств Н.П. Шереметев снова возвращается в Петербург, где поступает на службу.²³⁸ Именно поэтому вся последующая садоводческая деятельность Мэннерса хорошо прослеживается по корреспонденции.

Так, в первом уведомлении графа от 12 мая одновременно затрагивались вопросы содержания Увеселительного сада и давались конкретные поручения относительно продолжения недавно начатых работ, непосредственно связанных с формированием дорожной сети Прибавочного парка: ««В большом саду дорожки и лужки содержать в чистоте и приводить в совершенство, и какое рассудить сделать украшение, предоставляю на твое рассуждение; а если явится надобность деревья старые вынуть, о том прежде доложить мне и без того не начинать. Садовым подмастерьям, ученикам и рабочим людям быть в твоём распоряжении и послушании, о чем им всем от меня подтверждено. За теми людьми иметь хороший присмотр и быть всегда вместе с ними на работе; летом на работу выходить не позже 4 часов пополудни; когда же случится ненастное время и работ исправлять в саду не можно, тогда учеников, чтобы праздное время не терять, обучать рисовать, а работников можно высылать на такую работу, соображаясь погоде, возить песок, очищать всякой дрягг. Зачатые за садом пороше в речке Каменке дорожки осмотреть, и что к отделке оных потребно и колкое число надобно рабочих, сделать записку, которую и подать мне в скорости»».²³⁹

Одновременно Мэннерс приступит к проектированию водной системы Прибавочного сада, по поводу чего граф информировал Агапова: «...до вырытия канала от пруда, что позади Останковского сада до самой Каменки, об оном я,

покуда не объяснюсь с Останковским садовником, приказания дать не могу...»²⁴⁰ В начале же июля Мэннерс занимался восстановительными посадками в Увеселительном саду, исправляя последствия случившегося в конце апреля урагана с градом. В отписке на этот счет от 1 июля сообщалось: «На аглинском саде лесных деревьев несколько поломано...»²⁴¹ По той же причине с 4 июля доступ в сад для посетителей был временно прекращен, так как «в саду дорожки аглинския для поправки вновь взрыты».²⁴²

О ближайших намерениях английского садовника Агапов проинформирует графа 16 июня,²⁴³ приложив к своему докладу и его собственноручную записку: «Письмо от Останковского садовника агличанина о коем пишу. В большом саду дорожки вычистили в аглинском саду дорожки хочет переделать потому что очень круты и нельзя ходить. Поваренный сад пред ранжерей форма нехороша он хочет сделать аглинским манером и канал заровнять. А для означенной работы потребно ему 40 человек которую окончит в два месяца сентябре и октябре. Еще хочет сделать состоящей от большого дома к южной стороне двор, а на оную работу для воски хрящу с Каменки также и дерну требует 10 лошадей. Послал письмо чрез Федора Кирюшенкова чтоб для зделания кругом аглинского саду дорожек дано ему было 20 человек работников и 10 лошадей. Ананасы выписанные из Англии все здоровы только без новой ранжереи как зима настанет много пропадут и великих фруктов не будет. Без работницы нельзя ему жить. И всякой садовник его подчиненный должен быть: командир также и саду а без того люди не будут его слышать».²⁴⁴

Судя по датированным началом августа двум распоряжениям Шереметева, общий объем работ по устройству Прибавочного парка планировалось многократно увеличить, причем в самое ближайшее время. Впрочем, как и прежде, это достигалось за счет привлечения одних только крепостных крестьян, труд которых доводился до восемнадцати часов в сутки.²⁴⁵ 5 августа 1797 г. граф на этот счет информировал Агапова: «Касательно до прибавки Останковского саду, то как писано было к тебе что в той прибавке должны рыться каналы и делаться дорожки следовательно и работы будет немало...»²⁴⁶ На следующий день, 6 августа, в

ответ на полученное обращение от Мэннерса, теперь уже из Павловска, граф отправит останкинскому управляющему более развернутое свое предписание: «Останковскому садовнику агличанину делать в аглинском саду дорожки как он придумает за лучшее. Я дозволяю к выдаче ему работников потребное число лошадей и телег тебе пособие и останки ни в чем не делать и если в саду что зделано будет к лучшему то оное для меня будет пристойно а чрез то видя истовое в том старание в споможение останусь я довольный, а притом объявить от меня ему чтоб он в аглинском саду старался делать дорожки такой же мерою как зделаны в царицынском саду и были б двух сортов одни б для пеших а по другим чтоб можно было ездить в колясках и тем более в том аглинском саду будет зделано тем лучше. А как из писма ево садовника видно что хотя де выписанныя из Англии ананасы и здоровы но как зима начнется то без новых оранжерей много пропадут а для того и старайся для ананасов аранжерею зделать не помешкав...»²⁴⁷

Далее последует длительный перерыв. И только 21 июля 1799 г., в связи с какими-то непредвиденными обстоятельствами, граф подтвердит особые полномочия Мэннерса, рассчитывая на еще большее ускорение садовых работ:

«Нанятому садовнику агличанину Маннерсу и прочим останкинскому саду садовым подмастерьям и ученикам. Останконской сад оранжереи, теплицы и все касательно до саду, как то: садовых подмастерьев и учеников, иметь ему в своем ведении; коим и исполнять безоговорочно, все что от него к исполнению работ в останковском саду моем поручено будет. Если же паче чаяния, кто из подмастерьев и работников окажется нерадив в должностях своих и данных от него поручениях: то на таковой - за первый раз налагать большие работы, а если и оное не помогает, тогда давать знать управителю Агапову для понуждения их к должному повиновению что же принадлежит до садовника Куверина то его считать первым по себе мастером, но однако оному Куверину, без ведома его Маннерса ничего не делать, а во всем относиться к нему и если Куверин что только усмотрит к пользе моей служащее, то имеет голос объявить о том Ман-

нерсу, и тогда если Маннерс уважит его представление, а паче если заметит он Куверин, что вредное моим интересам, то объявлять о том тотчас Агапову и представлять ко мне.

2. Касающиеся по садовой части собственные мои повеления должны быть посылаемы к нему и на имя его, но ему передаваемы должны быть от Агапова, дабы он о всяком таком моем приказании имел надлежащее сведение и мог со-блюсти должное по нем исполнение.

3. Отпуск фруктов, овощей, зелени и прочего, как из оранжерей, так и из теплиц и сада не должен быть отнюдь без его ведома, а если что куда потребно будет, то хотя б требование пришло к управителю Агапову, но он без ведома его ничего отпускать не может, а должен требовать оное порядком от него, Маннерса каковым отпускать и должен он вести журнал и давать за подписанием свои реестры.

4. Фруктов, назначаемых в продажу без ведома Маннерса не делать, и какие с торгу давать цены за те фрукты, оные объявлять ему, к чему не возбранять и ему приискивать купцов по чьему приисканию цены за фрукты выгодней тем оные и отдавать.

5. Для садовых работ давать ему без задержания в зимнее время пеших десять и конных 10 человек, а в летнее время пеших 25 человек, конных 10 человек – каковым числом людей и содержать всегда сад, оранжереи и теплицы в должном порядке а потому потребные инструменты и разные садовые вещи давать ему без всякого задержания; рабочих же людей без ведома его в другие работы ни куда не употреблять для поспешного производства вновь намеченных и впредь назначенных от меня в аглинском саду работ прибавлять конных и пеших соразмерное требованию его числа.

6. С весны во все летнее время давать ему лошадь с седлом для езды верхом по саду. В зимнее же время по надобностям моим а иногда и для собственных его нужд давать лошадь с санями.

7. Приезжающих к нему знакомых его позволяю я пускать в сад с ведома управителя Агапова но и то в небытность мою во время ж пребывания моего в Ос-

танково впуск оной воспрещается.

8. Стараться непременно, чтоб в регулярном и аглинском садах сохранена была большая чистота; и дорожки все сделанные на аглинский манер, чтоб были чисты, крепки и стараться отнюдь чтобы на них трава не росла бы и не были бы запущены.

9. В клумбах и во всех приличных местах стараться, чтоб было довольно насажено розовых и прочих яму подобных цветочных дерев, а равно поприличнее насадить деревья, как то олху, ортан и гримлас татарское название, разноцветных сирен и множество таких деревьев, которые имеют широкие листья и вид на иностранных деревьев, а не похожих на здешние.

10. В прибавок к Старому Саду занят весь луг, что позади онаго, который впредь огородится... оградой с воротами, а ныне на время покуда огородится слегка хворостом до Муншинского погреба; Старые же ворота что из Сада с валом все скрыть.

11. В вышеозначенном прибавочном к Саду моего делать дорожки на аглинский манер с клумбами, высаженными разными деревьями, кустами и цветами; как то сыренга, самбукус, вишни, яблони, ольха и прочия...

12. Для аглинских дорожек стараться отыскать самый лучший песок хрящ какой для оных должен быть.

13. Для проезжающих в Свиблово дорогу сделать позади слободы, от которой прибавочной большой в предь аглинской сад отделить вырытым глубоким каналом в котором сделать палисад из наколотых свай с верхними острыми концами и для выезда с дороги а Аглинский сад сделать ворота.

14. От сада на открытом месте строение конюшенного двора и Музыкантского флигеля несколько от оного отступя огородить плетнем забором и засадить разными деревьями и кустами на Аглинской манер, дабы оного строения из сада не видно было.

15. У Останковской слободы, что подле большого пруда обсаженное строение разными деревьями, чтоб в виду онаго не было видно; то стараться если оные места подсадкой и вид редки; то подсадить более; а особливо рябиною, сере-

нюю и простыми вишнями».²⁴⁸

Видимо, октябрьские посадки, связанные именно с этим распоряжением, касались в основном формирования все той же прибрежной части: «Дубки, молодые березки и рябинник набирают в Останковских рощах и начали по усмотрению садовника засаживать, ...с лица засажено покупными садовником вишнями, самозком, сливами, сереньгами, яблонями, акацией, с небелыми розанами, красным деревом, черейником».²⁴⁹

Наибольший размах посадочных работ придется на осенний период следующего года. Это подтверждает представленный 10 сентября 1800 г. «Реестр деревьям, которых требует останковской садовник Роберт Маннерс для разсадки в с. Останкове в большом, старом и прибавочном аглицком садах». Предназначавшийся для формирования сразу трех садово-парковых композиций, он включал в себя развернутый список самых различных саженцев, как декоративных, так и плодовых: «Синели синей 2 арш. - 505. Белой 2 арш. 305. Бузыни 50. Вишен 2 арш. 341. Слив 2 арш. 346. Акаций 2 арш. 500. Снебель 2 арш. 10. Барбарису 1 арш. 400. Розанов пропинции 104. Сентифальных 100. Белых 100. Месячных 4. Яблоней привитых 3 арш. 37. Самбукусу 3 арш. Сиренчи персидской белой и алой пополам 4. Аглицкой рябины 3. Аглицких разных цветов 21. Пионов пунцовых и розовых 8. Аглицкаго жасмину 2. Жимолоду 100. Калины домашней 100. Антранги 60. Итого 3103».²⁵⁰

В ответном своем распоряжении от 17 сентября граф вместе с тем настоятельно рекомендовал Мэннерсу и ближайшему его помощнику Петру Хожбину не ограничиваться одной только этой широкомасштабной высадкой: «Непременно нужно вам обоим в селе Останкове, как-то в садах регулярном и английском осмотреть с должным замечанием все деревья и посадки, в оном селе в местах, где засаживалось деревьями, нет ли подсохлых, и если такия окажутся, то непременно на место оных посадить свежия. К тому же следует и то не забыть и хорошенько осмотреть в шпалерниках или тому подобных местах: если где у дерев низ оголил от растения их вышину, то стараться непременно те мес-

та засадить небольшими деревцами, чтобы пустоты в глазах не видно было, ибо шпалерник, снизу голый, приятного глазам вида совсем не делает. А как теперь время для посадки еще не позднее и весьма удобное, то и не должно онаго потерять и спешить исполнить. Сверх же сего в садиках по всем местам непременно нужно вам обще с тщанием наблюдать чистоту и порядок и не иначе считая, как будто бы сие при самом мне было. И как я во всем оном полагаюсь и верю вам, то наконец и вы обще должны будете во всем дать мне отчет. Когда же мною осмотрено будет все в должном порядке, то конечно без вознаграждения не останетесь». И далее его же рукою была сделана следующая приписка: «Оное я апробую... Как можно, чтобы нигде пустых мест не было в Останково так везде зеленело и все разрослось, также не забыть дома в Останкове, что я при себе засадил, нужно все продолжать, необходимо употребить все старание, посадку с большим старанием употреблять много надобно, помешивать зелень жимолость, не забудь черемуху и местами дубу, клену, а редко и рябины между густой зелени. В покупке соблюдайте экономию и что можно, то из домашних деревьев брать, также и дома что лучше, можно набрать. А ежели Богу угодно, мне хочется на будущее лето найти все в цветущем положении и всю посадку в лучшем состоянии».²⁵¹

Не меньше внимания Шереметев уделял и оранжерейному своему хозяйству, неизменно добиваясь получения устойчиво крупных урожаев.²⁵² Теперь же в приказе, подготовленном домовою конторой 27 мая 1801 г., особо подчеркивалось, «чтоб садовник Маннерс фрукты в оранжереях старался сохранить и привезти спелыми в довольное количество за половину сентября месяца или и далее, а ежели будет в довольном количестве винограду, то оный доставить в Петербург таким же образом, как и прежде...»²⁵³

Впрочем, все еще сохранявшаяся незавершенность работ по Прибавочному парку не помешала запланированному на 1 октября 1801 г. визиту в Останкино Александра I. Англичанин А. Пажет (Artur Paget) в одном из своих писем на этот счет замечал: «Празднества нашей коронации отличались удивительной пышностью, особенно праздник, данный вчера вечером графом Шереметевым.

По своей фантастичности он напоминал одну из «Арабских ночей». В отношении блеска и великолепия он превзошел все, что только может дать самое богатое воображение человека или что только могла нарисовать самая смелая фантазия художника».²⁵⁴

Как и в случае с торжественным приемом Павла I, главный акцент Мэннерс сделает на украшении с эффектной подсветкой подъездной дороги и Увеселительного сада. Изумленный современник, прибегая подчас к полуфантастическим сравнениям, выразит это следующим образом: «От самой городской заставы до Останкина на расстоянии 4-5 верст по обеим сторонам дороги сделаны были перила наподобие высоких скамеек. Сии перила все сплошь уставлены были зажженными плашками. За ними в некотором отдалении также по обеим сторонам дороги по всему ее пространству на расстоянии сажень 10 горели смоляные лагуны, а через 200 сажень и менее были поставлены высокие щиты, изображающие триумфальные ворота, которые прекрасно освещены были плашками и разноцветными фонарями, во все сии ворота проезжали кареты, тянувшиеся длинной цепью из Москвы до Останкина. (...) В самом селении улица крестьянских домов закрыта была с обеих сторон высокими щитами, освещенными плашками и фонарями. Господский дом со всеми строениями, равно как и прекрасный сад его с деревьями, иллюминированы были удивительно.

Площадь в саду перед окошками и одна аллея казались огненной рекою. В разных местах представлялись огненные фонтаны, как будто изливающие вверх блестящее серебро: так подделано было посредством движущихся машин и серебряных тканей. Прибытие государя и фамилии возвещено было пушечными ракетами и пальбою. (...) После пушечные выстрелы открыли фейерверк за прудом против балкона. Это было прекрасное и великолепное зрелище...»²⁵⁵

И в 1802 г. штат останкинских садовников по-прежнему оставался весьма значительным, что подтверждает все еще сохранявшийся весьма внушительный фронт работ на обширной территории Прибавочного парка. Непосредственно прикрепленные к «ранжереям и садам» эти садовники подразделялись на три категории. Так, их руководителю - «главному садовому мастеру вольнослужа-

щему англичанину Маннерсу» полагалось самое крупное жалование в размере 1000 руб. в год. Ближайшие его подручные - «подмастерья» Петр Хожбин и Степан Коровин получали в десять и даже двадцать раз меньше (91 руб. 77 коп. или 52 руб. 77 коп). Самую же многочисленную группу «учеников» с годовой зарплатой всего в 33 руб. 47 коп. составляли: Ларион Колпаков, Матвей Федоров, Давид Федоров, Николай Обрушников, Василий Кочегаров, Петр Александров, Степан Чернихин, Яков Карелин, Иван Скотников, Василий Жуков, Александр Подачин, Семен Кузнецов, Иван Четвериков, Осип Карелин, Андрей Егоров, Федор Данилов, Ферапонт Маткин, Егор Матвеев, Егор Иванов, Алексей Абрамов.²⁵⁶

В том же 1802 г. Мэннерс отправляется в Петербург, где перед запланированным отъездом на родину снова остановится в шереметевском Фонтанном доме.²⁵⁷ Главный смысл его командировки в Англию проясняет доставка в Россию самых различных садовых насаждений, включая элитные оранжерейные «планты».²⁵⁸ Об этом становится известно из его же собственноручной записки, составленной 27 мая 1803 г., вскоре после возвращения в Останкино: «Государю Сиятельнейшему графу Николаю Петровичу Села Останкина садовника Романа Маннерса Всепокорнейший доклад.

В селе Останкине, в саду, и ранжереи обстоит благополучно. Привезенные мной низайшим из Англии выбираемые ананасные планты из самых лучших сортов ныне оказались с фруктами... будет к вашему Сиятельству послать, ибо к посылке стоящие, и персонально изволите увидеть, а с оныя кроны возвратить к посадке, у некоторой части, винограду который хорошим вкусом, и большими кистями, не соизволите ль поделить, к вашему Сиятельству прислать, к посылке с состоящей, но из самых же лутчих аглинских сортов, из мелких ананасовых плантов оказались мелкие фрукты, и оные не повелите ль ваше Сиятельство, продажу одне фрукты иметь, а в ранжереи кроны с фруктов выдернуть, для скорой посадки, а хоть купцы которые покупают фрукты, и берут с кронами, и печати положа и возвращение токмо будет приносить мяты, и нездоровые, к посадке созревают, о чем поведано прежде простыми кронами, но к тому же

могут и по другим садам разводить, я желание, не имею такое, дабы имели развод, из моих сортов ибо по аглинским ценам, крона дороже нежели мелкая фрукта, и на оное ваше Сиятельство как соизволите повелеть продажу фруктами по останковским оранжереям, повелите в кусковский выделить, дабы не соглашались кусковские с останковскими, ибо обои сады покупает...»²⁵⁹

Из-за долгого своего отсутствия Мэннерс сможет возглавить работы в Прибавочном парке только с наступлением летнего периода. Соответственно под конец осеннего сезона им были окончательно определены и все издержки, связанные с запланированным с самого начала устройством каскадных прудов. И соответственно 13 ноября 1803 г. из домового конторы был отослан в столицу специальный доклад «с приложением Маниерсовой сметы делаемым на речке Каменки прудам».²⁶⁰

Вслед за кончиной графини П.И. Шереметевой (1768 - 23 февраля 1803), этой «почтения достойной подруги и товарища», пятидесятидвухлетний Шереметев выйдет в отставку. Он окончательно удалится от двора и переедет в Москву, вполне довольствуясь скромным уединением.²⁶¹

Полное его равнодушие к все еще ведущимся в Останкине садовым работам подтверждается полнейшим отсутствием поступавших от него на этот счет распоряжений. И все последние шесть лет своей жизни граф оставался безучастным ко всем останкинским делам.

Среди позднейших его предписаний находим, в частности, удовлетворение личной просьбы Мэннерса об отставке. Из докладной записки от 29 ноября 1806 г. проясняются и связанные с этим вполне конкретные обстоятельства: «Останковский садовник Маннерс будучи сего дня в домовое Вашего Сиятельства канцелярии объявил, что по воле Вашего Сиятельства купчую им землю и ранжерею продал и завтра обещал показать... совершенную купчую, а потом по служении у Вашего Сиятельства заключить условие по окончании онаго расположен по позволению Вашего сиятельства отъехать в Петербург на собственный кошт».²⁶² Оказавшись в столь непростой для себя ситуации Мэннерс полагал, что нынешнее его увольнение не вызовет неудовольствия графа, тем

более что к этому времени чистовая отделка Прибавочного парка была в целом завершена.

Относящиеся к XIX в. графические материалы позволяют высветить особенности композиционного построения Прибавочного парка и соответственно проследить изменения, произошедшие в Увеселительном саду.

Добиваясь создания целостной среды, Мэннерс многократно увеличивает исходную садовую часть, активно осваивая обширные смежные земли в северо-западном и северо-восточном направлениях. Как результат общая территория Увеселительного сада и Прибавочного парка будет доведена почти до трехсот га. Именно при нем в сферу планировочной разработки отойдет обширное пространство, ограниченное сильно удаленными Ярославской и Дмитровской дорогами.²⁶³ Эта малонаселенная живописная местность с удивительной по красоте яузской долиной все еще сохраняла лесные массивы, выгонные поля и пашни, прорезаемые р. Яузой и ее притоками - Черменкой, Лихоборкой и Каменкой. Самый же впечатляющий панорамный ее охват предоставляли как раз парадные покои центрального дворцового корпуса, непосредственно примыкавшие к его северному фасаду.

Планировочные границы Прибавочного парка в целом соответствовали межрековым границам имения. Так, восточная упиралась в древнюю дорогу, связывавшую село Алексеевское с близлежащей деревней Свиблово. Северной своей оконечностью она повторяла извилистое очертание р. Яузы, русло которой на данном отрезке органично вводилось в общую пейзажную композицию. Максимально удаленная от дворца северная находилась на значительном расстоянии от р. Каменки, что и позволит сформировать здесь довольно крупный заречный пейзажный район. Лесные чащи в нем отсутствовали, способствуя появлению самого протяженного видового раскрытия по оси север-юг. Наконец, северная граница парка смыкалась с окрестными землями деревни Марфино, а западная подступала к проезжей дороге, традиционно связывавшей ее с Останкино.

По-достоинству оценив живописные особенности местности, Мэннерс вос-

пользовался трехчастной планировочной схемой, предопределив тем самым всю последующую детальную разработку западного, центрального и восточного пейзажных районов Прибавочного парка. Несомненно, наибольший объем работ потребует при создании центрального, задуманного в качестве структурного продолжения придворцового Увеселительного сада. К устройству же двух других на базе лесных массивов Мэннерс приступит уже на следующем этапе.

Прежде всего он ликвидирует ров и вал Увеселительного сада с северной и восточной стороны. Однако с западной они будут сохранены, что позволит изолировать представительную часть усадьбы от сильно разросшегося к тому времени оранжерейного комплекса. Окончательно преодолев таким образом геометрическую замкнутость этой исходной садовой композиции, Мэннерс, развивая начинания Рида, еще более усилит ее пейзажный характер.

Весь центральный район Прибавочного парка, фланкированный с запада и востока лесными массивами, формировался на открытой и хорошо просматриваемой равнинной местности, облегчавшей устройство визуальных связей и панорамных раскрытий. Главным его планировочным элементом назначалась сильно протяженная прогулочная трасса, обрывавшаяся у верхней кромки сильно удаленных Каменских прудов. Этот фактически единственный регулярный элемент Прибавочного парка совмещался по главной своей протяженной оси с центральной аллеей Увеселительного сада и упирался в его партер, что и обусловило появление еще одного впечатляющего перспективного раскрытия.

Основное же пространство центрального района Прибавочного парка занимал расширяющийся к северу асимметричный в плане луг, структурно связанный с другими пейзажными элементами.²⁶⁴ Так, в юго-восточной его части появится большой пруд, отмеченный двумя скругленными островками. Его береговой линии, более всего напомилавшей выразительные очертания полуостровов и заливов, полностью соответствовала трассировка прогулочных дорог. Дорожная сеть этого района распространялась отсюда во всех направлениях, охватывая и самые удаленные части Прибавочного парка. Причем по мере удаления

она приобретала все более разреженный характер. Акцентировали места изгибов этих дорог придорожные цветочные клумбы.

Следуя новейшим тенденциям английского садоводства, в частности, идеям Х. Рептона, Мэннерс разместит цветники в непосредственной близости от дворца.²⁶⁵ Вполне возможно, что при их устройстве широко использовались и восточные цветы, вывезенные им лично из Англии. Показательно, что наибольшего своего распространения эти цветочные экзоты преимущественно китайского происхождения получают в английском садово-парковом искусстве как раз в начале 1800-х гг.²⁶⁶

Один из самых впечатляющих пейзажных районов Мэннерс сформирует на основе сильно удаленного от дворцовых объемов узкого русла р. Каменки. Он многократно его расширит и создаст девять разновеликих и сильно вытянутых каскадных прудов. Все они, отвечая единому лучковому абрису, последовательно смещались с северо-востока на юго-запад, в промежутке между р. Яузой и деревней Марфино. Возникновение столь значительной водной поверхности обусловит радикальную трансформацию этой обширной местности и приведет к появлению дополнительных видовых раскрытий и панорам.²⁶⁷

Изысканные очертание этих сильно протяженных береговых линий достигалось точно выверенной величиной и формой прудов, мастерской прорисовкой горловин и искусной компоновкой их разновеликих островков. Помимо эстетической своей значимости, эта цепь прудов изначально предполагала и чисто хозяйственное использование, о чем граф счел нужным распорядиться заранее: «Пруды на речках, как прежде было, в них насадить столько рыбы, чтобы тех рыб для стола не покупать...»²⁶⁸

Устроенная в этом районе дорожная сеть совмещалась с мостиками и другими не менее выразительными видовыми точками, активно закрепляла вновь сформированные береговые линии. Замыкал центральную часть Прибавочного парка самый удаленный от дворца пейзажный район, располагавшийся еще севернее Каменских прудов.²⁶⁹ В основу его планировки был положен сильно вытянутый по оси запад-восток полуостров, образованный естественной излу-

ной р. Яузы.

Подступавшие к центральному восточный и западный районы Прибавочного парка формировались на базе крупных лесных массивов, простиравшихся вплоть до окрестных земель деревни Марьино. Производя по преимуществу широкомасштабную вырубку хвойных, Мэннерс устраивал здесь дополнительные пейзажные части и, следуя указаниям Шереметева, активно высаживал липы, дубы, вязы, клены, березы, калину, черемуху, орешник, рябину, а также плодовые, преимущественно яблони и вишни.²⁷⁰

Не избежит структурных изменений и район Большого пруда, становившийся неотъемлемой составной частью Прибавочного парка. Прежде подступавший к нему с юга лесной массив был преобразован Мэннерсом в огромный луг, что привело к усилению перспективного восприятия всех южных окрестных земель непосредственно со стороны дворцового комплекса. Претерпит изменения и трассировка прогулочных дорог, полностью отвечающая теперь откорректированным береговым линиям. Это позволит усилить восприятие картинно отражающихся в воде разновеликих объемов и самого дворца, и усадебной церкви, и фронтально размещенных вдоль берега деревянных крестьянских избышек. Отнюдь не случайно именно эта пейзажная часть постоянно притягивала к себе повышенное внимание художников. Заинтересует она и английского пейзажиста Ч. Бродлея (Charles Brodley), посетившего Останкино во второй половине 1850-х гг.²⁷¹

Вслед за кончиной 2 января 1809 г. Н.П. Шереметева номинальным владельцем усадьбы станет его шестилетний сын – Д.Н. Шереметев (1803-1871).²⁷² После отставки Мэннерса поддержанием сада и парка в предшествующие два года (1807-1808) занимались все те же крепостные садовники, находившиеся под присмотром своего управителя. Однако в 1809 г. Мэннерс, согласно заключенному новому контракту, покидает Петербург и возвращается в Останкино.

Этот заключительный этап его деятельности, растянувшийся более чем на два десятилетия, начнется с составления Приемочных описей. Одна из них показывает, что одних только собранных в предшествующие годы оранжерейных

растений насчитывалось 6028 шт.²⁷³ Впрочем, теперь ежедневная служба главного останкинского садовника в основном сводилась к поддержанию в должном порядке вполне сложившихся районов Увеселительного сада и Прибавочного парка, ибо сформированный во 2-й половине 1790-х гг. комплекс застройки сохранялся без изменений.²⁷⁴ Видимо, именно по этой причине, начиная фактически с 1810 г., Мэннерс стал давать в «Московских ведомостях» объявления «об обучении рисованию планов и разведению английских и регулярных садов».²⁷⁵ Осуществлявшиеся же во второй половине 1812 г. под его же руководством садовые работы в полной мере отвечали устранению последствий французской оккупации.²⁷⁶

В очередной раз продлив свой контракт в 1817 г., Мэннерс теперь обязался уделять первостепенное внимание оранжерейному хозяйству: «...все вообще по оранжерейным заведениям в Кускове и Останкове содержать в исправности и целости, стараясь приумножать плодов и фруктов так, чтобы оные не были хозяину в тягость...»²⁷⁷ Искусство английского садовника было вновь востребовано для праздничной отделки Увеселительного сада, приуроченной к состоявшемуся 14 июня 1818 г. визиту Александра I и прусского короля Вильгельма. А 16 мая 1826 г., ввиду отсутствия графа Д.Н. Шереметева, тот же Мэннерс совместно с управляющим Баглаевым встречал императрицу Марию Федоровну, в очередной раз прибывшую сюда в сопровождении великого князя Михаила Павловича. Ознакомив их с особенностями своего обширного зеленого убранства, он продемонстрировал собственные достижения и в оранжерейном деле: гости с удовольствием отведали вишню, землянику и виноград.

Решив до конца посвятить себя службе в Останкине, Мэннерс в 1831 г. в возрасте 60-ти лет здесь и скончается. Все последовавшие изменения Увеселительного сада и Прибавочного парка обозначили неуклонный процесс их постепенной деградации. Одним из первых, кто столкнется с запущенностью парка, станет А.С. Пушкин: «...плюшки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой и некогда усаженных миртовыми и поморанцевыми деревьями, насчитывающими сотни лет своего существования...»²⁷⁸

Некоторые поновления в Увеселительном саду производились в 1856 г. садовником Меером в связи с запланированным визитом в Останкино императора Александра II.²⁷⁹ Полная же утрата Прибавочного парка произойдет уже в конце 1860-х гг., когда число интенсивно нарезавшихся здесь для сдачи в наем дачных участков перевалит за четыре десятка.²⁸⁰

Общую картину необратимых изменений с явной грустью о былом очень точно воспроизведет последний владелец Останкина, граф С.Д. Шереметев: «От времени до времени, в утренние часы, слышен шум и пронзительный свист быстрого паровоза, несущегося мимо Останкина; далеко за ним клубятся по верх рощи облако дыма; и потом все затихает. Желательно было бы, чтоб на краю парка опять наполнились бы водою многочисленные пруды, которые омывали всю обширную усадьбу и оставляли одно из лучших ея украшений...»²⁸¹

6. СТРАННОПРИИМНЫЙ ДОМ ШЕРЕМЕТЕВА

Роберт Мэннерс

(2-я пол.1810-х, 1820-е гг.)

Формирование сравнительно небольшой садово-парковой композиции в крупнейшем на начало XIX в. благотворительном комплексе Москвы происходило под общим руководством Р. Мэннерса в два основных этапа. Еще 19 мая 1803 г. Н.П. Шереметев поручит Мэннерсу составить план и определить местоположение «регулярному и аглинскому садам при Странноприимном доме», предназначавшимся «для прогулок пользующихся от болезней людей».²⁸²

Этот крупный земельный надел, подступавший к Мещанской слободе с востока и простиравшийся на север в сторону Останкина, в начале XVII в. был пожалован царем Михаилом Федоровичем князьям Черкасским и вскоре приобрел устойчивое название «Черкасских огородов».²⁸³ Отображающий градостроительную ситуацию рубежа XVII-XVIII вв. первый геодезический план Москвы (1739) подтверждает, что примыкавшая с севера к Земляному валу вся эта обширная загородная местность была полностью распланирована и приобрела по-

квартальную разбивку.²⁸⁴ Южную и западную границы рассматриваемого квартала определяют две пересекавшиеся у Сухаревой башни средневековые трассы общегородского значения – проезд вдоль Земляного города и Мещанская улица. Окончательное же сложение его северной границы по ломаной линии Грохольского (Горохового) переулка завершится к 1760-м гг., когда за счет ликвидации находившегося здесь обширного пруда общая площадь квартала несколько возрастет. Это и позволит продолжить закрепление западной и восточной его планировочных границ мелкими частными владениями.²⁸⁵ И соответственно совсем скоро обосновавшиеся здесь служители Черкасского огорода обзаведутся собственными садами «с фруктовыми деревьями и ягодными кустами».²⁸⁶

Общегородские планы Москвы, дополняемые детальными генпланами Межевых книг 1762 и 1768 гг., подтверждают, что имевшая форму «почти правильного четырехугольника» основная часть квартала (в количестве 10 десятин и 1412 сажен) принадлежала в то время графу П.Б. Шереметеву. Отвечая общей схеме застройки квартала все находившиеся здесь мелкие строения (два флигеля, сараи и амбары) также были вынесены к проезду Земляного города. Остальное обширное пространство по-прежнему занимали огороды, посреди которых с давних пор размещалась «ружная деревянная церковь во имя преподобной Ксении», возобновленная Я.М. Черкасским в 1689 г.²⁸⁷

Такой характер использования владения устойчиво сохранялся и далее, о чем свидетельствует составленный в 1788 г. «Геометрической генеральной план загородному двору называемому Черкасской огород».²⁸⁸ Его дворы с мелкокомасштабной застройкой группировались вдоль улицы, «идущей от Сухаревой башни к Красным воротам» и вблизи приходской Ксениевской церкви. Севернее же помещался неизменно остававшийся свободным низменный участок с двумя копаными прудами.

Сама идея создания «каменной гошпитали» взамен заведенной при первых Черкасских богадельни при храме возникнет у Н.П. Шереметева, вероятно, в конце 1780-х гг.²⁸⁹ Для скорой реализации этого грандиозного замысла граф

привлечет в 1798 г. в качестве «главного смотрителя» А.Ф. Малиновского (1762-1840). И тот вместе с отцом (протоиреем Ф.А. Малиновским) поселится прямо здесь, у строительной площадки.

Прежде всего, предстояло завершить сильно затянувшееся строительство Е.С. Назаровым как автором проекта главного корпуса, заложенного еще в ноябре 1792 г.²⁹⁰ К 1803 г. была возведена лишь его западная часть, включавшая в себя и домовую церковь. Поэтому Малиновский решает привлечь более опытного Дж. Кваренги, которому и поручалось закончить все строительные работы в предельно короткий срок.²⁹¹ Два года спустя главный корпус был достроен, по поводу чего в деловой переписке (1805) сообщалось: «...покрыт английскою жестью купол и на нем глава с крестом».²⁹² По просьбе Шереметева Малиновский составит также проект «Учреждения Странноприимного дома в Москве», утвержденный 21 апреля 1803 г. Александром I.²⁹³

Привлечение же Мэннерса к устройству парка последует в конце мая 1803 г. Надо полагать, что спустя полгода разработка проекта будет целом завершена. Об этом косвенно свидетельствуют датированные 10 и 17 декабря уведомления Московской домовой конторы, где граф предписывал Малиновскому, в качестве куратора работ, заняться и Черкасским огородом.²⁹⁴ Такое решение, как представляется, было вполне оправданным. Судя по всему, он неплохо разбирался в особенностях новейшего садоводства, чему могли содействовать и младший его брат, В.Ф. Малиновский, служивший при посольстве в Лондоне (1789-1791), и княгиня Е.Р. Дашкова, которую он часто навещал в Троицком, где и состоялось его знакомство с будущей супругой (А.П. Ислентьевой). Сам же Мэннерс к садовым работам по Черкасскому огороду привлекался поначалу достаточно редко, так как занимался устройством останкинского Прибавочного парка. А в 1807-1808 гг. он и вовсе покинул Московский регион вследствие собственной отставки.

Относящийся, видимо, к 1804 г. «Генеральный план месту на Черкасском огороде с означением на оном строения» детально воспроизводит первоначальный замысел Мэннерса, как и в Останкине, основанном на взаимодействии

регулярной и пейзажной частей парка.²⁹⁵ Тем более, что в рамках формирования нового комплекса высвобождалась обширная территория и ликвидировались все прежние постройки, включая саму церковь. Новый комплекс застройки теперь занимал сравнительно небольшой участок в южной части владения, целиком сориентированный к «улице, идущей от Сухаревой башни к Красным воротам». Еще ряд совсем небольших стандартных домиков для «престарелых служащих» планировалось разместить на противоположной стороне, вдоль западной оконечности Грохольского переулка. Заводившийся же овощной огород, «для самой экономии того дома потребный», должен был примкнуть к сильно протяженной западной планировочной границе владения. Основная территория владения целиком отводилась под «сады регулярной аглинской и и плодови-той».

Закреплявший главную ось комплекса прямоугольный в плане «Регулярной аглинской сад» подступал к хозяйственному двору и центральной своей аллеей упирался в повышенный объем главного корпуса. Его планировка основывалась на симметричной лучевой разбивке с устройством протяженных аллей. А в качестве вспомогательных элементов избирались небольшие площадки скругленных очертаний. Проектный генплан зафиксировал и эти уплотненные аллеи-посадки, и находящиеся в промежутке просторные лужки, акцентированные живописно разбросанными деревьями и кустарниками.

«Плодовитой» сад, примыкавший к «Регулярному аглинскому» с северной и восточной сторон, обладал значительно большей величиной. Он был представлен довольно развитой пейзажной композицией и обладал уплотненной сетью прогулочных дорог, две из которых смыкались с центральными аллеями регулярного сада. Неотъемлемой составной его частью становился и низменный участок, занимавший всю северо-восточную часть владения. Принимая в расчет сравнительно небольшие габариты самого сада, но, не имея возможности создать хоть какое-то подобие развитой водной системы, он решает сохранить находившиеся здесь пруды и придать им выразительное очертание, дополняя их общей дорожной сетью. Судя по названию, основной массив посадок «Плодо-

витого сада» должны были составлять плодовые деревья и кустарники, призванные выявлять и подчеркивать общий его пейзажный характер.

Впрочем, это проектное решение Мэннерса не было реализовано. Главная причина заключалась, вероятно, в том, что сравнительно небольшие размеры владения не позволяли полноценно разместить сразу две садовые композиции. Это хорошо осознавал и сам садовник, вынужденный руководствоваться в данном случае вполне конкретными распоряжениями заказчика.

В 1805 г. Малиновский все же приступит к подготовительным работам, напрямую связанным с устройством парка. Всем «жившим на месте, назначенном для сада» предписывалось срочно продать на снос все свои строения и полностью очистить дворы. При этом плодовые деревья и кустарники следовало непременно «сберечь» для последующего их использования. Подлежала разборке и церковь преподобной Ксении, упраздненная за ветхостью еще в 1800 г.²⁹⁶

В качестве главного останкинского садовника Мэннерс вновь будет привлечен к обустройству Странноприимного дома лишь в 1810 г. Теперь задача облегчалась устройством одного только пейзажного парка. Однако и к состоявшемуся 28 июня 1810 г. торжественному открытию этого крупного благотворительного заведения он так и не был создан, а на отведенном для него участке по-прежнему выращивали овощи на продажу.²⁹⁷

В том же 1810 г. между находившимися поблизости парными флигелями по проекту С.А. Миронова устроят белокаменную ограду. Металлическое же ее ограждение (с двумя воротами) доставят из Кускова, где оно помещалось «около пруда перед гротом».²⁹⁸ В деловой переписке на этот счет мельком упомянут и сад: «...решетка сия отделяет сад, имеющий длины 102 саж., ширин. в переднем конце 112 саж., а в заднем 120 саж.; в оном саду было назначено место для пруда длин. 66 1/2 1/2 саж., шир. 60 саж».²⁹⁹

И в последующие десятилетие время от времени производившиеся садовые работы ограничивались решением сугубо локальных задач. В частности, неоднократно предпринималась высадка саженцев, а при устранении последствий французской оккупации при доме Главного смотрителя был устроен совсем не-

большой садик, хотя в проектом решении Мэннерса он не значился. Основное же пространство отведенной под сад земли «по-прежнему было занято огородом, который иногда сдавался в аренду, иногда обрабатывался хозяйственным способом, а последние годы отдавался в аренду...»³⁰⁰

И под конец 1819 г. «аглинский сад» все еще отсутствовал, что обусловило уже принятие чрезвычайных мер. Теперь незамедлительное его устройство рассматривалось в рамках широкомасштабной послепожарной реконструкции города.

В помеченном 17 марта 1820 г. письменном своем обращении к Совету Странноприимного дома его бессменный попечитель граф В.С. Шереметев призывал срочно выбрать, наконец, место под сад и определить его размеры. При этом, как подчеркивалось, «не касаясь, однакож, огороженного и в прошедших годах разведенного уже А.Ф. Малиновским сада, который должен на будущее время состоять под непосредственным ведением г.г. Главных Смотрителей, как принадлежащий к корпусу, ими занимаемому». Из общего количества земли он предлагал выделить лишь огородную часть. Всю же остальную отвести под парк, но «не планировать, а только по самой необходимости выравнить, где есть возвышенные места, ибо сад должен быть не регулярный, а во вкусе Английского».³⁰¹ Шереметев также настаивал на том, что еще до начала проведения работ следовало разработать подробнейший его план. А потому предлагал воспользоваться услугами своего останкинского садовника.³⁰²

Руководствуясь достаточно четкими указаниями заказчика, Мэннерс той же весной приступит к разработке очередного своего проекта. В журнале Совета от 22 мая выдвигалось в этой связи лишь одно непереносимое условие: садовнику рекомендовалось сохранить вблизи дома Смотрителя сильно разросшиеся деревья и кустарники.³⁰³

О новом замысле Английского парка и последующей его реализации можно судить лишь по письменным источникам, происходящим из архива Странноприимного дома.³⁰⁴

Несмотря на твердую решимость завершить начатое дело как можно скорее,

попечитель по ходатайству Совета соглашался отсрочить разбивочные работы вплоть до сбора урожая. Объяснялось это тем, что арендатор Соймонов уже взял этот участок в годовую аренду и, следовательно, затратил собственные средства на покупку инструментов, семян и наем огородников.³⁰⁵ Уже в августе на утверждение попечителя члены Совета представят только что разработанный Мэннерсом проект «аглинского сада». Одобрив последнюю его редакцию, Шереметев сразу же направит в собственную канцелярию следующее распоряжение: «...в случае встретившейся надобности в березках для разведения при Странноприимном Доме сада, отпустить оных, сколько потребуется, из Останкинских рощей, перевезя оныя на лошадях, при чем с рассмотрения Управляющего г-на Клементя и Садовника Маннерса к украшению того сада отпустить из Кусковских и Останкинских регулярных садов и из числа разных произрастений сколько возможно будет кустов».³⁰⁶

Вместо А.Ф. Малиновского курировать разбивку парка Совет поручит его заместителю - Д.И. Пименову.³⁰⁷ Как и было договорено, работы начнутся уже после сбора урожая, 24 сентября 1820 г. Для этого граф решает выделить в помощь Мэннерсу собственных работников. В очередной раз обращаясь в домовую контору, он предписывал срочно «отрядить в Странноприимный Дом из числа Кусковских или Останковских двух садовых учеников и с ними четырех рабочих, находящихся при тех садах, для разбивки сада, с сохранением получаемого ими содержания». Под непосредственным руководством Мэннерса «они делали дорожки и в тех местах, где назначены места для посадки деревьев, кустов и клумб, подсыпали и уравнивали землю».³⁰⁸ К массовой же высадке деревьев и кустарников предполагалось приступить уже будущей весной. Со своей стороны Шереметев убеждал членов Совета более не нанимать работников, находящихся при Странноприимном доме, а «семена же и всякия потребности получать из суммы, штатом положенной на содержание богадельных и больных, равно и к заведению сада при первой возможности приступить нынешней весной».³⁰⁹

В весенне-летний период 1821 г. из останковских рощ и подмосковных са-

дов сюда начали свозить деревья, кустарники и прочие растения, которые в четком соответствии с проектом высаживались при непосредственном участии Мэннерса.³¹⁰ Впрочем, и эти работы не удастся завершить в назначенный срок. Растянувшиеся еще на восемь лет, они будут окончательно завершены лишь в весенне-летний сезон 1828 г. Именно тогда для должного ухода за парком приобретут все необходимые инструменты и наймут опытного садовника.

К этому времени он уже был обнесен забором и отделен, таким образом, от огорода, все еще продолжавшегося сдаваться в наем. На садовых «клумбах были посажены разные деревья и кустарники», беседки же украшались акациями. И вдоль каменной ограды, соединившей парные флигеля, также появятся цветочные клумбы. Повсюду в парке «разставлены были выкрашенные зеленою краскою скамейки», а все его прогулочные «дорожки обложены дерном и утрамбованы щебнем».³¹¹ Безусловно, и на этом завершающем этапе его устройства Мэннерс сохранял за собой руководство всеми садовыми работами.

В конце 1820-х гг. «аглинский сад» Странноприимного дома представлял собой в плане «не совсем правильный четырехугольник», по краям которого, аналогично партеру останкинского Увеселительного сада, располагались «клумбы для цветов и кустов разных родов и клумбы с посадкою больших деревьев разных родов, из чего составит парк или тенистая прогулка». Основная его площадь была занята обширным лугом, обрамленным цветочными клумбами. Посреди этого луга садовник устроит «курганы или небольшие горки, которые должны быть на тех местах, где были прежде сего церкви, и самые те места, где были престолы; на вершине тех горок должны быть поставлены приличные тому признаки, из коих числом два: один по середине того луга, а другой по левую сторону, третий же для соблюдения симметрии».³¹² Иначе говоря, разработанная Мэннерсом садовая композиция учитывала закрепление пейзажными элементами особо памятных мест окончательно упраздненного Черкасского огорода, отвечавших местоположению двух утраченных объемов Ксенийской церкви.³¹³

Как и в случае с останкинским Увеселительным, образная направленность

Английского парка Странноприимного дома в целом отвечала особенностям современного английского садоводства, на что также указывает введение в пейзажную композицию цветочных клумб. Окончательно сложившийся на рубеже 1820-х-1830-х гг. его облик будет сохраняться без существенных изменений вплоть до середины XIX в. Косвенным подтверждением тому может служить производившаяся в 1853 г. посадка лип и подсев газона, отвечавших поддержанию парка в образцовом порядке.³¹⁴

*7. ГОРЕНКИ, ГОРОХОВОЕ ПОЛЕ,
ПЕТРОВСКИЙ ПОДЪЕЗДНОЙ ДВОРЕЦ*

*Адам Менелас
(1800-е, 1820-е гг.)*

Состоящего на государственной службе в команде Н.А. Львова А.А. Менеласа (Adam Menelaws) перед коронационными торжествами в начале 1797 г. командировать в Москву для приведения в порядок Кремлевского и Слободского дворцов, за что наградят 4 мая чином Титулярного советника. Затем последует возвращение в Могилев, а оттуда в Царское Село, где 20 февраля 1798 г. его в качестве соучредителя пригласят в только что основанную протоиреем А.А. Самборским Практическую школу земледелия. Проработав здесь всего до 14 декабря, Менелас возвратится в Москву уже руководителем училища Битного земляного строения, заведенного Львовым на государственный счет близ Симонова монастыря на собственной «даче» в Тюхильях.³¹⁵ Из письменного обращения Менеласа к Г.Р. Державину насчет погашения долгов по зарплате становится известно, что Львов уговорил его покинуть столичную Экспедицию Государственного хозяйства, обещая компенсировать солидную потерю заработка за свой собственный счет.³¹⁶ И хотя училище было упразднено 24 июня 1804 г., спустя полгода после смерти Львова, Менелас продолжал состоять на государственной службе вплоть до 18 августа 1806 г., когда последовало «высочайшее» удовлетворение его просьбы об отставке с одновременным присвоением чина Коллежского асессора.³¹⁷ Получив «высочайшее» уведомление относительно

невозможности прибавки жалованья, он фактически остался не у дел и осенью 1806 г. по приглашению А.К. Разумовского отправился в Яготин.³¹⁸

Впрочем, профессиональная деятельность Менеласа в Московском регионе не ограничивалась одним только проектированием и строительством зданий и садовых сооружений. С ним связывают формирование в 1810-х – 1820-х гг. обширного пейзажного парка в Суханово.³¹⁹ Ряд исследователей полагает, что и к Английскому парку в Пехра-Яковлевском он также был причастен.³²⁰ В те же 1800-е гг. Менеласом будут созданы еще две парковые композиции, причем обе для графа А.К. Разумовского (1748-1822).

В 1747 г. Горенки были пожалованы императрицей Елизаветой Петровной А.Г. Разумовскому (1709-1771), а после его смерти они отойдут к его младшему брату - К.Г. Разумовскому. Тот в 1784 г. передаст это имение сыну Алексею. В рамках формирования крупного усадебного комплекса Менелас выстроит здесь главный дом, флигеля³²¹ и поражавший воображение современников оранжерейный комплекс, где будет размещаться одна из самых богатейших в России ботанических коллекций.³²² Неотъемлемой составной частью обширного замысла станет заведение Английского парка, относительно устройства которого А.К. Разумовский напишет: «В садовнике, недавно сюда приехавшим, я нашел человека не только в своем ремесле знания много имеющего, но сверх того, архитектора изрядного и весьма искусного во всякой земляной работе».³²³

Несомненно, речь шла о Менеласе, которому и будет доверена разработка проекта «аглинского сада».³²⁴ Сама же его реализация осуществлялась другими мастерами, что подтверждает современник, побывавший в Горенках в 1810 г.: «Из Оранжереи вышли мы на террасу, ...а прошедши Английский сад и два Китайские моста, достигли до большого здания, в котором хранятся книги и собрания трав и семян. Мы очутились посреди искусственного сада из поморанцевых и лимонных деревьев, стоящих в трех густых рядах и составляющих длинные аллеи. Нам казалось, что мы переселились в прелестные рощи Неаполитанские. Все деревья украшались плодами... (...) Доктор Редовский, который перепискою со славнейшими ботаниками, преимущественно же с Английскими

садовниками, доставил вскоре начатому делу благоприятное направление и собрание растений обогатил множество предметов. Под управлением г-на Фишера трудится весьма искусный садовник г. Пельцель из Франконии, и работают 34 садовых помощника, большей частью крепостных людей графа. Сверх того каждое лето было 70 работников занимаются здесь украшением Английского сада, извивающегося многими кривыми дорожками и богато прекрасными прудами и каналами».³²⁵

То, что формирование парка было к этому времени завершено, подтверждает и Д. Лаудон, посетивший Горенки во время кратковременного своего пребывания в России в 1813 г.: «Земли ее огромной протяженности, но поверхность их ровная, а почва – сухой песок. Естественный лес, составленный из березы и дикой вишни, охватывает парк и акцентирует искусственно созданные картины. Усадебный дом весьма элегантен; он окружен оранжереями и гротами, а также лужайками, создающими восхитительный пейзаж, которому нет равного в России».³²⁶

Основу общей линейной композиции Английского парка, устроенного на мягко понижающемся рельефе, составят созданные на р. Чернавке четыре разновеликих пруда, обладавшие подчеркнуто выразительными очертаниями береговых своих линий. Двум из них (Верхнему и Нижнему) была придана сильно вытянутая форма, создававшая впечатление широкого речного русла, пересекавшего усадебную территорию в южной ее части. Расположение еще двух прудов отвечало главной оси симметричного южного дворцового фронта, образованного главным домом, парными его флигелями и соединявшими их колоннадами («террасами»). Именно здесь, в полосе самого активного визуального восприятия, и было достигнуто самое выразительное сочетание «природных» элементов. Так, вплотную подступавшая к просторному лугу и дворцовым объемам с юга восточная оконечность Верхнего пруда была несколько расширена, приобрела эффектное очертание и включила в себя остров, на который и были сориентированы устроенный несколько западнее Грот с холмом и Китайский мостик.³²⁷ Еще большей шириной и более изысканным асимметричным очерта-

нием обладал Средний пруд, украшавшийся четырьмя разновеликими островами и удлинённым полуостровом. За ним на некотором удалении перпендикулярно всем остальным был устроен ещё один пруд, из дворцовых покоев воспринимавшийся наиболее выигрышно вдоль протяжённой своей оси. Эта развитая водная система и определила образное содержание большинства пейзажных районов парка, которые напрямую были связаны с береговыми линиями. Соответственно и прогулочными дорожками в основном охватывались пруды, повторявшие их живописные очертания. Находившийся на противоположном берегу обширный оранжерейный комплекс, особая гордость хозяина, был смещён относительно главного дома и не оказывал на него визуального воздействия ввиду того, что прибрежные части Верхнего пруда окаймлялись уплотнёнными посадками из лип.³²⁸ От представительной застройки и пейзажного парка был изолирован и сильно протяжённый служебный корпус, размещавшийся несколько западнее главного дома, в стороне от Верхнего пруда. Как отмечает исследователь, «сооружения в парке были немногочисленны», а потому «богатство и разнообразие парковых картин на аллеях парка, идущих вдоль берегов остальных прудов, достигалось живописным очертанием берегов и островков и разнообразием древесных пород»; причём высаживались «не только местные породы, но и разнообразные деревья и кустарники, травы и цветы, привезённые из различных областей России, главным образом из Сибири».³²⁹

Сравнительно небольшую пейзажную часть Менелас спланирует в северной половине усадьбы, между главным домом и Владимирской дорогой.³³⁰ Ограничивалась она парадной подъездной аллеей полуциркульного в плане очертания. Именно здесь, по аналогии с именем Хэрвуд-Хауз (Harewood House), помещался Зверинец с просторными стриженными лугами, живописным прудом и фланкировавшими его тремя разновеликими рощами. Располагавшийся же юго-восточнее него регулярный Старый сад решат сохранить, но прикрыть со всех сторон уплотнёнными высокими посадками.

С 1822 по 1831 гг. Горенки находились в собственности князя Н.Б. Юсупова (1750-1831). По случаю последовавшей в 1832 г. продажи этой заведенной при

«большой Владимирской дороге на расстоянии от Москвы 14 верст» усадьбы была составлена опись, подтверждавшая наличие все тех же двух парков: «Английский на пространстве 9 десят. с частью строевого леса» и «старый липовый длиной 89 саж. шир. 68 саж». Сами же пруды, как отмечалось особо, все еще «изобилуют рыбою: щуками, окунями, налимами, карасями и прочей мелкою».³³¹ Посетивший Горенки в 1912 г. Н. Врангель уже застанет полную деградацию Английского парка: «...боже, что делается в бывшем парке, в парке «русского Линнея», где трудились лучшие садовники Европы! Видны места, где некогда находились пруды, что теперь высохли. (...) ...жалко Горенок, и жалко думать, что сгнило все лучшее, что было».³³²

Находящаяся к востоку от Кремля и связанная с излуциной р. Яузы обширная низменная территория Горохового поля вплоть до начала XX в. сохраняла традиционное свое садовое использование. Именно здесь размещался Васильевский луг, положивший начало устройству Васильевского сада. Известно лишь, что для его расширения Иван III в середине XIV в. выкупил земли соседнего села Воронцова.³³³

Появление здесь частных загородных владений следует отнести к первой половине XVII в., когда этот единый массив прибрежных земель был поделен на крупные участки и продан состоятельным жителям соседней Немецкой слободы. В середине столетия на рассматриваемой территории возникнет усадьба датского купца и заводчика Давида Бахарта, чьи пороховые строения размещались в непосредственной близости от притока Яузы, на р. Уче. Ее южную границу определит береговая линия р. Яузы, восточную закрепит русло протекавшего здесь ручья, а северную – уходившая к городу проезжая дорога. В 1689 г. владельцем усадьбы становится граф Г.И. Головкин (1660-1734). С ним и следует связывать формирование развитого комплекса в духе Нового времени, облик которого неизменно сохранялся и при М.Г. Головкине (1699-1754), бывавшем здесь лишь наездами. Датированный 1737 г. генплан владения это полностью подтверждает.³³⁴

Так, занимавшая верхнее плато и упиравшаяся в проезжую дорогу северная

его часть содержала хозяйственные дворы и мелкие частные владения прислуги, скрытые от парадного въезда симметрично располагавшимися фруктовыми садами. Представительная же южная часть, целиком связанная с р. Яузой, включала в себя обширный парк. Основополагающую роль в его радиально-лучевой композиции играли устроенные на р. Яузе разновеликие пруды. Их местоположение и конфигурация полностью отвечала секторной разбивке парка, что позволяло акцентировать панорамные раскрытия на Андроников монастырь, район Сыромятников и еще целый ряд усадеб, находившихся поблизости от Анненгофа. Именно эта композиция, как особо подчеркивается, являлась одним «из самых ярких и динамичных образцов паркового искусства барокко в Москве».³³⁵

12 мая 1744 г., спустя три года после отправки М.Г. Головкина в якутскую ссылку, императрица Елизавета Петровна подарит усадьбу графу А.Г. Разумовскому, проживавшему в основном в столице и потому не уделявшему ее поддержанию должного внимания. Поэтому и генплан Москвы (1767) зафиксировал здесь лишь отдельные сохранившиеся элементы парка, в том числе и пруды, утратившие к тому времени исходные свои очертания.³³⁶

В начале 1770-х гг. вместе с Горенками эта усадьба перейдет к К.Г. Разумовскому. А тот при семейном разделе 1784 г. передаст ее в собственность сыну - Алексею.³³⁷ Впрочем, приступить к давно назревшей реконструкции этого своего ближайшего к Москве загородного имения он сможет только около 1800 г., уже после того, как в 1796 г. покинет пост сенатора, выйдет в отставку и в конце 1799 г. выручит деньги от продажи московского своего дома на Знаменке.³³⁸

Привлечение к работам Менеласа станет прямым следствием многолетних его контактов с семейством Разумовских. Тем более, что тюхилевское училище Землебитного строения, которым он долго и бесценно руководил, находилось по соседству, несколько южнее Горохового поля. Несомненно, решающая роль в сложении усадебного комплекса принадлежит Менеласу, хотя ряд исследователей все еще продолжают связывать его с творчеством Н.А. Львова.³³⁹

В этой связи следует отметить, что на самой ранней стадии его проектирования и формирования Львов в Москве попросту отсутствовал. К тому же из-за резко обострившейся глазной болезни он не мог бы справиться и даже с малым объемом проектных работ.³⁴⁰ Вместе с тем только что возвратившийся из Англии Менелас находился все это время в Москве. Именно он 26 июля 1800 г. письменно уведомлял Львова насчет окончания в Тюхильях «большого дома, также и птишного и скотного двора».³⁴¹ Из других же служебных отчетов Менеласа следует, что тот лишь на краткое время приедет в Москву, да и то в самом конце ноября 1802 г. Впрочем, и до этого, летом 1800 г., вскоре по возвращении из Батурина, Львов тяжело и долго болеет.

Примечательны в этой связи строки из датированного 4 апреля 1801 г. письма его супруги: «Больной мой стал походить на человека: десять месяцев он был мертвый и теперь говорит, что он совершенно забыл всю прошедшую жизнь свою и истинно для него теперь трояко новый век: что он совершенно забыл, что он делал и как жил, и теперь каждый день, что ему вспомнится – как будто новая находка».³⁴² Сильно пошатнувшееся здоровье вынудит Львова уйти в длительный отпуск.³⁴³ А из датированного 1 октября 1802 г. письма Львова становится известно, что он по-прежнему проживал в Петербурге. Весной же следующего 1803 г. министр внутренних дел В.П. Кочубей поручит ему разработку проекта «Горячих вод». И 24 мая 1803 г. из столицы Львов в сопровождении И.А. Иванова отправится на Кавказскую линию. На обратном же пути, добравшись до Москвы только осенью, Львов снова «долго и тяжело болел, бродил по комнатам на костылях» и в ночь с 21 на 22 декабря скончался.³⁴⁴

Вместе с тем Менелас, как отмечалось в послужном списке, «с мая 1797 по 12 января 1803 г. в отпусках не был».³⁴⁵ И 28 ноября 1803 г., еще за месяц до смерти Львова, он письменно уведомит его о собственной отставке: «Но как ныне казенных учеников в училище больше не присылается, а следовательно и школа земляного строения не существует, то по сему и я считаю при нем быть ненужным».³⁴⁶

Таким образом, все еще продолжая находиться на государственной службе,

Менелас фактически устранился от руководства тюхилевской школы и вплотную занялся формированием как минимум двух усадебных комплексов - на Гороховом поле и в Горенках.

Согласно описи 1714 г. «под домом и садом» в данном владении находилось 62.808 квадратных сажений или 28,6 га. Такая его площадь неизменно сохранялась вплоть до состоявшейся 25 мая 1788 г. закладки приходской церкви Вознесения на Гороховом поле.³⁴⁷ Именно тогда, при сохранении западной, восточной и южной, последует корректировка восточной границы участка. Составленный 30 мая 1801 г. генплан владения подтверждал твердое намерение владельца выстроить главный дом на существенном удалении от красной линии «переулка, ведущего в Сыромятники».³⁴⁸ Сама территория показана без изменений, все еще сохраняя свои мелкомасштабные строения. В границах бывшего парка показаны лишь «действующие», «заболоченные» и «высыхающие» пруды, все еще сохраняющие геометрические свои очертания. Южный фасад главного дома был сориентирован к Большому пруду, уже тогда избранному в качестве главного элемента пейзажной композиции.

В относящемся к 6 ноября и 29 декабря 1802 г. уведомлении «О присылке архитектора для освидетельствования произведенной плотничной работы в доме графа Разумовского крестьянином Ивановым», подчеркивалось, что все «строение производимо было под собственным его сиятельства графа Алексея Кирилловича надзиранием также по указанию и распоряжением архитектора Г-на Менеласа».³⁴⁹ В том же году Менелас разработает и проект устройства северо-восточной части парка, непосредственно подступавшей к строящемуся главному дому и его восточному флигелю.³⁵⁰ Чертеж зафиксировал оригинальное планировочное решение, полностью отвечающее специфике пейзажного садоводства. Здесь же обозначены плавные трассировки прогулочных дорог, местоположение и форма луговых пространств с редким размещением зелени на них, эффектно сужающаяся северная оконечность восточного пруда, дополненная подступающей к дому протяженной излучиной.

Главный итог формирования парка на этом первом этапе отображает фикса-

ционный генплан 1805 г.³⁵¹ Он подтверждает, что основной массив интенсивно производившихся здесь земляных работ отвечал полной ликвидации всех малых прудов и окончательному устранению их планировочной дробности. За счет их слияния Менелас создаст только два пруда, которые и займут едва ли не половину всей площади парка. Связанный с Яузой южной протокой Большой пруд, приобретший живописную форму, дополнялся не менее выразительными своими ответвлениями (западным и восточным). А во вновь созданную его северную бухту, отвечая центральной оси господского дома, будет вписан овальный в плане остров. Очертания же несколько меньшего пруда в целом соответствовали проектному решению 1802 г. Как раз вблизи него, вдоль всей восточной границы владения, протекал связанный с Яузой ручей. Непосредственно же перед домом было образовано обширное луговое пространство.

Значительная часть садовых работ была к тому времени завершена, что подтверждает О. Гунн, упоминая усадьбу А.К. Разумовского на Гороховом поле: «Я жил в Москве неподалеку от его огромного дома, коего в одном флигеле помещается Немецкий театр г. Стейнсберга, а в обширном саду его делаются каждое воскресенье ваксалы и фейерверки».³⁵²

Около того же времени ближайший помощник Менеласа еще по Тюхильям И.А. Иванов исполнит несколько акварельных видов парка.³⁵³ Здесь отчетливо видны уплотненные посадки вдоль восточной границы, средние и мелкие компактные группы и единичные посадки (преимущественно из елей и берез), луговые пространства и украшенные кустарником плавные пригорки, плавающие на пруду белые лебеди. Вблизи же дома вполне различимы и цветочные клумбы. Подчеркнуто жанровый характер этих картин позволяет предположить, что на одном из них запечатлен сам Менелас, делающий очередное указание одному из своих садовых работников. Примечательно и то, что на обратной стороне одного из этих акварельных рисунков сделан карандашный набросок парка с размашистой надписью на английском языке: «Views of Gorohova Pole» («Виды Горохового поля»).

Почти двойное увеличение парковой территории произойдет уже после 6

июня 1806 г., когда генерал-губернатор Москвы соблаговолил прирезать смежную «заразную землю» в количестве 5 десятин 643 квадратных сажен.³⁵⁴ На генплане владения 1807 г. этот имевший сложную геометрическую форму участок показан южнее большого пруда.³⁵⁵ Остается, впрочем, неясным, был ли он сразу освоен. Однако известно, что из-за финансовых проблем А.К. Разумовский пытался дважды (1814, 1818) продать усадьбу императорскому двору, и под конец его жизни парк находился не в самом лучшем своем состоянии.³⁵⁶

Второй этап формирования парка следует связывать уже с наследником - графом П.А. Разумовским. Есть основания полагать, что и тогда привлекался Менелас. Во всяком случае, документально подтверждается, что в феврале 1822 г. он разрабатывал проект перестройки главного усадебного дома для подмосковного Суханова и, стало быть, какое-то время находился в Московском регионе.³⁵⁷

Именно эту существенно развитую планировочную структуру Английского парка детально зафиксировал генплан владения, исполненный в 1822-1827 гг.³⁵⁸

Так, произошедшее значительное сокращение всей юго-восточной части Большого пруда привело к устройству двух небольших прудов, размещенных вблизи Яузы. Еще один пруд создадут на присоединенной территории, определив основу ее композиции. От всех других он отличался эффектно изогнутой формой, и как все остальные, в узкой своей части содержал мостик. Эту развитую водную систему, состоящую, как подчеркивалось, из «прудов переделанных и вновь выкопанных», дополнял также связанный с Яузой живописно изгибавшийся ручей, пересекавший территорию парка с востока на запад. Соответственно и сама Яуза в обновленной пейзажной композиции стала играть еще более активную роль. Претерпят изменения и первоначальные очертания береговых линий, ставшие еще более выразительными. Сеть прогулочных дорог существенно возрастет, охватывая теперь и самую удаленную от дома юго-западную часть парка. Однако садовых сооружений будет по-прежнему совсем немного – всего лишь один павильон, шлюпочный сарай и грот-кузница.³⁵⁹ При этом мостиков, органично связанных с дорожной сетью, на генплане показано

великое множество.

Очевидно, именно этот самый значимый период существования парка застал А.А. Васильчиков, когда замечал: «Сад, наполненный цветами и редкими деревьями, имел более 3,5 верст в окружности и занимал 43 десятины. В нем было четыре пруда, наполненные рыбою. Яуза извивалась среди сада и через нее перекинут был каменный мост».³⁶⁰ М.И. Пыляев добавит: «...на всем пространстве его были устроены боскеты, цветники, всевозможные прихотливые аллеи из искусственно подстриженных деревьев; широкие дорожки в нем начинались от дома, высоко насыпанные и утрамбованные, и мало-помалу все делались уже и наконец превращались в тропинку, которая приводила к природному озеру, или на лужайку, усеянную дикими цветами, или к холмику, покрытому непроницаемым кустарником, или вела к крутому берегу реки Яузы... Граф Разумовский устроил такой сад, чтобы среди шумной Белокаменной иметь такое место, которое прелестью неискusstvenной природы заставляло бы его забыть, что он находится в городе».³⁶¹

Общую деградацию парка зафиксирует датированный 1842 г. «Специальный план бывшего дома и сада графа Разумовского, ныне принадлежащий Воспитательному дому».³⁶² К тому времени его территория сократится более чем вдвое вследствие устройства обширных огородов. От прежней композиции уцелеют лишь два больших пруда с небольшими прибрежными своими частями и луговое пространство, непосредственно связанное с главным домом.³⁶³

Осуществляя руководство широкомасштабными строительными и садовыми работами в петергофской Александрии, Менелас в 1827 г. был совсем ненадолго командирован в Москву. Речь шла о заведении в соответствии с личным распоряжением Николая I общедоступного парка Петровского подъездного дворца.³⁶⁴

Во второй трети XVIII в. весь рассматриваемый участок помещался между Большой (старой) и вновь создававшейся «перспективной» петербургскими дорогами, поблизости от сельца Петровское-Зыково, что и зафиксировал датированный 1767 г. генплан Москвы с ее окрестностями.³⁶⁵ Тогда на этом месте в

окружении обширных земельных угодий располагался регулярный парк, вероятно, изначально являвшийся составной частью совсем небольшого усадебного комплекса. Избранный поблизости самой императрицей для размещения собственного Путевого дворца участок являлся составной частью обширной открытой местности, откуда хорошо просматривалась древняя столица, «готическая» церковь в Филях и уходящий за горизонт Ходынский луг. Видимо, одновременно со строительством на рубеже 1770-х – 1780-х гг. дворцовых объемов здесь был устроен и небольшой регулярный парк.³⁶⁶ Отвечая их центральной продольной оси, он размещался вблизи хозяйственного двора с прямо противоположной от Петербургской магистрали стороны. Эта, видимо, близкая к симметрии парковая композиция в действительности представляла собой дубовую рощу, прорезаемую аллеями. Причем, как и вся прилегающая к дворцу территория, она, вероятно, также ограничивалась с внешней стороны валом и рвом.³⁶⁷

Находившийся здесь на постое с 17 по 20 сентября 1812 г. француз Лабем вспоминал: «Небольшое количество домов, расположенных около дворца, не могло приютить громадного количества народа, стоявшего в этой местности: люди, лошади, экипажи помещались под открытым местом среди поля. Штабы, расположенные со своими генералами вокруг дворца, устраивались в английских садах, ютились в гротах, китайских павильонах, киосках, садовых беседках. Лошади, привязанные к акациям или липам, отделялись одна от другой питомниками или грядками из цветов».³⁶⁸ Трудно, впрочем, представить, что все это в действительности находилось поблизости от Петровского дворца. Однако известно, что он был французами разграблен, саму же дубовую рощу основательно вырубил для устройства землянок.

Снятый офицерами императорской свиты по личному повелению Александра I в 1816 г. генплан владения Петровского дворца фиксирует и планировку парка, претерпевшего к тому времени ряд изменений.³⁶⁹ Теперь его территория, отвечавшая как и прежде единой протяженной оси комплекса, более-менее равномерно членилась тремя диагональными протяженными аллеями, сходящимися у старой петербургской дороги.

Генплан 1825 г. зафиксировал окружающую дворец территорию, отошедшую впоследствии под устройство общедоступного парка.³⁷⁰ Видимо именно им (в качестве исходной подосновы) и руководствовался Менелас при разработке собственного проектного замысла. Здесь же находим и некоторые изменения, произошедшие в планировке парка. Так, три главные его аллеи теперь сходились у вновь созданной круглой в плане площади. На нее же были сориентированы еще две дополнительно устроенные прямые аллеи, отвечавшие трассировке старой дороги. С внешней стороны территория парка граничила с «землей, отданной в вечное владение князю Борятинскому» (*И.И. Борятинскому*), унаследовавшему ее от отца. Восточнее же дворцового комплекса располагался почти неосвоенный обширный участок, представлявший собой выгонную землю, взятую «с дач села Петровского» и «Зыкова тож». Пересекалась она руслом р. Пресни, к которой подступал огороженный двор, заведенный крестьянами «сельца Петровского» для «складки сала». А дальше за рекой располагалась уже «земля Ямская».

Менеласу поручалась разработка проекта Английского парка на площади в 94 га в рамках назначавшихся новых планировочных границ владения. Так, северная теперь отвечала трассировке недавно проложенной Башиловской дороги. Не менее протяженная южная соответствовала парадной магистрали Москва-Петербург. Торцевая же западная сохранялась от предшествующего времени, а самая удаленная от дворцовых объемов, восточная, и вовсе выносилась за русло р. Пресни.

Датированное 1827 г. первое проектное предложение Менеласа учитывало устройство десяти разновеликих и разнообразно трактованных пейзажных частей, разделявшихся развитой сетью дорог.³⁷¹ Практически все они были представлены скругленными в плане обширными лугами, отмеченными асимметричными посадками самой различной плотности. И на месте старого парка предполагалось разместить по единой оси с дворцом большой луг строго овального очертания. Самое же обширное луговое пространство с минимальной плотностью посадок было запроектировано в непосредственной близости от

«готических» дворцовых объемов, что позволяло их хорошо воспринимать со стороны оживленной Петербургской дороги даже на значительном удалении. Выразительное плавное очертание получало и сильно вытянутое придорожное пространство. Как раз благодаря использованию здесь исключительно уплотненных посадок удавалось изолировать пейзажную среду парка от этой трассы.

Впрочем, этот замысел, обладавший поразительной планировочной целостностью и пластичностью, высочайшего одобрения не получил. Следуя указаниям императора, Менелас был вынужден внести в него необходимые поправки. Их главный смысл наглядно проступает во втором проектном решении, согласованном заказчиком и полностью реализованном.³⁷²

Как явствует из чертежа, Менеласу рекомендовалось непременно сохранить первоначальную часть парка. То, что она в эти годы все еще сохраняла основной массив деревьев, подтверждает А.С. Пушкин. В произведении «Евгений Онегин» (1827-1828) находим такие строки:

«(...) Вот, окружен своей дубравой
Петровский замок. (...)»

Поэтому изменения здесь ограничились лишь устройством на круглой площади такой же круглой в плане клумбы и восстановительными посадками. Вместе с тем планировка присоединенного восточного участка возражений не вызвала и полностью соответствовала первоначальному замыслу. Создававшийся здесь самый обширный луг отличался от всех других районов парка наибольшей художественной выразительностью. Он включил в себя устроенный на р. Пресне эффектно очерченный пруд, дополнявшийся двумя сильно вдававшимися в воду скругленными мысами. В сравнении с первоначальным проектом плотность посадок здесь сокращалась до минимума, что делало возможным самое активное восприятие этого пруда даже из сильно удаленных уголков парка. Показательно, что для усиления разнообразия Менелас даже спланировал устройство на его берегах Зверинца.³⁷³

В обоих проектных замыслах всевозможные развлекательные садовые строения (для «разных игр», «ресторации», «кофейной», «ваксальной беседки для гуляющих») удалялись от дворца и размещались в периферийных частях парка. Подобно петергофской Александрии это позволяло акцентировать доминирующую роль в общей композиции парка именно дворцовых «готических» объемов.

Наконец, с оживленной Петербургской трассой дорожная сеть парка сообщалась посредством двух подъездных площадок, также обладавших скругленными очертаниями. Замыкались они «главными» и «малыми» въездными воротами, дополнявшимися караулками.

Главным куратором Петровского парка был назначен А.А. Башилов, возглавлявший в те годы Экспедицию кремлевского строения.³⁷⁴ В служебной записке от 16 мая 1827 г. он распорядится произвести детальный сметный расчет для незамедлительного начала садовых работ: «Высочайше утвержденный план предполагаемому парку при подмосковном Петровском дворце, составленный Архитектором Минеласом с тем, чтобы я приказал по сему плану составить надлежащие сметы, предлагаю поручить Архитектору Таманскому рассмотрев прилагаемый у сего план приступить к составлению смет».³⁷⁵

Однако Менелас, ввиду крайней своей загруженности, был вынужден вскоре возвратиться в петергофскую Александрию. Вместо себя в качестве ближайшего своего помощника он оставит происходившего из команды М.Ф. Казакова И.Т. Таманского (1775-1850). Его кандидатура оказалась самой подходящей прежде всего потому, что именно он занимался восстановлением самого дворца. Впрочем, еще до своего отъезда Менелас во всех деталях познакомит Таманского и со своим проектным замыслом, и с особенностями его реализации, что подтверждает «Примерная смета на обделку парка по прожектированному плану г-на Архитектором Менеласом». Всякого рода содержащиеся в ней разъяснения позволяют утверждать, что к проектным чертежам Менеласа прилагалась и достаточно развернутая пояснительная записка.

Окончательным своим решением от 13 июля 1827 г. князь Н.Б. Юсупов, в

качестве эксперта, предписывал: «...устроить парк около Петровского дворца по рисунку архитектора Менеласа, а работы производить по мнению архитектора Таманского на исчисленную на то сумму 536358 руб. Ассигновать к отпуску из Государственного казначейства в три года».³⁷⁶ В четком соответствии с подписанной сметой предстояло выполнить следующие работы:

«Вокруг всего парка на самой границе вырыть ров глубиною 3, шириною 4,5 арш. Из вынутой земли ко внутренней стороне парка сделать подобной вышины вал, как ров, как и вал обложить дерном с прибавкою онога колошками всего погонных сажень –2200.

На сделании во рву палисада с постановлением онога на место с должным укреплением потребно бревен сосновых длиною 10 арш. В обруб 4,5 верш. – 13.200.

За окрашивание зеленой краской ярью за два раза на вареном масле полисада погонных сажень – 2200.

Сделать по назначению как в плане дорог езжалых тем манером, как делается шоссе, всего квадратных сажень – 19750. Подле оных дорог сделать дороги для пешеходов из гравия, под которые сделать фундаменты и с окладкой дерном всего квадратных сажень – 17725.

Сделать опалубок с прогонами подле пешеходных дорог, которые поставя на место окрасить зеленою краской ярью – саж. 600.

Как назначено на плане вырыть пруд и берега обложить дерном с прибитием онога колошками кроме двух плотин кубических саж. – 6774.

Для обсаживания разных родов деревьями по лугам, рощам, клунбам и подсадкам. Лип в окружности от 4 до 6 арш. всего - 4500 по 2 руб. 50 коп. Разных мер лип для подсадки рощи и клумбов – 8000 по 80 коп. Дубов, ясень, клен, рябин местных деревьев по газону и рощам вышиною от 6 и 8 арш., толщиною от 3 и 4 верш. – 14000 по 2 руб.

Оных же пород для подсадки – 18000 по 60 коп.

Берез местных - 10000 по 1 руб. Поменьше – 13000 по 40 коп. Елок место-

вых - 1000 по 1 руб. 50 коп. Тополей – 3000 по 1 руб. 50 коп. Разных кустов – 28000 по 40 коп. Коля для разной привязи деревьев и кустов. (...)

Планировки под дерн с перекопкою дерна (квадратный сажень – 45000). За вспахивание, равнение, удобрявание навозом для посева семян и укатывания. Сверх оных работ иметь рабочих людей десятских и садовников на 5 месяцев – 35 человек.

На разные инструменты для работ и построение шалашей, на делание печей и на дрова для варения пищи и непредвидимой случай – 1500 руб.

Итого 168.350 руб. А всего 616381 руб. Верно: архитектор Таманский».³⁷⁷

Из последующей переписки становится известно, что устройство парка планировалось осуществить всего за три сезона, привлекая для этого в качестве главного садового мастера Фингельмана, а в помощь ему - подрядчиков с торгов. Следовательно, завершить все садовые работы предполагалось уже во второй половине 1830 г. Однако уложиться в эти сроки не удастся. Одна только посадка деревьев, кустарников и всех прочих растений займет три года и завершится лишь в 1831 г.³⁷⁸ Фактически до 1834 г. продлится устройство пешеходных дорог.³⁷⁹ И хотя в 1833 г. будут выделены средства на ежегодное содержание парка, начавшееся в 1831 г. возведение увеселительных строений растянется еще на несколько лет.³⁸⁰ Только в 1835 г. по оси Дворцовой аллеи будет выстроен деревянный летний театр. А в следующем, по проекту М.Д. Быковского, возведут и Воксал, на плоской крыше которого, для обозрения самого парка, ближних и дальних его окрестностей, устроят смотровую площадку.³⁸¹ Их появление – закономерный итог все более возрастающей зрелищной функции парка, имевшего много общего со знаменитым своим предшественником - лондонским Воксхоллом. Тем более, что сходные по своему назначению московские сады, устроенные антрепренером, англичанином М.Е. Медоксом (Michael Maeddox, 1747-1822) и графом А.И. Остерманом (1770-1857) к тому времени уже перестанут существовать.³⁸² А потому среди общедоступных московских парков 2-й трети XIX в. Петровский парк долгое еще время оставался единственным в своем роде. Соответственно и далее он время от времени кор-

ректировался и поновлялся.³⁸³ Не избежит коррективы и сложившаяся система озеленения. Это произойдет уже весной 1839 г., когда из Коломенских садов «для украшения Петровского парка» доставят двести пихт.³⁸⁴

На примере Петровского парка садоводческое искусство Менеласа было оценено современниками весьма высоко. М.Н. Загоскин, например, замечал: «Давно ли здесь было чисто поле, на котором не росло ни одного деревца, не красовалось ни одного домика, направо - единообразное и бесконечное Ходынское поле, налево - продолжение того же поля, песчаная земля, глиняные копи, кое-где гряды с тощей зеленью и несколько лачужек, в которых жили огородники, - вот все, что представлялось вашим взорам, когда вы, миновав Петровский дворец... продолжали ехать к Тверской заставе. А теперь!.. Посмотрите, каким роскошным ковром растянулся этот веселый парк, как разбегаются во все стороны его широкие, укатанные дороги, с каким изящным вкусом разбросаны его рощи, опушенные цветами и благовонным кустарником, какой свежей и яркой зеленью покрыты его обширные поляны, как мил и живописен этот небольшой пруд со своими покатыми берегами и прелестными мостиками! А это тройное шоссе с двумя бульварами, обставленное с обеих сторон загородными домами, которые, начинаясь от заставы, тянутся до самого парка, эти дачи, которые обхватили такой разнообразной и большой цепью строений большую часть парка, эти чистые и веселые домики, которые столпились кругом дворца, этот игрушка летний театр со своим греческим портиком и огромный воксал со всеми своими затеями...»³⁸⁵

Ему вторит В.Г. Белинский, побывавший здесь в майские дни 1838 г.: «Какое очаровательное гулянье этот Петровский парк! Нет лучшего гулянья ни в Москве, ни в ее окрестностях! Эти дороги, по которым можно ездить, окаймленные дорожками, по которым можно только ходить, эти поляны, луга – зеленые острова с купами деревьев, пруды красивые, живописные домики, строение воксала, этот театр - игрушка, этот фантастический Петровский замок, полузакрытый деревьями, эти толпы народа, то волнующиеся по дорожкам, то разбросанные по лугу отдельными обществами, под деревьями, на столиках пью-

щие чай – какая очаровательная, одушевленная, полная жизни картина! И когда вечер тихо спустится с сурового, хотя и чистого неба, и все начинает становиться тише, торжественнее, неопределеннее, березы сильнее задышат своим ароматом, разноцветные шляпки, шали, манто, с прелестнейшими головками, чудеснейшими личиками, сольются во что-то неопределенное и целое – какая фантастическая, волшебная картина! Да, Петровский парк – лучшее гулянье Москвы, нельзя было (с)делать московской публике лучшего подарка, как превратив это обыкновенное место в какой-то эдем!

Тут соединено все - и природа и искусство, и деревня и город: вы можете дышать свежим воздухом, вдыхать в себя обаятельный запах весенней зелени, словом, наслаждаться природой и деревней и, вместе с тем, пользоваться всем, что только может доставить вам столичный город. Это гулянье европейское, оно отличается характером общности. Тут все сословия, все общества, кроме того, для которого существует Марьиная роща. И оно лучше: наслаждаться можно только не мешая друг другу...

Как хорошо, прогулявши в парке, пойти в этот миниатюрный театр, посмотреть на эту маленькую сцену, которая вся видна и с которой все слышно, взглянуть на эту небольшую, сжатую и пеструю публику! Первый ряд кресел иногда занимается дамами, и это придает особенно очаровательный и приятный оттенок маленькому театру.

Как приятно в антрактах выходить на крыльцо театра, наблюдая за вечерующим днем и за этою живою картиною, которая через каждые полчаса принимает новый характер! Как приятно у освещенного амфитеатра, по окончании спектакля, выйти на свежий воздух, когда уже темно, всё разъезжается, разбродится и, как тени на полях Елисейских, мелькают толпы в сумраке...»³⁸⁶

А поэтесса М.А. Дмитриева в стихотворении «Парк» (1845) напишет:

«(...) В этом же парке есть место одно,
Где старинные липы осеняют кругом,
и в жары прохлаждаемый тенью!

Этот луг любит народ: тут всегда на столах самовары... (...)»³⁸⁷

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя влияние английской художественной культуры на становление русского садово-паркового искусства на протяжении трех столетий, нам удалось определить основные направления этого художественного сотрудничества. Как выясняется, оно имело приоритетный характер именно в екатерининскую эпоху.

Показательно, что и двусторонние контакты начальной поры обладали весьма впечатляющим разнообразием. Так, составной частью самой разнообразной деятельности англичан в России являлась доставка на родину животных и птиц, становившихся весьма ценным экзотическим атрибутом королевских и аристократических садов и парков. Еще больший интерес был проявлен англичанами к растительному миру Московии. Становление же профессионального интереса англичан к русской флоре мы относим к началу XVII в. и связываем с деятельностью основоположника системного обследования Беломорского побережья садового мастера Д. Традесканта, сформировавшего уникальную для того времени «северную» ботаническую коллекцию при обследовании островов Двинской дельты. И уже в качестве главного смотрителя королевских садов он широко использовал эти русские образцы при обустройстве целого ряда садов и парков Англии.

Раннему знакомству русских государей с английским садово-парковым искусством XVI-XVII вв. во многом способствовали государевы посланники, неизменно посещавшие королевские резиденции и заповедные рощи. Именно они замечали особенности устройства самых различных королевских садов, обладавших «геральдическим», «эмблематическим» или «мифологическим» содержанием. Немаловажное значение в развитии отечественного садово-паркового искусства допетровской поры имела и деятельность Х. Галовея и П. Энглеза - первых английских садовых мастеров, состоявших на царской службе и принявших деятельное участие в устройстве кремлевских и измайловских садово-парковых композиций.

Мероприятия царской власти по комплексному освоению Петербургского

региона с самого начала носили широкомасштабный характер: среди прочего, свою роль здесь сыграло пребывание Петра I в Англии. В поле его зрения окажется большое множество самых различных садов и парков - общедоступных, королевских и частных, что, несомненно, отразится на обустройстве новой российской столицы. Как выясняется, весьма важным источником в пополнении царских сведений о садово-парковом искусстве Англии служили и всякого рода иллюстративные издания (видовые гравюры, генпланы и чертежи). Англо-русские контакты петровского времени обнаруживают себя и далее: при формировании общегородского петербургского Летнего сада и Петергофских садов. Впрочем, не ограничиваясь одним только обустройством императорских резиденций, Петр изначально ставил себе задачу исключительно комплексного освоения столичного региона, активно настаивая и на заведении частных имений с неременным в них устройством садово-парковых композиций, отвечающих новейшим художественным вкусам. Среди обширного круга именитых и прочих состоятельных владельцев петровского времени отдельную группу составляли британцы, профессиональной своей деятельностью связанные с Россией. Как раз с ними и следует связывать привнесение на русскую почву новых тенденций в садоводстве. В частности, одно из обустроенных здесь владений принадлежало леди Рондо и содержало пейзажную композицию, которая прямо указывает на становление в России в начале 1730-х гг. принципиально новых художественных воззрений.

На развитие отечественного пейзажного стиля большое воздействие оказала английская «природная» поэзия в лице наиболее ярких представителей, приобретших в России своих почитателей, переводчиков и последователей: она необычайно яркими своими образами способствовала углублению содержательной сущности пейзажного парка. Демонстрируя необычайно тонкое восприятие природного мира, английская поэзия, как подчеркивается, оказала мощное воздействие на становление «природной» русской поэзии, повлияв, таким образом, прямо или опосредованно, на саму идею заведения и обустройства российского «аглинского сада».

Увлечение садами нового типа приведет к появлению специальной литературы, где наряду с переводами из английских книг или периодических изданий публиковались работы, в которых толкование английских садово-парковых идей происходило уже в рамках отдельно взятых национальных культур. Как выясняется, значительное распространение в России получают переведенные на русский язык английские трактаты, принадлежащие У. Чемберсу и Дж. Мейсону - одним из наиболее значимых теоретиков пейзажного стиля. Причем переводы будут осуществлены как раз в период становления отечественного пейзажного садоводства. Весьма важная роль в пропаганде нового стиля, как особо подчеркивается, принадлежит А.Т. Болотову, многочисленные публикации которого однозначно свидетельствуют о детальнейшем его изучении томов К. Хиршфельда и русскоязычных изданий Чемберса и Мейсона. И хотя предпринятое им на страницах «Экономического магазина» весьма детальное рассмотрение эволюции английского пейзажного садоводства ограничивалось одной лишь первой третью XVIII в. и потому носило ретроспективный характер, энтузиасты новейшего садоводства смогли уяснить для себя много нового. Да и относящееся к середине XIX века сочинение А.Р. Остафьева, наглядно демонстрирующее мастерское овладение избранным предметом, подтверждает все ту же тесную зависимость рассуждений отечественного автора от идейно-образных начал английского пейзажного садоводства.

На становление и развитие пейзажного стиля в России большое воздействие оказывал также российский императорский дом, в качестве главного заказчика сохранявший особую свою значимость на протяжении целого столетия (1750-е - 1850-е гг.). Как выясняется, именно в это время были созданы практически все императорские пейзажные парки, получившие заслуженное признание и в самой Англии. В работе подчеркивается, что помимо исключительных финансовых возможностей, их представители испытывали еще и органическую потребность в заведении собственных «аглинских садов». Причем основополагающая роль в данной связи принадлежала Екатерине II, неизменно сохранявшей интерес к пейзажному садоводству, в том числе и благодаря устойчиво сохраняв-

шимся дружеским отношениям с английскими дипломатическими представителями. Императрица, как проясняется, являлась также активным пропагандистом новейшего отечественного садоводства: она постоянно демонстрировала представителям российской аристократии несомненные достоинства собственных «аглинских садов». Помимо приобретения больших партий английских гравюр и специализированных книг, в деле знакомства императрицы с пейзажной системой садоводства принципиальную роль сыграл заказанный ей сервиз «Зеленая лягушка», не имевший аналогов даже в самой Англии. Да и обширное эпистолярное наследие императрицы включает в себя насчитывающую сотни страниц собственноручную рукопись, всецело связанную с проблематикой пейзажного садоводства. Само ее появление, причем задолго до выхода первых печатных статей А.Т. Болотова, однозначно свидетельствует о пронизанной возвышенными помыслами века Просвещения инициативной деятельности просвещенного монарха, весьма заинтересованного в закреплении на русской почве принципиально новых художественных воззрений. Да и интенсивно происходившее усвоение новейших принципов садоводства в отечественной профессиональной среде с самого начала подкреплялось целенаправленными действиями Екатерины II. Собственно и другие представители российского императорского дома в той или иной степени разделяли ее увлеченность английским садоводством: лишь с завершением николаевского правления такого устойчиво интереса более уже наблюдаться не будет.

Нами также определено, что устойчивый интерес к английскому садово-парковому искусству на протяжении того же столетия сохранялся и у представителей российской аристократии, подкреплявшийся насущной потребностью, связанной с заведением собственных пейзажных парков. Причем само появление аристократических пейзажных парков во многом способствовало повсеместному распространению пейзажного стиля в России. Как особо подчеркивается, одна из важнейших сторон русско-английского сотрудничества была напрямую связана с непосредственным знакомством с английскими парками преимущественно крупного российского заказчика. И собственно эти необычайно

яркие впечатления посетившего Англию потенциального российского заказчика не могли пройти даром, стимулируя твердое намерение незамедлительно приступить к реконструкции, комплексной перестройке или созданию практически заново собственных имений. Как показано, все эти нескончаемые хлопоты и весьма внушительные издержки сводились к истинному желанию владельца приобщиться к совершенно новой для себя реальности и стремлению испытать в рукотворной среде натурального сада подлинные ощущения возвышенного и одухотворенного.

Наконец, в заключительных главах, посвященных творчеству английских садовых мастеров в Петербургском и Московском регионах, нами была определена профессиональная деятельность представителей самой передовой школы пейзажного садоводства. Также в уточненных хронологических рамках удалось рассмотреть основополагающие этапы формирования большого числа выдающихся пейзажных композиций, прояснить их авторство и художественную специфику.